ЮРИЙ ГАГАРИН

Виктор Степанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Матери и отцу
посвящаю

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 1
(676)

Виктор Степанов

ЮРИЙ ГАГАРИН

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1987

ББК 39.6г(2)
С 79

Рецензенты:
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР
П. Р. ПОПОВИЧ,
первый заместитель председателя Федерации
космонавтики СССР
И. Г. БОРИСЕНКО

С $\frac{4702010200-002}{078(02)-87}$ 176—86

I. МАЛЬЧИК ИЗ КЛУШИНА

Глава первая

Человек открыл глаза и взглянул на мир.

Что он увидел, смутно ощущая самого себя? Что привлекло его взгляд в том времени? Старая, потемневшая доска потолка с круглым сучком-глазком возле трещинки? Скорее всего, ибо мир этого маленького человека ограничивался пределами люльки, укрытой одеяльцем и пружинисто покачиваемой чьей-то рукой. Мы никогда не видели его таким крошечным. Войдя в ту деревенскую избу, мы немало бы подивились тому, как деревянная люлька, сработанная руками отца, поразительно напоминает ложемент космического корабля. Перед стартом Юрий поудобнее прилаживался в своем кресле почти лежа — словно бы в детской шапочке под гермошлемом. В те минуты, когда, замерев и только поводя туда-сюда ожидающими глазами, не правда ли — он был так похож на новорожденного! В люльке...

Но откуда же он взялся, этот обаятельный, быстрый на шутку парень, который сразу, как только о нем узнали, стал сыном всего человечества?

О, этот жадный, ловящий любую подробность интерес к родословной! Поиск древа, копание в корневище, карабканье по ветвям.

Гагарин.

Его попытались сделать своим родственником по одному лишь звучанию фамилии.

Испытывая неловкость за чужую опрометчивость, а точнее, оплошность, Юрий на первой же пресс-конференции посчитал нужным объяснить.

«Многие интересуются моей биографией, — произнес он своим звонким, с нескрываемой укоризной голосом. — Как я читал в газетах, нашлись несерьезные лю-

ди в Соединенных Штатах Америки, дальние родственники князей Гагариных, которые считают, будто я какой-то их потомок. Должен их разочаровать... В моей родословной нет никаких князей... Родители были мои до революции крестьянами-бедняками. Старшее поколение моей семьи — дедушка и бабушка — также были крестьянами-бедняками, и никаких в нашем роду князей не было...»

Будь под рукой, он показал бы фотокарточку — старинную, на плотном, с золотым тиснением картоне, сделанную в Петрограде. На ней весь «материнский корень» — семья путиловского рабочего Тимофея Матвеевича Матвеева, отца Анны Тимофеевны, и, стало быть, Юриного деда. Крепкий, с окладистой бородой, причесан на прямой пробор. Рядом бабушка Анна Егоровна с добрым, так и веющим заботами, лицом. Их дети, Юрины дядья: Николай — смирный смышленый мальчик, Сергей — статный юноша, сажень в плечах. И тети — совсем тогда малышка Ольга, а Мария напоминает революционерку из какого-то фильма. А вот и самое любимое, всегда узнаваемое выражение задумчивых глаз, ясность высокого лба: мама — девочка лет десяти в светлом платьице с воротником-матроской, то ли бантик, то ли цветок на груди.

С тех пор как научился различать лица — «Где твоя мама, Юра? А ну-ка покажи! Вот она. Правильно, молодец», вглядывался, пытался разгадать какую-то тайну, во что-то проникнуть и не переставал радоваться, как это спокойствие умудренности, любви к людям продолжало светиться на материнском челе с детства до самой старости.

«И задумается и взгрустнет. А лицо у нее такое милое-милое, как на хорошей картине. Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей». Это он скажет сразу после полета.

Но сколько же раз, разглядывая фотографию, он вспоминал тихий, объясняющий голос матери. Сколько раз по расхлябанной после дождей или пыльной от жары дороге вела она его в своих рассказах от деревни Шахматово, где родилась, до Петербурга и обратно?..

«Земли в наших краях небогатые, и мужчины часто занимались отхожими промыслами... Вот и отец мой уехал в Петербург, поступил там на Путиловский завод. Мама с детьми оставалась в деревне, вела хозяй-

ство и только на зимние месяцы с малышами ездила к отцу.

В двенадцатом году, мне тогда было девять лет, все перебрались в Петербург. Жили мы на Богомоловской улице, в комнате густонаселенного дома.

Хорошо помню, как по утрам мощно гудел заводской гудок, созывая рабочих. Работали тогда по двенадцать часов, без выходных».

Путиловский? Тот самый — кузница рабочего класса, из проходной которого потом раскаленной лавой растекались по улицам октябрьского Петрограда восставшие против Временного правительства? Путиловский завод, «Аврора», Ленин!.. Как тесно связаны в истории эти слова. Значит, история — это не только книги, фильмы, картины, а нечто осязаемое, близкое, как дыхание матери, склонившейся над старой фотографией.

Дед Тимофей Матвеевич будто присаживался рядом на лавку, подзывал Сергея, Марию: «Рассказывайте внуку».

И конечно же, ни разу там не побывав, Юрий видел и серый забор вокруг завода, и смрадный цех, в котором болторезом работал с утра до позднего вечера Тимофей Матвеевич, а после тяжелой смены спешил до Богомоловской — редко на конке, чаще пешком, чтобы сэкономить пятак.

Азы классовой — не классной, а именно классовой грамоты услышаны Юрой из уст матери, не раз вспомнившей горестные, с затаенной надеждой на справедливость слова своего отца: «Вы не думайте, что мы так бедно живем, потому что семья у нас большая. Не поэтому. А потому, что хозяева отдают нам не все, что мы, рабочие, зарабатываем».

За свой труд в паровозомеханической мастерской болторез Тимофей Матвеев получал тридцать пять копеек в день — зарплата, едва помогавшая сводить концы с концами. Анна Егоровна, чтобы хоть чем-то подсобить мужу, брала в стирку чужое белье.

Каждый день вся семья в тревоге за кормильца! Жди худа: или уволят за дерзость перед начальством — упрямый, непреклонный, — или принесут на носилках калекой. Только за один год, тысяча девятьсот четвертый, в мастерской из-за отсутствия технического надзора произошло девяносто два несчастных случая.

Рабочие волновались, протестовали, а что толку...

Поп Гапон — личность из школьного учебника. Дед

Тимофей Матвеевич своими ушами слыхал, как тот увещевал: «Бастовать не следует, конфликты надо решать миром». Но неужели и вправду вот они, вот — шаги деда по январскому снегу 1905 года, скрипят сапоги Тимофея Матвеевича в колонне, идущей к Зимнему под царскими портретами и хоругвями. «Царь-батюшка, выслушай, не дай в обиду, защити...»

Залп смерти из серой шеренги солдат. Выдох ужаса. За отливом толпы красный снег. На брусчатке той площади перед Зимним дворцом остались лежать убитыми земляки Тимофея Матвеевича — Лаврентий Матвеев, Константин и Осип Егоровы. Значит, и гжатская жертва принесена Кровавому воскресенью?

И другая беда не заставила ждать. Как это напевала мама? «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...» В мастерской упала на голову Тимофея Матвеевича пятифунтовая масленка. Товарищи привели его под руки — еле живой. Так стал инвалидом дед-богатырь. Кому такой нужен? Уволили без пособия.

Это надо было себе представить — неутешное горе семьи, потерявшей кормильца. Анна Егоровна кинулась в ноги начальнику, упросила принять ее на завод, зарабатывать хоть бы какие копейки, чтобы дети не померли с голоду. На Путиловскую верфь устроился дядя Сережа, которому в ту пору было всего-то пятнадцать лет...

Дядя Сережа на фотокарточке молодой, сильный, вставший во весь рост, как бы в отместку за своего отца; и плечо к плечу — с решительным взглядом — тетя Маша, его сестра. Не дадут в обиду Матвеевых.

Дядя Сережа уверенный, бодрый: «Не пропадем! Нюру, — так он называл любимую сестренку, — да чтобы на обучение к перчаточнице? Лишь бы хлеб был в руках? Ни за что!» Протестуют вместе с отцом: «Смышленая, ей наука на пользу». И отправили Нюру в Путиловское училище, где стала она учиться чистописанию, русскому языку, арифметике, естествознанию.

«Училась я старательно, все мне было интересно... В конце обучения мне выдали свидетельство — это была рекомендация для дальнейшего образования. Но учение в гимназии требовало больших денег... Такое нашей рабочей семье было не под силу.

— Ничего, Нюра, скоро все будет по-другому, — успокоил меня старший брат. — И учиться будешь, и жить иначе».

Дядя Сережа стал опорой и надеждой семьи. И Ти-

мофей Матвеевич, глядя на сына, как бы воспрял духом, начал помаленьку трудиться в шрапнельной мастерской вместе с Анной Егоровной.

Входил в дом дядя Сережа, и что-то необычайно новое, радостно-тревожное втягивалось как бы за ним вместе со свежим воздухом в открытую дверь.

Но почему за него все так беспокоились? Предчувствовали — скрывает что-то от них. О чем-то догадывались. И предчувствие не обмануло. В шестнадцатом году в ночь на 28 октября на квартире у Матвеевых был произведен обыск. Искали жившего у них в это время земляка Тимофея Матвеевича — Дмитрия Кузьмича Зернова, подручного токаря Путиловской верфи, бывшего одним из активных агитаторов за проведение 27 октября 1916 года забастовки на Путиловском заводе и верфи...

Повзрослев, Юра частенько допытывался о подробностях. Мария Тимофеевна хорошо помнила, как ночью к ним на квартиру неожиданно нагрянули полицейские. Одного жандарма поставили у входных дверей и стали производить обыск. Пересмотрели все книги и тетради на этажерке. Потом подошли к кровати, на которой лежал больной Тимофей Матвеевич. Прощупали подушки, заставили Анну Егоровну вытрясти солому из матраца. Ребятишки спали на полу на старом одеяльце. Полицейские порылись и там. Долго шарили кочергой в печи, лазали на чердак. Ничего не могли найти. Ускользнуло-таки от их взгляда место, где был прибит под печкой кусок железного листа. Под ним-то и находился тайник, в котором дядя Сережа прятал запрещенную литературу. О тайнике знали только Тимофей Матвеевич и Анна Егоровна.

Но вот что больше всего волновало Юру и во что не верилось, когда он всматривался в старую фотокарточку: дядя Сережа и тетя Маша видели Ленина!

После того обыска Сергей Матвеев был уволен с Путиловской верфи с пометкой в документе: «Приему не подлежит». Пытался устроиться на работу в Сестрорецке — не удалось. Теперь он исчезал из дому на неделю и больше. Сергей становился профессиональным революционером. Однажды появился на час — возбужденный, обнял сестренок: «Потерпите, скоро прогоним царя!» Шел февраль семнадцатого, наступил октябрь. Со-

веты взяли власть, но за нее еще надо было сражаться. Сергей ушел на фронт. Добровольно вступила в путиловско-юрьевский партизанский отряд Мария Матвеева. Санитарке семнадцать лет...

Тут, наверное, было самое интересное, о чем Юра, встречаясь с Марией Тимофеевной, расспрашивал всякий раз. «Всего два дня ушло на подготовку отряда, — вспоминала она. — А затем красногвардейцам выдали оружие, шинели, нам санитарные сумки с медицинскими материалами, и мы отправились к Смольному... Прибыв к месту назначения, увидели много вооруженных людей, которые грелись у пылающих костров.

Сделали перекличку. После этого ко мне подошел слесарь нашего завода Андрей Васильев. «Я сейчас иду с путиловцами в Смольный. Берем и тебя», — сказал Васильев.

Предъявили часовому пропуск, поднялись на второй этаж... За столом сидел человек в военной форме и разговаривал по телефону. Один из путиловцев сказал, что отряд прибыл, и попросил доложить об этом Владимиру Ильичу...

Видимо, получив разрешение, военный открыл дверь, и мы вошли в кабинет Ильича.

Когда я увидела Ленина, то очень разволновалась. А он встал, поздоровался... Затем стал расспрашивать о подготовке отряда, вышел из-за стола, прошелся по кабинету.

— Сейчас, товарищи, будет митинг. После чего — сразу на вокзал. Все готово? Имейте в виду, отправка в семь часов вечера...»

Сергей Тимофеевич и Мария Тимофеевна с винтовками в руках, крест-накрест перехваченные патронными лентами. Удивительно даже не то, что они видели Ленина. Ленин видел их! Этим нельзя было не восхищаться. Видел и доверял...

Юрий не знал ни дядю Сережу, который умер в 1922 году от тифа, ни деда Тимофея Матвеевича, скончавшегося в родном селе Шахматове в 1918 году. Останутся лишь старая фотокарточка да рассказы матери и ее сестер.

В один из ноябрьских дней 1954 года возле Смольного можно было встретить коренастого паренька в светлом габардиновом плаще, в темно-синей фуражке с «мо-

лоточками» на околышке. Он задумчиво прохаживался по дорожкам, посматривал на ограду, на окна старинного здания в розоватом блеске заката.

Потом его видели возле проходной бывшего Путиловского, а теперь Кировского завода. Вытягивался как мог, силясь заглянуть за высокий забор. «Эй, парень, ты что там высматриваешь?» — пригрозил вахтер. Юра отступил, сконфуженный.

Он долго искал Богомоловскую, которая оказалась улицей Возрождения. Здесь все уже было другим, новым, непохожим на то, о чем говорила мать. Даже Анна Тимофеевна, посетившая много лет спустя эти места вместе с сестрами Марией и Ольгой, лишь по единственной примете — развалинам Путиловской церкви — узнала улицу, где бегала девочкой, а по трем старым большим деревьям, что росли когда-то во дворе, определила, где стоял их домик.

Но повстречайся тогда Юрию у проходной какой-нибудь старичок, он мог бы припомнить Матвеевых. Оставили они о себе хорошую память, рабочую.

Вот от какого корня рос Юра. «По происхождению я рабоче-крестьянский», — говорил космонавт. «Отец мой — Алексей Иванович Гагарин — сын смоленского крестьянина-бедняка. Образование у него было всего два класса церковноприходской школы. Но человек он любознательный и многого добился благодаря этому. Слыл мастером на все руки... Строгий, но справедливый, он преподал нам, детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду... Соседи любили и уважали его; в правлении колхоза считались с его мнением».

Рассказывают, что, когда в Гжатск в подарок Анне Тимофеевне привезли гипсовый бюст Тимофея Матвеевича, изготовленный по старой фотографии ленинградским скульптором, Алексей Иванович после внимательного одобрительного разглядывания глотнул махорочного дымка из самокрутки и не без ревнивинки в голосе заметил:

— Конечно, славная история. А покопаться в нашем корне, там тоже нашлось бы немало интересного. Нас у отца с матерью было восемь душ — шестеро братьев и две сестренки. Я самый меньшой из братьев. Мать, Настасья Степановна, — местная, смоленская. А про отца, Ивана Федоровича, разное говаривали. Будто пришел он в наши края откуда-то с Волги, вроде как из

Костромы. По-уличному звали его Иван Гагара. Отца мы любили, хоть видели редко. Был он мастером по плотницкой части. Топор так и играл в его руках. Никто не мог быстрее да ладнее, чем он, срубить хоромину, овин или какую другую постройку. Вот и был, как говорится, нарасхват. Туда попросят приехать, там надо подсобить. Отказывать людям отец не умел. Бывало, неделями не ночевал дома, а вернется, не забудет нам, детям, гостинцев захватить.

От крепкого ли, въедливого дымка прищурился Алексей Иванович и ненароком вроде бы смахнул что-то с глаз: кто их запомнил, родные лица, по второму колену, а по третьему — что и говорить, фотографий в деревне не делали. Да что фотографий! Попробуй найди теперь хоть могилу на старом погосте — деревянные кресты давным-давно рассыпались, холмики осели, выровнялись, позаросли.

Но не зря говорят в народе: имя человека добрым делом славится. В памяти стариков еще живет на клушинской земле Иван Гагара — статный, кудрявый добрый молодец с мягкой русой бородкой. Войдет в хату — под притолокой согнется, а сядет в красный угол, расправит усы, глянет васильковыми глазами... Что там греха таить — не одну молодку в себя влюбил.

— Хочешь, просто избу, а хочешь, терем срублю?

Не только во внешности, в руках его красота была. И все всегда при нем, нехитрый, но творивший чудеса инструмент — хоть в своей деревне работал, хоть за двести верст уходил. Топор, долото да нитка с отвесом.

«Столяры да плотники от бога прокляты. А за то их прокляли, что много лесу перевели». Это о нем с подначкой и уважением. А любя: «Плотники-бестопорнички срубили горенку безуголенку».

До сих пор еще бродит по смоленской земле молва, будто Иван Гагара на спор брался за одну ночь избу по бревнышку разобрать, а к вечеру сложить заново. И не раз выспаривал.

А уж свою избу под солому срубил как игрушку. Восемь ребятишек усаживались за стол, пока гремела ухватами у печи его жена Настасья, — сыновья Николай, Павел, Михаил, Иван, Савелий, Алексей — будущий отец Юрия и две дочери — Прасковья и Дарья.

Трое старших — Николай, Михаил и Иван, — уедут в Питер на заработки. И пойдут разговоры, что среди забастовщиков они не последними выступали там против

фабрикантов. Разговоры сторожкие, и как знать, быть может, шли братья в той обреченной колонне 9 января 1905 года рядом с Тимофеем Матвеевым, а то и с Сергеем брались за винтовки. Следы Михаила и Ивана в Питере теряются. Николай после революции вернулся в деревню один. Павел станет красным кавалеристом, выучится на ветеринара, спасет в войну колхозное стадо. С Юрием у него сложатся отношения взаимной симпатии на почве неуемных фантазий взрослого человека и мальчика.

Савелий Иванович приютит Юрия в Москве, пока тот, приехав из Гжатска, будет поступать в ремесленное училище.

Так что очень трудно определить, ростки какого корня более всего развивались в характере Юрия: матвеевского или гагаринского.

Последний раз Ивана Гагару видели году в четырнадцатом, перед империалистической войной. Он оставил детям в наследство топор, отвес и хорошую память о себе.

И первые строки своей автобиографии Юрий Гагарин посвятит не просто отцу, а его делу, мастерству.

«До сих пор помню желтоватую пену стружек, как бы обмывающих его крупные рабочие руки, и по запахам могу различить породы дерева — сладковатого клена, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны, из которых отец мастерил полезные людям вещи.

Одним словом, к дереву я отношусь с таким же уважением, как и к металлу».

Не в этом ли признании самое ценное: переплелись, срослись два корня — каленый стальной и звонкий кленовый.

На дворе двадцать третий год. В деревеньке Шахматово, похоронив отца, брата и мать, осталась сиротой в свои неполные девятнадцать лет с двумя младшенькими на руках девушка Нюра Матвеева.

«Но горевать было некогда, — вспоминала Анна Тимофеевна, — деревенская жизнь остановки не знает. Сев проведешь, а там уж сенокос, сено уберешь — другая работа ждет не дождется: картошку окучивать надо, огород поливать, полоть. Глядишь — время жатвы настало. Это уж не говоря о том, что каждый день поутру встань корову подоить, в стадо ее выпустить. За повсе-

дневными заботами горе чуть отпускало сердце. И молодость брала свое».

Погожими весенними вечерами, когда приберешься со скотиной, накормишь и уложишь брата и сестренку, и не чуешь от усталости ни рук, ни ног, прогоняла дрему далекая, но вот уже зазывисто близкая песня гармони. Никак опять он, Алексей — плотник со своей ватагой из Клушина в Шахматове? И ничего бы вроде особенного, есть постатней да поречистей, но вчера глянул своими синими из-под темных бровей, да как рванул мехи цветастые — дрогнула, почуяла, что песня адресована лично ей, Нюре.

Нет, теперь ничем не удержишь... И, набросив на плечи старенький материнский платок — других нарядов не нажили, — выходила в густую вишневую ночь, шла на голос гармони, умеряя свой шаг.

Ой, залетка, выходи, а то я не выхожу,
Через Лешину гармошечку на улицу хожу.

Стоит ива над прудом, ивушка зеленая,
Не у тебя ли, гармонист, хата развалленная.

Лешка усмехался, еще шире разворачивал мехи. И только когда оставались вдвоем, гармонь замолкала.

Осенью, когда над скошенными, но еще блистающими спелой позолотой полями завивались в отлетные стаи птицы, к ней посватался этот гармонист из Клушина.

Привез в свою деревню, подвел к покосившейся хате и сказал ободряюще:

— Новую, Нюра, будем ставить.

Под крышей свежерубленой этой избы выросли сын Валентин и дочь Зоя.

9 марта 1934 года родился мальчик Юра.

Глава вторая

Но что же это была за весна 1934 года? Ее по праву можно назвать весной героев.

Только что состоялся очередной XVII съезд ВКП(б), который подвел итоги первой пятилетки и наметил планы на вторую, призвав «рабочих и колхозников сплотиться вокруг партии для выполнения этой исторической задачи».

А итоги были впечатляющи, вызывали гордость, эн-

тузиазм — гигантской новостройкой представала вся страна, новостройкой социализма.

Бушевал перетекающими в электрический ток водопадами Днепрогэс. По городам и весям потянулись гулкие провода от Челябинской, Сталинградской и Белорусской теплостанций. Из распахнутых ворот Сталинградского и Харьковского заводов, весело тарахтя, отправлялись на колхозные поля новенькие отечественные, наши тракторы. Поднимались, росли копры над шахтами Донбасса, Кузбасса и Караганды. Огненные лавы засверкали в доменных печах Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов.

Еще в двадцать девятом году, после разговора с одним из строителей Кузнецка, всю ночь дымя папиросой, Маяковский восторженно прикладывал, прилаживал строку к строке:

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старою
телегою
рабочие лежат.
И слышит
шепот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»...
Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

В проектах второй пятилетки вырисовывались, можно сказать, ровесники Юрия Гагарина — Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Уральский вагоностроительный и Челябинский тракторный заводы, «Азовсталь» и «Запорожсталь», Беломорско-Балтийский канал.

В первых пятилетках выполнялся и перевыполнялся план ГОЭЛРО, разработанный в 1920 году по заданию и под руководством В. И. Ленина. Как далеко провидел Владимир Ильич, всматриваясь в огоньки лампочек. вспыхивающих на карте, что была вывешена Г. М. Кржижановским в полутемном холодном Большом театре!

Время летело вперед! Еще немного, и страна узнает о трудовом подвиге Алексея Стаханова. Слово «стахановец» станет символом дерзновения, новаторства, отдачи всех сил на работе. Сталевар Макар Мазай, кузнец Александр Бусыгин, машинист паровоза Петр Кривонос, фрезеровщик Иван Гудов, ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы, трактористка Паша Ангелина, свекловод Мария Демченко, — эти имена зажигали сердца миллионов людей, влекли за собой.

Во всенародном марше энтузиастов слышны пусть не столь громкие, но уверенные, полные решимости голоса из Смоленской области.

В гжатской районной газете «За коллективизацию» 6 марта 1934 года опубликовано письмо колхозников колхоза «Путь Ленина» Клушинского сельсовета. Подпись одна — коллективная, но не может быть и сомнения, что под ним подписались Анна Тимофеевна и Алексей Иванович Гагарины.

«К весеннему севу мы готовы, хоть сейчас выезжай в поле. Семена есть в достаточном количестве, все отсортированы и проверены на всхожесть... Особенное внимание уделили на удобрение земли под лен.

Только в колхозе настоящая жизнь. Только в колхозе можно по-настоящему развивать сельское хозяйство... В колхозе мы приобрели косилки, молотилки, железные бороны, плуги, сеялку клеверную, веялки, льномялку и т. д. Построили: скотный двор на 60 голов, конюшню на 25 голов со всеми удобствами, теплый светлый телятник, общественный дом, шоху, которая вмещает весь урожай, и сейчас заканчиваем строительство культурной бани. Конечно, все приобретенное нелегко нам досталось.

Культурная, зажиточная жизнь сама к нам не придет. Надо честно, по-ударному поработать».

Приезжавший в Гжатский родильный дом навестить Анну Тимофеевну Алексей Иванович, возможно, прихватил в городе газеты. Что происходило той весной на белом свете?

«Упорная борьба миллионов пролетариев всего мира за освобождение узников германского фашизма, оправ-

данных по делу о поджоге рейстага, одержала победу... Димитров прибыл в Москву».

«Недавно окончившийся голодный поход английских безработных, поддержанный широкими трудящимися массами, произвел сильное впечатление на правящие круги Великобритании».

«Германские национал-социалисты ведут усиленную агитацию за пересмотр Версальского договора. Германия добивается официального согласия иностранных империалистов на создание германской военной авиации».

Но нас интересует «Правда» за 10 марта 1934 года, ибо в ней отражен день 9 марта, в который родился Юрий Гагарин.

Вот самое экстренное, за чем в тревожной надежде следил весь народ: «На помощь челюскинцам».

«Полярное море. Лагерь Шмидта, 9 марта (радио). Держим связь с радиостанцией, установленной на мысе Ванкарем. Хорошая погода в районе Ванкарем — Онман при плохой в Уэлене подтверждает целесообразность перенесения базы самолетов в Ванкарем — Онман...

В лагере ветер перешел на север. Разводья закрылись. Происходит местами сжатие льда. К счастью, аэродром цел. Начальник экспедиции Шмидт».

В тесной палате еще поперек кроватки спал-посапывал новорожденный Юра Гагарин. Предвесенний снег летел, извивался последней метелью за окнами. А где-то за тысячи километров в безмолвном силуэте корабля, в мерцании прожекторов над торосами, в самих фигурах людей, стоявших на льдине, возникала, рождалась увертюра великого подвига, который совершит этот малыш. Ведь один из летчиков, пробивающихся к лагерю челюскинцев, будет наставником космонавта и благословит его в первый звездный полет.

9 марта 1934 года «Правда» опубликовала беседу с начальником летного отряда Камониным. На опечатку: вместо «а» — «о» вряд ли кто обратил внимание — человеком Каманин был еще неизвестным. Он рассказал о своем отряде, о том, что личный состав укомплектован опытными работниками Воздухофлота, изучившими специфику полярных полетов, и заверил, что тщательная подготовка и воодушевление, охватившее летчиков, позволяют надеяться на полный успех.

Но не все поначалу ладилось. Первым пробился в лагерь и переправил в Уэлен женщин и детей Анатолий Ляпидевский. И вдруг сообщение: «Самолет Слепнева

при посадке повредил шасси, лопнула правая стяжка... Самолеты Каманина и Молокова сделали один рейс, доставив на берег 5 пассажиров».

Как это делается теперь после стартов на Байконуре, газета напечатала портрет Николая Каманина и краткие о нем сведения. Родился в 1908 году в г. Меленках Владимирской губернии. Отец — сапожник, участник революционных кружков. Мать — ткачиха. Мальчиком работал вместе с отцом в сапожной артели. Десяти лет пошел учиться в школу, которую окончил в 1927 году. Затем девятнадцатилетним юношей поступил в военно-теоретическую школу, школу летчиков. О Каманине сказано как о командире «одного из безаварийных, лучших по всем дисциплинам отрядов авиации».

Через несколько дней новая весть: летчики Молоков, Каманин и Слепнев доставили из лагеря на материк 57 челюскинцев!

«Весь лагерь живет в беспрерывном напряженном ожидании наступления льдов. Опасность грозит каждое мгновение. 8 апреля льды начали наступление на лагерь. В полдень ледяным валом снесло кухню. Девятого апреля лагерь пережил самое сильное сжатие со дня гибели «Челюскина». В два часа утра новый высокий ледяной вал с шумом двигался в сторону лагеря. Скоро был сметен, замят льдом барак, разрушен один моторный бот... Совершенно разрушен аэродром, на котором стоял самолет Слепнева... Сегодня пилот Каманин сделал в лагерь Шмидта один рейс, доставил на берег трех человек. Во второй рейс выйти не мог, в моторе лопнули пароотводные трубки...»

Успеют или не успеют?

«13 апреля Молоков, Водопьянов и Каманин вывезли последних шесть человек... Лагеря челюскинцев в Ледовитом океане больше не существует. Операция по спасению челюскинцев завершена».

Это в те дни в голубое крылатое небо нашей страны взмыл марш, под который Юрий Гагарин пойдет от самолета по ковровой дорожке Внуковского аэродрома с рапортом к правительственной трибуне.

Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полет,
Мы сознаем, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот.

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,

И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Да, весна 1934 года была весной героев! 17 апреля публикуется постановление «Об установлении высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза». 21 апреля ЦИК СССР присваивает это звание летчикам, осуществившим спасение челюскинцев: Ляпидевскому А. В., Леваневскому С. А., Молокову В. С., Каманину Н. П., Слепневу М. Т., Водопьянову М. В., Доронину И. В.

В передовой статье «Правда» писала:

«Герой Советского Союза — это человек стойкий и мужественный, выполняющий порученное ему дело до конца, какому бы риску он ни подвергался. Пилоты советского воздушного флота спасением челюскинцев показали отвагу, равную отваге участников самых ожесточенных боев. Опасности не страшили их. Они неуклонно стремились к цели — к далекому, затерянному во льдах, стеной непогоды отрезанному от материка лагерю и достигли его...

Герой Советского Союза — это человек, который не только не страшится опасностей, но и умеет их побеждать».

Отважной семерке рукоплескала вся планета.

Английский писатель Герберт Уэллс сказал: «Спасение челюскинцев — это триумф для Советского Союза, достигнутый во имя цивилизации. Этот героический подвиг является началом тех начинаний, которые лежат перед человечеством в будущем».

Продолжатель этих начинаний, совершивший пока что самый свой первый рейс на руках у матери в лошадиной повозке от Гжатского родильного дома до деревни Клушино, полеживал себе в люльке, подвешенной к потолку избы. Не понимая еще ни единого человеческого слова, он прислушивался к потрескиванию, доносившемуся из радиорепродуктора, укрепленного на стене.

Алексей Иванович покручивал винтик на нем — никак не удавалось наладить четкость и громкость, а передачу вели интересную, о том, как страна встречала героев челюскинской эпопеи.

Будя гудками тайгу, мчался в Москву дальневосточный экспресс. Ехавший в нем со своими товарищами Каманин отвечал на вопросы корреспондента:

— Ничего особенного мы не сделали. Мы только выполнили приказ партии и правительства. И легче нам

было его выполнить потому, что за собою мы все время чувствовали вас, тысячи советских людей, всю нашу огромную страну...

Голос Каманина звучал в доме Гагариных. Капель падала с карниза, выстукивала что-то морзянкой о завалинку...

Конечно, теперь на расстоянии лет очень просто одно событие приладить к другому. Но ликование в том апреле тридцать четвертого!..

Случилось так, что рождение Юры Гагарина пророческим напутствием как бы приветствовал К. Э. Циолковский.

В первом номере журнале «Вокруг света» за 1934 год напечатана его статья «За атмосферу». Как сказано во вступлении, «знаменитый «патриарх звездоплавания» сжато излагает ряд мыслей по технике полета в мировое пространство, за пределы земной атмосферы. Статья рассматривает некоторые основные вопросы, относящиеся к проблеме звездоплавания, причем автор всюду обходится без математических формул. Очерк может служить введением в учение о ракетном движении и звездоплавании».

В стране, которая едва наладила производство своих тракторов, станков, автомобилей, нелегко воспринималось это «учение». Трудно было поверить в сказочно летящий «между орбитами каких-нибудь планет, например Земли и Марса, Марса и Юпитера, Земли и Венеры», дом-корабль. Что в нем «температура любая, всегда изменяемая. Вечный свет и темнота — по желанию. Несравненный покой тела (без тяжести давления и обвисания), несравненная легкость передвижения в жилище. Запас книг, картин и всяких развлечений... Всегда чистый воздух и избыток кислорода...»

Заворожив читателя картиной межзвездного плавания, Циолковский спускает его на землю: все будет так, как он нарисовал, но прежде необходимо сделать самое трудное: надо одолеть земное притяжение. «Как взобраться на небо? Ведь дорог туда нет. На аэростате невозможно подняться выше 50 километров. Так же и на аэроплане. Тот и другой поддерживаются воздухом. За атмосферой поднятие уже невозможно». Вот ежели приобрести скорость, которая в пять-восемь раз больше скорости самых совершенных военных снарядов... Такой скорости — от восьми до шестнадцати километров в секунду, — приходит он к выводу, может достичь реактив-

ный снаряд. «Мы должны начать дело с более простого и доступного — с так называемых реактивных приборов или ракет».

Циолковский подробно описывает, что должно помещаться в «птицеподобном корпусе реактивного прибора».

Нет, не абстрактного звездоплавателя запускает в космос калужский ученый. Живой, земной человек полетит туда, и надо сделать все, чтобы он вернулся живым и невредимым. «Возвращение на свою планету можно сделать двумя способами: 1) контрвзрывами и 2) торможением в атмосфере благодаря ее сопротивлению».

Известно, что в разработке проекта полета человека в космос эта проблема — проблема благополучного возвращения на Землю — выдвигалась как самая главная.

«Трудности огромны, нет сомнения, — пишет К. Э. Циолковский, заключая статью. — Однако все со временем уладится и будет возможным».

Да, трудности ждали впереди невероятные и неизвестно когда исполнимые. Но доподлинно известно, что в тот день, когда родился Юрий Гагарин, Сергей Павлович Королев работал над докладом для созываемой в Ленинграде Академией наук СССР I Всесоюзной конференции по изучению стратосферы. Он командировался туда как специалист и консультант по вопросам реактивного полета. Королев в то время возглавлял разработку ракетных летательных аппаратов. Ему было двадцать семь лет.

Вызванивала трамваями, сыпала по водосточным трубам сбитой наледью и сосульками мартовская Москва. В комнатке, заваленной книгами и чертежами, сидел за столом кареглазый молодой человек и записывал передуманное многими днями.

«Первое — экипаж. Здесь речь может идти об одном, двух или даже трех человеках, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей. Во всяком случае, вес экипажа является величиной определенной и для нас достаточно ясной. Второе — жизненный запас. Сюда войдут все установки, приборы, приспособления для поддержания жизненных условий экипажа при его работе на большой высоте. Третье. Кабина, которая, очевидно, будет герметичной... И наконец, последнее — конструкция. Каковы условия взлета такого аппарата? Независимо от того, каким образом будет произведен взлет, можно сказать, что он будет про-

исходить, по крайней мере в первой своей части, достаточно медленно. Это объясняется тем, что организм человека не переносит больших ускорений. Ускорение порядка четырех допустимо, но и то в течение ограниченного времени... Таким образом, мы видим, что и здесь реактивный летательный аппарат в период взлета и набора высоты весьма далек от тех сказочных скоростей (и, само собой разумеется, соответствующих им громадных ускорений), о которых мы так много читали и слышали...»

Мечту Циолковского Королев облекал в реальность.

Он перестал писать, включил настольную лампу, задумался.

«Да, пора все ставить на реальную почву. Оптимизма в разговорах о полете человека в ракете на громадной высоте с огромной скоростью хоть отбавляй. «Москва — Ленинград в три с половиной минуты!», «Через Атлантику в полтора часа на реактивном самолете-амфибии!» Сплошные сенсации. Ну а где грамотная техническая критика? Все идеи, все замыслы и расчеты должны идти от человека. Летать — человеку!»

Глава третья

А в деревне Клушино, что в двенадцати верстах от Гжатска, во второй от околицы избе, набирался силенок маленький человек. Кто знает, на какой день в проясняющемся, как после долгой ночи, сознании возникли родные, все более и более узнаваемые лица? Сначала, конечно, матери — нежное, ласковое, лучившееся теплом; узнавал ее по голосу и звал просяще-требовательно, а заслышав над собой говорок, согревающее дыхание, успокаивался, сладко задремывал. А может, это были лица бабушки, отца, брата или сестренки?

«Тик-так, тик-так...» — что-то круглое на единственной ноге вышагивало на месте, шло в никуда ниоткуда, — еще не знал, что это часы-ходики... Что-то гремело, стучало, доносилось до колыбели вместе с потоком тепла и дымком, сизоватым, пахнущим вкусным — после открыл — запах хлеба и щей из русской печи.

А горливое гоготание за окном? Это уже намного позже: «Гуси, гуси! Га-га-га! Есть хотите? Да-да-да!»

И ржание лошади, косившей на тебя, вцепившегося в шею матери, влажным бархатным глазом. И мычание

коровы, переставшей жевать и как будто задумавшейся. А тебе самому невдомек: неужели из этих зеленых, сочных травинок, что пощипывает она, неужто из них получаются белые струйки, звонко бьющие по ведру? «Коровка травки поела, нам молочка принесла».

Но вот материнские руки вынули Юру из колыбели, поставили на половицу, и он остался на ногах один и, боясь потерять равновесие, оглянулся, ища опоры. «Ну иди же, сынок, иди!» И решился и пошатнулся от первого шага. Ну еще — дотянуться до этой вот табуретки, потом до кровати, потом до стола...

«Смотрите, смотрите, Юраня пошел!»

Когда, в какой незапомненный день сам, своими руками или неокрепшим плечом надавил на тяжелую дверь, распахнул ее и зажмурился от ослепляющего света земли? Так вот ты какая! Здравствуй!

Юрий Гагарин утверждал, что хорошо помнит себя трехлетним мальчонкой.

«Память у меня хорошая. И я многое помню. Бывало, заберешься тайком на крышу, а перед тобой поля, бескрайние, как море, теплый ветер гонит по ржи золотистые волны. Поднимешь голову, а там чистая голубизна... Так бы и окунуться в эту красу и поплыть к горизонту, где сходятся земля и небо. А какие были березы! А сады! А речка, куда мы бегали купаться, где ловили пескарей! Бывало, примчишься с ребятами к маме на ферму, и она каждому нальет по кружке парного молока и отрежет по ломтю свежего ржаного хлеба. Вкуснота-то какая!»

Это чисто гагаринское. Потом будет выкрик сердца с космической высоты при виде голубого окоема планеты: «Красота-то какая!»

Но память оставляет не только пережитое, увиденное. Она впитывает и рассказанное взрослыми, да так глубоко, что после кажется, будто ты сам наблюдал себя как бы со стороны. Частенько вспоминали в гагаринской семье восторженный возглас Зои, семилетней еще сестренки, при виде только что внесенного в избу и распеленутого малыша: «Ой-ой, смотрите-ка! У него пальчики на ножках, как горошинки в стручке».

Приезжая на побывку в Гжатск, Юрий с серьезным видом поддакивал, что-де слышал все это своими ушами, только откликнуться не мог, не умел еще говорить. И не очень-то надолго ему удавалось удержать саморазоблачающую улыбку.

Рассветны годы с первых шажков, когда желтый цве-

ток одуванчика представляется солнцем, когда прожитое остается волшебным сном, жизнью в другом измерении, как бы пребыванием на иной, покинутой навсегда планете.

У Юры острая, цепкая память, и, когда после возвращения с орбиты у него выпытывали подробности первых лет жизни, он, не задумываясь, вспомнил о Первомайском празднике в школе, куда его, трехлетнего мальчонку, брала с собой Зоя. Там, взобравшись на табурет, он продекламировал стихотворение, выученное не без помощи сестренки:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.
Что тебе приснилось, кошка?
Расскажи скорее мне...

Анна Тимофеевна рассказывала, что эти стихи Юра читал очень забавно; «он даже в школу стал потом ходить вместе с Зоей. В деревенской школе правила помягче, да и учительница Анастасия Степановна Царькова нашу семью хорошо знала, потому и разрешила Юре находиться в классе».

«Села кошка на окошко...» Веселые глаза космонавта при упоминании об этом на мгновение отводились в сторону, приволакивались грустным и радостным одновременно.

Отчетливее, яснее была память родства, братства, сестринства, отчего так уютно в родном гнезде под родительской крышей, отчего не то что человека, — птицу тянет из далекого, по необходимости в чужие страны отлета. Вслед за весной они возвращаются торопливо, вроде бы беспорядочно, но на те же поля, в те же леса, на то самое дерево, на ту самую ветку, что приветственно занялась листочками над давно обжитой скворечней.

Юра подрастал под нежным вниманием старшего — на десять лет — брата Валентина и сестры Зои. В деревне, где забот невпроворот, Анна Тимофеевна, целыми днями пропадавшая на ферме, нянчила малыша только три месяца.

Отца и матери нет с утра до позднего вечера. Бабушка старенькая, ей бы самой впору помочь. Поэтому в семье верховодила Зоя. Даже Валентин, на что уж большой, и тот ей не смеет перечить.

Зоя, сестрица... Таких в деревнях называют «мамка», она как бы старшая няня при малых детях. Странно слышать сегодня, когда пожилые обращаются к родственни-

це: «Нянь... А ты помнишь, нянь...» Но сколько же в этом сокрытого, сердечного за детство благодарения! И колыбельная была: «Вырастешь велик, будешь в золоте ходить, нянюшек и мамушек в бархате водить».

Зоя взяла Юру на руки от совсем уже старенькой бабушки: «Сама за ним ходить буду!» И все лето нянчила, пеленки стирала, носила к матери на ферму, чтобы вовремя покормить. Она и в школу пошла только в октябре, опоздав на целый месяц, все хотела убедиться, что братишка окреп, растет бодренький и здоровый.

Детское братство-сестринство... Через два года в доме появится Бориска, и Юра сразу передвинется на целую ступеньку старшинства, перестав быть младшеньким. Но ранг «няни Зои» возвысится больше. С ней, еще девчонкой, советуется даже отец. О чем-то очень серьезном нет-нет да и перемолвится мать.

Удивительно ли, что в калейдоскопе увиденного, пережитого за двадцать семь тогда еще длинных лет от первого шажка за дверь до ракетного байконурского грома, когда в глазах повернулся гигантский глобус в сверкающем звездами черном небе, он не забыл тесной, набитой ребятишками комнатки в деревенской школе, рук сестренки, подхвативших под мышки и водрузивших его на парту, и самого себя, пролепетавшего первый в жизни заученный стишок.

Но Зое надо ходить в школу. И вот небывалое и нежданное — учительница разрешила ему находиться в классе вместе с сестрой. И Юра, одни лишь вихры которого видны из-за парты, тише воды, ниже травы, робко, но потом все смелее заглядывает то в тетрадь сестренки, то на классную доску, где мелом выведены буквы.

Он выучился читать и складывать раньше, чем пошел в школу.

Видя, что братишка тянется за старшими, Зоя всеми силами старалась помочь. Она словно подталкивала: «Давай, Юраша, давай...» Вела за ручонку всюду, куда только можно. Уговорила, добилась, чтобы шестилетнего Юру послали с группой клушинских школьников на смотр художественной самодеятельности в Гжатск.

Но об этом лучше поведает Анна Тимофеевна.

«Уехали они на два дня. Сколько же впечатлений у мальчика было от этой поездки-праздника. И дорога на лошадях до города, и ночевка в Доме учителя, и большой торжественный концерт в Доме пионеров. Сопровождала Юру, конечно же, его главная наставница и друг Зоя.

Ей, безусловно, тоже было все внове, но она, чувствуя себя старшей, уступала слово своему братишке, успехами которого гордилась, а восторгом любовалась. Она пересказывала его радость и удивление. Больше всего поразили мальчика машины. Их-то он увидел впервые. Повстречает полуторку или «эмку» и с восторгом кричит: «Это мамина! Это Валина! Это папина! А это моя!»

Брат Валентин — это уже совсем другой мир, мир мужского авторитета. Озорство, проделки, из-за которых весь вечер будет ворчать отец, пока мать деликатным увещеванием не уладит отношений той и другой стороны. Валя уже большой, почти взрослый, сильный — может удержать Юру на согнутой в локте руке, как на турнике.

За ним не угнаться на лыжах — только вихрится впереди снег, и сердечко в груди забилось, как птица, и дыхания нет. Куда ты, малыш, вон брат высоко на взгорке, оглянулся и, не дожидаясь, оттолкнулся палками, рванул под гору вниз. Тут уж совсем хоть плачь — даже глянуть и то страшновато. Снимать лыжи и позорно спускаться пешком? А Валя все с той же подначкой машет: «Давай-давай, Юраша, не трусь!» И зажмурившись — была не была, — тот скатывается по лыжне, прочерченной братом, да так, что ветер хлещет в лицо, и ноги не чуют лыж, пока со всего разгона не ткнется лицом в рассыпчатый жгучий снег. А брат уже тут, отряхивает, смеется, заглядывает в глаза: «Ну как, не расквасил нос?»

Через несколько дней дружки твои, погодки, Вовка Орловский и Ванька Зернов, не могут поверить. Но вот Юра с ними на горке и съезжает прямиком на трамплин, с которого не всякий-то парень прыгнет. Взлетает пригнувшись, как выучил Валя, затем выпрямляется и за несколько секунд паренья в свистящей в ушах высоте чует: падение неизбежно — и врезается лыжей в сугроб. Другая, слетев с ноги, катится далеко-далеко по насту. Но он победитель, и на него, карабкающегося наверх, с уважением смотрят Вовка и Ванька. А Юра спокойно, как ни в чем не бывало, кладет перед ними трофей — лыжу, сломанную пополам.

Дома мать вздохнет, головой покачает и примется штопать пальтишко, Зоя прыснет смешком над школьной тетрадкой, Валентин промолчит виновато — всем понятно: его наука, а отец, пожурив для порядка, найдет тесину, возьмется вытесывать новую лыжу.

Все-таки это прекрасно — иметь старшего брата. Юре еще только шесть, а брату уже целых шестнадцать — жених! У него свои, взрослые тайны. Вчера заговорился у колодца с девчонкой-соседкой. О чем они перешептывались, отчего она так зарделась, что стала похожа на алую мальву, что растет под окошком избы? И тюкает клювиком в сердце мальчишечья ревность: «Валь, мы сегодня вечером будем играть в лапту?» Отмолчался, отнекался брат. А лапта без него не лапта.

Но какая же радость, когда в какой-нибудь проделке Валентин становился почти что сверстником!

Каурая, смирная лошадь пасется на росистом лугу. «Покатаемся?» — озорно подмигивает Валентин. Ловко, привычно распутывает коня. Веревка вместо уздечки. Подхватил Юру, подсадил чуть пониже загривка. И екнуло сердце мальчонки — он на лошади!

Валентин усмехается: «Красный кавалерист!» Берется за хворостину, что есть силы хлещет по чуткому лошадиному боку. «Юрка, держись за гриву!»

Лошадь в рысь и тут же в галоп. И невозможно удержаться за черные жесткие космы. И голос брата еле слышен вдали: «Не падать!» А как не падать? Съехал на гриву, на шею... И на всем скаку сваливается с боевого коня красный кавалерист, катится кубарем в траву, лицом в полевые ромашки.

«Ты бы ногами крепче держался. Зажал, как будто клещами», — учит устыдившийся брат. Но Юре не хочется поднимать головы, показывать слез. И только сквозь всхлипы: «Где конь? Еще подсади...»

Дома, узнав о новой проделке, отец ерошит мальчишке вихры: «Запомни, Юрка, за гриву не удержался, на хвосте далеко не уедешь». Наука?

Потом, вспоминая о своей педагогике клушинских лет, Валентин Алексеевич Гагарин, как старший, скажет: «Он рос упрямым парнем, наш Юра. И упрямство его порой принимало формы самые неожиданные... А вообще-то плакал Юра в детстве редко. Пожалуй, немного таких случаев могу я припомнить, да и они запали в память своей исключительностью...»

Будет братьям вспомнить о чем, когда после полета Юрия встретятся они за семейным праздничным столом. Не скрывая восхищения и гордости, залюбуется Валентин новенькими майорскими погонами своего когда-то худенького, но крепкого в плечах брата. Даже на военных регалиях проглянула дальняя жизнь: золотится пше-

ничное поле, голубеют просветами полоски цветущего льна. И удивленная память, никак не желающая свыкнуться с мыслью, что Юрка-братишка, клушинский житель, стал первым космонавтом, начнет искать в прошлом предназначения.

«Сидели за столом, — припомнил потом Валентин Алексеевич, — говорили о разном. Меня больше занимало все связанное с его полетом, а он вспоминал наше Клушино, наше детство.

— Ты не забыл планер? — вдруг спросил он с улыбкой.

— Конечно. Это же перед самой войной было.

— А я его часто вспоминаю...

Потом разговор перебросился на другое, о планере речи больше не было. А мне вот думается сейчас: не в те ли дни детского увлечения воздушными змеями и планером родилась в его душе страсть к небу?»

Возможно. Но это сказано Валентином через много лет.

Впрочем, была такая затея старшего брата, уступка младшему, настойчивым просьбам которого не в силах уже отказать. Валентин — главный конструктор. В журнале он нашел чертеж, который надо только чуть-чуть упростить, исходя из имеющихся под рукой материалов. В ход идут старые газеты. Крест-накрест и с угла на угол положены, приклеены планки. Зоя заодно с братьями — разыскала тайком от мамы суровых ниток — хватит до облаков.

Запускают при стечении огромной толпы ребятишек. Но больше всех переживает за братьев, конечно, Зоя. Один держит змея за углы, другой натягивает нить. Остается только подбросить! «Подкинь и отпускай!» — приказывает Валентин и отдает управляющую нить Юре. Бумажный парус рвется из рук...

Кто хоть раз испытал в детстве это необъяснимое чудо воспарения обычного газетного листа, тут же схваченного воздушным потоком, невидимым, но ощутимым по упруго натянутой нити, когда уже и катушка начинает вертеться веретеном, а бумажный квадратик все уменьшается в синеве и трепещет на невообразимой высоте, как нечто живое, которым ты управляешь до звона тугой струны, тот не может забыть этих минут слияния с небом.

Воздушный змей над деревней Клушино. Нитка, впившаяся в мальчишескую ладонь Гагарина Юры. Да, ко-

нечно же, вспоминая детство, братья искали те вешки, которые вели к двенадцатому апреля.

Планер! Удивительно, как в деревушке, меж высоких хлебов затерявшейся, оказалась модель планера? Деревянную птицу, поломанную и давно заброшенную, Валентин увидел на шкафу в пионерской комнате и, выпросив у вожатого, принес из школы домой.

Можно себе представить, как заблестели глаза у Юры. Самолет в их избе, почти настоящий. Не беда, что беспомощно повисло крыло, что корпус в дырах и трещинах. Он летал, значит, будет летать. И опять нет никому покоя: чинить, ремонтировать! И как можно скорей!

Подошел, наклонился отец, пощупал, прикинул: «Можно наладить штуку. Крыло надо сделать заново, обтянем папиросной бумагой. Только такая работа спешки не любит».

Вспомнилась старшему брату и такая подробность: когда модель была готова к полету, Юра предложил нарисовать на крыльях звезды, а Валентин собрался было вывести на фюзеляже крупными буквами слово «Гагарин».

«...Отец круто осадил меня:

— Не сметь! Вдруг не полетит — на посмешище выставить себя хочешь? И кто ты такой: Га-га-рин?.. Тоже мне Петр Великий».

Такие уроки не остаются бесследными в детской душе.

Планер стартовал бесфамильным.

«Полетел! Полетел!» Это уже не игривый взвив бумажного змея, а полет, полет самолетика над застывшей в восторге толпой мальчишек, ощущение крыльями собственных разведенных ручонок, таких же хрупких и тонких в запястье.

«Полетел! Полетел!» И — вдогонку за ним, вон в кабинке летчицкий шлем. А травы внизу, как леса, а лужи — как будто моря. «Полетел! Полетел! Полетел!»

Но почему он заваливается на крыло? Неужели сейчас упадет? И обрывается что-то в мальчишеском сердце, как будто Юра и впрямь на том самолетике.

— Ты не забыл планер?

— Ну как забыть... Раз пять заваливался, падал, ломался. И все-таки полетел!

— Полетел, конечно! — оживился Юрий, выводя себя из какой-то очень глубокой думы.

— А еще, Юра, помнишь, как гуси твои забрели к соседям и ощипали всю грядку с рассадой?

— Помню...

Но это уже вроде бы и не относилось к вехам судьбы. Хотя, как знать, быть может, здесь братья были к истине ближе.

Сельское житье любит трудолюбивых, и, как всякий деревенский мальчишка, Юрий познал эту истину в раннем возрасте.

Анна Тимофеевна заметила: «Думается, что и ребята наши, видя, что родители без подсказки работают, тоже дружно тянулись за ними. Каждый из них свою работу знал.

Валентин подрос — за ним было пригнать и угнать скотину в стадо, а потом вместе с отцом плотничал, починкой дома занимался. Зоя маленьких пянчила, потом помогала по хозяйству... Такое еще наблюдение: каждый должен чувствовать, что его работа нужна, что дело он делает необходимое, что без его вклада семейному коллективу нелегко будет справляться. Ребенок — человек чуткий... Ответственность любого серьезнее делает, основательнее — что взрослого, что ребенка».

Юра еще слишком мал для какого-нибудь серьезного дела. Сначала все надо увидеть. И он постепенно открывает для себя мир сельских забот.

Вот ни свет ни заря встала мать, завозилась у печки, затрещали лучинки, и теплом потянуло по всей избе. И отец уже на ногах, ладит нехитрый свой инструмент — топор, долото, рубанки. Родители стараются не шуметь, не будить ребятишек, позавтракали на скорую руку на кухне — и по своим работам: мать — на ферму, отец — к срубу дома, что начал складывать на окраине.

Уютно лежать под нагретым рядном, досматривать сны на рассвете. Но рожок пастуха поднимает сначала Валю — пора выгонять в стадо корову, овец. С диванчика спрыгнула Зоя, загремела в сенях ведром, сейчас побежит по воду, мать наказала большую стирку.

Только им, двоим, еще маленьким Юрию да Бориске, дозволено поваляться в постели.

Что ж, малыш пусть поспит. А Юрий — ему по весне уже стукнуло семь, сползает с кровати — жмурься не жмурься, в пол-окна ярится солнечный круг, — и, отхлебнув молока из кружки, босиком выбегает на улицу. На дороге в теплой еще пыли терпимо, а шагнул чуть обочь — и жигануло пятки морозцем ранней росы. Над

цветком загудел охотливый к сладкому шмель. И сама, как вспорхнувший цветок, замелькала желтыми крыльями бабочка. Нет, за ней не угнаться, ее не поймать. Чем бы таким заняться? Дружки еще по домам, не скоро выйдут на улицу. А вот и Зоя! Тростинкой выгнулась под коромыслом, и в руке еще полведра.

— Зоя, давай помогу!

— Нет, Юраша, тебе тяжело!

Уцепился за ручку ведра, заплескалась, зашлепала по дороге водица. Ух, холодная...

— Зоя!

— Ну ладно, тащи уж...

Сколько раз обернулись до колодца — туда и обратно.

— Хватит, Юраша, — над корытом сугробом мыльная пена. Здесь уже делать нечего, здесь работа сестры, а ее тихий оклик строже маминого приказания: — Иди погуляй!

А куда погулять? Чу!.. Стук отцовского топора вдалеке.

Вот и отцова работа! Начатый сруб — в два от низу бревна, или «венца». Слепит на взмахе топор и остро, легко вонзается в дерево. И щепки — вдрызг! Взрывы дерева по сторонам.

— Леш, гляди-ка, помощник пришел! — кричит бородатый дядька.

— Сынок! Подходи, пролезай-ка сюда. Чем угощать-то будешь?

И только сейчас Юра спохватывается, что не просто пришел поглазеть, а принес отцу завтрак. В узелке яички, сальце, творог.

Отец воткнул топор, кепчонку на топорище и на коленях разложил тряпицу-скатерку.

— Что ж, поснедаем, сынок. Садись и ты, Семеныч, чем богаты, тому и рады...

Подымили цигарками мужики: пора за работу. Застучали опять топоры, забрызгали щепками. И любуется Юра — у отца как бы ловчее да складнее других играет топор. Вот и по третьему бревну положили, по четвертому и по пятому. Здесь окно прорисовывается, там будет дверь. Дом растет, будут жить в нем люди, добрым словом вспомнят отца. А он вытер пот со лба жилистой сильной рукой:

— А ты к мамке, сынок, к мамке сходи...

До фермы дорога неблизкая.

Но вот наконец и ферма — знакомое длинное белое

здание. Какая-то женщина отложила в сторону вилы, метлу.

— Тимофевна, глянь, твой помощник пришел!

— Сынок! Ты зачем же так далеко?

— А пришел посмотреть поросяток.

Бело-розовые, словно только из бани, они толкутся в закутке. А вот эти совсем еще малыши, их держат в большой корзине.

— Мама, можно хоть одного покормить?

— Попробуй, сынок, возьми вон того, что полегче...

Юра осторожно извлекает из корзины теплое тельце, подсовывает свинье Белуге под бок.

— Тимофевна, глянь, твой Юрка никак и правда помощник?

Мальчику лестно, ему хорошо от такой похвалы, оттого, что на ферме мама, как и дома, хозяйка — самая главная. Даже по голосам этих женщин ясно, что ее уважают.

И Юру уже не оттащить от закута.

— Мама, еще одного покормлю.

— Хватит, Юраша, иди погуляй.

И уже взрослому Юрию смутно-смутно, светлым лучиком, прорезавшимся из детства, высветится, а мать расскажет об этом подробнее, как вызвали ее по какому-то срочному делу и оставила она мальчика одного с наказом, чтобы присмотрел, как покормятся ее подопечные. Вернулась и ахнула: одни поросята у кормушки, а другие заперты в клетке.

— Сынок, ты что натворил?

— А ничего, не пускаю тех, которые очень жадные. Они слабеньких отгоняют, а сами все съесть норовят. Накормлю их в последнюю очередь. Пусть, мама, все будет по справедливости.

Каждодневная кругосветка из дома к отцу, от отца к матери и обратно замыкалась у родной избы. Здесь на верстаке уже строгал доску для ремонта терраски брат. Не давалась, видно, работа. Сучки да задоринки. То и дело спотыкался рубанок. Но попробуй не выполни задание отца.

— Давай хоть стружки твои уберу... И на речку пойдем...

Брат уступил. Вот и берег с натоптанным пятачком, откуда ныряют. Манит вода, и все-таки страшно темной, перерезанной, как фонариком, какой-то рыбешкой, таинственной глубины. Валентин с разбегу, «ласточкой» поле-

тел с обрыва, только радуги брызг в разные стороны. И снова спокойно течет вода. Как долго он умеет совсем не дышать! А вдруг утонул? Но Валентин пробкой выскакивает на поверхность:

— Юраша, давай сюда!

И подплывает саженками, подставляет плечо.

Изловчился, схватил, окунул «по шейку» — и сердечко словно выпрыгнуло наружу. Но через минуту-другую обвыкся, освоился, и, схватясь за сильную руку, что есть силы заколотил по воде ногами:

— Поплыли, поплыли!..

Не попадая зуб на зуб от холода — все же перекупались, — возвращаются братья домой. Уговор на завтра — идти на рыбалку. Да, Юраше Валентин наладит отдельную удочку. Надо вот только загодя накопать червей, и еще не проспать бы.

Утро росистое, тихое. Даже еще не утро, а просто улыбка солнца сквозь дымку тумана. Вот так иногда заглянет в окошко с улицы мама, улыбнется, и на душе хорошо-хорошо.

А река зеркалится, розовеет. Глядь, и рыбка вон там заиграла, всплескивает, вычерчивает круги. Брат забросил леску как можно дальше, передал удилище Юре — следи, как начнет подпрыгивать поплавок, — не зевать. Сам насадил червяков на две длинные удочки.

Время течет медленно, а поплавки хоть бы один шевельнулся. Вот и туман опять потянуло на реку. И снова ясно. Может, потому и не клюет рыбешка, что видит двоих, стерегущих ее оплошность. Вода чиста, и в ней облака. Если сейчас нырнуть поглубже, можно достать до неба? Красота-то какая!

И уже надоедает томительное ожидание.

— Валя, пошли домой, мама пироги собиралась печь.

Сматывают удочки, спешат обратно. И правда, дух пирогов сразу с порога. Угощение и к празднику, и к началу большой работы. Завтра мужики начинают косить, Валентин — с ними. Юрию же накажут отнести брату поесть, подзаправиться, как говорит отец. Ноша та же — миска, затянутая в узелок.

Назавтра Юра идет в самое дальнее путешествие через весь луг, вон туда, где, кажется, близко мелькают загорелые спины косарей.

Ступил в траву, в цветы, что по самую грудь, и нет дороге конца и краю.

Идет как будто по сказке, все его радует и пугает. Росинки нанизаны на пырей, как прозрачные бусы, но вот какой-то жучок закачался на стебле и мигом стряхнул красоту. Проглянул, посветил сквозь дебри желто-синий цветок — иван-да-марья? А под ним что-то зашелестело, побежало частыми удаляющимися шажками. И не успел еще улечься испуг, как в двух шагах обдало даже ветром, огромная птица порхнула и, хлопая крыльями, полетела прочь. И понесли, понесли ноги в беспричинном страхе вперед, туда, где редеют, светлеют травяные высокие заросли. Взбежал на пригорок и очутился посреди зеленого, цветастого моря, стрекочущего голосами кузнечиков. Возвращаться уже невозможно — дом недосягаемо далеко. Вперед, только вперед до цели, где в ряду мерно идущих с косами мужиков Юра узнал по широким размахам брата.

Влажные валки скошенной травы еще не тянут в них кувыркаться. Они еще будут подсыхать. «Коси, коса, пока роса. Роса долой, и мы домой». Валентину нужно обернуться в деревню. Обратный путь с братом куда ближе и веселей.

Но что-то случилось, пока их не было дома. Отец только из сельсовета и вот сейчас с серым лицом замер у репродуктора. Мать пригорюнилась, сидит за столом, подперлась белой, в муке, рукой — опять собиралась печь пироги. Рядом Зоя прислонилась к стене с вопросительным взглядом. Только Боря как ни в чем не бывало с ходу:

— А Беловы вчера щуку поймали.

Но отец только бровью повел, и тот замолчал.

Что случилось? Не беда ли вошла в их избу?

— Война, ребятки... Немцы напали!

Так кончается «чистая голубизна» детства Гагарина Юры.

«Все как-то сразу потускнело. Горизонт затянуло тучами. Ветер погнал по улице пыль. Умолкли в селе песни. И мы, мальчишки, притихли и прекратили игры. В тот же день из села в Гжатск на подводах и на колхозном грузовике с фанерными чемоданчиками уехали новобранцы... Весь колхоз провожал парней, уходящих на фронт. Было сказано много напутственных слов, пролито немало горючих слез».

Таким запомнился Юрию тот июньский воскресный день. Так какая же ты, война?

Гремит где-то еще далеким тревожным громом. Смотрит на тебя горьким и жалостливым, неузнаваемым взглядом матери, которая, как солдат, затянула телогрейку ремнем и теперь уже день и ночь пропадает на ферме. Отец ходит хмурый, угрюмый — просился на фронт, не взяли, сказали, что нездоров, к тому же еще хромает. От огорчения совсем свалился, отвезли в больницу. Вернулся бритый, худой. Валентину еще не вышел возраст для красноармейского строя. Но, может, она вот-вот закончится, эта «треклятая», как ее называет соседская бабушка, война.

Нет, не кончается. По радио — отец уже и не выключает его — голос диктора необычно суров, приглушен.

— От Советского Информбюро... Оставили... Минск, Ригу, Таллин, Вильнюс...

Скоро потекла по деревне людская река.

— Мама, почему этих людей называют беженцы? Они что, от кого-нибудь убегают?

— От войны, сынок, от войны...

И невозможно оторвать глаз от нескончаемо тянущейся вереницы. Изможденные и голодные — вот кто такие беженцы. У многих на руках ребятишки, худые, перепачканные сажей только что пережитых пожаров, бомбежек.

По ночам еще так тихо в августовских садах. Падают перезревшие яблоки. На чердаке пахнет высохшим сеном. Запах, навевающий крепкий сон.

Как-то утром Юрия будит пронзивший всю улицу плач. Тетя Нюша? Тетя Нюша Белова?

И вот он уже в их дворе — бессильный свидетель чужого горя. Тетя Нюша без чувств на руках у матери. Валентин берет оброненный рядом листок и читает, как разучившийся школьник, почти по слогам:

— Иван Данилович Белов...

«Дядя Ваня?»

— Пал смертью храбрых...

«Убит? А ведь еще недавно вот здесь, во дворе, высыпал Юре горсть леденцов. Значит, Володя, Нина и Витя Беловы теперь без отца насовсем? Нет, не может этого быть».

Но лавина войны катилась неумолимо.

Глава четвертая

На душе у мальчишки как на луговой поляне, что видна из узенького избяного окошка. То светятся солнечно, переливаются радостью каждая былинка, каждый цветок, а то вдруг потускнеет и совсем станет серой, когда набежавшее облако протащит свою холодную тень. Может, и не будет в этом году первого сентября.

И тайной оглядкой следит он по утрам за рукой отца, срывающего листки численника: двадцать девятое, тридцатое, тридцать первое августа... Осталась всего одна ночь! Скорей в постель, проспать до утра, до завтрашнего солнца!

Утром 1 сентября Юра торопясь надевает новенькую, еще покалывающую плечи синюю матроску с полосатым воротничком, крепко-накрепко зашнуровывает купленные в Гжатске ботинки и останавливается с портфелем около отца, сидящего у репродуктора.

«От Советского Информбюро. Утреннее сообщение 1 сентября 1941 года.

В ночь на 1 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте... На энском участке Северного фронта против советского полка враг бросил немецкую дивизию СС... Красноармейцы мужественно оборонялись и срывали все планы немецкого командования...

В районе П. партизаны подожгли лес, по которому двигались вражеские части. Огонь преградил фашистам путь вперед».

Мать пригладила жесткой горячей ладонью коротко остриженные вихры:

— Пошли, сынок... В добрый час.

А с порога подхватили за руки с одной и с другой стороны Валентин и Зоя. В школу!

И уже разогревался первосентябрьский денек, одаривая последним теплом, что осталось от жаркого лета. Но чем он мог соблазнить? За классными дверями открывался новый, неведомый, давно ожидаемый мир.

— Здравствуйте, Ксения Герасимовна!..

На переменке сентябрьское солнце припекает вовсю, в шерстяной матросочке жарко, но разве можно расстегнуть хотя бы на одну пуговицу. Ведь ты уже первоклассник ровно два школьных часа, и припасенное матерью краснобокое яблоко жуешь неспешно, по-взрослому, успевая, впрочем, чиркнуть по небу завистливым взглядом: там, где-то над ближней крышей, вскувыркнулась и за-

трепетала, выравнивая круги, вспугнутая, вскинутая кем-то голубиная стая.

И в этот момент показалось, будто над крышами пророкотал невидимый, с перебоями мотора, трактор. В приближающемся, нарастающем свисте ребятишки увидели самолет — с красными звездами на крыльях. Словно с воздушной горки съезжал он, падал под резким углом вниз, стараясь выровняться, дотянуть до луговины.

На ту самую поляну, где они совсем еще недавно выпускали змея, а потом планер, садился боевой самолет!

Ребята бросились наперегонки. Страшно было видеть эту огромную дюралевую птицу, от которой еще веяло небом и жаром схватки, разбитой, распластанной на земле. Не обращая внимания на мальчишеское оцепенение, летчик снял шлем, вытер потный лоб и потряс кулаком в перчатке, грозя кому-то в небе. И только после этого посмотрел на ребятишек. Лицо его смягчилось.

— Вот это номер, да здесь вся школа! Неужели учитесь? Молодцы! А как называется ваша деревня? Вот ты, — обратился он к Юре, — ну-ка мигом к председателю! Мне срочно нужно связаться с частью!

В этот момент из-за льдистого облачка вынырнул и закружил, снижаясь над ними, другой самолет. Летчик, стоявший у машины, оживился, приветственно замахал шлемом.

Через несколько минут краснозвездный «ястребок» радостно рокотал винтом неподалеку.

Остановись, мгновение! Усвойся сердцем этот преподанный жизнью урок боевого товарищества.

«Час спустя прибежал Юра, — вспоминала Анна Тимофеевна. — Глаза горят от возбуждения, хочет поскорее все мне рассказать, потому сбивается, путается... Юра пересказывал каждую мелочь, передавал каждое движение, все время повторял слово «летчик»: «Летчик спросил: «Как ваша деревня называется?» Летчик сказал: «Ну, гады, ну, фашисты, заплатите!» Потом удивился: «Вы почему с портфелями?» И сказал: «Молодцы! Надо учиться! Нас не сломить!» Солнце припекало, летчик расстегнул кожаную куртку, а на гимнастерке у него — орден. Летчики — герои...

— А еще он мне дал подержать карту в кожаной сумке. Она планшеткой зовется. Мама! Вырасту — я тоже буду летчиком!

— Будешь, будешь! — говорила я ему, а тем временем

поставила в кошелку кринку молока и положила хлеб. — Отнеси им, сынок! Да пригласи их в дом.

Но летчики не покинули машины. Дотемна не возвращались и ребятишки... Утром мы услышали рев взлетавшего с пригорка самолета, увидели, как на болоте горит первый истребитель. На втором летчики улетели дальше воевать. Позаботились, чтобы ничего из боевой машины не досталось врагу».

Через двадцать лет память Юрия воскресит это видение:

«Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях машины. Летчики были возбуждены и злы... Они расстегнули кожаные куртки, и на гимнастерках блеснули ордена. Это были первые ордена, которые я увидел. И мы, мальчишки, поняли, какой ценой достаются военные награды... Утром летчики улетели, оставив о себе святые воспоминания. Каждому из нас захотелось летать, быть такими же храбрыми и красивыми, как они. Мы испытывали какое-то странное, неизведанное доселе чувство».

Подобные мгновения запечатлеваются в душе навсегда. В момент жизненного испытания они оживают, дают импульс стойкости.

После космического полета Юрий Гагарин получил письмо из города Горького. Бывший военный летчик Ларцев писал, что хорошо помнит свою вынужденную посадку возле деревни Клушино и что среди помогавших тогда ребятишек особым старанием выделялся вихрастый, бросивший рядом портфель первоклашка.

«Мне верилось, что из мальчика по имени Юра вырастет летчик, но о космосе мы, пилоты тех лет, в сороковые годы только мечтать могли».

Трудно поверить в такое; быть может, портрет космонавта всколыхнул память, и иначе уже и не могло представляться, что Ларцев помнил именно Юру. В запоздалом воспоминании летчика важно другое. Деревенские ребятишки были так похожи один на другого, что каждый из них мог впоследствии оказаться героем. Необязательно в космосе, а в том высоком полете жизни, которая открылась с той луговины, когда они получили первый урок мужества. И ценно не то, что Ларцев вспомнил Юру Гагарина, а то, что Юрий Гагарин всю жизнь помнил Ларцева, не зная его по фамилии.

И снова в ушах сквозь потрескивание прерывистым репродукторным голосом:

«Наши войска вели упорные бои с противником на всем фронте...»

Отец с Валентином водят карандашом по карте, вырванной из старого учебника. Оба они переживают, что их не берут на фронт: отца — по его инвалидности, а Валентин слишком молод, «не вышел возрастом».

И когда изба совсем затихает, Юра осторожно спускается с печки, нащупывает под столом портфель, на цыпочках перебирается на кухню и достает букварь. В лунном свете, падающем в окно, буквы сливаются, но становятся вроде крупнее.

Вот то, что они должны читать через полгода, а он давно выучил наизусть. А может, и правда переписать, вывести каждую буковку, запечатать в конверт и отправить по почте в Москву.

ПИСЬМО ВОРОШИЛОВУ

Климу Ворошилову
письмо я написал:
— Товарищ Ворошилов,
народный комиссар!
В Красную Армию
нынешний год,
в Красную Армию
брат мой идет...
На работе первым
был он кузнецом,
будет он примерным
в армии бойцом.
Товарищ Ворошилов,
когда начнется бой,
пускай назначат брата
в отряд передовой.
Товарищ Ворошилов,
а если на войне
погибнет брат мой милый,
пиши скорее мне.
Товарищ Ворошилов,
я быстро подрасту
и стану вместо брата
с винтовкой на посту.

Юра не мог знать, что в эти минуты Ворошилов находился в каких-то двенадцати верстах от Клушина, в Гжатске, где размещался штаб Западного фронта.

Если бы карта, вырванная из старого учебника, могла отразить хотя бы тысячную долю того, что происходило на извилистых линиях дорог, неровных кружочках возвышенностей и белой глади равнин...

Группа армий «Центр» продолжала рваться к Москве. На шоссе Москва — Минск западнее Гжатска и на большаке Юхнов — Гжатск к югу от города в бой с врагом вступили поднятые по тревоге курсанты военных училищ и слушатели военной академии. К северо-западу от Гжатска оккупанты высадили военный десант численностью до двух рот с бронемашинами и танками. Гжатская летопись свидетельствует: в это время через село Пречистое, что неподалеку от Клушина, проскакал отступавший кавалерийский эскадрон. Его отход прикрывала шестнадцатилетняя Зина Купцова. С чердака дома, стоявшего на окраине, она метким огнем заставила вражеских мотоциклистов остановиться и залечь. Гитлеровцы бросили против юной пулеметчицы танки. Но, лишь расстреляв все патроны и уничтожив пулемет, Зина покинула объятый пламенем дом...

Положение, однако, становилось критическим.

Для окончательного, как они полагали, разгрома Красной Армии на Восточном фронте гитлеровские генералы разработали еще одну операцию под названием «Тайфун». 77 дивизий, в их числе 14 танковых и 8 моторизованных, более 1 миллиона солдат и офицеров, 1700 танков и штурмовых орудий, почти 20 тысяч артиллерийских орудий и минометов, 950 боевых самолетов — все эти силы должны были обрушиться на наши войска, чтобы смести их на пути к Москве. Кратчайшее расстояние до нее через Брест — Минск — Смоленск — Гжатск. «Тайфуну» оставалось нанести последний удар. После перегруппировки сил на Московском направлении противник превосходил войска Западного, резервного и Брянского фронтов по пехоте в 1,25 раза, по танкам — 2,2 раза, по орудиям и минометам — в 2,1 раза и по самолетам — в 1,7 раза. С рассветом 2 октября немецко-фашистская артиллерия открыла огонь по позициям Западного фронта, и вскоре гитлеровцы перешли в наступление.

Среди особенно часто употребляемых гитлеровцами названий русских городов, таких, как Смоленск, Вязьма, Можайск, Малоярославец, все чаще звучало труднопроизносимое на немецком — «Гжатск».

У оборонявшейся южнее и юго-западнее Гжатска оперативной группы Западного фронта под командованием генерала С. А. Калинина недостало сил, чтобы прикрыть такую важную дорогу, как Москва — Минск, и гитлеровцы вскоре появились на шоссе Гжатск — Мо-

жайск. Значительными подразделениями они начали продвигаться в направлении Гжатска с севера, запада и юга.

В самый трудный момент в Гжатск прибыл Г. К. Жуков. Он приказал генералу Калинину принять командование над всеми войсками на линии Гжатск — Юхнов. Тяжелые оборонительные бои вел 365-й полк 119-й стрелковой дивизии. На Минском шоссе насмерть стояли 18-я и 19-я танковые бригады.

Много лет спустя на одном из торжественных приемов к Юрию подойдет Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и скажет с тонкой, не сходящей с веселого лица улыбкой:

— А ведь мы с вами земляки, Юрий Алексеевич. Только в ином смысле слова. Однажды на гжатских землях я поклялся святою клятвой.

— Я не знал, Константин Константинович, — смутится Гагарин. — Вы что имеете в виду?

— Боевое крещение там получил. А клятву давал солдатскую.

И поведает маршал о том, как осенью 41-го пробивался из окружения со штабом 16-й армии. Брели по раскисшим от дождя проселочным дорогам. В одной из лесных деревушек зашли в избу. Сели перекусить. И вдруг из темного угла послышался мужской ослабленный голос: «Товарищ командир, что же вы делаете?» Рокоссовский присмотрелся, подошел. На кровати лежал седобородый старик. Оказалось, больной отец хозяйки. Посмотрел он на Рокоссовского, тогда еще генерала, полным упрека взглядом, словно пронзил: «Товарищ командир... Сами вы уходите, а нас бросаете. Оставляете врагу. А ведь мы для Красной Армии отдавали все и последнюю рубашку не пожалели бы. Я старый солдат, воевал с немцами. Мы врага на русскую землю не пустили. Что же вы делаете? Если бы не эта проклятая болезнь, ушел бы защищать Россию». Чем было оправдываться перед старым солдатом? «Поверь, отец, — сказал Рокоссовский, — поверь как солдат солдату, мы еще вернемся...» И помнил маршал точно, что было это где-то под Гжатском, ибо на рассвете, после того как прошагали верст тридцать по изнуряющему распутью, донеслась весть, что этот город близко, что в нем наши войска, а накануне там был Ворошилов. Тронулась колонна штаба и управления, людям хотелось поскорее переправиться через реку и встретиться со своими. Но на мосту ждала засада,

пришлось пробиваться с автоматами в руках в обход уже занятого гитлеровцами Гжатска...

— Я видел вспышки света над лесом, и до Клушина доносились орудийные залпы. Луна высоко светила, — сказал Гагарин.

— Нет, Юрий Алексеевич, — мягко возразил маршал, — в те дни и ночи шли проливные дожди.

Да-да, конечно, Гагарин и сам тут же вспомнил, что, когда со стороны Пречистого появились немецкие мотоциклисты, над деревней, над лугами и полями стояла сырая рассветная морось, а потом посыпал холодный ветристый дождик. И как будто серой этой пеленой заслонило, отдалило солнечную сторону, — нет, не их луговины, а всей страны. Что-то произошло в мире — их жизнь в одночасье перевернулась.

Висевший на стене репродуктор совсем онемел. Последний раз, прежде чем диверсанты перерезали провода, он выговорил сообщение:

«В течение 12 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно ожесточенные на Вяземском и Брянском направлениях. После упорных многодневных боев войска оставили г. Брянск... В течение 11 октября над Москвой сбито 4 немецких самолета и 12 октября сбито 12 немецких самолетов...»

В Клушино фашисты вошли 12 октября.

В избу Гагариных ворвался солдат в светло-зеленой шинели. Просто солдат в пилотке с красным, обветренным лицом. Повел автоматом туда-сюда, ударом кованого сапога выбил дверцу тумбочки так, что посыпалась крупа, и, торопясь, озираясь, начал шарить в шкафу, в комоде, за печкой.

— Матка, млеко, яйка...

Вбежали еще двое таких же помятых и суетливых, но, видно, нюхом острей — сразу кинулись к подполу, сноровисто приподняли половицы, извлекли кусок сала, бидон молока...

— Крысы... Как есть крысы...

Чьим шепотом пальнуло вдруг по ушам? Кто сказал — отец, а может быть, Валентин?

Один солдат обернулся, щелкнул затвором автомата, навел на отца. Тот выдержал взгляд, не опустил головы, промолчал.

Мать поманила, прижала Юру, Бориску, проговорила, чтобы слышали только они:

— Потерпите, что делать... За ними вон какая силища. Но за все им отплатится...

И тут кто-то из соседских мальчишек позвал под окном:

— Юрка, Валька, школа горит!

Ничем уже и никогда не выветрится едкий, слезящий глаза угарный запах пепелища. Кто посильней, пытался растаскивать дымящиеся бревна, колотил палками по обугленным остовам парт, за которыми сидели еще вчера. Голубой глобус выглядывал из пепла обожженным боком, и смельчак-мальчишка, выкатив его на пожухлую от жара траву, обрадованно закричал:

— А Советский Союз остался! А Советский Союз не сгорел.

И стоявшие в этом уже пригасающем чаду ребятишки, не сговариваясь, потянулись к учительнице, как только ее увидели.

— Ксения Герасимовна!

— Здравствуйте, дети...

Она подошла и встала рядом — прямая в легком своем пальтеце и в темном платке, по-крестьянски повязанном до бровей. Наклонилась, приобняла самых маленьких:

— Не бойтесь, дети. Все переживем, переборем. А уроки продолжим. Завтра соберемся вон в той избе. Мир не без добрых людей.

Как-то вернулся Юра однажды домой, а на порог не пускает все тот же немец.

И материнский голос шелестом сирых, набрякших холодными каплями веток:

— Нет у нас теперь дома, сынок... Фашисты проклятые выгнали, будем копать землянку...

Юра спрятал букварь за пазуху — и мимо родного дома, на окна которого невыносимо смотреть — скорее туда, где назначила Ксения Герасимовна им снова собраться.

Кто-то уже сдвинул два стола, приставили лавку-другую, ничего, в тесноте — не в обиде. Ксения Герасимовна в том же платье голубыми цветочками по сиреневому, в каком встречала их первого сентября. Задернула зана-

вески на окнах, прихлопнула поплотнее дверь, накинула железный крючок.

— Ну что же, дети, продолжим занятия...

Через час в дверь громко, требовательно постучали. И, не дождавшись, когда откроют — Ксения Герасимовна замерла, — заколотили ногами, ударили чем-то твердым, металлическим.

Ксения Герасимовна сбросила крючок.

В избу ввалились трое немцев.

— Мы учимся. Дети должны учиться, — с достоинством ответила Ксения Герасимовна.

Офицер подошел к ее столу, взял букварь, полистал, задержался на странице, где изображена была Красная площадь со Спасской башней и Мавзолеем Ленина, и, постучав по картинке пальцем, ядовито произнес:

— Понятно. Хотите, чтобы эти щенки запомнили плац, по которому мы скоро пройдем парадом. А потом сотрем с лица земли, затопим всю вашу Москву...

— Вы не смеете так говорить о детях, — заливаясь краской стыда, что при ней так разговаривают, вспыхнула Ксения Герасимовна.

— А вы это смеете? — взвизгнул офицер и, замахнувшись, швырнул в учительницу букварь.

Наверное, он бы ее ударил. Но тут произошло нечто трудно объяснимое, потому что, когда уже стали взрослыми, никто из ребят толком не мог понять, как на такое решились.

Юра Гагарин выскочил из-за стола, поднял с пола букварь, расправил помятые страницы и встал, заслоняя учительницу, вызывающе глядя на немецкого офицера. Громыхнув скамьями, ребята устремились к ним, окружили кольцом.

— О, это называется пролетарская солидарность! — изумился офицер. И усмехнулся, хлопнув снятой перчаткой себе по ладони. — Ну хорошо, мы начнем вас постепенно разучивать... — Он повелительно повернулся к солдатам и резко приказал им что-то по-немецки. Те кинулись собирать со стола буквари, тетради.

Возле дома солдат полил груду учебников бензином из канистры, и пламя взвилось почти до крыши. От налетевшего ветра скорченные листки разлетались по сторонам.

Юрий оглянулся и все-таки выбрал момент, поднял и спрятал несколько опаленных по краям страничек.

Ему удалось спасти странички букваря, до которых он сам «дошел» всего несколько дней назад и где было стихотворение, как ему казалось, о тех летчиках, которые прилетели на солнечную луговину первого сентября.

Мой милый товарищ, мой летчик!
Хочу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу кочует,
Как по лесу бродит медведь.

Как светят зарницы в просторе,
Как утром на убыль идут,
Как речки в далекое море
Зимою и летом плывут.

Давно мне наскучило дома,
Обегал я поле и сад.
Мне небо еще незнакомо:
Какой в нем порядок и лад?

Так вот высоко над землею
Мы будем лететь и лететь.
Возьми меня, летчик, с собою,
Не будешь об этом жалеть.

Лететь бы над морем к востоку,
Проплыть над большим кораблем,
Лететь бы высоко, далеко
И птицей кружить над Кремлем.

И скоро они прилетели. Вернее, пролетели над селом, шесть бесстрашных советских Илов. Все мальчишки распознавали теперь самолеты — чужие и наши — точнее, чем собственных голубей, которых давно ради куража и пьяного веселья перестреляли фашисты.

«Штурмовики полетели бомбить», — сразу определил Юрий, и с ним не стал спорить даже Вова Орловский, забияка, любитель опровержений. Точно — вскоре вдалеке послышались глухие удары разорвавшихся бомб.

Сделав свое боевое дело, вся шестерка вынырнула из-за леска и, как бы пригибаясь, снова с другой стороны стригнула опасное над селом небо. Но тут с холма ударили немецкие зенитки. Пять самолетов благополучно проскочили губительное заграждение, а шестой задымил и пошел на снижение — угодил в него все-таки фашистский снаряд.

Но, наверное, поняв, что ему не дотянуть до спасительной линии, до своих, летчик развернул самолет и на бреющем повел его над колонной фашистов. Последними

яростными очередями ударили по врагу его пулеметы, а когда ему уже нечем было стрелять, пилот устремил штурмовик в самое скопище бронемашин. Вместе с громом второе солнце вспыхнуло над селом. Три танка пылали, четвертый взорвался. Кострище взметнулось до самого неба.

Удивительно ли, что на всю жизнь в глазах Гагарина останутся отблески героического поступка неизвестного летчика.

«И самолет и летчик сгорели, — вспоминает он. — Так никто в селе и не доведался, кто он, откуда родом. Но каждый знал: это был настоящий советский человек. До самого последнего дыхания он бил врагов. Весь день мальчишки проговорили о безымянном герое. Никто не сказал вслух, но каждый хотел бы так же вот жить и умереть за нашу любимую Родину».

Не в те ли дни озорноватые голубые глаза Юрия с золотистыми искорками доброты словно подернулись железистой окалиной недетской думы?

Не с той ли минуты, когда фашист Альберт, новый хозяин их дома, зарядчик аккумуляторов, ради развлечения повесил за детский шарфик на суку яблони доверчиво потянувшегося к нему за кусочком сахара маленького Бориску?

Этого уже невозможно было забыть никогда: мать, метнувшуюся с побелевшим лицом к мальчику, который на глазах у веселящегося гитлеровца начинал уже подергиваться судорогами.

Бориску еле отходили. А перемену в Юре, конечно, заметила мать.

«Когда Боренька в себя пришел, а я смогла вокруг кое-что различить, обратила внимание, что с Юрой творится неладное. Стоит, кулачки сжал, глаза прищурил. Я испугалась, поняла — отомстить задумал. Подошла, на коленки к себе сына посадила, по голове глажу, успокаиваю: «Он же нарочно делает, чтобы над тобой тоже поиздеваться, чтобы за пустяк убить. Нет, Юра, мы ему такую радость не доставим».

И все-таки он будет мстить, мстить, хотя ни маме, ни отцу, ни Зое, ни даже Валентину — ни слова.

Страшно. Снег пахнет бензином и порохом. И предательски скрипит под ногами. Вовка вспрыгивает на завалинку, смотрит в окно избы, уснул ли подвыпивший «черт» Альберт. Отмахивает рукой: давай!

По этой команде Юра запихивает в выхлопную трубу

мотоцикла извлеченный из карманов мусор, щепки и тряпки.

Назавтра две пары внимательных смеющихся глаз высматривают в заборную щель, как «черт» полчаса, а то и час не может завести мотоцикл. Он, конечно, находит причину неполадки и, очистив трубу, бежит к Юриной матери. Несколько дней после этого Юра прячется у соседей.

Но что это — во сне, наяву? Дверь землянки распахнута сильным ударом приклада.

И фонариками, как ножами, — в лица, в глаза.

— Валентин Гагарин? Шнель, шнель! Выходи! Герр комендант приказал. К девяти утра на расчистку снега...

Этого ждали и опасались давно: вот таких, как брат, как Зоя, угоняют в Германию, в рабство. Приказ на работу — подвох.

Мать заломила руки, приобняла Валентина, оттолкнула охранника:

— Не отдам, не отдам!

Валентин спокоен, подпоясывается ремнем и ростом как будто стал выше от этой беды.

— Мама, спокойно, отец, прощай. Юрка, слышишь — не хлюпать носом. Разберемся, в обиду себя не дадим...

Но кто и где разберется? В землянке теперь как в могиле: холодно, мрачно, пусто. Зоя забилась в угол, боится, что завтра придут за ней.

А утром проясняется все окончательно — до почерневшего снега в глазах. На площади, где когда-то гремели оркестры и пели гармони под красными флагами, замерли друг против друга два строя: один из крестов с поржавевшими касками, другой из людей — парней и девчат. Сквозь влажную, застилавшую глаза пленку, как в мутный бинокль, выщупал Юра в толпе Валентина. Брат стоял с неподвижным, таящим отчаянье взором, словно простреленный, но не падающий, потому что вморожен был в снег. «Валя! Брат! В Германию, в неволю?»

И звяканье касок на жестком ветру — как торжественный похоронный марш, под который пошла вниз по дороге колонна пленных.

Наутро полицаи заявились за Зоей.

И снова тот же понурый путь — от площади мимо дома. Зоя, Зоя, сестричка, мамка, твоя школьная парта с

крышкой под подбородок, первые буквы в волшебной книжке, пришитая пуговица на рубашонке, теплый, всегда ободряющий взгляд. И тебя увели фашисты...

Как сегодня все это представить, что творилось в душе мальчонки?

Землянка совсем опустела.

И вдруг однажды, словно в простудном бреду, разбудили голоса незнакомых. Прислушался — вроде хорошие люди. Выглянул из-под рядна: трое рослых парней сидят за столом в маскхалатах. Сгрудились вокруг отца, а он им на карте рисует кружочки. И обронил одно лишь словечко: мины. Значит, это наши? Разведчики!

Но какой же это был замечательный день — со смеющимся мартовским солнцем, взошедшим над луговиной, со свежей порошей, салютующей мириадами искорок. И бодрее, радостнее любого оркестра скрип снега под валенками наших солдат, шагающих в новеньких полушубках, в шапках со звездами и смотрящих на тебя роднее родных.

Командир, высокий, подтянутый, оглядел собравшуюся толпу:

— Есть ли среди вас Гагарин Алексей Иванович? Прошу выйти!

Отец, прихрамывая, вышел из последних рядов, в смущении остановился.

— Спасибо вам, дорогой Алексей Иванович, много жизней спасли.

Командир обнял и поцеловал отца.

Зарделся Юрий от гордости: это же выше всяких наград!

За краснозвездным солдатским строем дни пошли один за другим как сплошные праздники.

Так совпало, что в день рождения Юры, словно ему в подарок, возобновились занятия в школе — 9 марта 1943 года. Под школу отвели половину дома Клюквины — добрые люди. Тетя Вера сама предложила и к приходу ребят полы вымыла, отскоблила, окна протерла до самой ясности. Втащили столы, табуретки.

Почти через два года опять собирался вместе их первый класс.

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, Ксения Герасимовна!

— Как вы все выросли... Как война-то вас вытянула... Ну что ж, начнем урок, будем теперь догонять.

И тут выяснилось, что ни у кого не осталось ни одно-

го букваря, ни одной книжонки — все отобрали, сожгли фашисты.

— У меня два листка сохранилось. От букваря, могу сбегать... — быстро откликнулся Юра.

— Вот молодец, — удивилась учительница. — Почитаем их завтра. А сейчас заниматься будем...

И она достала из сумочки книжку со звездой на серой обложке. Что это? Таких никто не видал. Неужели новый букварь?

— Боевой устав пехоты РККА, — сказала Ксения Герасимовна. — Командир подарил школе на память... Вот и надпись: «Учитесь, ребята, отлично, а мы пойдем на Берлин».

— У меня есть такая, — встал с табуретки Ваня Зернов.

— И у меня, — поднял руку Женя Дербенков.

Эта книжка, оказалось, была у шести мальчишек.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Ксения Герасимовна. — Значит, на всех нам хватит. Кто начнет читать по незнакомому букварю? Ты, Юра?

Юра взял книжку и растерялся: что здесь читать? Сначала шли какие-то пункты, как правила. «...Боевым уставом пехоты руководствоваться всему командному и начальствующему составу РККА...»

— А что такое РККА, Ксения Герасимовна?

— РККА — это сокращенно Рабоче-Крестьянская Красная Армия, — пояснила учительница. — Смотрите, подписано — «Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза Ворошилов...» Это его приказ обучаться по уставу РККА всем командирам.

— Но мы же не командиры, — пожал плечами Ваня Зернов.

— Ничего, Ваня, вот вырастете и станете все командирами, — с уверенностью проговорила Ксения Герасимовна и показала Юре место, откуда читать.

— «Одиночный боец. Общие положения... Бой — это самое большое испытание моральных, физических качеств и выдержки бойца. Часто в бой придется вступать после утомительного марша и вести его беспрерывно несколько суток днем и ночью. Поэтому, чтобы выполнить свою задачу в бою, боец должен уметь переносить всевозможные трудности и лишения, оставаясь бодрым, мужественным, решительным, и неуклонно стремиться к уничтожению противника и к победе...»

Гагарины давно перебрались из землянки, но чув-

ствуют себя неприютно, сиротливо без Валентина и Зои. Что с ними, где они, живы ли вообще?

Потянул на себя дверь — не поддается. Кто-то толкнул навстречу:

— Заходи, заходи, одиночный боец Красной Армии, давно поджидаем!

Отец непривычно веселый, приветливый.

Мать повернула от печки озаренное жаром лицо, двинула ухватом в самое пекло чугун.

— Сейчас, сынок, покормлю тебя, Юра. А у нас, детка, праздник. — И ломается материнский голос от слез.

— Читай сам, — протягивает фотокарточку отец и выкручивает фитилек коптюшки на полную яркость.

Валя! Брат! Узнаваемый и незнакомый в танкистском шлеме, с блестящими значками на гимнастерке. Награды? На обороте фотокарточки надпись:

«Привет с фронта. Жду писем. Мой адрес: полевая почта № 75417 «а».

И у отца срывается голос:

— Сбежал-таки из неволи. Перешел линию фронта. И вот тебе — башенный стрелок в танке. А как же иначе? На то он и есть Гагарин. Нашей фамилии не посрамил.

С этой фотокарточкой засыпает Юра в ту ночь. А утром, отложив на время уроки, пишет первое в жизни письмо:

«Дорогой брат Валя!

Напиши мне, пожалуйста, когда кончится война? Я хожу в школу, учит нас Ксения Герасимовна. Мы собираем железо на танки и самолеты. Железа везде очень много. Бей сильнее фашистов. Я соскучился по тебе, и не забудь, напиши, когда кончится война.

Твой младший брат Юра».

Ждали ответной весточки от Валентина, а открытку получили от Зои. Оказывается, ходит не только беда за бедой, но и радость за радостью. Любимой сестренке тоже удалось бежать от фашистов. Служила она теперь в военном ветеринарном госпитале.

«Мне очень пригодились мои деревенские знания, — писала Зоя. — Я ухаживаю за ранеными лошадьми. Мы возвращаем их в строй, чтобы наши кавалеристы могли громить фашистов, могли отплатить за горе советских людей».

И полетели письма из Клушина на фронт, с фронта в Клушино.

Отец все-таки уговорил взять его в армию. Только служил он недалеко, в Гжатске. По воскресеньям ходили его навещать.

Знали — химический карандаш он топориком вытачивал до игольчатой остросги. Часами корпел над листом бумаги, потом медленно, с расстановкой читал вслух на общее одобрение.

«Добрый день или вечер, дорогой и многоуважаемый наш сынок и боец Красной Армии Валентин Алексеевич!

Я тоже служу в Красной Армии, но по причине моей хворой ноги и ввиду возраста оставили меня в Гжатске при госпитале, в хозяйственной команде. А сегодня воскресенье, и ко мне пришла мать с твоими братьями, принесла твое долгожданное письмо, что ты жив и здоров и бьешь проклятую немчуру, и мы вместе пишем тебе ответ...»

После прочтения на специально оставленном внизу листка месте Юре дозволялось что-нибудь нарисовать или написать несколько слов. Чаще всего он изображал танк со звездой на башне. А приписка была почти что всегда одна: «Валя, сообщи, когда разобьете фашистов?»

Весна 1945-го напирала, осаживала, растопляла снега, взрывалась почками на ветвях, луговина покрывалась первой нежно-зеленой травой. А в полях потарахтывал, вкапывался плугом, отваливал землю трактор. И все это звучало как бы в одном аккорде со сводками Информбюро, приносящими новости с фронта.

И вдруг победа! Неужели победа!

При этом слове перед Юрием всегда возникала мать. Такой он увидел Победу: мать на фоне светлого в солнечных струнах неба. Обняла Юру, затормошила:

— Ты понимаешь, капут их Гитлеру. Победа, сынок, победа!

Но куда же его самого понесло, как на крыльях, и в крике не узнавался, отлетывал собственный голос:

— Победа! Ура! Победа!

Колечком буйного роста останется на юном деревце, распустившем резные, прозрачные листья, этот день сорок пятого года.

«Я выбежал на улицу и вдруг увидел, что на дворе весна, над головой синее-пресинее небо, и в нем поют жаворонки. Нахлынуло столько еще неизведанных, ра-

достных чувств и мыслей, что даже закружилась голова. Я ждал скорого возвращения сестры и брата.

Отныне начиналась новая, ничем не омрачаемая жизнь, полная солнечного света. С детства я люблю солнце!»

Глава пятая

Четыре года — с сорок пятого по сорок девятый — прожил Юрий Гагарин в городе, что раскинулся над рекою Гжатью. То зеркально застылой под склоненными, окунувшими косы ивами и ракитами, то веселым, чешуйчатым серебром играющей на быстрине, то коловоротно закручивающей воронки на опасной глубине темных омутов, — и все это в давно обжитых берегах, на которых по вечерам алеют закатным огнем окна домов и купола старинных соборов. Четыре детских года. Но как бы ни был краток этот срок, кажется, река Гжать протекает через всю жизнь Гагарина, она его душа, характер и облик. И не Гагарин поселился в Гжатске, а Гжатск в нем — навсегда, до самого последнего дня.

Алексея Ивановича, когда присмотрелись, что он на все руки мастер, пригласили на работу в город — плотничать в квартирно-эксплуатационную часть. Он-то и выхлопотал небольшой участок на самой окраине, где кончалась Ленинградская улица. Двенадцать верст от Гжатска до Клушина и обратно с больной ногой — много не находишь. Надо было бросать родное и свивать новое гнездо.

Как мог успокаивал он расстроенную жену — двадцать лет прожили под старой крышей, да и в их ли годы начинать все сызнова?

А уже знала Анна Тимофеевна, что в городе яма под фундамент вырыта — Юра и Борис помогали, храня отцовскую «военную тайну». И обливалась слезами, когда, свалив крышу, Алексей Иванович принялся разбирать загодя пронумерованные бревна клушинской старой избы.

— Мам, ты не плачь, — успокаивал Юра, дотягиваясь, приобнимая. — Там такая красивая речка — широкая, глубокая и большие дома и дворцы... А я рыбу буду ловить и кормить вас.

Она-то знала, что там за дома и дворцы. И какую рыбу — снаряды да мины все еще вылавливали саперы из той речки, хотя уже два года как освободили Гжатск.

— Вот построимся, одним домом в городе прибавится, — покряхтывал, прилаживая на телеге бревна, Алексей Иванович. Пытался острить, но горькая правда была в его словах: Гжатск, еще весь разбитый и закопченный, громоздился, чернел в развалинах, и не к легкой городской жизни перевозил свою семью старший Гагарин. Позже все они, как о самих себе, прочтут у Ильи Эренбурга написанное еще 6 апреля 1943 года:

«Недавно мне пришлось побывать в Гжатском районе, освобожденном от немцев. Слово «пустыня» вряд ли может передать то зрелище катаклизма, величайшей катастрофы, которое встает перед глазами, как только попадаешь в места, где захватчики хозяйничали семнадцать месяцев. Гжатский район был богатым и веселым. Оттуда шло в Москву молоко балованных швицких коров... Рядом с древним Казанским собором, рядом с маленькими деревянными домиками в Гжатске высились просторные, пронизанные светом здания — школа, клуб, больница. Были в Гжатске и переулочки с непролазной грязью, и подростки, мечтавшие о полете в стратосферу.

Теперь вместо города — уродливое нагромождение железных брусков, обгоревшего камня. Гжатск значится на карте, он значится и в сердцах, но его больше нет на земле. По последнему слову техники вандалы нашего века уничтожали город... Шесть тысяч русских немцы угнали из Гжатска в Германию... Встают видения начала человеческой истории. Напрасно матери пытались спрятать своих детей от гитлеровских работорговцев. Матери зарывали мальчишек в снег — и те замерзали. Матери прикрывали девочек сеном, но немцы штыками прокалывали стога... Слово «смерть» слишком входит в жизнь, оно здесь не на месте, лучше сказать «небытие», «зияние», и права старая крестьянка, которая скорбно сказала мне о фашистах: «Хуже смерти...»

Государственная чрезвычайная комиссия для установления ущерба, нанесенного оккупантами городу, подсчитала, что за время оккупации фашисты уничтожили жилых домов 844 из 1317, холодных построек — 842 из 862, все учрежденческие здания — 87, электростанцию, все промышленные предприятия — 9, 4 школы, зооветтехникум, кинотеатр, 4 клуба, парк, амбулаторию, детские дома, сады и ясли, 12 магазинов, дом инвалидов, больницу на 150 мест.

Ко времени освобождения от оккупации в городе на-

считывалось немногим более тысячи жителей, тогда как до войны в нем проживало двенадцать с лишним тысяч человек...

Но было лето сорок пятого, и даже сквозь проемы вышибленных окон, сквозь сиротские дымки, струящиеся над землянками почти вдоль всей Ленинградской, мир виделся голубым и зеленым, а будущее обещало счастье. И потому, едва приехав с первой увязкой бревен и кое-как помогая их разгрузить, Юрий, словно и не слышал остерегающего материнского оклика, бросился к реке, что тут же, в каких-то двухстах шагах, поджидала, приманивала его, зеленоватая от склоненных ив и ракит, пронизанная золотистым светом уже разогретого солнца.

Наверное, он слишком понадеялся на себя, нырнул глубоковато — вода обожгла, перехватило дыхание, а когда поплавком, ловя ртом воздух, выскочил на поверхность и, попробовав низ ногой, не достал до дна. Глянул на уже отдалившийся берег и зазнобило от страха — течение несло его на стремнину.

«Никогда не купайся один!» — вспомнил он предостережение матери, сделал несколько замахов назад, в сторону, чтобы вырваться из притяжения, от которого мог вот-вот захлебнуться.

И вдруг смутно услышал далеко пробубнившее по воде:

— Эй ты, как тебя! Клушинский!

Откуда это? С другого берега? И кто его знает, и кто зовет? Но вот опять что-то эхом отлетело от воды, ударило в уши:

— Тебе говорят, Клуша, греби на месте! И не боись. Тебя самого прибьет вон к той вот раките.

Юра едва разглядел мальчишку, который стоял над обрывом, уже раздетый, готовый прыгнуть на выручку.

От одного только решительного его вида Юра успокоился, осмотрелся, выравнивая дыхание.

«Значит, клушинский, — подумал он с веселым, внезапно охватившим его азартом. — Значит, я деревенский, а ты городской!»

И, развернувшись, преодолевая течение, а был уже метрах в десяти от берега, где кричал ему незнакомый мальчишка, повернул назад.

Он еле вылез на осклизлую траву, хватаясь за зеленые космы осоки, и с колотящимся сердцем сел на свою одежонку.

— Ты смотри, да у тебя гусиная кожа, — покачал головой мальчишка, в несколько взмахов, саженками, успевший к тому времени перемахнуть с того берега. — Паша Дешин, — сказал он и протянул крепкую руку.

Так началась первая гжатская дружба, дружба того мальчишеского бескорыстья, которая почему-то часто прерывается с годами, оставаясь лишь воспоминанием.

Где вы, други послевоенного лихолетья, казавшиеся взрослее взрослых в свои десять-двенадцать лет, строгие судьи малейшей нечестности, выдумщики в озорстве, терпеливые в голоде и недетской работе, — Паша Дешин, Валя Петров, Лева Толкалин, Слава Нижник, Володя Попов и Тоня Дурасова, разрешавшая в минуту все споры и драки?

Первое гжатское лето прошло в заботах о доме, который нужно было собрать из бревен, а потом еще возвести над ним крышу.

Не зазывай, не соблазняй, река, затененной прохладой омута и блеснувшей в глуби, словно ласточка, юркой плотвичкой. Жара нещадная, но отец неумолим: пока не выложат очередной ряд кирпичей на фундамент, о купании не думай. И с усталым нытьем в плечах, когда «руки как крюки», месят они с Борисом в деревянном корыте цементный раствор, переносят тяжелые ведра, обливаются потом.

Самый дальний пока отрезок его пути — двенадцать верст от деревни Клушино. Остановиться, оглядеться вокруг, выбрать ориентиры, чтобы не заблудиться. Нет, пока не по звездам. Вот по тому угловому дому, от которого поворот налево, на Красную — как в Москве! — Красную площадь, мимо собора, мимо крепкого, вековой кладки здания, на мост, и опять никуда не деться от Гжати. Она всюду — спереди, сзади, справа и слева. В ней течет словно жизнь старинного города. Интересно, где ее родничок и куда впадает река? Пашка Дешин сказывал, будто по этим берегам проезжал когда-то сам Петр I.

Так начинается определение своего места не только в пространстве, но и во времени. И конечно, Юрию повезло хоть немного, но пожить в этом городе Гжатске, где прошлое так близко соприкасается с настоящим. Для детской восприимчивой души достаточно лишь малейших впечатлений, чтобы в ней вспыхнуло уважение к истории места, откуда дальше идти и идти. Конечно, Юра узнавал обо всем постепенно.

Действительно, есть свидетельства, что, объезжая страну в поисках наиболее удобных путей движения грузов в северную столицу — Санкт-Петербург, — Петр I обратил внимание на реку Гжать, приток Вазузы, впадающей в Волгу возле Зубцова, тоже старинного города.

28 октября 1715 года Петр I предписал: «В Московской и Рижской губерниях по рекам по Гжати от устья Малой Гжати да по Вазузе от села Власова сделать судовой ход, как возможно, чтобы могли суда с пенькой и хлебом и с иными товарами ходить без повреждения и чтобы сие учинить сего года до заморозов, да на тех же реках в пристойных местах сделать анбары».

Вот, оказывается, из какого времени вытекает Гжать — труженица, не просто рекою, а пользою государству Российскому!

Немало было положено трудов местных крестьян, ремесленников, работных людей, чтобы в заброшенном, болотистом и лесистом районе на месте никому не известной небольшой деревушки возникла Гжатская пристань, ставшая затем Гжатской слободой. До сих пор идут споры о дате основания Гжатска. Большинство сходятся на октябре 1715 года. После открытия пристани началось заселение ее ремесленниками и купцами — снимались с насиженных мест нелегко. Но уже через три года государевы планы оправдали себя: на строительство Ладожского канала, где в это время голодало огромное число рабочих, прибыл первый гжатский хлебный караван на 50 барках. Обрадованный Петр I, по преданию, щедро наградил гжатчан, преодолевших столь дальний и опасный путь, и заявил, что отныне будет считать Гжатск житницей Петербурга.

В знак особого почтения Петр I приказал возвести в слободе на левом берегу Гжати, там, где он выгибается полуостровом, дубовый одноэтажный дом с мезонином, который был украшением города почти до середины прошлого столетия.

В указе «Об открытии Гжатской пристани и о переводе на оную торжков из Можайского уезда» перечисляются следующие города, способные, по замыслам Петра I, доставлять к Гжатску хлеб: Верея, Боровск, Калуга, Мещерск, Серпухов, Мосальск, Серпейск, Алексин, Таруса, Оболенск, Малый Ярославец, Мценск, Чернь, Тула, Орел...

Разве нельзя сказать так: почти вся Россия смотре-

лась тогда в зеркало широкой, полноводной реки. А сами гжатчане тоже Россия.

Все это впитывал — капля за каплей — из соков гжатской земли, из корней дальней и славной истории мальчик Юра Гагарин.

И вдруг новое открытие, совершенное сентябрьским днем сорок пятого, когда он пошел в третий класс базовой школы при педагогическом училище.

На переменке учительница Нина Васильевна Лебедева собрала ребятишек в кружок и, обведя взглядом стены, тихо сказала:

— Дети, а знаете ли вы, что учитесь в историческом доме? Здесь останавливался великий русский полководец Кутузов...

Тогда, быть может, и не сразу Юра все осознал, но, взрослея, внимательнее приглядывался к краснокирпичному дому, принадлежащему когда-то купцу Церевитинову.

Не где-нибудь, а под Гжатском произошла восторженная встреча М. И. Кутузова, назначенного на пост главнокомандующего, с русской армией. «Приехал Кутузов бить французов», — передавали солдаты из шеренги в шеренгу. А Кутузов, по рассказам очевидцев, приняв почетный караул, произнес: «Ну, как можно отступать с такими молодцами!» Полки, жаждавшие решительной битвы, услышали волнующее воззвание полководца к смолянам:

«Достойные смоленские жители, любезные соотечественники. С живейшим восторгом извещаюсь я отовсюду о беспримерных опытах в верности и преданности вашей... к любезнейшему отечеству. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа... Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить сердец ваших. Таковы россияне».

Не найдя нужного места для битвы, Кутузов ушел с войском к Бородину, а здесь развернулась ожесточеннейшая партизанская борьба.

В Гжатском уезде начал свои бесстрашные рейды, налеты на французов отряд Дениса Давыдова. И не дальний ли предок Юрия отличился удалью и храбростью в том же сентябре двенадцатого года? Не дед ли его деда Гагары?

Французский генерал Бараге-Дильер доносил начальнику штаба наполеоновской армии маршалу Бертье:

«Число и отвага вооруженных поселян в глубине области, по-видимому, умножается. 3 сентября крестьяне деревни Клушино, что возле Гжатска, перехватили транспорт с понтонами, следовавший под командованием капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются от войск наших и режут отряды, кои по необходимости посылаемые бывают для отыскания пищи».

Гжатск, освобожденный от французов 2 ноября, оккупанты уничтожили почти полностью. Они сожгли все здания присутственных мест, 252 частных дома; 326 домов сильно обгорели — свидетельствует «Смоленская старина» за 1916 год.

Сколько же народного горя и гнева отразилось в тебе, светлая, чистая Гжать!

Потрескивают головешки в костерке, разведенном на берегу, то взвивается, то приникает к земле огонь. Три неразлучных дружка — Юра Гагарин, Валя Петров и Женя Васильев, — потирая от дыма кулаками глаза, ждут не дождутся, когда же будет готов их ужин. Дома в тумбочках и шкафах хоть шаром покати — ни кусочка хлеба. Матери совсем голодными спать не уложат. Чего-нибудь да наскребут по сусекам. Про картошку лучше не вспоминать — сейчас бы рассыпчатую, белую, круглую, как раньше, до войны, в деревне.

Но в этом году картошки как не бывало. Огород по привычке вскопали, а хватились — сажать нечего. Отец раздобыл полмешка за труды свои плотницкие. Сбросил возле стола на кухне с плеча. Уселись они с матерью на табуретки, как над сокровищем, а Юра с Борисом рядом носами шмыгают, слюнки глотают. Посмотрел отец на одного, на другого и говорит: «Вот что, Нюра, эти полмешка раздели пополам, надо ребят поддержать, свари супа, а другую половину покромсаем на семена».

Четыре дня ели жидкое варево, вкуснее какого в жизни потом ничего не пробовали. А порезанные на части картофелины сунули в сырую, холодную землю — весна сорок седьмого дождливой выдалась, — только и взошло два-три десятка ростков, не набрали семена силу. Да и на те слабо проклюнувшиеся из борозды листочки чуть ли не молились, чтобы они поднялись и запестрели бледно-голубыми с желтыми глазками цветками.

А пока ждали урожая — всего-то пять-шесть ведер выкопали, — перебивались добытой с великим трудом на копаных-перекопаных огородах и полях гнилой картошкой, из которой мать пекла серые, как асфальт, блины, за свой вкус нареченные в народе «тошнотиками».

Наверное, потому и отпускала мать Юру на речку, придерживая только младшего Бориску по малости лет, что видела в реке подсобницу. Гжать подкормит Юрашу.

И сейчас у костра, немигающе глядя в пламя, ребятишки прислушивались, ждали сигнала к речному ужину. Пескарики уже поджаривались, дымились парком на ольховых веточках-вертелах. Маловато, правда, их, да и мелковаты. Как говорит Женька, всего-то и положить на зуб. Зато ракушек много, бросили их в самый жар, шипят, вот-вот начнут выстреливаться, раскрывая створки, — это и будет привычным сигналом к началу трапезы. На что же похоже их белое мясо? На высунутый язык, а по вкусу на селедочную икру, только пресную, от которой отдает речкой и водорослями.

Ужин в разгаре — прокаленные ракушки обжигают ладони, а пескарей можно жевать как хамсу — с косточками. Все трое жуют, молчат и думают об одном и том же: завтра принимают их в пионеры. Пятый класс... Уже пятый! И затухающие взвивы костра похожи на красные кончики пионерского галстука. Вспыхивают, расправляются и снова трепещут от ветерка.

— Валь, повтори, почему галстук красного цвета?..

Они уже многое знают.

О телеграмме, посланной Московскому военно-революционному комитету, когда в Гжатском уезде была установлена Советская власть: «Власть в руках Совета. Спокойно».

О бесстрашном большевике, первом председателе исполкома уездного Совета М. П. Ремизове, который ушел из-под обстрела во время кулацкого мятежа и вернулся в Гжатск на бронепоезде с отрядом красноармейцев, чтобы защищать Советскую власть.

О революционере-гжатчанине Ф. Ф. Солнцеве, расстрелянном в Закаспии английскими интервентами в числе 26 бакинских комиссаров.

О том, что в июне 1919 года в Гжатске перед красноармейцами и жителями города выступал председатель ВЦИК М. И. Калинин. Учительница читала им выдержки из этой речи.

«Чем держится Советская власть? Эта власть суще-

ствует потому, что в глубине крестьянских и рабочих масс таится глубокое убеждение, что... это доподлинное правительство рабочих и крестьян... что не может быть другой власти, которая так бы широко шла навстречу рабочим и крестьянам... Империалистические хищники стараются сделать все, чтобы только вызвать восстание на почве голодовки... Люди, которые придут после нас, с благоговением скажут, что спасение их в том, что мы претерпели те муки, в которых мы сейчас живем. Призываю всех вас к общей борьбе, в ряды Красной Армии».

Завтра принимают в пионеры, но радость неполная, к ней примешивается огорчение — нет галстука. Сказали, чтобы каждый принес с собой, а в магазинах не оказалось даже кусочка красного ситца. Мать и к соседям наведалась — нет.

Подергивается пепелком костерок, гаснут последние угольки. От речки потянуло холодом, пора собираться домой.

Прямо с порога первый вопрос:

— Ну что, так и не нашлось галстука?

— Пока нет, сынок... Ложись спать, утро вечера мудренее.

Какая надежда на ночь? Юра долго ворочается с боку на бок. Но голод и усталость проваливают словно в пропасть. А мать, привернув фитилек керосиновой лампы, ставит на стол швейную машинку и склоняется над стареньким сундучком. Там хранится самое заветное, дорогое сердцу и памяти, что не решилась обменять на картошку и хлеб. Вот на самом дне — красная рубашка-косоворотка ее отца, единственная, сберегаемая как талисман рубашка Юриного деда, путиловского рабочего Тимофея Матвеева. В нее он наряжался, бывало, по праздникам, ходил на маевки.

— И тебе не жаль ее резать? — разоблачает задумку жены Алексей Иванович.

Анна Тимофеевна прижимает рубаху к лицу, с мокрым пятном кладет на стол, расправляет складки.

— Жалко, Леша, и даже очень. Но какой пионер без галстука?

Утром солнце притрагивается к ресницам. Юра открывает глаза: что это? Когда, откуда? На спинке стула висит пионерский галстук.

— Мам, пап, где достали?

— Это сынок тебе от деда твоего Тимофея Матвеевича, — улыбается мать. — Из Петрограда.

Догадка проста: на полу клочки красной материи, остатки косоворотки. И пока собирается, донимает расспросами: «Он что, путиловский рабочий? А тебе тогда сколько было лет? Попал под пули девятого января во время шествия к царю? В Кровавое воскресенье?»

Но вот и последний звонок. Скорей, скорей! Ровнее шеренги! В самом большом классе парты сдвинуты, поставлены одна на другую, освобождено место для сбора дружины. В дверях колыхнулось, пахнуло жаром знамя, звонкими, радостными вскриками оглушил горн, дробью, так, что зачастило сердце, будто попали прямо в него, ударил барабан, и возбужденное сознание успевало теперь ловить только это кумачовое, неизъяснимо праздничное, приподнимавшее словно на крыльях, а губы выговаривали клятвенное, такое, за что, не задумываясь, отдал бы жизнь.

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей обещаю, что буду твердо стоять за дело Ленина, за победу коммунизма. Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины...

Чьи-то проворные и вместе с тем бережные, осторожные руки приподняли воротничок, обернули вокруг шеи галстук, завязали его, поправили так, чтобы не давил, и прихлопнули по груди: «Поздравляю, Юра...»

И он словно прибавился в росте, раздался в плечах. А когда покосился вниз, на галстук, глаза резануло жжением пламени.

Да, он был еще мальчишкой, но жизнь распахивалась перед ним все шире, и то, что не осознавал Юра, примечали близкие к нему люди — родители, учителя.

Запомнилось же Анне Тимофеевне, как сын каждый вечер наглаживал свой пионерский галстук, чтобы утром завязать его аккуратно, выправив узел, расправив концы.

«...В эту операцию он вкладывал особый смысл. А может быть, так оно и было? Ребенок, пережив оккупацию и повзрослев, особенно трепетно ценил все завоевания Советской власти, гордился ими, считал себя приобщенным к борьбе за свободу и независимость Отчизны. У меня такое впечатление, что Юра старался охватить все».

В школе создается театр теней — Юра записывается одним из первых. Объявление о начале занятий в духовом оркестре — идет туда, выбирает трубу, и дома ни-

кому нет покоя. Вместе с дружком Левой Толкалиным находят старенький фотоаппарат, на каждом шагу пристает к родным и товарищам: «Прошу сниматься...»

Валентин Алексеевич рассказывает о курьезе, происшедшем на концерте художественной самодеятельности, на который Юра пригласил всю свою родню.

На сцену вышел ведущий и объявил, что праздничный вечер чтением стихов откроет ученик 5-го «А» класса Юра Гагарин.

Юра уверенно прочитал стихотворение, ему шумно аплодировали, и видно было, что общее внимание льстит мальчику.

Следующий номер — танец «Лявониха». Называют исполнителей, и опять среди других Юра Гагарин. Отплясали ребята лихо, разгорячили публику. Небольшая пауза, и вот уже рассаживается школьный духовой оркестр. И снова, теперь уже трубачом, объявляют Юру.

Алексей Иванович заерзал на скамье, красные пятна по щекам пошли, и не поймешь, то ли гордится сыном, то ли сердится. А тут как нарочно:

— Песня «Это было в Краснодоне...».

Хор, правда, невелик, но Юра... Да, это он выглядывает из-за первого ряда.

Алексей Иванович поднялся со скамьи и пошел к выходу.

В перерыве Юра бегом к нему: ну как, понравилось?

— Плохо, скверно, — сказал отец, хмурясь, — лучше бы с матерью дома остались.

— Почему? — изумился Юра. — Вон сколько нам хлопали.

— Вот именно, только тебя и вызывали. Ты мне вот что объясни: у вас других способных ребят нет, что ли? Все Гагарин да Гагарин! И швец, и жнец, и на дуде игрец... Зачем выпячивать-то так себя? Провалиться со стыда можно...

«Что ж скрывать, — вспоминает Валентин Алексеевич, — была в тот вечер в его словах правда. Всю жизнь они с матерью учили своих детей скромности, и легкий успех Юры на концерте, конечно же, обескураживал отца. К счастью, и для Юры этот урок не прошел даром...»

Ну а как Юра учился в гжатские годы?

По-разному, как большинство ребятишек послевоенной поры, для которых — об этом нельзя забыть — школьные заботы не были единственными. Немалая часть домашних дел перекладывалась на мальчишеские плечи.

Принести воды, прополоть, полить огород, привезти на тачке дров, но сначала их где-то раздобыть. Не говоря уже об утомительных до головокружения походах за прошлогодней картошкой для «тошнотиков». Надо иметь в виду, что все это время Гагарины строились — дом собирался по бревнышку и, несмотря на плотницкое мастерство и оптимизм Алексея Ивановича, еще долго стоял в непокрытых стропилах.

Бывшая заведующая базовой школой Елена Федоровна Лунова, хорошо знавшая Гагариных еще по деревенскому житью, так отзывалась о Юре в районной гжатской газете «Красное знамя» 14 апреля 1961 года:

«Помню, в 1945 году Анна Тимофеевна Гагарина привела к нам в школу двух мальчиков, Юрия и Бориса. Юрий был постарше, он поступил в третий класс. Он сразу как-то выделился среди учеников своей огромной любознательностью и большим прилежанием. С детских лет его тянуло к технике, особенно к самолетам. На уроках рисования в тетради Юрия очень часто появлялись его любимые самолеты, под которыми стояло короткое, такое близкое мальчику слово «Як». Этот светловолосый ясноглазый парнишка мечтал о полетах».

Первый, сгладивший все «острые камешки» прилив учительской гордости, и в нем такое понятное стремление указать на интересы и увлечения Юры. «Любимые самолеты», «мечтал о полетах» — все равно что в учебнике по арифметике — от ответа, итога к условиям трудной задачи.

Наверняка самолетики появлялись в тетрадях и других мальчишек, но не все они стали летчиками, а тем более космонавтами.

Анна Тимофеевна по праву матери замечает:

«Бывает, собираются у меня Юрины учителя, одноклассники, вспоминаем мы послевоенное время. Как-то я слушала-слушала, даже растревожилась: уж не очень ли идеальным мой сын по рассказам выглядит? А ведь он, как все мальчишки в его возрасте, и баловной и шаловливый был».

Припомнила она, как однажды Юра с Борисом пришли в дом с черными, как у кочегаров, лицами, с опаленными бровями.

Опасные игрушки и игры послевоенных лет! Нетрудно найти где-нибудь в подвале разрушенного дома целый ящик с патронами. И вот уже карманы отвисают от тайно уносимого страшного груза. Патроны такие новень-

кие, медно блестящие, с острыми головками — пулями. Уже известно, что обведенные разноцветными колечками — это значит трассирующие или разрывные. И похваляясь в познании и умении, твой товарищ постарше ловко выворачивает пулю, высыпает узкой дорожкой порох — порошинка к порошинке — поджигает, и только глаза заслоняешь рукой от вспышки, ударившей серным запахом смерти. Очередь за тобой.

А то можно разжечь костер, кинуть туда пару-тройку патронов, залечь шагах в двадцати за холмиком или пнем и с пошевеливающимися под кепчонкой волосами ждать, пока не стрельнет и не протенькает над головой рассерженная недетской забавой пуля.

— Мало мне горя? — шепчет побелевшими губами мать, уличив в столь опасных проделках.

И не знает, что извлеченные ею из карманов и конфискованные патроны действительно всего лишь игрушки по сравнению с завтрашней, куда более жуткой затеей. Трое мальчишек, в том числе Юра, — Бориску по малости лет с собой не берут, — нашли целехонькую гранату с запалом и пойдут в лес к заросшему пруду «рвать». Так и говорили тогда — «рвать», а не «взрывать», и сие означало, что самый сильный, повелев остальным укрыться, залечь, взведет эту штуку в зубчатой оболочке, повернет ручку до красной на вырезке точке, стукнет ею по колену, как видел в кино, и, пересиливая страх, ослабивший руку — теперь только секунды до взрыва, — швырнет гранату с берега в Гжать. Бывали случаи, когда во внезапной растерянности от «отсчета смерти» граната взрывалась в ручонках...

Нет, не только самолетики с красными звездами на чистом тетрадном листе. Юра был мальчишкой среди мальчишек послевоенной поры.

Отзвуком тонкой струны через многие годы донесся до Елены Федоровны Луновой и такой Юрин поступок.

Зашла она как-то на пионерский сбор отряда, председателем которого был Гагарин. Ребята вели разговор про военные специальности, спорили, кем лучше быть — пехотинцем, летчиком, танкистом или артиллеристом. А потом начали перебирать, про кого какие поются песни. И разумеется, не обошлось и без «Трех танкистов». Запевал и дирижировал Юра. Когда подхватили про «экипаж машины боевой», про то, как «мчались танки, ветер поднимая», догадалась Елена Федоровна, что песня посвящается ее сыну Валентину, танкисту, геройски

погибшему в жестоком бою. Этим ребята хотели ей сделать приятное. Поглядывая на учительницу, Юра старался больше всех. Елена Федоровна не выдержала и, глотая слезы, вышла, встала у окна, справляясь с собой. Слышит, песня, затихла, скрипнула дверь и выглянул настороженный Юра. Приблизился, склонил голову и, не зная, что сказать в утешение, только уткнулся в грудь, руку на руку положил.

Гжатские годы для Юрия важны, конечно, и тем и другим — и накоплением знаний, и воспитанием чувств. Трудовые навыки тогда давала ребятам жизнь. Будущее покажет, уравновесит чаши весов. Но если говорить о науках, то теперь ясно бесспорно — в гжатской школе особенный интерес проявился у Юры к физике.

Почему? Кто знает? Нам остается предположить, что в восприятии мальчика воедино слились и тайна законов природы, и личность учителя, который владел ими как маг. Этому человеку в воспоминаниях самого Гагарина о гжатской школе отведено почетное место.

«Физику преподавал Лев Михайлович Беспалов. Интереснейший человек! Прибыл он из армии и всегда ходил в военном кителе, только без погон. В войну служил в авиационной части, не то штурманом, не то воздушным стрелком-радистом... Лев Михайлович в небольшом физическом кабинете показывал нам опыты, похожие на колдовство... Он познакомил нас с компасом, с простейшей электромашиной. От него мы узнали, как упавшее яблоко помогло Ньютону открыть закон всемирного тяготения. Тогда я, конечно, и не мог подозревать, что мне придется вступить в борьбу с природой и, преодолевая силы этого закона, оторваться от земли».

Вот оно что: в восхищенных глазах летчик и физик одновременно. Рука, державшая штурвал самолета, водит мелком по доске, вычерчивает замысловатую формулу, которая скоро оказывается такой понятной, словно ты открыл ее сам. Когда этот широкоплечий, с крупной головой человек входит в класс, приглаживая густую, в проседи̇нках шевелюру, хочется встать по-солдатски и отрапортовать, что к уроку готовы.

— Жидкость выталкивает погруженное в нее тело с силой, равной весу вытесненной жидкости. То же самое явление наблюдается и в газах. Газ выталкивает погруженное в него тело с силой, равной весу вытесненного газа. На этом законе основано воздухоплавание...

Лев Михайлович кивает — согласен. А тебе лестно

вдвойне — твоим ответом доволен не просто физик, а летчик, который своей рукою дотрагивался до неба. Он-то знает, что такое воздухоплавание.

— Юра, а что называется стратосферой?

— Стратосферой называются верхние слои атмосферы...

«Как это представить — верхние? Выше чего?..» Пока что для Юры это невообразимо. Стратосфера, стратостаты... В учебнике про них рассказ.

— Можно, я расскажу про «Осоавиахим-1»?

— Пожалуйста... Неужто уже заглянул?

Это самая интересная страничка из учебника физики. Она давно прочитана, намного раньше, чем доберутся до нее по программе.

— 30 января 1934 года в 9 часов 07 минут утра, — начинает он наизусть, как будто стихотворение, — стратостат «Осоавиахим-1» стартовал под Москвой для научного исследования стратосферы в зимних условиях...

Ребята следят по учебникам. А Юра только плечами подернул, волнуется: знаменательное событие произошло в том году, когда он родился. Он еще не знает о другом совпадении — корабль «Восток» стартует с Байконура тоже в 9 часов 07 минут...

— В 11 часов 59 минут три отважных исследователя стратосферы — Федосеенко, Васенко и Усыскин — достигли высоты в 20 тысяч 500 метров и послали свой боевой привет партии и Ленинскому комсомолу.

В 12 часов 33 минуты стратостат «Осоавиахим-1» достиг предельной высоты в 22 тысячи метров, после чего пошел на снижение. Радиосвязь стратостата с землей прекратилась... и лишь поздно ночью телеграф принес сообщение, что стратостат того же 30 января в 16 часов потерпел катастрофу, во время которой погибли герои, штурмовавшие стратосферу. Погибшие товарищи вписали новую яркую страницу в историю борьбы человечества с природой. Их имена наравне с именами других героев, отдавших свою жизнь за прогресс науки и техники, не будут забыты...

Лев Михайлович словно забыл про Юру — мрачен, задумался. И класс напряженно молчит.

Но вот учитель встряхивает шевелюрой, на его лице отражается что-то такое, что сразу передается ребятам: сила и мужество.

— Вот так, — говорит Лев Михайлович, — все нам дается с боем... Отлично, Юра, садись. — И вспыхивает

в глазах озорнинка, так сближающая с учениками. — А что, если нам соорудить модель самолета? А моторчик бензиновый. Как?

Это тоже останется для Юры незабываемым — через месяц их маленький самолетик, оставляя сизоватую струйку, взмывает как настоящий. И Лев Михайлович, как будто крошечный летчик, сидит там, в кабинке, управляет полетом. Нет, вот он рядом, широкоплечий, красивый, похожий на летчиков, что обнимались тогда на клушинской луговине.

Рассказывают, будто бы по подсказке именно Льва Михайловича мальчик прочитал книгу о Циолковском и что, мол, еще в школьные годы загорелся мечтой о космосе.

В это трудно поверить. Придумка опять «спрямляет» судьбу, биографию. Даже если такая книга и была прочитана, вряд ли она заставила чаще смотреть на звезды. Космос воспринимался тогда не то что мальчишками, но многими учеными взрослыми столь же абстрактно, как жюль-верновский полет на Луну из пушки. Просто сказочно любопытно, и все.

Важнее другое свидетельство. Когда после полета Юрий Гагарин приехал в Гжатск, то на митинге в море людей он высмотрел Льва Михайловича и, буквально вытащив за руку из толпы, взошел с ним на трибуну.

Но, наверное, было бы тоже «спрямлением» отдавать предпочтение физике. А литература? И разве не в эти годы человек открывает другие, так близко соприкасающиеся с реальным миры? Тут, разумеется, многое зависит и от прочитанных книг — взятое оттуда сторицею возвращается в жизнь, в душе происходит как бы вечная циркуляция материй — вымышленной и действительной.

«Русскую литературу, — вспоминает Юрий Гагарин, — преподавала Ольга Степановна Раевская — наш классный руководитель, внимательная, заботливая женщина. Было в ней что-то от наших матерей — требовательность и ласковость, строгость и доброта. Она приучала любить русский язык, уважать книги, понимать написанное».

Лето 1949 года было в зените. Все так же плескалась прогретой, зеленоватой от ив водою, манила, звала к себе Гжать. И можно было бы с чистой совестью — шестой класс окончен отлично — валяться, кувыркаться в

песочке на берегу от зари рассветной до вечерней зари. И дома вроде бы поулеглось, успокоилось — возвратился с фронта, женился старший брат Валентин. Зоя приехала живой, невредимой и вышла замуж... Живи — не тужи. Восемь человек в гагаринском доме, семья разрастается, но в тесноте не в обиде.

Но что-то стронулось, повернулось в душе и не дает Юре покоя. Смотрит на поплавок, давно утопленный хорошей поклевкой, а видит другое: отец устало присел на лавку, хмуро свертывает цигарку — работа все та же тяжелая, а силы не те, что раньше, да и обед скудноват. Мать извелась: ее забота на всех, а бедность ну никак не выходит из дому. Опустила руки, стоит у пустой печи, пригорюнилась...

«Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, — он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках... Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были еще так малы, что походили на пеленки, и помню, как ты в тулупчике, зимой несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке... Я целую чистые, святые руки твои».

Когда-то он наизусть читал этот отрывок из «Молодой гвардии» А. Фадеева на школьном вечере, посвященном Международному женскому дню. Как давно это было! А материнские руки все те же, в пятнадцать лет ты для нее все еще маленький мальчик.

Дума, дума — до ряби в глазах... Что делать, чем им помочь, родителям, ведь ты уже не малыш.

Решился. Утром, когда мать гремела ухватом у растопленной печки, он робко подал свой голос.

— Мама, я не пойду учиться в седьмой, поеду в Москву поступать в ремесленное.

Мать чуть не выронила ухват.

— Это как понимать! Ты что говоришь? Семилетку надо закончить! Да кто же тебя отпустит такого... мальчишку?

— Я уже решил, мама. Я все продумал. Вон Паша Дешин в ремесленном учится и доволен. А дядя Сережа, твой брат? Он же был рабочим... Поговори, очень прошу, с отцом.

Что? В ремесленное? Никогда! У Алексея Ивановича один отговор, с нескрытой обидой: почему никто не идет

по его, плотницкой, части? Валентин стал электриком, Борис тоже к рубанку не тянется.

Судят и рядят долго. Но материнские доводы перевешивают.

В Москве живет брат отца Савелий Иванович — переехал еще до войны, работает на заводе имени Войкова. Неужто не подсобит хотя бы на первых порах племяннику?

Письмо в Москву, и скорый ответ: пусть приезжает Юра, чем можем — поможем, и крышу дадим.

Оглядываясь потом на это последнее гжатское лето детства, Юрий Гагарин признавался с грустью:

«Хотелось учиться, но я знал, что отец с матерью не смогут дать мне высшее образование. Заработки у них небольшие... Я всерьез подумывал о том, что сначала надо овладеть каким-то ремеслом, получить рабочую квалификацию, поступить на завод, а затем уже продолжать образование... Все это я обдумывал наедине, советоваться было не с кем — ведь мать наверняка не отпустит меня».

Фанерный чемоданчик собрать недолго: смена белья, рушничок и скромный съестной припас — пара яичек, пяток огурчиков. Валентин поедет с Юрой, проводит до самой Москвы. Присели по старинному обычаю на дорогу кто на чем. Ну, в добрый час!.. Приобнял отца — стареть стал, шея дубленая, сухонькая. А к матери подошел — не выдержал, застлало в глазах, горло сдавило комом. Только одно и запомнил — шершавые теплые руки, погладившие по голове, и глаза ее, покрасневшие, мокрые.

«Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе...»

И по дороге на вокзал, перебарывая душившие слезы, вспоминал, как мать махнула со ступенек крыльца. Лишь на минуту вроде бы прояснилось, когда с пригорка увидел бирюзовый краешек Гжати. Да ива шевельнула ему веткой вослед...

II. ВЗЛЕТ

Глава первая

Утверждают, что Юрий Гагарин влюбился в небо, совершив свой первый полет в аэроклубе. Ищут более ранние вехи в припушенных кудрявыми облачками голубых небесах.

Да, те минуты, когда он сам управлял самолетом, почувствовав крылья своими плечами, останутся в памяти навсегда, и от них начнется отсчет его летчицкой биографии, а потом космонавтской.

Но не оглянуться ли на другую взлетную полосу, где набирал он высоту решительности и упрямства в достижении цели?

С размазанными по щекам слезами, лбом прижавшись к стеклу окна и до последнего светофора не выпуская из взгляда удаляющийся гжатский вокзал, Юрий не думал и не мечтал учиться на летчика. Просто мальчишка нашел в себе мужество оставить родительский кров и отправиться в дальний жизненный путь. Он хотел стать рабочим — и все.

Но там, на рельсах, на рельсах, на шпалах, на шпалах, в несущемся поезде, с гудком паровоза, окликающего поля и леса, начинается взлет.

Он никогда не думал, что в ремесленном училище ему придется снова копать, разрыхлять, утрамбовывать землю то лопатой, а то и руками. Но эта земля была другой, чем та, к которой привык он с детства. Та, деревенская, лежащая под солнцем, зеленела по полям шелковистой озимью, шумела, волновалась в колосьях, цвела ромашками и незабудками, радовала всхожими кустиками картофеля, стрелками лука, — да мало ли что рождалось на ней, вселяя радость и надежду сельскому жителю. Та земля, даже вязкая и хлюпкая в бороздах, когда они

выбирали «тошнотики», все равно запомнилась теплой, родной, матерински ласковой.

А эта земля была совершенно иной — от нее веяло жаром; то черная, то серая, казалось выброшенная из вулкана, она обладала фантастической силой покорять металл, который, протекая по ней ручейком огня, застывал, превращался в деталь машины.

На языке литейщиков эта земля, которую он сейчас приминал, называлась формовочным материалом, и одним из свойств, которым она должна была обладать, помимо пластичности, прочности, газопроницаемости, важнейшим считалась огнеупорность, то есть способность противостоять действию самых высоких температур. Юрий уже знал, что эта сила ее зависит от содержания чистого кварцевого песка с температурой плавления в 1710 градусов. А на вид всего лишь песок и глина с небольшими добавками торфа, мазута, опилок, каменноугольной пыли.

Между прочим, когда конструкторы корабля «Восток» будут искать способ возвращения космонавта на Землю, зная, что при входе в плотные слои атмосферы спускаемый аппарат разогреется до десятков тысяч градусов и окажется как бы в пламени плазмы, они предложат обмазать шар глиной, очень напоминающей эту «землю». И Юрий, увидев в иллюминатор бушующее пламя, наверняка вспомнит огненный цех, струи расплавленного металла, острый сернистый запах, оранжевые круги и звезды в глазах, когда, забывшись, снимал он темные свои очки.

Удивительно, судьба распорядилась так, что, сам того не ведая, будущий космонавт уже в детские годы как бы проходил проверку на прочность, и не будет преувеличением сказать — на огнеупорность.

А сейчас тяжелый и в чем-то однообразный труд. Они проходят практику в литейном цехе, овладевают своей профессией. Всю рабочую смену одно и то же — в жаре, в духоте, в пыли. Литейную форму, называемую опокой, надо набить смесью, эту смесь уплотнить трамбовкой, повернуть и так и сяк не один раз. К концу смены ломит плечи и руки, то и дело бегаешь к краннку — глотнуть воды, а завтра опять то же самое.

С завистью проходил он по механическому цеху. Его однокашники, обучавшиеся токарному делу, стояли над станками, сверкающими стальной стружкой, нарочно небрежно сдвинув на затылок фуражки, — гляди, мол, как

умеем. Поворачивали блестящие маховички, нажимали на черные, красные кнопки. В свежих чистых спецовках, в фуражках набекрень, кое-где приискренных металлом, — интеллигенты рабочего класса, так они называли себя, явно похваляясь перед группой литейщиков.

Или слесари — стоят себе над тисками, опиливают железки, из которых уже вырисовываются молотки, плоскогубцы. Светло, просторно, в окна глядятся деревья.

Поздно вечером, когда затихали в их комнатке общежития споры-разговоры, уже лежа в кровати, Юрий долго не мог уснуть, все рассуждал про себя, вспоминал, как это могло случиться, что ему сильно не повезло.

Ведь все начиналось прекрасно с того момента, когда вышли из поезда на перрон и их с Валентином подхватила в свои объятия, закружила, бросила в людской водоворот Москва. В метро — первый раз в жизни! Сердце зашлось от восторга, когда ступил на мраморные полы. Секунду-другую помешкал, решился шагнуть на ступеньки бегущей лестницы. Поехали вниз, в сверкании люстр, дворцовых колонн. «Стойте справа, проходите слева. Чемоданов, зонтов и тростей на ступеньки не ставить!» В толпе братья чуть было не потерялись. Их внесло, втолкнуло в вагон, и замелькала сказка в черных окнах мигающими огнями. Все спрашивали у дверей, которые — чудеса чудес! — открывались и закрывались сами, скоро ли будет их станция «Сокол». «Сокол»... Само название вселяло ощущение полета в новое, неизведанное, ликующее, как вся Москва.

Радиаторную улицу нашли не сразу, а когда подошли к дому, указанному в адресочке, долго стояли возле дверей: как-то встретят, гости хотя и званые, но приехали-то не к празднику, а со своими заботами.

Савелий Иванович, то ли голосом, то ли походкой похожий на брата, на их отца, встретил радушно. Тут же накрыли на стол.

— Вы сначала подзакрепитесь, — отцовское, — отдохните с дороги, а потом за дела, — покряхтывал Савелий Иванович. И это его спокойствие передалось Юре — все будет хорошо, все само собою уладится. Был, кажется, субботний день, хлопоты об устройстве в училище отложились сами собой, а в воскресенье сестры Тоня и Лида повезли своих двоюродных показывать столицу.

Опять сияющая огнями, пахнущая разноцветным камнем прохлада метро. Доехали до станции, которая потом надолго, пока не освоится, станет для Юры ориентиром

в Москве. Площадь Революции. Вот оно, время, застывшее в бронзе: матрос, перехлестнутый крест-накрест патронными лентами, рабочий-красногвардеец с винтовкой... А когда поднялись и вышли в сияющий, шумящий многоголосицей день, завернули налево, за угол какого-то старинного краснокирпичного здания, Юрий обомлел: перед ним была Красная площадь. Узнал ее сразу по Спасской башне с золотым окружьем часов, с красной звездой наверху, из рубина, как бы внезапно взлетевшей в синее небо над серой древней брусчаткой. Странно, здесь земля действительно почему-то казалась выпуклой, скругленной по радиусу всей планеты. Взошедший на эту площадь был как бы виден всем людям на свете.

У Мавзолея Ленина дожидались, пока сменится караул. И Юрий, наслышанный об идеальной выправке часовых, о том, что стоят они не шелохнувшись и не мигая, долго всматривался в лица — так оно и было, только однажды ему показалось, что стоящий справа военный как бы чиркнул на мгновенье остановленным взглядом.

В этот день Мавзолей был закрыт, и они пошли в Музей Владимира Ильича Ленина. Юру особенно взволновали два экспоната: прокопченный чайник, в котором на костре в Разливе Ильич кипятил чай, и пальто, кое-где приштопанное.

Из тихих залов, где даже разговаривать нельзя было громче, чем полушепотом, они снова вышли в московский день, и взявшая на себя роль экскурсовода Тоня решила покормить своих подопечных, нет, не обедом, — она вручила каждому по мороженому на палочке и по куску теплого поджаристого батона. Такого Юра отродясь не едал!

А вечером щедрый ужин, приготовленный хлебосольной женой Савелия Ивановича Прасковьей Егоровной. И разговоры, и расспросы, и воспоминания, пока в сладкой дреме не начали слипаться глаза.

— Ложись, Юраша, спи спокойно, племянничек, утро вечера мудреней...

Но понедельник оказался не только тяжелым днем. Он вселил в Юру тревогу. Выяснилось, что во все ремесленные училища Москвы набор окончен, да и принимали туда строго с семью классами. Возвращаться назад? Юра представлял, с какой насмешкой встретит отец: «Вот так-то, столичной жизни, сынок, захотел...» Мать, конечно,

погорюет, посочувствует ему. Зоя, Валентин — у них свои семьи. Смириться, опустить глаза, собрать портфель и пойти в седьмой — учителя обрадуются, ведь они отговаривали, настаивали, чтобы он продолжал учиться. Но это что же, опять сесть на родительские хлеба?

Никогда еще Юра не пребывал в подобном смятении и никогда еще не чувствовал он себя таким одиноким, бессильным. Посоветоваться бы с Валентином, но тот в надежде, что все уладится, уехал в Гжатск.

Оставался единственный выход.

— Тоня, — попросил он, — давай поищем еще, я в любое пойду... — И сестра поняла брата и приняла его сторону.

— Он уже на пути, он уже не может, не имеет права вернуться, — сказала она отцу.

Прасковья Егоровна отвела полный горечи взгляд.

— Да пусть живет сколько хочет, — встрепенулся Савелий Иванович. — Кто ж его гонит?

Вдвоем, теряя терпение, сменяя друг друга, они снова принялись названивать по разным адресам — ответ был прежним, глухим как стена: «Мест нет, обязательное условие — семилетка».

Тоня быстренько собралась, куда-то уехала. Вернулась возбужденная, с решительным видом схватила за руку Юру:

— Едем в Люберцы. Там есть ремесленное, куда берут с шестью классами.

Они сошли с электрички в подмосковном городке, чем-то напоминающем Гжатск. От вокзала до училища было недалеко. Возле кирпичного двухэтажного здания толпились мальчишки. Уже объявили экзамены, в списках поступающих подводили черту. Первое, что они увидели, — пришпиленное к дверям объявление: «Прием документов закончен».

Отстраняя ожидавших приема, Тоня вошла в кабинет завуча. Пока шли переговоры, и, судя по доносившимся голосам, довольно воинственные, Юрий успел познакомиться с тремя-четырьмя мальчишками и уже консультировал их по арифметике.

А баталии там, за черной дерматиновой дверью, разгорелись вовсю. Оружие Тони — табель успеваемости Юрия со сплошными пятерками. Оборона завуча: огромный наплыв москвичей, в большинстве с семилеткой. Хорошо, если мальчик и сдаст экзамены, общежитие не гарантируется. Тоня вышла с победой.

Распаленная, она выскочила из кабинета и в упор спросила братишку:

— Можешь сдавать сразу? Сейчас! Готовиться некогда.

Юрий сдал экзамены на «отлично».

Спустя много лет в Люберецком ремесленном училище припоминали: «Вакансия оставалась единственной — в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести... По силам ли такому мальчишке? Но он не только согласился, он настаивал, и мы его приняли». Действительно, Юра поступил в группу, в которую не все-то охотно шли. Он проявил характер, настойчивость, так активно поддерживаемые сестрой. В мальчике выявлялось будущее, чисто гагаринское. Не правда ли, уже тогда он шел к своей цели с двойной, а то и тройной перегрузкой. Судьба испытывала его, заставляла обязательно что-нибудь одолевать. И он выдержал: мечтал о Москве, очутился в Люберцах, хотел учиться на токаря или слесаря, зачислили в группу литейщиков.

Преодоление...

Однажды москвич из группы токарей — рыжий, с девчоночьими застенчивыми глазами парень, — неизвестно почему питавший к Юре симпатию, подвел его к своему станку, быстро и толково объяснил, что такое передняя бабка, каретка, суппорт, резцедержатель, показал включение и даже разрешил попробовать поработать. Юрий нажал на черную кнопку, станок вздрогнул, патрон завертелся, и Юра, забыв про все на свете, подвел к болванке резец. От металла тут же взвилась тонкая синевато-серебряная, как дождь на новогодней елке, стружка. Еще нажатие на штурвальчик — и новый фейерверк стали.

— Красота-то какая! — проговорил Юрий, неохотно отходя от станка.

Паренек выдвинул из шкафа ящик и достал какие-то инструменты, похожие то ли на гаечные, то ли на разводные ключи.

— Это штангенциркули, — проговорил он, не без гордости передвигая хомутик линейки. — Один с точностью измерения десятая миллиметра, другой — пять сотых. Приходи еще, будем учиться растачивать втулки.

В литейный цех Юрий вернулся расстроенный, с тоской посмотрел на свои инструменты — трамбовки, напоминающие мастерки каменщиков и печников, счищалки — плоские деревянные скребки, щетки для очистки

моделей от формовочной смеси, подъемы — стержни с резьбой на конце. Все грубое, допотопное по сравнению с тончайшими штуковинами, что показывал рыжий парень.

А тут еще незадача: начали делать формы, ставить стержни, накрывать опоку — и на конвейер. Но видно, настроение повлияло. К концу смены подходит мастер Николай Петрович Кривов, добрейший человек, а мрачнее тучи.

— Что же ты, дорогой Юра Гагарин, гонишь сплошной брак. Стержни-то с перекосом ставишь. И товарищи твои подвели.

Из проходной завода Юрий вышел с одной решимостью: немедленно просить о переводе в токарную группу. Чего бы ни стоило — перевестись! Но до дверей директора училища ох как трудно было идти! Всплыло озабоченное, как бы загоревшее на огне металла, с опаленными ресницами лицо Петровича. Свою профессию он ставил выше всех. Подать заявление о переводе — значит предать этого человека! Это он в первый день встретил ребят запомнившимся афоризмом литейщика: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!»

Что он подумает о Гагарине?

А Николай Петрович — словно знал, словно чувствовал — навстречу по коридору.

— Ну что, Гагара, повесил нос? Думаешь, у меня брака не было? А ты знаешь, кто такие литейщики? Царь-пушку — кто отливал? А царь-колокол? На-ка вот почитай на досуге.

Юра взял книгу. «История литейного производства в СССР». Интересно...

После отбоя, когда выключили свет, он вышел из комнаты, пристроился у настольной лампы рядом с подремывающим дежурным. Открыл первые страницы.

Неужели пятьсот с лишним лет назад производство отливок стояло на таком высоком уровне? Издавна славилась своими мастерами и Русь. В древних литературных источниках часто встречаются термины: «секира медяна», «рожаницы медяны».

Пушечная улица в Москве — от названия «Пушечного двора», построенного в XV веке. Оказывается, был такой русский мастер Яков. Отлитая им пищаль хранится в артиллерийском музее. На ней надпись: «По повелению в. к. Ивана Васильевича государя всея Русии сдела-

на бысть сия пищаль в лето 6993 (1485) месяца сентября 30... а делал Яков».

Двести семьдесят три мастера упоминаются в летописях или оставшихся «автографах на отливках» с 1166 по 1700 год. Начинает эту бригаду паникадильный мастер Константин, а одним из последних указан знаменитый представитель семьи московских литейщиков — «артиллерийских и колокольных дел мастер» Иван Федорович Моторин, отливший царь-колокол.

Царь-пушка — произведение Андрея Чохова. Это потомки узнали по надписи: «Повелением царя и вел. кн. Федора Ивановича всея Русии — слита бысть сия пушка в преименитом и царствующем граде Москве, лета 7094 (1586) в третье лето государства его, делал пушку пушечный литец Ондрей Чохов».

Знаменитые, великие дела. А художественное литье? Тот же Медный всадник! «Санкт-Петербургские Ведомости» писали: «...литье сие можно почесть в число наилучших, которые только по сие время в статуях происходили, ибо ни на самом портрете, ниже на коне не видно никакой скважины или поздри, но по всей окружности все вышло так чисто и гладко, как бы на воску...»

Во время отливки чуть было не занялся пожар. В страхе все разбежались, и только один плавильщик по фамилии Кайлов остался на рабочем месте. «Сей усердный человек, который управлял плавильной, остался неподвижен... и проводил расплавленный металл в форму даже до последних каплей, не теряя ни мало бодрости своей при представляющейся ему опасности жизни». По словам Фальконе, «его храбрости мы обязаны удачей отливки».

Значит, профессия литейщика требует не только выносливости, терпения, мастерства, но и мужества.

Наутро после Юриных рассказов пристают земляки Тимофей Чугунов и Александр Петушков:

— Дай почитать... Ну хотя бы на ночку.

Юра приходит в литейный цех совсем с другим настроением. И силы, и ловкости в руках больше, и глаз точнее, прицельнее. Они же из древней династии! Конечно, комбайны, которые выпускает завод имени Ухтомского, — не царь-пушки и не Медные всадники. Но у них другое, свое, колхозное предназначение — помогать людям в поле. Разве это менее почетно? Только сейчас Юрий вспомнил, что видел эти машины, да-да именно

здесь выпущенные, на гжатских полях. Его деталь в комбайне! Деталь Юрия Гагарина. Пусть нет на ней пометки «сие отлито бысть в 1949 году». Он продолжает список великой бригады русских литейщиков.

И уже по-другому осмысливаются параграфы устава ремесленного училища:

«Задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новых квалифицированных рабочих на фабрики и заводы, шахты и рудники, строительство и транспорт.

Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности... Лица, принятые в училище в порядке добровольного набора, считаются мобилизованными, и на них распространяются все права и обязанности принятых в порядке мобилизации».

Мобилизованные и призванные... В рабочий класс!

В шесть утра подъем, зарядка, умывание. На завтрак в столовую — строем, похоже, как в армии. А чем не армия? Трудовые резервы великой страны.

В вестибюле училища другими глазами смотрит на себя в зеркало во весь рост: чем не военный? Фуражка с блестящим козырьком, правда, над ним не звездочка, а молоточки, темно-синяя шинель — пуговицы в два ряда, ремень с металлической пряжкой, выглаженные в «стрелку» брюки, начищенные ботинки. Молодая гвардия рабочего класса.

— Выходи строиться!

Кто это? А в черной морской шинели, которую не желает снимать, — Василий Михайлович Быков, «военная косточка», как про него здесь все говорят. Была с ним встреча — вспоминал трудовой фронт под Москвой, окопы, блокаду, Балтфлот, бои за Невскую Дубровку, безымянную высотку, где полегли лучшие друзья, переправу через Вислу и Одер... Дошел до Берлина, штурмовал рейхстаг. По праздникам, когда надевает ордена, вся грудь как в золотых и серебряных слитках. Сегодня он поведет строй.

Вышли, выбежали, толкаясь, встали плечом к плечу четыреста пятьдесят, как их иногда по старой привычке называет Василий Михайлович, «курсантов». Оговорка многим нравится, хотя пошел слушок, что бывшему морскому разведчику училищное начальство сделало замечание за «военизацию учащихся».

— Равняйсь! Смирно!

«Чем-то он похож на учителя физики Беспалова Льва Михайловича».

— Направо! Шагом марш! Запевала, песню!

Из передних рядов, самые высокие там, кто-то голосистый начинает:

С одним желаньем и с думою одною
Со всех концов родной своей земли
Мы собралися дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли.

Шаг в шаг в нарастающем ритме, так, что загудела булыжная мостовая. Юрий вытянулся, посмотрел вперед, оглянулся — и обдало восторгом: в этом темно-синем строю, идущем уверенно, по-хозяйски, как и подобает рабочему классу, шагает он.

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет.

Ждали первой получки, и вот они, заработанные лично тобой считанные рубли.

Юрин однокашник — Тимофей Чугунов из 21-й группы литейщиков, которая славилась на все училище как самая дружная, спаянная в учебе, работе и — что там лукавить — даже в проказах, припоминал: «После первой получки наша неразлучная четверка — я, Саша Петушков, Толя Новогородцев и Юра Гагарин — устроила в сквере на лавочке, неподалеку от заводской проходной, скоропалительную оперативку. На повестке дня: как истратить заработанные деньги? Идей было хоть отбавляй — самых разных, но в основном несерьезных или несбыточных. Получили-то мы с гулькин нос — по триста рублей на старые деньги. Какие уж тут велосипеды, часы и шикарные костюмы: долгополый пиджак с наваченными плечами, широченные клеши — в 1949 году это было модно, — какие уж тут путешествия и «тулки» шестнадцатого калибра!..

Юра поначалу фантазировал с нами на равных, а потом вдруг замолчал. Когда мы, так ни до чего не доспорившись, решили все же выслушать и его мнение, Юра твердо, как о чем-то обдуманном, окончательном, сказал:

— Вы, ребята, как хотите, а я половину денег отошлю маме...

Мы вернулись с неба на землю. Каждый вспомнил свою мать, своего отца...»

Знал бы Юра, какие слезы, слезы радости вызвал у Анны Тимофеевны этот нежданный денежный перевод.

После всю свою жизнь, начиная с первой зарплаты, он никогда не оставлял себе всех заработанных денег, всегда помнил о Гжатске.

«Мама, мама!.. Я целую чистые, святые руки твои!»

Сидел на занятиях, и вдруг записка из приоткрытых осторожно дверей: «Юра, приехала твоя мать!»

Еле выдержал до перерыва. А она ждала в коридоре с узелочком гостинцев, точь-в-точь как на старой картине: мать наведала сына, и он жадно ест принесенную булку.

— Мама!

— Сынок!

И, опять на минуту расслабившись, ощутил себя маленьким, проглотил застрявший в горле соленый ком, когда шершавою ладонью, как в детстве, мать провела по ежику коротко остриженной головы. Переборол себя напускным весельем, потащил в общежитие.

— Ты чего приехала-то? В такую дорогу... Мы отлично, мама, живем.

Мать только вздохнула, посмотрев на пятнадцать коек, затянутых тощими одеяльцами. Но тоже не выдала беспокойства. Развязала привезенный припас, выставила на тумбочку банки с вареньем, кусок сальца, завернутый в тряпицу:

— Угощайся, сынок, домашним...

Юрий сдвинул гостинцы в сторонку:

— Нет, мама, один не могу. Вот вернутся ребята, пировать будем вместе.

Ночевать Анна Тимофеевна поехала в Клязьму, где жила сестра, и Юрий отправился с матерью, не хотел отпускать. Если встанет пораньше, на работу успеет.

Вопросов было до позднего вечера:

— Тетя Маша, это правда, что вы были в отряде красногвардейцев? А Смольный — такой, как в кино? Неужели вы видели Ленина? И он разговаривал с вами?

И у матери с сестрой сплошь питерские воспоминания.

— Ты приезжай, Юра, почаще, — пригласила Мария Тимофеевна. И было видно, что мать обрадовалась этой привязке сына к родному корню. Тем более что другая сестра жила неподалеку — Ольга.

— Так что считай, Юра, кругом у тебя родня, — успокоилась мать.

И уезжала довольная, что сын в таком прочном, сестринском окружении, не подозревая, что самым родным домом для Юры теперь было училище.

О люберецких временах он будет вспоминать с особым удовольствием: «Мне нравилось просыпаться с первым заводским гудком и, умывшись холодной водой, выходить на улицу, вливаться в поток рабочих, спешащих к проходной завода. На работу всегда шел с гордостью. С каждым днем эта гордость укреплялась: взрослые квалифицированные рабочие разговаривали с нами, ремесленниками, как с равными».

Николай Петрович Кривов подходил в цехе, мельком оглядывал отливку, касался Юриного плеча:

— Молодец, Гагарин. Ладится дело. Скоро будешь сдавать на разряд.

Польщенный, Юрий старался вовсю. И сернистый колкий запах, и жар, идущий от застывающего чугуна, и шлачная духота формовой земли теперь казались родными, привычными, без чего уже невозможно было представить себе все, что окружало. Даже в свежеопавшей багряной листве, по утрам отороченной тонким морозцем, он улавливал запахи цеха.

Встретил как-то доброжелателя из механического цеха — рыжего паренька:

— Ты чего же, Юра, забыл заходить?

— А зачем? Я уже, считай, на три четвертых литейщик. Или не видишь? — засмеялся Юрий, показывая на прогоревшие пятна, которыми пестрела его спецовка. И продолжал, хитровато сощурясь: — Что в нашем металлическом деле первично? Отливка. Вот ты вытачиваешь втулку. А кто отливал заготовку? Мы, металлурги.

При этом слово «металлурги» выговаривал врастяжку, с нажимом выделяя, штампуя каждую букву.

Рыжий не понял, только плечами пожал.

В сводном табеле успеваемости 21-й группы литейщиков значилось, что Юрий Гагарин за первую четверть 1949/50 учебного года получил: по спецтехнологии — 5, материаловедению — 5, математике — 5, физике — 5, русскому языку — 5, физподготовке — 5, поведению — 5 с плюсом. Производственный план на практике выполнен им на 102,3 процента.

Табель сводный. В классах ребята изучали теорию своего дела, практику проходили на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения имени Ухтомского. Спецтехнология и материаловедение — понятно. Откуда оценки по математике, физике и русскому языку? Ведь таких предметов в программе училища не было. Это отметки за учебу в седьмом классе вечерней школы. Юрий решил — кровь из носу! — закончить седьмой класс. Вместе с ним в ШРМ пошли Тимофей Чугунов и Александр Петушков.

Окончить училище, получить специальность было главной задачей, но ему не давала покоя другая: как же так без неполного среднего? И после изнурительной смены в литейном цехе — уроки в школе, с дремотой, но занятия!

Жаль, что в сутках только двадцать четыре часа. И опять проблема: когда готовить уроки?

Александр Петушков рассказывал: «После отбоя выйдем из спальни, сядем на лестнице, под лампочку, и учим уроки. Потом наш воспитатель Владимир Александрович Никифоров, видя, что у нас это не блажь, что мы решили заниматься по-настоящему, дал нам комнатку на троих. Мы каждый день сидели до часу. Каждый занимался молча. Если что-нибудь не пойму, спрошу Юру, он быстренько объяснит, и снова у нас тишина, только страницы шелестят. Юра со своей помощью не навязывался, но так уж получалось само собою, что мы старались делать, как он».

А тут еще увлечение спортом — еще «перегрузка»? Он капитан баскетбольной команды. Не какой-нибудь, а баскетбольной, где, кроме прочих достоинств — силы, ловкости и быстрой реакции, почитается рост. Юрий ростом не вышел, в команде он ниже всех. Но на сохранившейся фотографии стоит с мячом правофланговым. Капитан — заводила. Это он быстренько сколотил команду, увлек ребят идеей победить всех, кто занимался баскетболом в округе. Однокашники объясняют инициативные порывы Юрия тем, что он просто не мог оставаться без дела ни на одну минуту. Работа, учеба и что еще? Спорт? Начнем заниматься спортом. Выпал снег — есть лыжи? Да это же здорово!

Всем почему-то запомнился искрящийся снежинками день — проводили за городом лыжный кросс. На старте рванули вместе, но постепенно вытянулись на лыжне в цепочку, а когда приближались к финишу, в лидерах оказались Толя Новогородцев и Юрий Гагарин. Было ясно,

что бороться за первенство теперь будут только они. Гагарин немного отставал, и его болельщики заволновались. Новогородцев, временами оглядывавшийся, взбодрился, собрал остаток сил и, оказавшись на спуске с горы, прибавил скорости. Раздался треск, который сразу же привел в замешательство уже ликующих сторонников Новогородцева. Юра быстро его нагонял. Вот уже поравнялись. Но прежде, чем обойти товарища, Юра на самом ходу сунул свою лыжную палку и с возгласом: «Догоняй!» — побежал дальше. Финиша он достиг первым.

Этой же зимой Юрий вступил в комсомол. Сохранился протокол № 55 от 14 декабря 1949 года. «Слушали: о приеме в члены ВЛКСМ тов. Гагарина Ю. А. Рекомендуют Чугунов, Новогородцев. Постановили: принять в члены ВЛКСМ тов. Гагарина Ю. А. 1934 г. рождения, образование 6 классов, русского, ученика-литейщика».

Комсомольский билет вручали в Ухтомском горкоме комсомола Московской области. Можно представить, что Юра чувствовал, о чем думал в тот день.

В кинотеатрах тогда шли фильмы «Молодая гвардия» «Сталинградская битва», «Падение Берлина». Из рук в руки зачитанными, с потрепанными страницами передавались книги «Повесть о настоящем человеке», «Это было под Ровно», «Звезда», «Сталь и шлак».

Теперь по праву он становился в ряды стойких, мужественных и бесстрашных. Его мир расширялся день ото дня. Крепнущий в плечах, коренастый, он поднимался все выше и выше, и родная земля не только на Красной площади принимала округлость планеты.

Юрий в числе немногих ребят удостоился чести быть приглашенным на новогоднюю елку в Колонный зал Дома союзов.

Снег преобразил Москву. Она была совершенно другой, чем летом. Пожалуй, можно было бы сказать, что снег очень шел столице к лицу — стоило взглянуть на припорошенные купола собора Василия Блаженного, на зубчатые стены Кремля, словно в одну ночь поседевшие, на темно-зеленые остроконечные ели с подремывающими на разлапистых ветвях белыми соболями. Да, снег прибавлял красоты молодому и древнему городу, ибо был всегда одинаков — как сто, как двести, как тысячу лет назад.

В Колонном зале — здесь бывал на балах Пушкин! — сразу, почти с порога, едва успел скинуть в гардеробе шинельку, подхватил, закружил вальс. Юрий подпялся па-

верх по красной ковровой дорожке, ниспадавшей на мраморные ступени, пригладил на голове отраставший ершик и остановился, ослепленный огнями высокой, под потолок, елки, вокруг которой уже кружились пары. В основном танцевали девочки, но и мальчишки нет-нет да и проглядывали в этой яркой, веселой людской карусели.

Юрий прижался спиной к стене — он не умел танцевать вальс, да и на модный тогда фокстрот вряд ли бы тоже осмелился. В училище пробовали, дурачась, — так то для шутки. И стоял так — робким восторженным зрителем, дивясь на Деда Мороза и Снегурочку, собиравших и смешивших ребят.

Снова грянула музыка. Дед Мороз и Снегурочка взялись за руки, потянули к елке мальчишек, девчонок, начиная закруглять цепочку, и Юрий со страхом почувствовал, что одним открытым концом хоровод устремился к нему.

— Эй, ты чего стоишь? Пошли, пошли с нами! — схватила его девочка в голубом, расшитом кружевными снежинками платье и только метнула темной косой с белым шелковым бантом, увлекая в круг, в сверкание звездного вальса...

В тот вечер нового, 1950 года он вернулся в общежитие промерзший, голодный, потому что не тронул ни конфетки из целлофанового пакетика — подарка добродушного Деда Мороза. До поздней ночи, пока не прикрикнул дежурный, только и было рассказов о сверкающих люстрах, белоснежных колоннах, высоченной елке под потолок, что, казалось, сама кружилась в их хороводе, и о Москве в новогодних огнях.

Полгода пролетели как одна рабочая смена. Первые летние каникулы! А может быть, первый отпуск? Ведь Юрий был теперь не просто учащимся, но и рабочим. Отпускные — не бог весть какое богатство — надежно припрятаны в кармашке куртки-форменки, рассчитан каждый рубль, не для себя — на подарки родным.

В Москве отцветали душистые липы, в городском сизом небе то тут, то там поднимались каркасы высотных невиданных зданий. Верхние этажи были еще прочерчены, как гравюры, а нижние уже одевались в светлый солнечный камень.

В метро появились новые линии. Не выдержал, поехал просто так, прокатиться, посмотреть на дворцы новых станций «Белорусская», «Краснопресненская», «Киевская», «Парк культуры», «Калужская»... Замкнул коль-

цо, перешел на старую линию и очутился на том самом перекрестке: бронзовый матрос приветствовал своего знакомого. И снова ликование дня, взгляды через площадь на Дом союзов, где, теперь уже и не верилось, кружился вальсом бал. Поворот налево, опять по старому следу — мимо Музея Ленина до округлой брусчатой площади — к Мавзолею. Те или не те часовые?

Полдня носился по магазинам и по палаткам, пока не нашел, что искал. К поезду добирался, нагруженный свертками.

Сел, отдышался, раскрыл газету. Вот, оказывается, о чем шли разговоры в метро, трамвае и на перроне. На первой странице: «О проведении в СССР сбора подписей под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия». А это о событиях дня в Корее?

«Сегодня в 17 часов 30 минут двадцать семь американских бомбардировщиков В-29 совершили разбойничий налет на Пхеньян. Самолеты сбросили в различных районах города около трехсот бомб различного размера. В результате бомбардировки разрушено много жилых зданий, имеется значительное число жертв среди гражданского населения города». Сообщение ТАСС от 29 июня. Значит, началось вчера?

День потускнел. Тревога закралась в душу. С уважением посмотрел на подремывающего напротив военного в летной форме. Расспросить бы его. Но что он расскажет мальчишке? Вскоре и самого усталость бросила в сон.

Открыл глаза — солнце уже опускалось, пряталось за макушки елей, берез и по одним только этим деревьям, перелескам, лощинам, речушкам, мосткам, железнодорожным будкам угадал, почувствовал — близко Гжатск. И окончательно его разбудила радость: он ехал домой, один, без провожатого, самостоятельный человек. Юрий поднял глаза на полку, где лежали свертки, предвкушая, какой сюрприз доставит домашним. Телеграмму не давал, чтобы не беспокоить: мало ли что случится в дороге?

Но вот и приехали — ловко, хоть и нагруженный, спрыгнул с подножки, и вперед, — наискосок от вокзала, спрямляя путь, на Ленинградскую, по которой чуть не бежал, не чуя собственных ног.

Здравствуй, дом, и куст сирени, когда-то посаженный у калитки. Акации, с желтыми огоньками-цветочками

опахнули запахом детства. Взлетел по ступенькам терраски, постучал, и забилось сердечко: узнал ее по торопливым шагам — мама!

— Юра, сынок, а мне сон нынче приснился, будто ты маленький, и вот оказался в руку. Какой ты большой! Жаль, отец на работе...

Здравствуй, здравствуй, родительский дом! Все то же, но как будто другое. Кухонька, столик под клеенкой в цветочках. И как они помещались за ним всей семьей? И потолок вроде ниже, и оконца поуже. А печка все так же побелена свежей известкой, от нее светлее в избе, значит, ждали и отец постарался к его приезду.

Вбежала Зоя, всплеснула руками:

— Юр, Юрашка, да тебя не узнать!

Валентин появился, приобнял по-мужски, скуповато. И Борис уже тут как тут — примеряет фуражку, взялся за Юрин ремень. И совсем уже новая жительница, на еще крошечных крепнувших ножках, держась за Зоину юбку, остановила на Юре голубые бусины глаз.

— Неужели племянница? Это кто же — Тамара?

Ну, теперь пора раздавать подарки. Маме — платок, Зое — косынку, Борису — акварельные краски, Валентину — набор поплавков и крючков для рыбалки, а отца ожидает рубашка.

И, взглянув на девчурку, немного выждав, а что же досталось, мол, ей, потянулся к самой большой упаковке, разрезал шпагат, развернул бумагу, и уже непонятно, кому больше радости, взрослым или малышке, — извлек трехколесный велосипед.

— Юраша, — качает мать головой, — ты же сам небось без копейки остался?

— А зачем мне они? — отзывается Юра. — Ты же сама учила: человек тогда богатеет, когда для других ничего не жалеет.

Вечером наконец возвращается и отец: постарел, постарел Юрин батя. Но перебросился с сыном словом-другим, надел рубашку и приосанился, тоже доволен. Значит, Юра при деле, руки мастеровые, хлеба кусок имеет, и с родными сын поделился.

Утром, едва завиднелось — на Гжать, босиком по холодной росной траве. Остановился на берегу, постоял, поглядел на воду со знакомого бугорка — и в объятия детства. Вынырнул — не на том ли месте, где когда-то, захлебываясь, сопротивлялся стремнине? Теперь он сильнее течения — пересек наискосок и, не передохнув на дру-

гом берегу, повернул обратно. Чья же это фигура маячит возле его одежды? Паша, Дешин, друг. Ну-ка дай я тебя обниму!

Завтра в Клушино. Правда, там ничего уже не осталось от прежнего дома, но хоть поглядеть на старые яблони, на смородиновые кусты и на холмик, под которым чернеет нора их землянки.

Послезавтра хорошо бы наведаться в школу. В общем хватит встреч и забот, да и по дому надо помочь: Валентин начинает строиться, а в своей избе — подправить фундамент и крышу...

Отпускное лето было жарким не только от впечатлений и дел. Чем-то оно напоминало застоявшееся затишье перед дождем или грозой. Словно тучка слегка зачернела в высоком небе. Заглянул школьный товарищ. Положил на стол темно-синий листок:

— Анна Тимофеевна, Алексей Иванович, распишитесь, и ты, Юра, тоже. Это воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Я собираю подписи по вашей, по Ленинградской, улице.

Юрий взял листок, для всех прочитал:

— «Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия как оружия устрашения и массового уничтожения людей.

Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения. Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник. Мы призываем всех людей доброй воли всего мира подписать это воззвание».

— И куда же это пойдет? — с некоторым недоверием поинтересовался Алексей Иванович.

— А вот подпишут миллионы людей, — уверенно ответил парнишка, — и Всемирный конгресс передаст подписи куда надо. Тогда им некуда деться.

— Им-то всегда найдется, куда деваться, — усмехнулся Алексей Иванович, взял протянутую пареньком авторучку и расписался.

— Правильно, пусть люди поднимут свой голос, — проговорила мать. — Уж мы-то знаем, что такое война...— И, вздохнув, вывела: «А. Гагарина».

Юрий поставил свою подпись под материнской.

— Может, пойдешь со мной по домам? — предложил товарищ. — Вдвоем сподручней.

Только к вечеру они обошли всю улицу. Многих соседей Юрий знал, но в их дома заходил как будто впервые, с каким-то иным чувством, шутка ли, он выполнял высокую миссию собирать голоса за мир.

Больше всего удивило, как их встречали: неторопливость, спокойствие тех, кто подписывался под воззванием, — инвалид с пустым рукавом гимнастерки, заправленным за ремень, рабочий, устало присевший на лавку, или парень, только что спрыгнувший с турника. Даже старушки и те старательно выводили каракули на столь важном листке. Нет-нет, эти люди подписывались не в униженной просьбе спасти свои жизни, а с достоинством и сознанием собственной силы.

Завтрашний день им виделся светлее вчерашнего. Газеты напечатали постановление Совета Министров СССР «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге». Два миллиона киловатт с выработкой электроэнергии около десяти миллиардов киловатт-часов! Такого еще не бывало. И еще новость — в будущем году начинается строительство Сталинградской ГЭС. «Марш энтузиастов» звучал в каждом доме.

Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы,
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

Юрия тянуло обратно — в Люберцы, в ремесленное, на завод.

На вокзале в вагон садился уже плечистый, ладный паренек в светлой форменке, блестя пряжкой ремня, с внушительным вензелем «РУ», стоял на подножке и, сняв фуражку, долго махал рукой оставшимся на перроне матери и отцу. Новые дали пронзил паровозный гудок. Для Юрия он звучал призывом в рабочее завтра.

Как стучащие по рельсам вагоны, промчатся дни уходящего года — до лета будущего, 51-го. Скорость событий все нарастала.

Павлу Дешину в Гжатск Юрий писал из Люберец: «Нет свободной минуты. С утра учимся или работаем, а вечером опять учимся».

Другая весточка: «Я тоже готовлюсь поступить в техникум, мастер обещает, но для этого надо окончить ремесленное училище и вечернюю школу... Уже 1 час 30 минут ночи, а я еще сижу и не ложился спать».

И наконец, письмо от 3 апреля 1951 года: «Павел,

после окончания решил идти в техникум. Из Московской области посылают 10 человек. В их число попадаю и я».

Ремесленное училище Юрий закончил с отличием и был аттестован на 5-й разряд литейщика-формовщика.

15 июня Юрию Гагарину, ученику 7-го класса Люберецкой школы рабочей молодежи, была вручена похвальная грамота за отличные успехи и примерное поведение. Это означало, что в Саратовский индустриальный техникум, куда его направляло училище, он имел право поступать без экзаменов. Отделение выбрано, конечно же, только литейное!

Глава вторая

В детстве, уходя по тропке, петляющей под густым навесом ольшаника по-над Гжатью, он не раз задумывался, где начинается эта река, куда впадает, и мечтал достичь ее устья. Заманчивая неизвестность посеребренной рябью воды, бегущей то в пологих, то обрывистых берегах. Потом, повзрослев, узнал, что Гжать впадает в Вазузу, а Вазуза — в Волгу. Но так ему никогда и не удалось добраться до дальнего слияния.

На Волгу его привела не тропка, по которой мечтал дойти, а дорога жизни. Да и не сама ли эта его удивительная жизнь, пробиваясь тоненьким ручейком из никому не известной деревни, растекалась все дальше, все шире, все полнее, набирая силу и крутость упругой волны.

И вот он стоял на берегу медленной, величавой, спокойной, отражающей синеву небес и белизну облаков реки, неспроста названной в народе главною улицею России. До противоположного берега едва доставал взгляд, и в душе нарождалась музыка и этого плеса с ласкающим камешки прибоем, и ртутной притуманенной глади — уже не скажешь, что зеркала, скорее, зеркального неба, и пароходных гудков, окликающих неоглядные дали, и откуда-то издалека возникшего мотива старинной бурлацкой песни и заливистой, с колокольчиковым перезвоном, частушки гармони.

В Саратов они приехали втроем: неразлучное землячество — Тимофей Чугунов, Александр Петушков и Юрий Гагарин. 6 июля 1951 года Юрий подал директору индустриального техникума заявление с просьбой о приеме.

Оно подкреплялось характеристикой из ремесленного училища:

«В течение двух лет был отличником учебы, заносился на Доску почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была объявлена два раза благодарность за отличную учебу и за общественную работу. Кроме того, директором завода объявлена благодарность за хорошую работу в цехе.

Учащийся Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища».

Впрочем, все трое приехали с одинаковым правом беспрепятственного поступления в техникум, и девушка из приемной комиссии, взяв их похвальные грамоты за семилетку, сложила документы в шкаф, дружелюбно сказала:

— Поступите наверняка. С такими регалиями! Спокойно занимайте в общежитии койки.

Неужели так быстро они стали саратовцами? Как будто бы все знакомо — с Мичуринской на Радищевскую мимо старинных, словно вырезанных искусными мастерами из дерева, камня и жести домов с причудливыми карнизами, наличниками, башенками над крышами. Не город, а расписной ларец. К реке, к реке, к Волге!

А там — что за остров зеленеет пышными кущами? Так и называется — Зеленый? Уговорили обладателя моторки перевезти их. И, оставшись там робинзонами, обнявшись, долго молча смотрели на Саратов, как бы плывущий миражем по Волге и вдоль нее. Вся будущая жизнь представлялась им вот такой — неведомой, но в веселых, заманчивых огоньках, где каждый должен был найти свою улицу.

И все же один экзамен сдавать пришлось — по специальности. Нужно было подтвердить разряд, полученный в Люберцах, и им поручили отлить решетки с простым, но довольно изящным рисунком, — ограду для скверов и парков. Быть может, в каком-нибудь месте, отороченное кустами акации, над какой клумбой или под деревьями стоит и по сей день сработанное Юрием чугунное кружево. До сих пор на некоторых оградах можно видеть их метку СИТ — Саратовский индустриальный техникум.

Работу «неразлучных москвичей» — так вскоре прозвали Юрия, Александра и Тимофея — одобрили и ребят

зачислили в техникум. Юрий писал сестрам Анны Тимофеевны:

«Привет из Саратова!

Здравствуйте, тетя Маруся, тетя Оля...

В техникум я уже зачислен, еще 18-го нам об этом сказали. С 15-го по 17-е сдавали пробу в мастерских. 18-го сообщили, что зачислены, и отправили в колхоз на два дня на работу. Этот колхоз расположен в двухстах километрах от Саратова. Мы ездили на своей машине и помогали колхозникам вывозить хлеб на элеватор. Несмотря на засушливый год, хлеба в колхозах много... Жара сейчас стоит такая, что жарко ходить в одной рубашке. На небе почти не бывает облаков. За все время, сколько я здесь нахожусь, выпал утром один лишь маленький дождь. Одно спасение сидеть в Волге... Сейчас помогаем в подготовке техникума к учебному году. Пишем лозунги и т. д.

Мой адрес: г. Саратов, ул. Мичурина, д. № 21, Гагарин Ю.

До свидания. Пишите все о себе. С приветом, ваш Юрий».

Юрий был числен в группу Л-11. Из 35 человек, начавших занятия, к концу первого семестра осталось тринадцать. Одни покинули стены техникума, потому что непосильной оказалась нагрузка. Других призвали в армию. Юрий выдержал первое испытание, хотя досталось ему оно нелегко. Их называли учащимися, но ребята считали себя студентами. Вольнее, солиднее. Никто тебя вроде не понукает, к занятиям готовишься на полном доверии преподавателя, и в то же время ставят беспощадные двойки, если не выполняешь задания. Уровень познаваемого здесь был совершенно иным. Квалификация преподавателей настолько высокой, что порой казалось, будто лично знакомишься с учеными и писателями, чьи портреты украшали аудитории. Изучать предметы восьмого класса в школе и техникуме большая разница. Все более теоретично ты вгрызаешься в формулу, ищешь суть, прекрасно сознавая, что все это пригодится на практике, подкрепит твой будущий авторитет техника-литейщика или воспитателя таких же ребят, каким еще сам считался вчера.

Юрий был не просто любознательным, но и упрямым на этом новом месте. Преподаватель Николай Иванович Москвин, уже пожилой человек, безжалостен, придирчив до крайности, заставляет не только знать, но и уважать

свой предмет. Виктор Сидорович Порохня, однокурсник Юрия Гагарина, вспоминал, как тяжело на первых порах давалась ему учеба. Юрий помог другу, занимаясь с ним иногда далеко за полночь. В характере Гагарина было с первых школьных лет — тянуть за собой, выручать.

Но здесь выявляется и другое — он любимец преподавателей. Педантичный, скупой на похвалу Николай Иванович вдруг обращается с докладной, а вернее, с просьбой к директору техникума.

«Учащийся группы Л-21 Гагарин в течение 1951/52—1952/53 учебных годов состоял председателем физико-технического кружка, за эти два года сделал три доклада и со знанием дела организовывал самые занятия кружка — ставил на место эпидиаскоп, сделал электропроводку к проекционному фонарю, обучал членов кружка правилам пользования проекционным фонарем и эпидиаскопом.

За указанную работу прошу вынести от лица дирекции ему благодарность с занесением в его личное дело».

И это «сухарь», «придирка» Москвин? Кто из студентов вспомнит, чтобы преподаватель хлопотал о благодарности?

Николай Иванович поручает Юрию сделать доклад о К. Э. Циолковском, его учении о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях.

Юрий прочитывает все книги о великом ученом, которые нашлись в библиотеке. Их не очень-то много. Но воображение занимают звезды, неудержимо нарастают вопросы, далеко ли они и как их достичь? Циолковский... Почти земляк, родился рядом, на Рязанщине, знаний набирался самоучкой. И все время в нужде: «Питался одним черным хлебом, не имел даже картошки и чаю. Зато покупал книги, трубки, реторты, ртуть, серную кислоту и прочее для различнейших опытов и самодельных аппаратов».

«Бесчисленные планеты — Земли есть острова беспредельного эфирного океана, — читал Юра в статье Циолковского «Исследования мировых пространств реактивными приборами». — Человек занимает один из них. Но почему он не может пользоваться и другими, а также и могуществом бесчисленных солнц!.. Звездоплавание нельзя и сравнить с летанием в воздухе. Последнее — игрушка в сравнении с первым.

Несомненно, достигнут успеха, но вопрос о времени его достижения для меня совершенно закрыт... Под ракетным поездом я подразумеваю соединение нескольких

одинаковых реактивных приборов, двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, потом в пустоте вне атмосферы, наконец, где-нибудь между планетами и солнцами... Отчего ракета взлетает вверх? Ошибочно думать, что ракета летит, подобно пуле, или что она отталкивается от воздуха вытекающими из нее газами».

Нет, не укладывалось в голове, что это научно разработанная и глубоко продуманная техническая идея. К. Э. Циолковский указывает на единственный реальный путь осуществления межпланетных путешествий. Принцип, на который опирается его проект, — давно известный, но почти еще не использованный техниками принцип реакции, отдачи, проявляющийся, например, при стрельбе. Газы, образующиеся при сгорании пороха в трубке ракеты, стремительно вытекают вниз, а сама ракета силою отдачи отбрасывается в обратном направлении. Вот он, небесный снаряд Циолковского.

Повесть К. Э. Циолковского «Вне Земли» Юрий прочитал за одну ночь, подошел к окну, синеющему рассветом, и долго всматривался в угасающие звезды. Как образно Циолковский представлял величину человека по отношению к его планете. Если ее и все на ней находящееся уменьшить в десять тысяч раз, тогда на шаре диаметром в один километр с небольшим мы увидим пигмея ростом в одну пятую миллиметра. Он потонул бы в море глубиной с песчинку. Атмосфера имела бы высоту двадцать метров, а высочайшие горы — только восемьдесят пять сантиметров. Что уже говорить о глубине океанов!

Незадолго до смерти К. Э. Циолковский обратился в ЦК ВКП(б) с письмом-завещанием: «Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки; лишь Советская власть и партия большевиков оказали мне действенную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды».

Он скончался 19 сентября 1935 года.

«Циолковский перевернул мне всю душу, — вспоминал об этом времени Гагарин. — Это было посильнее Жюля Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами... И, может быть, именно с этого дня у меня появилась неудержимая тяга в небо, в стратосферу, в космос. Чувство это было неясное, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя».

Юрий — правая рука Николая Ивановича Москвина. Но и любимцу он не дает поблажек. Причину своей требовательности преподаватель объясняет просто: «Техник не может не знать физики, земной шар и тот вращается по законам физики».

Юрий первый помощник классного руководителя Анны Павловны Акуловой, которая преподавала математику. Однокурсники вспоминают о любопытном эпизоде. На спектакль «Девушка с кувшином» они пригласили как-то и Анну Павловну. Пьеса понравилась, расходились довольные, веселые, в общежитии допоздна обменивались впечатлениями, уверенные, что завтра по математике Анна Павловна вряд ли будет их спрашивать. Но утром именно театралов, бывших в культпоходе, вызывала к доске первыми. Жалкое это было зрелище. Саша Осадчий, Женя Стешин, Коля Тезиков и Витя Порохня стояли смущенные. Наконец Анна Павловна называет Гагарина. Он спокойно берет мелок и с полным знанием уверенно выводит формулу логарифмов корня и степени. Анна Павловна в удивлении: когда он успел подготовиться? А ребята потом долго гадали, как же так получилось — Юра их вроде бы всех выставил в неприглядном свете, пока не поняли, что он выручил их, не захотел, чтобы культпоход был воспринят как панибратство. Это тоже было в его характере: не льстить, не заискивать, не пользоваться доверием в личных целях. Но как знать, быть может, его блестящий ответ у доски был и своего рода укором учительнице, которая прекрасно знала, что заданный накануне урок ребята вряд ли сумеют выучить.

Своим верным подручным называет Юрия и мастер производственного обучения литейщиков Анатолий Иванович Ракчеев.

Ему запомнился такой случай. В литейном цехе почему-то не давалась формовка по шаблону. Применяют ее

чаще всего в единичном производстве, так как изготовление шаблонов проще и дешевле, чем замысловатых моделей. Все делали вроде бы правильно. В почве выкапывали яму, на дне устанавливали башмак или подпятник, в него вставляли шпиндель и надевали опорное кольцо и рукав с шаблоном. Правильность установки подпятника проверяли по уровню. В общем никаких, казалось бы, нарушений технологии, а формовка маховика для пресса не получается. У ребят кончилось терпение, все разошлись, и только Юрий не бросил мастера. Работали до глубокой ночи, пока не сделали все как надо.

Анатолий Иванович Ракчеев прав: «Память может подвести человека, особенно если говоришь о человеке, который стал знаменитым. Прошлое оглядываешь с высоты. Но оторваться от действительности мне не позволят документы. Составленные, быть может, иногда поспешно, характеристики Юрия Гагарина при всем их канцелярском слоге позволяют проследить эволюцию, рост этого человека, его движение по всем направлениям. Их ценность, их правда в том, что писались они не по следу взметнувшейся к звездам ракеты, не в громе оваций и маршей, а в тиши заваленной бумагами техникумовской комнатки, мимо дверей которой проходил еще никому не известный бывший гжатский, потом люберецкий, теперь саратовский паренек».

Самое желанное для студента всех времен — преддипломная практика. Юрия сначала посылают в Москву, на завод имени Войкова — трогательная встреча с Савелием Ивановичем, его дочерьми, особенно с Антониной, как шутил Юрий, «поводырем в литейщики». Антонина счастлива: «Ах, Юра, Юраша, братишка, кто бы мог подумать — в Люберцы-то везла я тебя, ну как воробышка, а сейчас ты, поди, в инженеры метишь?»

Следующий маршрут — в Ленинград, на завод «Вулкан». В первый же выходной по следам родословной, словно напутствуемый голосом матери, к корпусам бывшего Путиловского завода.

Пришел Юрий к Смольному, и здесь все знакомо. Вот в эти ворота входила с отрядом красногвардейцев его тетя Маша, а вон в том окне, что светится и поныне, представилось и другое: Ленин разговаривает с путиловскими рабочими, вот-вот пробьет час революции.

По Ленинграду бродили с Федей Петруниным. Вдвоем километры короче. Из трамвая многое не увидишь. Все пешком, пешком, то по асфальту, то по булыжнику, цо-

котно отзывавшемуся когда-то колесам карет. А здесь... «Стоял он дум высоких полн», Петр Великий. Да вот он и сам, бронзовый, придержал коня над невскими берегами.

— Наша работа, — сказал Федя, — литейщики делали.

Юрий обошел вокруг памятника, со знанием проговорил:

— Фальконе... Честь ему и хвала. Но вот что при отливке статую спас простой артиллерийский литейщик Кайлов, почти никто не знает. А ведь он заведовал печью. Стало быть, это и его работа...

Вернулись с практики, и Юрий вплотную приступил к дипломной работе. Тема: «Проект литейного цеха серого чугуна машиностроительного завода с годовым выпуском девять тысяч тонн, с разработкой технологии отливки детали каретки...»

Теперь «тройная тяга». Ты проектант, обязан спланировать цех, рассчитать пролеты здания, его длину, ширину. Установить, вычислить, логически обосновать размеры склада шихтовых материалов. В пролете разместить электромостовые, магнитно-грейферные краны; другой пролет будет отведен под ваграночное и вспомогательные отделения. Все следующие поперечные пролеты займут отделения: заливочное, стержневое, формовочное, выбивное и смесеприготовительное. Надо предусмотреть склад формовочных материалов, обрубное отделение цеха. Все это просто на словах, в воображении. Но когда над ватманом занесен карандаш, часами, сутками бьешься над какой-нибудь мизерной клеткой — упирается, не влезает в размеры, да и не на месте это самое отделение десять метров шириной, тридцать длиной...

Третий час ночи, глаза слипаются, и рейсфедер вместо того, чтобы оставлять за собой тонкую прямую линию, начинает вилять. Очнувшись, сминаешь уже было готовый лист, начинаешь новый. Отливка детали каретки. Это тебе задание как высокому профессионалу — будь любезен, разработай технологию литья от формовки и до готового изделия. А если деталь должна быть отлита из легированного чугуна, который получается присадкой специальных элементов? Хром, например, увеличивает твердость и износоустойчивость. Никель выравнивает твердость по сечению отливки, повышает прокаливаемость. Ванадий придает чугуну прочность без снижения вязкости...

В учебнике по литейному производству сказано, что «легирующие элементы» оказывают существенное влияние на свойство и структуру металла, из которого делается отливка.

Так отливается и закаляется сталь. Но кто подсчитает, как формировался характер Юрия, который сдавал экзамен и на воспитателя, ибо третья часть диплома требовала разработки методики обучения ребят в ремесленном училище. Ученик становился еще и учителем.

В июне 1955 года Юрий получает диплом с отличием. В выписке из сводной ведомости успеваемости значатся тридцать два предмета: общеобразовательные за среднюю школу, специальные, такие, как механика, сопромат, детали машин, металлография, машиноведение... По всем пятерки, единственная четверка по психологии. По педагогике — «пять», педагогическая практика — «пять», методика производственного обучения — «пять». И только психология «чуть-чуть подкачала».

Темно-синий диплом о присвоении квалификации техника-технолога литейного производства, мастера производственного обучения в нагрудный карман не умещался, и Юрий уносил эту как бы верительную грамоту на труд, крепко сжимая в руке. По традиции вместе с преподавателями отправились на Казачий остров, где обычно бывали торжественные и грустные прощания выпускников. Вчерашние наставники становились ровней. Непривычно и лестно звучало в их устах «коллега». Что ж, действительно, все они теперь стали коллегами. Мастерами производственного обучения в разные города страны распределялась их группа. Юрию был назначен Томск. Старшие делились опытом, давали советы.

— Ну а тебе-то, Юра, — сказал кто-то из них, — сам бог велел совместить работу с учебой в институте. Все у тебя ладится.

— Не знаю, — ответит Юра, — ведь в армию призовут. А если в армию, то попрошусь в авиацию. В военкомате я уже об этом сказал...

Он вернется сюда на следующий день один и, выбрав кочку посуше, будет думать долгую, трудную думу, глядя на ширь реки, словно замедлившей стремительное свое течение.

Гжать впадает в Вазузу, Вазуза — в Волгу, а Волга — в Каспийское море. Это известно любому школьнику. А вот куда его теперь несет течение судьбы? Он опять один на один, сам с собой, и Юрию с Юрием снова дер-

жать совет. Почему так случилось, что, достигнув цели, о которой мечтал — ведь когда-то был на седьмом небе от счастья, что сдал в ремесленное, а теперь вот и Саратовский техникум позади, он технолог, специалист, педагог, — весь в сомнениях. Где-то в Томске ждет проходная завода, на котором работать бы и работать. Но нет на душе покоя, все бурлит, все клокочет, как вода, завихрившаяся буруном возле ольхи.

А он, между прочим, не мальчик. Ему уже двадцать один. И сейчас, когда столько достигнуто, взять зачеркнуть прошлое? Все начать с белого листа?

«Я стоял на распутье. Ничто меня не связывало. Родителям помогали старший брат и сестра, своей семьей я пока еще не обзавелся. Куда захотел, туда и поехал. Знания везде могли пригодиться... Товарищи уезжали, а я все никак не мог оторваться: крепкими корнями врос в землю саратовского аэродрома. Я не мог бросить начатое дело».

Да, он стоял не на распутье, ибо появилась новая «тяга» — аэродром. Еще когда сдавали экзамены за второй курс техникума, группа ребят, в их числе и Юрий, попыталась поступить в Краснокутское училище ГВФ. В. С. Порохня отлично все помнит: «Ребята тут же делегировали меня туда. Однако посвящения в авиацию не состоялось: в училище принимали только с десятилеткой или законченным техникумовским образованием. Куда денешься? Надо учиться дальше».

Не Виктор ли Порохня подал Юрию мысль стать летчиком, ибо в техникум он приехал после того, как не попал в школу ВВС.

Владимир Павлович Каштанов, методист-инструктор аэроклуба, уверяет, что Юрий впервые узнал о существовании этого романтического заведения на волейбольной площадке в детском парке и сразу засыпал вопросами: «Где клуб? Кого принимают? Сколько учиться?» Но как бы там ни было, осенью 1954 года в техникум ворвалась весть: «В аэроклуб зачисляют с четвертого курса!» После занятий туда чуть ли не бегом пустились с заявлениями Юрий Гагарин, Виктор Порохня, Иван Логвинов, Петр Семейкин и Михаил Чикунов. 26 октября приказом № 82 они были зачислены на отделение пилотов.

И вот на Казачьем острове он сидел на взгорке один, потому что единственным и оставался из списка своих друзей. Они не выдержали перегрузок, учебы «в две тяги», и, наверное, ожидали сейчас своих поездов на перроне са-

ратовского вокзала. Он бы мог и нагнать их, но не тронулся с места: завтра аэроклубовцы уезжали в свои лагеря, и если он не отправится с ними...

Подумай, Юрий, подумай спокойно, основательно и серьезно: что было все-таки для тебя самым главным в этих двух параллельных «тягах»? Занятия в техникуме до обеда, перехватил на скорую руку — и в аэроклуб. А там свой строгий режим, распорядок. На сон два-три часа. На столике два конспекта: один по технологии металлов, другой по теории полета со схемой крыла.

Поначалу все представлялось просто: посадят в самолет, покатают, покажут, на что нажимать, и лети, вот ты и летчик. Нечто вроде головокружительного аттракциона в парке культуры и отдыха. Оказалось, трудная, кропотливейшая учеба, словно по совместительству поступил в другой техникум, а может быть, институт?

Настольной книгой стало «Пособие летчику по эксплуатации и технике пилотирования». Тройка здесь за отметку и не считалась, она была неумолимым запретом на допуск к полетам. Наступала весна 55-го, курсантов разбили по звеньям и группам, Юрия зачислили в отряд Анатолия Васильевича Великанова, в шестую летную группу второго звена. Командир — Герой Советского Союза Сафронов Сергей Иванович. Преподаватель — летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартьянов. В аэроклубе, начальником которого был Григорий Кириллович Денисенко, тоже носивший на груди Золотую Звезду, нельзя было заниматься «по совместительству», требовалась полная отдача сил.

Так совпало, что в это время начиналась работа над техникумовским дипломом. Юрий разрывался на части. Совесть не позволяла ему выполнять итоговое задание кое-как. А в аэроклубе?

«Провиниться и получить замечание от таких заслуженных людей, как Сергей Иванович Сафронов или Григорий Кириллович Денисенко! Случись такое со мной — и я сгорел бы от стыда. Ведь, кроме всего, я еще был и комсоргом отряда аэроклуба, и старшиной группы. Мы во всем старались подражать им, даже походкой, манерой держаться. Золотые Звезды на их кителях были мечтой каждого. Но об этом не говорилось вслух, они были так же недосягаемы, как настоящие звезды», — признавался позже Гагарин.

Вот он, двигатель «второй» его тяги, желание быть похожим на настоящих героев, стремление выглядеть в их

глазах смелым, настойчивым, решительным парнем. Похвала из их уст, как орден.

Дорога в небо разрешена. Ночь под 18 мая прошла беспокойно. Когда рассвело, Юрий огорчился маленькой кудряшке облачка над горизонтом: сегодня предстояло сделать первый прыжок. Они собрались на аэродроме вместе с девушками, тоже аэроклубовками, подшучивали друг над другом. Юрий хорохорился, делал вид, что не боится, и это ему удавалось. Но как только стали надевать парашюты, разоблачил сам себя — никак у него не ладилось с лямками и карабинами. Непривычно, неудобно, сзади — большой ранец с основным парашютом, спереди — ранец поменьше, с запасным. Ни сесть, ни встать. Наконец все надето, закреплено, проверено. Теперь самое трудное — ожидание. Скорей, скорей! Прыгать так прыгать. И вздрогнул, услышав свою фамилию:

— Гагарин! К самолету...

Приглашал Дмитрий Павлович. Не звал, а приказывал. Сам только что прыгнул, как бы проверил для них, новичков, хорошо ли сегодня небо, прочна ли земля. И вот теперь черед Юрия. Первый прыжок — это первый шаг и решение, сбудется или не сбудется летчик.

Впрочем, лучше рассказать о впечатлении его же словами:

«У меня аж дух захватило! Как-никак это был мой первый полет, который надо было закончить прыжком с парашютом. Я уже не помню, как мы взлетели, как По-2 очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за бортик кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко... Жутковато...

— Не дрейфь, Юрий, девчонки снизу смотрят! — озорно крикнул инструктор. — Готов?

— Готов! — отвечаю.

— Ну, пошел!

Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дернул за кольцо. А парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно потянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта, он

раскрылся, конечно, вовремя — это я уже слишком рано подумал о запасном».

Саратовское небо поскрипывало парашютными стропами, Юрий скользил по упругому морю воздуха, глядя на землю, расчерченную квадратами пахоты. Где-то сбоку блеснул выгиб Волги, потом деревенские крыши, серые, крытые дранкой, — все это двинулось снизу, навстречу, с каждым метром теплея и согревая материнским дыханием... Хотелось беспричинно кричать, петь и смеяться.

Вот она, вот планета, различимая до каждой былинки, ноги вместе, спружинить... Все же стукнулся каблуками сапог, больно, но не моргнул глазом, когда подбежавший Мартьянов спросил:

— Мягко?

— Мягче не может быть!

А сердце — колоколом в груди от победы, от радости приземления.

После прыжков сломя голову надо бежать в техникум, уже начались экзамены, а Дмитрий Павлович, конечно, об этом не знает. Спрашивает, приглядевшись к учепику:

— Хочешь полетать со мною на Яке?

На Яке? Вот на этом «06», что, задрав пропеллер и раскинув крылья, как живой, поджидает их? Отказаться, сказать, что два дня подряд не брал в руки учебника по математике, а вчера опоздал на контрольную, не поворачивается язык.

На что же такое похожа эта птица, поблескивающая дюралем и плексигласом кабины? Ах да, на ту, что встречал на клушинской луговине! В них есть что-то родственное, и память детства проясняет глаза, пока Юрий занимает место, пока в разгоне уносятся назад дома и деревья, пока не осознает, наконец, что они уже в воздухе, что летят. И снова внизу вспаханные поля, ровные стрелки дорог, а вон и непонятная пестрая россыпь. Коровье стадо? А вот та былинка — не пастушок ли, задравший голову и следящий за их самолетом? Когда-то Юрий и сам был таким, в кровь обдирал по кустам колени, гоняясь за Буренкой. И вот теперь наверху.

Но ведь это сбылась, казалось, несбывчивая мечта. Где вы, Клушино, луговина, землянка? В спокойной силе, обтянутая кожанкой, покачивается на виражах спина Мартьянова.

«Интересно, — подумал Юрий, — на какую же высо-

ту надо подняться, чтобы увидеть нашу деревню, Гжатск...» Но эта мысль только мелькнула: земля внезапно накренилась, качнулась, поднялась почти вертикально, заслонив небо, и опять опустилась, да так провалилась куда-то, что только воздух, взрезаемый мотором, держал, не давал им падать. Кровь прихлынула к голове, в глазах потемнело, и потерявший ориентацию Юрий услышал спокойный голос Мартьянова, выпрямился, плотнее зафиксировался в кабине и постепенно начал сознавать, что происходит. Догадался: инструктор показывал фигуры высшего пилотажа, но не для того, чтобы покрасоваться перед учеником, а чтобы решить окончательно, получится из того летчик или же нет.

— Вот это вираж, — пояснил Мартьянов по самолетному переговорному устройству, и земля снова поднялась справа, качнулась. — А вот это петля Нестерова! — Самолет задирал нос, ремни давили на шею, и — вниз головой! Невозможно терпеть, Юрию хочется крикнуть: «Хватит, давайте спускаться!» Но самолет выравнивается, и сразу легко. Хорошо, что не выдал минутной слабости.

Так вот ты какое, летное небо? Нет, теперь он не сдастся, какой бы каскад фигур Мартьянов ни выдавал. А тот как ни в чем не бывало выписывал вензеля. Это был, конечно, почерк смелого, если не сказать, отчаянного человека. Юрий таких любил.

На земле, когда вылезли из кабины, Мартьянов, довольный, пронзил вопрошающим взглядом:

— Ну что, слетаем завтра опять?

— Я готов летать хоть круглые сутки, — выпалил Юрий.

Позже он так воскресил тот день:

«Может быть, эта фраза и была несколько хвастливой, но произнес я ее от всего сердца.

— Нравится летать?

Я промолчал. Слова были бессильны, только музыка могла передать радостное ощущение полета».

Это было месяц назад. Итак, в Томск, на завод или в лагерь аэроклуба?

Томск виделся пока что точкой на карте, но побывавшие там хорошо отзывались о городе, о предприятиях. Говорили, что литейщики особенно ценятся. Холостяки, конечно, живут в общежитиях, но молодоженам квартиру дают вне очереди. Ну, если и не квартиру, то комнату обязательно. И Юрий вспомнил, что никогда еще

не имел своего жилья — с пятнадцати лет по общежитиям да под чужими крышами. Вообще-то было бы здорово, да и пора — и мать намекала в письмах — жениться на симпатичной девушке, а там — глядишь, появится и ребеночек. Своя семья! Живи — не тужи. Если взять билет до Томска, будущее просматривается на многие годы вперед. В институт обязательно. А дальше дорога еще светлее и радостней.

Ну а если в лагерь аэроклуба? Полевое, в сквозняковых палатках житье, короткий сон на колком еловом лапнике, зарядка, бензинный запах моторов, копание в двигателях — все прощупать до каждого винтика и проводка. Потом полет, затем разбор, наконец, самостоятельный вылет. И все это ради чего — лишь свидетельства об окончании аэроклуба? Серенькой книжечки, которая, по ехидной подначке сокурсника, не дает даже права водить полуторку. Самолет — пожалуйста. Ну а где он, твой самолет? Юрий чувствовал, что в подобных суждениях несправедлив. Он нарочно терзал себя, мучительно размышляя, как тот добрый молодец в сказке: «Направо пойдешь... Налево пойдешь... А прямо пойдешь...»

Он спустился к воде, окунул руки, прохладные струйки защекотали ладони, наверное, в них была и капля родимой Гжати. Значит, куда же впадала Волга? В аэродром? «Волга впадает в аэродром», — улыбнулся Юрий неожиданному каламбуру и, быстро раздевшись, прямо с обрыва, ласточкой, как бывало в детстве, влетел в глубину. Он поплыл саженками, вперед, хоть и берега не было видно...

Лагерь аэроклуба разбили в дубовой роще. Деревца, поднявшиеся от старых спиленных, стояли еще низкорослыми, и ночью палатки продувало со всех сторон, а днем нещадно палило солнце. Вставали в половине четвертого, чтобы не терять ни минуты убывающего светового дня. Юрий, назначенный старшиной и комсоргом, пробуждался всех раньше: надо было самому проводить физзарядку. С умывания холодной, бодрящей водой начиналась карусель обычного дня — тренировочные занятия, полеты, обслуживание самолетов... Часто Юрию снился один и тот же сон. Будто он сваливается вниз с крыла, в свистящую воздухом бездну, дергает за кольцо, а парашют не раскрывается. Он падает камнем вниз, вот и земля проступает сквозь облака, вот она близко, сейчас он стукнется, расплющится об нее. Всем телом он чувствует приближение удара, а за воздух не удер-

жаться. За воздух? Но и на самом деле, перечеркнув все, чего достиг к двадцати одному году, разве не пытался он сейчас удержаться за нечто такое, чему давала подобие прочности одна лишь мечта?

Мечта... Свалясь на брезент от усталости, Юрий иногда начинал подумывать, что совершил роковую ошибку. Он стал терять веру в себя.

Учеба «в две тяги» выжгла все силы. Заканчивая техникум, да еще с отличием, и продолжая посещать аэроклуб, он израсходовал, можно сказать, запас своего горючего. И вот сейчас его оставалось на донышке. В мае, когда курсанты аэроклуба выехали в лагерь, Юрий подал рапорт Сафронову с просьбой на время освободить его от занятий для подготовки и защиты диплома в техникуме. Тот почитал и предупредил, что можно очень сильно отстать от товарищей. Теорию наверстать нетрудно, а то, что дается только полетами, легко упустить безвозвратно.

Оказалось, Сергей Иванович прав. Юрий никак не мог освоить выполнение виражей. Левые получались нормально — машина шла ровно, скорость выдерживалась постоянно. Но стоило начать разворот вправо — и самолет зарывался, скорость росла, увеличивался крен... Юрий повторял упражнение — и все то же. Почему? Он никак не мог докопаться до причины. Может быть, поздно начинает поддерживать крен и создавать угловое вращение? Мартьянов тоже выбился из сил. Нет, не мог его подопечный добиться четкого выполнения нужной фигуры.

Не давалась посадка. Казалось, летит спокойно, но стоит приблизиться к аэродрому, и Юрий начинал бояться земли: терял ориентир высоты, то «клевал» носом, то осаживался на хвост. Кое-как выровнявшись, самолет плюхался на посадочную полосу. Мартьянов только руками разводил от досады: парень, подававший надежды, не может освоить азов летного дела. Неловко инструктор чувствовал себя перед Сафроновым и Великановым: столько раз поручался за Юрия: «У парня нервное перенапряжение, вы только подумайте: свалить такую махину — техникум. Успокоится — все обойдется. Да ему просто-напросто надо выспаться».

Командир отряда и командир звена не реагировали на напрасные уговоры, они негласно решили отчислить Гагарина из аэроклуба. И когда дело дошло до проекта приказа, над Юрием сжалился начальник летной части

Константин Филимонович Пучик. Рассказывают, что он сам пошел к Великанову и уговорил слетать с Юрием, чтобы тот убедился лично раз и навсегда.

И взлет и посадку Юрий совершил безукоризненно.

— Вы что же, Гагарин, притворялись никак? — только и спросил уже на земле Анатолий Васильевич. — Везли начальство, поэтому и не ошиблись ни разу? Так не пойдет. Летайте без нас, командиров.

2 июля 1955 года Юрий Гагарин считал днем второго рождения. Мартьянов не сел, как обычно, в «шестерку желтую», а, оставаясь, сказал:

— Пойдешь один по кругу... И не волнуйся.

«Я вырулил на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли. Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу! Лечу сам! Только авиаторам понятны мгновения первого самостоятельного полета... Сделал круг над аэродромом, рассчитал посадку и приземлил самолет возле посадочного знака. Сел точно. Настроение бодрое. Вся душа поет.

— Молодец, — сказал инструктор, — поздравляю.

Мы шли по аэродрому, а в ушах продолжала звенеть музыка полета. А на следующий день товарищи говорят:

— Знаешь, о тебе написали в газете...»

Вот что было напечатано в «Заре молодежи»: «5 часов утра. Мы на аэродроме саратовского аэроклуба... Начинается подготовка к полетам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабатывать полет, другие — посадку, третьи пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлет.

— Взлет разрешаю, — передает по радио руководитель полетов К. Ф. Пучик.

В воздух одна за другой взмывают машины...»

Лишь через несколько дней Юрию удалось достать этот номер газеты и послать родителям в Гжатск. Мать в ответ написала:

«Мы гордимся, сынок... Но смотри не зазнавайся...»

А он и не зазнавался. Здравствуй, небо, голубая ку-

пель! 24 сентября 1955 года Юрий окончил саратовский аэроклуб. В выписке из ведомости индивидуальных оценок пилотов первоначального обучения значилось:

«Юрий Алексеевич Гагарин... оценка теоретической успеваемости: самолет Як-18 — отлично; мотор М-11р — отлично; самолетовождение — отлично; аэродинамика — отлично; НПП-52 — отлично; радиосвязь — отлично; средний балл — отлично... Оценка летной подготовки — отлично, общая оценка комиссии — отлично». И окончательная приписка: «Решение комиссии о дальнейшем использовании по специальности: курсанта Гагарина Ю. А. направить для дальнейшего обучения в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище».

Гжать впадала в Вазузу, Вазуза — в Волгу, а Волга в бескрайнее небо...

Глава третья

Чкалов стоял в накинутой на плечи меховой куртке, в унтах, держа в правой руке шлем. Ветер взъерошивал на его голове волосы, и все лицо, выражавшее волю, непреклонность, было напряжено ожиданием. Вот уже много лет на этом месте он словно назначил встречу юноше в простеньком шевиотовом пиджачке, в потертых брюках, тщательно начищенных ботинках, — худенькому, но широкому в плечах, с мягким коротким зачесом, с глазами, лучившимися добротой. Он ждал Юру Гагарина напротив высокого, сияющего окнами строгого здания, именуемого ЧВАУЛ — Чкаловское военное авиационное училище летчиков. И Юрий пришел сюда 25 октября 1955 года, поставил на землю чемоданчик и, подняв голову, взглянул на знаменитого летчика.

— Здравствуйте, Валерий Павлович!..

И Чкалов, расставив прочнее ноги, упершись левой рукой в бок, словно бы чуть наклонился с утомленным, но еще не теряющим силу видом, как будто только что вылез из своего АНТ-25...

«Беспримерный в истории беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — Северная Америка завершен. Осуществилась мечта человечества. Героический экипаж самолета АНТ-25, вылетев 18 июня 1937 года в четыре часа пять минут со Щелковского аэродрома, близ Москвы, 20 июня в 19 часов 30 минут совершил посадку на аэродроме Баракс, близ Портланда (Вашингтон)... Исключи-

тельное искусство, большевистскую отвагу и мужество проявил прекрасный экипаж, выполнив поистине блестяще величайший в истории перелет, покорив самую суровую, труднейшую часть земного шара, открыв новую эру в покорении человеком природы... В США придают огромное значение тому факту, что установлена воздушная магистраль СССР — США через Северный полюс... Посадка самолета была произведена превосходно и вызвала всеобщее восхищение. На аэродром началось паломничество тысяч людей, которые, несмотря на проливной дождь, стекаются сюда».

Американскому радиорепортеру Валерий Павлович сказал, что есть реки Колумбия и Волга, которые находятся на разных континентах, имеют различный нрав и характер, но они текут по одной и той же планете, не мешают друг другу, а в конечном счете являются элементами одного и того же Мирового океана. Так и наши народы — народы Советского Союза и народы США — должны жить на одном и том же земном шаре мирно и совместной работой украшать океан жизни всего человечества.

«Теперь полечу вокруг шарика», — поделился Чкалов с друзьями давнишней мечтой, вернувшись в Москву...

Сейчас Чкалов как бы приветствовал и благословлял в высокий, радостный и опасный путь юношу, который, подхватив свой легонький чемоданчик, уверенно пошел ко входу в училище. Но прежде чем ступить на порог иной, запрещающей штатские вольности жизни, Юра постоял на высоком берегу реки и, вдохнув полной грудью, с восхищением всматривался в неоглядные дали на том берегу.

27 октября приказом начальника училища Юрий Гагарин был зачислен курсантом. Новички робко проходили по вестибюлю главного корпуса, подолгу останавливались перед стендами, с которых в обрамлении гвардейских оранжево-черных лент смотрели летчики, окончившие в разное время это училище: Михаил Громов, Андрей Юмашев, Иван Полбин, Степан Супрун, Леонид Беда, Григорий Бахчиванджи...

Юрий уже знал, что Бахчиванджи был первым летчиком, испытавшим реактивный самолет, сделавшим новый отважный шаг... А Громов? Как тесен мир! Как непрерывна родословная авиации! Громов обучал курсанта Чкалова технике воздушного боя. И так отзывался о молодом своем военлете: «Он не знал никаких колебаний:

сказано — сделано. Он шел, как говорится, напролом. Быстрота действий у этого человека равнялась быстроте соображения. В ту минуту, когда истребители внезапно вступали в схватку, рискуя, несмотря на тысячу предосторожностей, столкнуться в воздухе (а летали тогда без парашютов), в эту минуту иные все же побаивались. Чкалов просто не умел бояться».

А Полбин? Тот всю свою жизнь вспоминал о единственной встрече с Чкаловым на митинге после героического перелета АНТ-25: «Какой прекрасный летчик! Какой человек!», хотя поговорить удалось всего-то минуты. «Ну а волгари среди вас есть?» С этого вопроса, собственно, и началось знакомство. «Я с Волги...» — назвался Иван Полбин. Чкалов обрадовался земляку, подбодрил: «Если с Волги, быть вам настоящим летчиком!»

К концу 1941 года на боевом счету Полбина было 3500 уничтоженных фашистских солдат и офицеров, 160 танков, 370 машин, 3 дивизиона артиллерии, 18 вражеских самолетов. «Лучше всех бомбил генерал, дважды Герой Советского Союза Иван Полбин. Летчик подлинной чкаловской хватки, он во всей нашей бомбардировочной авиации считался непревзойденным мастером пикирующих ударов», — писал о нем трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

А Степан Супрун? В ноябре 1937 года его одновременно с Чкаловым выдвинули в депутаты Верховного Совета СССР. Был таким же отважным, отчаянным и... озорным. Однажды, не имея возможности заехать к матери и отцу, которые жили уже одинокими, изменил маршрут полета, сделал два круга над родительским домом. «Ой, гроза гремит!» — испугалась мать. Вечером принесли телеграмму: «Побывал у вас в гостях, пролетел над домом тчк целую тчк Степан тчк».

В реляции на награждение Степана Супруна говорится: «Во главе группы скоростных истребителей МиГ-3 громил фашистских извергов и показал себя бесстрашным командиром; возглавляя группу, Супрун сразу отбил охоту стервятников ходить на низкой высоте...» 22 июля 1941 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Это была вторая Золотая Звезда. Первой он удостоился за мужество и отвагу в боях с японскими самураями 20 мая 1940 года. Степан Супрун погиб в июле 41-го в неравном бою с семью фашистскими самолетами. Жители белорусской деревеньки Монастыри видели, как за околицей падал «ястребок» с красными звез-

дами на крыльях. Они не успели к горящему самолету. Когда подбежали, увидели обгоревшего летчика, который неподвижно сидел в открытой кабине, все еще сжимая рычаг. На обугленной гимнастерке мерцала Золотая опаленная Звезда...

«Здесь учат не только на военных летчиков, — размышлял Юрий, проникаясь гордостью, что принят в такое училище, — здесь учат еще и на героев. Но, как говорится, «были люди в наше время, не то что нынешнее племя, богатыри не вы...».

Но, черт возьми, вот она, вот жизнь, о которой не ведал, не мечтал, но которая оказалась по нему, как будто готовился к ней все предыдущие годы.

Строем, еще не ладящим под команду шагом — в баню. Душ то горячий, то обжигающе-ледяной — кто дольше вытерпит, а тут кто-то опять почти кипятком из шайки на голову, на плечи, грудь, — тело каленеет, и жарко и зябко. И вот, наконец, самое желанное — одевание в летную форму. Гимнастерка еще топорщится, брюки вроде бы длинноваты, широковаты, и сапоги — раструбами, тяжелы на ноге. А на гладко-ворсистую голову — пилотку со звездочкой, чуть-чуть набекрень. И другой вид, и не отвести глаз от самого себя, от голубых с золотистой каемочкой крылышек, выросших над плечами — курсантских погон. И уже ты чем-то похож на тех, кого видел в оранжево-черных гвардейских лентах в вестибюле училища.

У выхода из бани строй уже не прежний, не гражданский, — настоящий военный.

— Равняйсь! Смирно! Шагом марш!

Дробанули по мостовой сотней сапог, еще не научились единым шаговым залпом. И старшина, придирчиво оглядывая со стороны, приказывает запевать песню.

Строй поначалу молчит, но вот уже перешептываются: кто и какую?

— Песню, песню, — уже не требует, а словно бы умоляет их старшина — идут через город, как же так, курсанты без песни.

И из задних рядов, где по ранжиру оказались те, кто пониже ростом, взвивается задористый тенорок, и сразу равняется дружный шаг:

Протрубили трубачи тревогу,
Всем по форме к бою снаряжен,
Собирался в дальнюю дорогу
Комсомольский славный батальон.

Кто это, почти на «шкентеле» — в конце строя с веселыми колючинками в голубых глазах? Голос не сильный, но с такими нотками задушевности и призыва, что строй как будто ждал, грянул, выдохнул в такт:

Прощай, края родные,
Звезда победы нам свети.
До свиданья, мама,
Не горюй, не грусти,
Пожелай нам доброго пути.

Возле казармы старшина останавливает. Долго выравнивает зубчатку сапог, чтобы были все на одной, как стрела, нагуталиненной линии.

— Курсант Гагарин, выйти из строя!

Юрий послушно вышагивает на середину, поворачивается лицом к шеренгам, пронзающим сотнями вопрошающих, любопытных глаз. Что случилось, по какому такому поводу вызван этот щуплый, но крепкий на вид паренек?

— За хорошую песню объявляю вам благодарность!

Юрий еще не знает, что нужно ответить: «Служу Советскому Союзу!», сконфуженно приподнимает плечи, краснеет — первое поощрение?

В курилке товарищи не дают прохода:

— Да ты, брат, артист, Гагарин... Случайно не в консерватории научился?

— Летчику не петь, а летать надо...

— Без песни далеко не улетишь! — Это убежденно произносит и тем как бы ставит точку высокий, подтянутый парень. Протягивает руку: — Юра, твой тезка. По фамилии Дергунов.

И вот еще двое, уже сдружившихся, раскрывают портсигары и примыкают к ним:

— Валя Злобин.

— Коля Репин...

Юрию нравится новая жизнь, он действительно словно рожден для нее. Ранним утром, когда еще сонным дыханием полна казарма и на двухъярусных, «двухэтажных», койках не шевельнется ни одно одеяло, голос дневального взрывает настоянную на домашних снах тишину:

— Подъем!

И — пружиной с койки! Майку, брюки, портянки, сапоги, — все это хватаешь еще в полусне и сам не по-

мнишь, как через минуту стоишь в строю, в полном военном своем облачении.

— Бегом марш!

Строй набирает дыхание, разгоняется как паровоз — с медленного бега на ускоряющийся, и чувствуешь — силой, бодростью наполняется каждый мускул. Специальный — только для летчиков — комплекс физических упражнений, умывание только холодной водой, заправка постелей, так, чтобы одеяло было подвернуто ровной «грядочкой», и снова в строю на утреннем осмотре стоишь сильный, красивый, блестя, сияя каждой надраенной пуговкой, пряжкой ремня. Не беда, что почти замыкающий в шеренге.

На завтраке просишь добавку — первокурсникам всегда кажется, что каши дают маловато. Через полгода и эту не всю доешь. Потом строевые занятия на плацу и уставы.

Перед Юрием книжечка, в которой он читает о себе: «Военнослужащий Вооруженных Сил Союза ССР есть защитник своей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Военнослужащий должен свято и нерушимо соблюдать законы и военную присягу; быть дисциплинированным, честным, правдивым, храбрым и не щадить своих сил и самой жизни при выполнении воинского долга; беспрекословно повиноваться начальникам и защищать их в бою; как зеницу ока оберегать знамя своей части».

И вот, вот самое ожидаемое доверие — ему вручают настоящее боевое оружие — автомат Калашникова. Чем-то похож он на те, с круглыми дисками-магазинами, что Юрий видел в руках проходящих через Клушино красноармейцев. Капитан-командир взвода привычно берется за ремень, снимает автомат с плеча, показывает перед строем, держа в руках, как нечто живое, знаемое им до каждого винтика, до каждой царапинки на прикладе. Просто и сурово звучит его объяснение:

— Наиболее действенный огонь — на расстоянии до четырехсот метров. Прицельная дальность стрельбы — тысяча метров. Дальность прямого выстрела по грудной фигуре — триста пятьдесят метров, по бегущей фигуре — пятьсот двадцать пять метров...

По «грудной», по «бегущей» — это тебе уже не игрушка, а оружие, врученное Родиной и народом. Как стихотворные, повторяешь строчки, от которых пахнет порохом: «Основные части и механизмы автомата: ствол

со ствольной коробкой, с прицельным приспособлением и прикладом, крышка ствольной коробки, штык-нож, возвратный механизм, затворная рама с газовым поршнем, газовая трубка со ствольной накладкой, затвор, шомпол, цевье, магазин, пенал с принадлежностью, ножны...»

Перед первым выездом на стрельбище старшина выдает патроны, и опять память детства — по отстреленным гильзам учился когда-то считать до десятка, потом до сотни, складывал, отнимал. Теперь патроны с круглыми толстенькими пулями укладываешь в магазин, как металлические фасолины в плотный стальной стручок.

— На огневую позицию шагом марш! Заряжай!

По всем правилам: полный шаг правой ногой, теперь, наклоняясь вперед, опуститься на левое напружиненное колено, и вот уже лежишь, прижавшись к земле, вспоминая наставления командира: «Шею не напрягай, щекой к прикладу, к прикладу, найди место для правой руки, при прицеливании задержи дыхание, на спусковой крючок нажимай плавно... Долго не целься. В промежутках между выстрелами давай отдохнуть глазу».

То ли ты как бы слился с землей, то ли она льнет к тебе, еще не к летчику, но к солдату. Но что есть земля и что есть небо? Их нет друг без друга.

Мешают травинки. Вон по той высохшей, как метелочка, ползет муравей. Долго ему добираться до самой макушки. Не отвлекайся! Серым пятном впереди вырастает грудная мишень — полтуловища, — выпиленная из фанеры.

— Огонь!..

И ты сразу вонзился всем существом в прорезь прицела, в тонкую шпильку мушки. Ты уже там, на той траектории, что, пронесшись над былинкой, над муравьем, врежется пулей в мишень.

Неожиданный выстрел оглушает тебя, в прояснении после него слышишь, как звонким шлепком ударяется рядом гильза. Гарью серы дохнул автомат. Еще под прицел, еще.

— Стой! Прекратите, Гагарин! Я же сказал, одиночными. Поставили на автоматический? Кто разрешил?

Гагарин возвращается с огневого рубежа, виновато отряхивается.

— Извините, товарищ капитан, я забылся.

— В бою, Гагарин, самодеятельность недопустима. Осмотреть мишени!

И бегом, наперегонки все, кто стрелял, — к фанер-

ным фигуркам. Вот она, твоя, справа вторая — с концентрическими кругами бело-черной мишени.

Ревностным взглядом ищешь пробоину. И, заметив единственную, с расщепленными краями дырочку рядом с белым, что называется «молоком», радуешься — попал! Но сколько тревоги в этом счастье солдатской удачи: лист из фанеры, а пуля прошила его настоящая.

— Для первого раза нормально, — успокаивает капитан.

Со стрельбища едут повеселевшие, с песнями. И нравится, что от автоматов отдает гарью пороха. Первое огневое крещение. Но нет-нет да и глянут на небо: там еще предстояло учиться летать высоко и быстро и метко стрелять.

Из письма Юрия в Саратов Мартьянову:

«Здравствуйте, Дмитрий Павлович! С приветом к вам ваши воспитанники Гагарин и Колосов... У нас с Толяном все нормально. Учеба проходит неплохо. Занимаемся в одном классном отделении, спим через несколько коек друг от друга. В увольнение пока мы еще не ходили. Присягу еще не приняли... Все дни заняты учебой. Преподаватели здесь хорошие, но строгие, а командиры тоже. Шприца дают часто. Бываем в Зауральной роще на занятиях. Здесь часто бывают сильные морозы. Сегодня, например, мороз двадцать девять градусов. Кроме того, дуют сильные ветры, но мы привыкаем. Привыкаем и к солдатской жизни... Летать, очевидно, начнем в конце зимы...»

Оренбургская степная зима завьюживала, обжигала ветреными морозами, но на зарядку — и это тоже нравилось — выбегали неукоснительно, ее ни разу не отменяли из-за холодов.

8 января 1956 года Юрий Гагарин вместе со своими однокурсниками принял военную присягу.

Их построили в большом зале училища, и каждый с оружием в руках становился лицом к товарищам, произносил священные слова.

«Присяга! Твердое, большое и емкое слово, — вспоминал он об этом дне. — В нем выражена любовь советского человека к своей социалистической Отчизне... Присяга вела в бой наших отцов и братьев... Вся жизнь моя прошла перед глазами. Я увидел себя школьником, когда мне повязывали пионерский галстук, ремесленником, которому вручали комсомольский билет, студентом с ленинским томиком в руках и теперь воином, крепко сжимающим оружие... Страна доверила нам оружие, и надо

было быть достойными этого доверия. Отныне мы становились часовыми Родины».

После принятия присяги подразделение новичков переформировали. Юрий уже был на виду — сказалась прежняя тяга к общественной работе. Справился с обязанностями редактора боевого листка, его выбрали секретарем комсомольской организации. Оправдал и это доверие — назначили командиром классного отделения. Забот прибавлялось. Да и авторитет не годится ронять. Какой же ты командир, если получил тройку, не говоря уже о том, чтобы оплошать на строевых занятиях или «физо». Не забывал Юрий первого своего воздушного наставника, делился с ним радостями и огорчениями, просил совета.

19 февраля 1956 года он писал Д. П. Мартьянову: «Вчера получил от Вас письмо, за что большое спасибо... У нас здесь произошли кое-какие перемены в организационном отношении. Толя Колосов сейчас со мной не учится. Его перевели на выпуск в 1958 году, то есть на три года учебы. Он хотел было уехать домой, но я его отговорил. Я занимаюсь на выпуск в 1957 году... Ждем приближения весны, лета и полетов. Недавно были сильные бураны. Поезда на дорогах заносило с паровозной трубой. Мы ездили на снегоуборку. Ветер достигал 36 м/сек. Трудно было держаться на ногах. Вот я и поверил, что если привязать По-2 веревкой к чему-нибудь, то он будет болтаться в воздухе, а если отпустить, то уже никакими веревочками не поймаешь... Привет командованию и преподавателям аэроклуба...»

Толя Колосов «хотел уехать домой, но я его отговорил...». Может быть, Мартьянов и не обратил внимания на эту, как бы вскользь написанную фразу. А если и задержал на ней взгляд, то, наверное, усмехнулся: что за проблема? Мальчишки! Год меньше учиться, год больше. Юрий скрыл самое главное — о своих настроениях в письме ни слова, ни намека на то, что и сам он, казалось бы, выбравший прямую дорогу, расправивший крылья, набиравший уже высоту, вдруг опять оказался на внезапном распутье. Да, это трудно представить, но он решил бросить училище. Почему? Об этом он никогда и никому не рассказывал. Но действительно — было такое — Юрий засомневался в правильности намеченного пути. Какие раздумья поколебали его?

Считают, что прежде всего — сыновняя совестливость: он оглянулся на Гжагск, как бы увидев его с высоты,

далеко-далеко внизу в тающей дымке садовых осенних костров, когда жгут прошлогодние листья и горьковатый запах стелется по унылым улочкам, над разъезженными, расхлябанными дорогами. Он представил свой домик, мать в телогрейке, несущую полные ведра на коромысле, отца с топором, засунутым под старый солдатский ремень, уходившего верст за двенадцать. Они, верно, ожидали в нем сына-помощника, сына-кормильца, а он все еще учился. А ведь получил отличную специальность. Мог бы стать мастером, а то и начальником цеха. И, глядишь, мать не считала бы каждый рубль...

Известие о том, что учебу в училище продлят на год, огорчило Юрия. В самом деле — не вернуться ли в Гжатск, устроиться на работу, жениться и жить-поживать, как все люди. Теперь, когда со своей семьей Валентин отделяется от родителей, Юрий стал как бы старшим в доме, опорой все чаще похварывающих своих стариков...

В притихшей, охваченной сном казарме, в тревожном свете синей дежурной лампы они перешептываются с Колосовым и до утра ворочаются, не могут уснуть. Месяц заглядывает в окна, бередит их души. Выпуск 58-го? Это уж слишком. Надо что-то предпринимать. Но что?

А между тем в один из выходных дней намечался в училище бал. Паркет надраен до блеска, в зале пахнет «Шипром» и гуталином, в сапоги хоть смотрись, все наглажено, отутюжено. Да, весь вечер утюг нарасхват, подшиты чистейшие подворотнички. И вот они входят, молодые курсанты, в чертоги вчера еще запретного для новичков и разрешенного после утомительного карантина, веющего девичьими духами бала. И как положено «лысеньким», Юрий тоже робко отступает к стене, хотя Дергунов, который смелее, зовет в наступление.

— Но вот это... Это танго, пошли!

Две девушки — одна в бордовом, другая — в голубом. Что-то наполнило радостью узнавания. Ах да, та в Колонном зале с кружевными снежинками. Нет, та была озорнее, подхватила, вплела в хоровод, а эта скромно стоит в сторонке, но Юрию кажется, будто он ощущает касание карего взгляда, так, мельком, как будто бы ненароком... И, побарывая нерешительность, чувствуя, как загораются уши, приподнимаясь слегка на носках, чтобы казаться повыше, он через залу направляется к ней.

— Разрешите?

И только она положила руки — одну ему на ладонь,

а другую на курсантский погон, как сразу стало легко и свободно. Тонкий запах сирени, теплеющий взгляд, и кружение, кружение, кружение, как с крыла на крыло: переверт, переверт, переверт. Платье — небо, а очи — дневные звезды, до чего же головокружителен, радостен этот полет! «Как вас зовут!» — «Валя...» И через два оборота: «А вас?» — «Юра. Вы учитесь или работаете?» Обычная, ничего не значащая перемолвка. Но он уже от нее не отходит. Танго, фокстрот, вальс-бостон... Первые такты девушке кажется, что не сумеет сделать ни шага, ни оборота, не из тех он красавчиков — безупречных танцоров. Но прислушался, приноровился и вот уже сам ведет, и сладостно в этих крепких сильных руках.

Танцы до десяти. Проводить разрешено только до выхода, до КПП. А они, словно знают друг друга давно, как о решенном обоими:

— Значит, до следующего воскресенья? Хотите, пойдем на лыжах?

И открыто заглядывает в глаза. И пожимает руку не как провожатый, а просто как друг.

— Хорошо, на лыжах, значит, на лыжах...

И опять в казарму, где в курсантской бессоннице после бала дежурная синяя лампа видится яркой неизвестной звездой. Но коготок сомнения царапает душу: «Вот поеду домой, сниму свою летную форму, интересно, со мною «гражданским» пойдет танцевать? Валя Горячева... Назначили у телеграфа... Отпустили бы в увольнение». И дрожит, переливается светом надежды открытая им сегодня звезда.

В воскресенье свидание.

После кинотеатра заспорили о картине, мнения расходились, чуть было не поссорились. Шли в неловкости, молча. Возле дома Горячевых Юрий, словно бы спохватившись, взял руку:

— Значит, до следующего воскресенья? И знаете, куда мы пойдем?

— Куда?

И вспыхнули веселинки в озорноватых глазах. Сказал просто, не сомневаясь:

— К вам в гости...

Через неделю в Валином доме дым коромыслом. Иван Степанович, отец, подначивает: «Со сватами придет или один?» А сам на кухне постукивает ножом, пошлепывает по тесту — угощение будет на славу, недаром работает поваром в санатории. Мать, Варвара Семеновна, то подви-

нет белые занавески на окнах, то повернет кружевную салфетку на тумбочке, пыль смахнула с комода, которой не было.

И вот он, столь ожидаемый, сразу бросивший Валю в краску, голос с порога:

— Здравствуйте! Валя дома?

Сбросил шинель, снял шапку, расправил под ремнем гимнастерку и уже как свой:

— Пельмени? Могу помочь. Валя, прошу полотенце.

Повязал его фартуком, присмотрелся к Ивану Степановичу, взял рюмку, и вот уже ловко штампует тесто. Все в восторге, вот это парень — так быстро лепит пельмени!

«Здравствуйте, Валя дома?» Он обезоруживал своей доверительностью, простотой, откровением. Но это все на людях, а о сокровенном пока ни слова. Никто и никогда не узнает тех трепетных слов признания. Они шли навстречу друг другу осторожно, долго приглядываясь. И конечно, не вся правда осталась в воспоминаниях, адресованных всем.

Валентина Ивановна: «Сказать, что я полюбила его сразу, значит сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других... Не сразу я поняла, что этот человек, если уж станет другом, то станет на всю жизнь. Но когда поняла... Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы.

Как он сказал о своей любви? Очень просто. Не искал красивых слов, не мудрил...

«Любовь с первого взгляда — это прекрасно, — говорил Юра, — но еще прекраснее — любовь до последнего взгляда. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Давай действовать по пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь...» Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь, когда будет уже поздно передумывать...»

Юрий Алексеевич: «Все мне нравилось в ней: и характер, и небольшой рост, и полные света карие глаза, и косы, и маленький, чуть припудренный веснушками нос... Многое нас связывало с Валей. И любовь к книгам, и страсть к конькам, и увлечение театром. Бывало, как только получу увольнительную, сразу же бегу к Горячевым на улицу Чичерина, да еще частенько не один, а с товарищами. А там нас уже ждут. Как в родном доме чувствовал я себя в Валиной семье».

Однажды пришел на свидание хмурый, на Валины вопросы отвечал невпопад, было видно: хочет сказать что-то важное, но не решается.

— Что с тобой? — встревожилась Валя. — На тебе нет лица. Ты сам на себя не похож.

Юрий опустил глаза, дотронулся до руки, словно передавал ей токи своего настроения, вымолвил:

— Ты знаешь, Валюша, я решил оставить училище. Ты представляешь, еще два с половиной года. А ведь я уже взрослый. Даже более чем... У меня специальность. Пора помогать своим. А я все учусь, учусь... К чему? Для чего? Ну, буду летать. Конечно, я понимаю, мы — часовые неба. Я отстою свой пост честно. А меня сменят другие. Есть же просто срок службы...

Валя долго не находила слов, не знала, что сказать этому, такому теперь родному парню в серой шинели с голубыми погонами.

— Ты не прав, Юра, — выговорила наконец она, — что такое год — зима, лето, осень... Они-то промчатся быстро. Ты же все время шел к этой цели. Станешь офицером, и еще больше поможешь родителям. А мечта? Ты оглянись: для чего же было учиться летать? Если просишь совета, я против того, чтобы ты уходил из училища...

Проронившие эти слова губы озябли, посизовели, их бы сейчас отогреть поцелуем.

— Подумай, Юра.

Возвращенье в казарму — как будто бы вход в нее первый раз. Все заново. С новыми силами. Прошел слух: самых лучших отберут в отдельную группу и выпустят офицерами в 1957-м.

3 марта — это ли не подарок ко дню рождения — командир части перед строем на вечерней поверке зачитывает письмо, которое завтра будет отправлено в Гжатск, матери.

«Уважаемая Анна Тимофеевна!

В Международный женский день 8 марта командование части, где служит ваш сын Гагарин Юрий, поздравляет вас с всенародным праздником... Вы, Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном. Он отлично овладевает воинской наукой, показывает образцы воинской дисциплины, активно участвует в общественной жизни подразделения.

Командование благодарит вас за воспитание сына, ставшего отличным воином, и желает вам счастья в жизни и успехов в труде».

Нетрудно вообразить, как, отворив калитку, почтальонша идет по уже тающей снежной тропке к порожкам терраски, а мать, завидев ее в окне, выбегает навстречу. Нетерпеливо распечатывает конверт, пробегает жадно по строчкам.

— Леша, ты послушай, что пишут о Юре.

Отец степенно засмаливает цигарку, откашлявшись, говорит:

— А ты как думала? Гагарины не ходили в последних.

И мать еще и еще перечитывает письмо, пахнущее оренбургским снегом.

«Мама, я целую руки твои...»

Но уже веет весной, ветер лижет наждачный наст, наступает пора полетов. Оренбургская степь — как небо, а небо — как степь, зазвенели рулады двигателей, знакомая ровная песня мотора, трава, прибитая ветром винта, как река, как поток, уходит из-под крыла, и вот уже невидимая, но прочная опора воздуха...

Глаза твои — не твои, а словно бы птичьи. «Соколиные должны быть глаза», — наставляет инструктор. Он прав. В полете главное — глазомер. А сейчас на посадку. Надо строго выдерживать высоту, почувствовать, как гасится скорость. Когда она дойдет до критической, самолет начнет парашютировать. Поймать, поймать этот момент, ощутить его движение, всем телом, плечами, слитыми с крыльями, вот сейчас рулями поднять нос повыше, и самолет по касательной встретится с полосой...

— Отлично, Гагарин, у вас вырабатывается собственный почерк.

— Служу Советскому Союзу!.. — И совсем уж посвойски: — Спасибо на добром слове.

Юрий знает, что похвала не заслужена, приземление произвел неудачно, с высоким профилем. Весь вечер и после отбоя он будет анализировать эту ошибку, разбирать свои действия в воздухе, а завтра снова гонять тренажер.

Крылья крепнут в полете. До чего ж солона ты, купель оренбургского неба. Да и на земле нелегко, все достается упорством. Конспекты, учебники, формулы, схемы... Кто-то из преподавателей вывел простой афоризм: «По конспекту можно определить кардиограмму будущего полета».

В августе Юрия назначают помощником командира взвода. Три золотистые лычки обвили его погоны.

Он впереди строя, хоть и пониже других курсантов. Он командир, как говорится, пока еще младший, но от сержанта до генерала всего один шаг. Как говорит поговорка? «Тот не солдат, кто не носит в ранце маршальский жезл». Юрий все так же прост в обращении с товарищами, и все же... В нем чуть-чуть побольше упрямства, выдержки, воли, собранности. Встает раньше всех, позже ложится. Надо быть примером во всем — от начищенной пуговицы до отличного выступления на семинаре. И отвечать не за себя одного, а за всех, за каждого в доверенном взводе.

По итогам учебно-летной практики его награждают почетной грамотой. Общий налет на Як-18 103 часа 05 минут. Да плюс еще 42 часа 23 минуты — саратовских, аэроклубных... Больше шести суток в небе! Стало быть, он имеет все основания считать себя летчиком?

Валя права — время бежит, как земля под шасси взлетающего самолета. Вот и осень подпалила листву на деревьях, воздух звонок, прохладно чист, и гулок шаг взвода по мостовой. Училище готовится к параду, без устали маршами гремит оркестр. Впереди, покачиваясь, рдеет знамя, — оно дирижирует строем, равнение на него, и без команды рвется душа запевать.

Ноябрьским праздничным утром шеренги как будто слитые. Главная площадь города. Многоцветье толпы. Оренбургское летное училище выходит к параду.

— Шагом марш!

Единым движением равненье направо, и взглядом сначала к трибуне, потом ищуще в гущу толпы. Где-то здесь Валя в своем белом пуховом... Но сколько таких же платков... Все сливается — снега, снега метельно летят мимо строя... Валя! Ну конечно, она! Тоже узнала, выхватила карими вишенками из шеренги, что-то крикнула, помахала рукой. И уже не слышно оркестра. Только одна она, Валя, в этом ликующем море.

Так получилось, что прямо с парада поехал Юрий в свой первый курсантский отпуск. Здравствуй, Гжатск! Здравствуй, река! Знакомые ивы в наряде из инея, по заснеженному льду — неразгаданными письменами — птичьи следы. Дома — дух печеной картошки из печки, кружка теплого молока — вкуснее нет ничего на свете.

— Ну-ка, отец, давай рубанок, стамеску, тряхнем стариной...

Мать перебирает картошку в подполе, нырнул туда, в приятную затхлость забытого: «Давай помогу...» —

«Юраша, а помнишь тошнотики?» — «Ну как же не помнить. Не будет, мама, теперь никаких тошнотиков».

А утром назавтра — в школу, туда, на Советскую, дом 91.

— Елена Федоровна, здравствуйте, можно, посижу за своей партой?

И нет конца рассказам об оренбургском житье. Юра тот и не тот... Да нет, такой же, как был, балагур. Только вот гимнастерка с погонами да значки незнакомые на груди.

— Юра, это что же, твои награды?

— Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди, — смеется Юрий в ответ. — Помните, как сказывал Теркин?

С первой попуткой в Клушино. Присыпанный снежком бугорок. Юрий долго стоит здесь над памятью детства, даже шапку снял с головы, спохватился — в самом деле не кладбище... Вон струятся живые дымки над крышами. И — к соседям, Беловым, в печное тепло:

— Как живете-бываете?

А сам все в окно, в окно — на пустырь, на заснеженную луговицу: теперь бы, пожалуй, и он посадил бы сюда свой Як-18.

Дома только неделю-другую, а нет места, нет покоя душе.

— Мама, я уеду, пожалуй, пораньше.

— Почему так, сынок. Что, не понравилось?

И дрогнули краешки губ, догадалась, к чему он клонил.

— Как зовут-то ее?

— Валя. Горячева Валя... Может, будет Гагарина.

— Смотри, сынок, сам не спеши. Если решил, то уже навсегда. Только так.

И все-таки тень материнской ревности по лицу: вырос, совсем вырос и улетает из родного гнезда.

Как все же медленно едут! В Оренбурге с поезда прямо к Горячевым. А Валя словно ждала. Да она и вправду чуяла сердцем.

— Ты что, раньше срока?

Но улыбка ее выдает. Загораются карие спелые вишенки.

В училище со всех сторон выстреливают одним и тем же вопросом:

— Гагарин, вам что, надоело дома?

Обороняется стойко:

— Соскучился по курсантской каше! — И в библио-

теку за книгами. Через несколько дней снова привычный военный быт. Он не зря торопился — выпуск 57-го года начинал переучиваться на самолет МиГ-15. Гагарин попал в экипаж старшего лейтенанта Анатолия Григорьевича Колосова. Изучали материальную часть реактивных двигателей, знакомились с основами газовой динамики, познавали законы скоростного полета.

Новая летная программа давалась Юрию не без труда. Один из преподавателей был немало удивлен, когда однажды, войдя в класс, увидел расходящиеся во все стороны струйки табачного дыма. У стола стоял Юрий Гагарин с зажженной папиросой и небольшим агрегатом двигателя в руках.

— Что это значит? — строго спросил он курсанта.

Юрий покраснел с досадой, что его оторвали от интересного эксперимента, проговорил:

— Разрешите доложить, товарищ подполковник! Я изучаю топливный насос двигателя. Здесь столько насверлено каналов, что приходится действовать таким способом: в одно отверстие дунешь, и сразу видно, откуда выходит дым...

Курсанты с любопытством, явно принимая сторону Юрия, проявившего смекалку, ждали, чем кончится этот непростой диалог.

— Ну вот что, курсант Гагарин, — нашелся преподаватель, про себя оценив находчивость, — если вы уж изобрели такой способ изучения предмета, то в следующий раз отправляйтесь вместе с топливным насосом в курилку.

Прощенный, но не побежденный Юрий сел на свое место.

«Гагарину вообще было свойственно любой ценой докопаться до истины, разобраться в каверзном вопросе, — вспоминает подполковник А. А. Резников. — Над его дотошностью курсанты даже подшучивали. И вместе с тем он вовсе не был похож на зубрилку или сухаря, старающегося во что бы то ни стало выцарапать пятерку. Он любил и понимал шутку, а неудачи и промахи переносил с удивительной стойкостью».

Впрочем, мудрствования не всегда помогали. Однажды Юрий получил тройку по реактивным двигателям. По установленному порядку с такой оценкой курсантов не допускали к учебным полетам. Троечник бегал за преподавателями, упрашивал «еще разочек» проэкзаменовать, авось повезет или кто-нибудь сжалится. Но Юрий

не пошел на поклон, не стал рассчитывать на случайность, а снова засел за учебники и корпел над ними до тех пор, пока преподаватель сам предложил исправить оценку. Экзамен был сдан на «отлично».

Но вот и долгожданный день первых полетов на МиГах. Юрий любовался: «Как красиво выглядели они с поблескивающими на солнце, круто отброшенными к хвосту стреловидными крыльями! Гармонии гордых и смелых линий этих самолетов могли бы позавидовать архитекторы...»

Стреловидность? Это уже близко к ракете. Это как бы ее птенец. До курсантов уже дошла легенда, как конструктор Артем Иванович Микоян нашел простой и впечатляющий выход, чтобы наращивать скорость. Проведя рукой сверху вниз, сначала по вертикали, затем чуть наискось, он спросил: «Как легче хлеб резать?» — «С наклоном», — ответили несколько озадаченные коллеги. «Вот поставим стреловидное крыло, — сказал Артем Иванович, — и будем резать с наклоном, только не хлеб, а воздух!»

Знаменитый теперь уже на весь мир МиГ-15, блестя обшивкой, словно отшлифованный облаками, ждал Юрия.

— Ну что, поехали? — добродушно и вместе с тем со сдержанностью в движениях, понимая, как важен этот час для курсанта, проговорил Колосов, приглашая в кабину Юрия.

— Есть пламя! — с лихостью крикнул техник.

Юрий впаялся в кресло, затаил дыхание, когда машина стремительно начала разбегаться по взлетной полосе. Он не успел оглядеться, а высотомер уже показывал пять тысяч метров. «Это тебе не Як-18, — подумал Юрий, — как же летать на такой машине с большим радиусом действия, на головокружительной высоте, с невиданной скоростью?» Колосов проделал несколько пилотажных фигур и неожиданно приказал:

— Возьмите управление.

Юрий взялся за ручку и почувствовал сопротивление — машина еще не совсем его слушалась, словно старалась внушить, что управлять собою она разрешит только опытному, смелому человеку. Юрий понял, как много еще надо было учиться.

Полеты, полеты, полеты: провозные, вывозные, контрольные, пока летчик-инструктор окончательно не уверился в знаниях и способностях пытливого, настойчивого курсанта.

Из рук в руки передал капитан Колосов Юрия Гагарина майору Ядкару Акбулатову — для обучения приемам воздушного боя. Высший пилотаж, маршрутные полеты, стрельбы... Юрий нащупывал главное: начиная «бой», нужно сразу навязывать «противнику» свою инициативу. Это подтверждает его наставник:

«Помню, однажды мы вылетели в паре с ним на задание. Гагарин в порядке отработки командирских навыков шел ведущим, а я — ведомым. В роли командира выступал он впервые. Однако молодой летчик искусно строил маневр, зрело принимал решения. И у меня, имевшего к тому времени определенный опыт летной и инструкторской практики, невольно возникла мысль: «А неплохо бы иметь такого напарника в настоящем бою».

Когда это случилось? Кажется, в июне? Да-да, во время учебно-тренировочных полетов. Юрий вел свой самолет легко, свободно им управляя, радуясь, что машина послушно подчинялась ему. Не терпелось сделать вираж покруче, выйти на вертикаль, но он сдерживал себя — не только инструкции, теперь и личный опыт не позволяли поддаться озорству. Выполнив упражнения, он вернулся на аэродром, вошел в круг и повел самолет на посадку. Разворот был плавным, как будто серебряным перышком Юрий выписывал на глади неба изящный автограф — так он был слит с самолетом. И вдруг машину встряхнуло. Кто-то словно ударил чем-то невидимым. На мгновение Юрий как бы ослеп, а когда очнулся, на фюзеляже и крыльях увидел красные пятна. Кровь? Откуда? Столкновение с птицей?

Юрий выровнял самолет, восстановил высоту и доложил руководителю полетов о происшествии. Он уже шел на посадку, а машина, как живая, будто испугавшись нежданного нападения, перестала ему подчиняться.

На аэродроме все всполошились. Курсанты и офицеры высыпали к посадочной полосе, беспокоясь, как-то Гагарин сядет? Бывали случаи, когда столкновения с птицей в воздухе заканчивались катастрофой.

— Он приземлится, — сказал Колосов.

— Конечно, это же Юра Гагарин... — успокаивал Акбулатов.

Самолет точно вышел к посадочной полосе и в вихре, поднятом двигателями, как бы на облегченном вдохе и выдохе, остановился у самого «Т».

Юрию не дали вылезти, его вытащили из кабины и начали качать.

— Ты, старик, в рубашке родился, — приобняв друга, произнес Дергунов.

— Дай носовой платок, — вымолвил Юрий и, подойдя к самолету, начал стирать красные пятна.

— Напрасно вы, товарищ курсант, — удержал его техник, — платком не возьмешь, надо ветошью с керосинчиком.

— Это еще в горячке, — проговорил Акбулатов и, тронув Юрия за плечо, как можно бодрее сказал: — Пошли-ка, дорогой мой, обедать.

В субботу Юрий встретился с Валей, но об этом случае умолчал, только сказал в непривычной задумчивости:

— А ты знаешь, Валюш, я ведь только сейчас понял смысл твоей надписи. На фотоальбоме. Ну на том, что ты подарила ко дню моего рождения. «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство до самой счастливой минуты». Спасибо тебе...

В этот раз не пошли ни в кино, ни на танцы. Он повел Валю к Чкалову. Остановились поодаль, так, чтобы летчик был виден весь, на постаменте.

— А ты знаешь, как он погиб? — Юрий крепко сжал Валину руку. — Он уже возвращался на краснокрылом своем истребителе. И радовался: «Хорош будет новенький «ястребок». И вдруг начала падать температура масла, что-то неладное сделалось с двигателем, высота уменьшалась... Он уже шел на посадочный курс. Все ниже и ниже. И вдруг увидел приземистый дом, а возле крыльца ребенок в пальтишке. Чкалов лег в левый вираж, и опять надвигалось какое-то здание. Из труб шел дым, там люди. Он снова накренил свой самолет, последний вираж, еще один дом — не задеть, не задеть — и врезался плоскостью в столб. Его как с катапульты выбросило вместе с сиденьем...

Юрий подвел Валю к памятнику. Она поняла, почему он об этом рассказывал.

— Меня ничего не страшит, Юра, — сказала Валя. — Мать и отец, правда, переживают, а вдруг... Но ведь жить-то нам!

— Свадьбу будем играть после выпуска, — положил руку на руку Юрий. — Стало быть, в ноябре. А чтобы никто не обиделся, предлагаю тебе равноправие: сначала

здесь в Оренбурге, а после поедем в Гжатск. Согласна?

Теперь жизнь полетела как бы со скоростью МиГа. Ее фантастически увеличила нежданная весть. На аэродроме, где шли тренировочные полеты, Юрий узнал о старте первого спутника. Тесня друг друга, сгрудились у приемника, ловили каждое слово:

«В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли.... В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего солнца...»

Спутник! Значит, реализовалась мечта Циолковского. Бесподобный полет! А если... Но в этом он боялся признаться даже самому себе.

Откуда Юрию было знать, что за тысячи километров от Оренбурга на неведомом пока Байконуре, как только подтвердили, что спутник вышел на орбиту, Сергей Павлович Королев, имевший привычку взглядывать на человека сбоку, как бы соизмеряя его с ракетой, тут же озаботился мыслями о космическом корабле.

— Дорогие товарищи! — с волнением обратился Королев к участникам пуска. — Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества. Пророческие слова Константина Эдуардовича Циолковского начинают сбываться... И первой страной, проложившей дорогу в космическое пространство, явилась наша страна — Страна Советов... Разрешите мне поздравить всех вас с этой исторической датой. Разрешите особо поблагодарить всех специалистов, техников, инженеров, конструкторов, принимавших участие в подготовке ракеты-носителя и спутника, за их титанический труд.

А мысль уже вырабатывала выводы и решения:

«Современные ракеты-носители... могут развивать скорость полета, измеряемую десятками тысяч километров в час... Надо внести поправки в прежние планы, не на третьем, а уже на втором пуске отправить на орбиту собаку в специальной герметической кабине. Создать систему кондиционирования воздуха, запас пищи и кислорода на семь суток. Датчики будут регистрировать частоту пульса и дыхания, кровяное давление, биопотенциалы, движения... Затем, если все обойдется нормально, готовить аппарат для полета человека...»

Юрия приземляли заботы экзаменов. Всего их предстояло сдать восемь. Первая оценка — «отлично». Все восемь выпускных отметок встали за ней, не занижаясь.

Аттестация направлялась в Москву: «Представление к присвоению звания лейтенант курсанту Гагарину Юрию Алексеевичу. За время обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской Армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка хорошие. Теоретическая — отличная. Летную программу усваивает успешно, а приобретенные знания закрепляет прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой «отлично». Материальную часть самолета эксплуатирует грамотно. Училище окончил по первому разряду. Делу Коммунистической партии Советского Союза предан».

Пока ожидали приказа министра обороны о присвоении лейтенантских званий, наслаждались в «голубом карантине». Замечательная пора, когда уже пошита офицерская форма, не нужно ходить на занятия и строем в столовую. Но нет, не давало покоя подзвездное спутниковое «бип-бип». Из рук в руки передавали газету с подчеркнутыми кем-то строками:

«Для перехода к осуществлению космических полетов с человеком необходимо изучить влияние условий космического полета на живые организмы...»

И еще не опомнились от одной, как 3 ноября другая новость. Запущен спутник с собакой Лайкой на борту. Собака летела по орбите, как бы за первым спутником. Это симпатичнейшее существо с умными доверчивыми глазами, с внимательно-чутким надломом уха, — а за собакой всегда идет человек... Значит, близко то, что еще вчера представлялось фантастикой.

В канун праздника 6 ноября их произвели в офицеры. Начальник училища вручил Юрию офицерские погоны и диплом.

«Настоящий диплом выдан Гагарину Юрию Алексеевичу в том, что он... в 1957 году окончил полный курс названного училища по специальности эксплуатация и боевое использование самолетов и их оборудования».

Ему присваивалась квалификация пилота-техника.

Окончание училища по первому разряду давало право выбора места службы. Юрий назвал Север.

А Лайка продолжала летать. Пробовали рисовать космический корабль с человеком на борту. Юрию Дергунову попался в подшивках журнал «Знание—сила» № 10 за 1954 год. Пришел возбужденный, прихлопнул ладонью по старым страницам. С серьезным видом сказал лейтенантам;

— Знаете, кто из вас полетит? Гагарин! Вот на 22-й странице... Только там он выведен под псевдонимом. Ну и, естественно, некоторый камуфляж в биографии. Чтобы раньше времени не зазнался. Читаю: «Главный конструктор и бортовой инженер корабля... Ю. Н. Тамарин». Биография: «Юрий Николаевич Тамарин родился в г. Смоленске в 1934 году. Родители его — партизаны — были замучены фашистами. Мальчик воспитывался в детском доме, учился в школе ФЗО при авиационном заводе. Работая токарем, заочно окончил институт...» Юра, ну скажи, разве это не ты? Старт намечен на 25 ноября 1974 года в десять часов ноль-ноль минут. А вот что пишет так называемый Тамарин: «Двадцать пятого ноября долгожданный день нашего старта. Это будет итог многих лет напряженного труда и творческих дерзаний, вершина, восхождение на которую было начато свыше семи — десяти лет назад нашим замечательным соотечественником Константином Эдуардовичем Циолковским... Основоположник реактивной техники и воздухоплавания Циолковский еще в самом начале двадцатого века указал единственные средства для достижения такой огромной скорости — жидкостный ракетный двигатель. В этом величайшая заслуга Циолковского перед человечеством. Без его открытия наш полет был бы невозможен». Юра, признавайся, не твои ли это слова? Разве не правда, что Тамарин — это Гагарин?

Дергунов оглядел лейтенантов. Верят — не верят? И у Юрия застыла улыбка: «Вот отмочил, дружище!»

Но у Дергунова еще сюрприз:

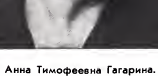
— А вот телеграмма с борта корабля: «Старт прошел превосходно... Продолжаем полет по инерции... Любуемся родной Землей. Видим ее всю целиком. На нашем небе это великолепный шар по диаметру в 30 раз больше Солнца. Западное полушарие в тени, в Азии — день. На освещенном серпе различаем очертания советского Дальнего Востока, берегов Китая, Индии...» Товарищ лейтенант Тамарин, как это все позволите понимать?

К Дергунову кидаются с разных сторон, вырывают журнал из рук.

Гагарин

Анна Тимофеевна Гагарина.

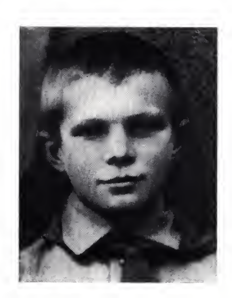

Алексей Иванович Гагарин.

Дом в деревне Клушино Гжатского района,
где прошло детство Ю. А. Гагарина.

Юрий Гагарин (сидит) вместе со старшим братом Валентином, младшим братом Борисом и сестрой Зоей.

Юрий Гагарин
в школьные годы.

Юрий Гагарин во время производственной практики в Ленинграде.

Юрий Гагарин
в ремесленном училище.

Юрий Гагарин в годы ▶
учебы в Саратовском
индустриальном
техникуме.

Юрий — капитан
баскетбольной команды
(фрагмент).

◀ Ученик литейщика Люберецкого завода сельскохозяйственных машин.

Юрий Гагарин — студент Саратовского индустриального техникума.

В Гжатске во время отпуска. Слева направо: Юрий, Анна Тимофеевна, Зоя, Алексей Иванович и Валентин Гагарины.

После успешного полета. 1956 год.

Курсант военного авиационного училища.

На тренировочных полетах.

Диплом Ю. А. Гагарина об окончании Чкаловского военного авиационного училища.

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

В № 206199

Настоящий диплом выдан гр. Гагарину Юрию Алексеевичу

в том, что он ... в 1955 году поступил ... в Чкаловское военное авиационное училище летчиков им. К. Е. Ворошилова после прохождения годичного срока первоначального обучения в аэроклубе

и в 1957 году окончил ... полный курс названного училища

по специальности эксплуатация и боевое использование самолетов и их оборудования.

Решением Государственной квалификационной комиссии от 26 октября 1957 года

гр. Гагарину Ю. А.

присвоена квалификация летчика

Начальник училища

31 октября 1957 года

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака 1955

В авиационном полку.

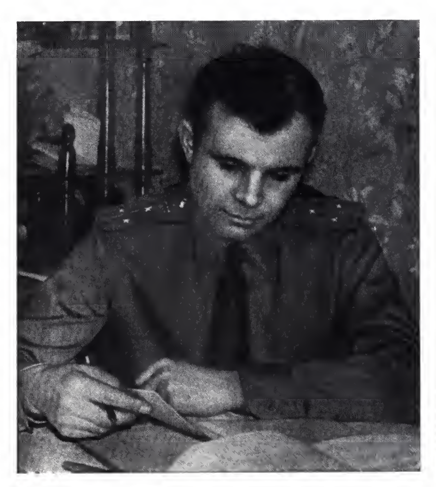

Рабочие будни летчика.

На отдыхе.

Над учебниками.

— Это не я, — перекрикивает всех Юрий, — это ошибка!

— Господа офицеры, — спохватывается вдруг Дергунов, пряча журнал, — мы же опаздываем на свадьбу! Кареты поданы, прошу на выход!

Шумной толпой, да, толпой, а не строем выходят из парадных дверей, впервые не предъявив увольнительных. Нарочно идут пешком, чтобы показать себя в новенькой форме.

У Горячевых двери уже нараспашку — шум, гвалт, объятия. Шинели одна на другую — горой. Валя выходит навстречу, неузнаваемая в свадебном платье.

— Раньше нравилась мне в голубом, а теперь ты мне нравишься в белом, — каламбурит, как всегда, Дергунов.

— Нет, — поправляет с наигранной ревностью Юрий, — это платье не под венец, это платье под цвет Полярного круга. — И впервые целует Валю при всех.

— Горько! Горько!

А она и вправду будет несладкой, их грядущая жизнь...

Глава четвертая

Вот здесь действительно ощущалась громадность земного шара. Еще когда добирались поездом, глядя из вагонного окна, он подумал, что они спускаются как бы со взгорка: деревья становились все ниже ростом, снег из мягкого и пушистого превращался в крошку стекла, и ночь густела не то что с каждыми сутками, а с каждым часом. А когда, сделав последний вздох, паровоз остановился на конечном вокзале, показалось, будто над ними раскинулась, впуская в суровый свой сказочный мир, небесная арка: голубые всполохи прожекторно метались по небу. Юрий не знал, что это начиналось северное сияние.

Тепло вагонного купе вмиг улетучилось. Было жаль, что так быстро кончался путь; ехали втроем — Валя Злобин, Юра Дергунов, Юра Гагарин, дружные, спорые на песню оренбуржцы.

«Нам золотыми крыльями на плечи погоны лейтенантские легли», — повторял Дергунов чьи-то строки.

И правда — начинающаяся жизнь виделась в галунной позолоте, в блеске звездочек на погонах, в искря-

щейся голубизне высокого неба, прочерченного острым крылом сверхбыстрого самолета.

А их принимала в свои объятия ночь, близкий океан леденяще овеивал лица, и парадные шинели, и ботинки, до блеска надраенные еще в Москве, показались неловкими, несуразными — люди вокруг толпились в меховых куртках, в унтах. Ночь... Дневная ночь? Бывает и такая? На часах тринадцать ноль-ноль, а лица едва различимы в сумраке, все залито тусклым неоновым светом. И впервые за всю дорогу шевельнулось сомнение: правильно ли поступил?

Выпуск по первому разряду давал право выбора места службы. Предлагали же Юрию Украину! Там, наверное, до сих пор зеленеет травка и небо чистое, как на открытке, посвященной Дню авиации. «Садок вишневый биля хаты, хрущи над вишнями гудуть, плугутари с плугами йидуть...» Кто-то из украинцев научил этим шевченковским стихам. Был и другой вариант: остаться в Оренбурге, в училище, преподавателем-инструктором. Куда лучше: жить в Валином городе, вместе, и ей не надо уезжать от родителей — дома стены помогают. А им создавать семью. До Москвы недалече, а от Москвы до Гжатска подавно. Валя, конечно, была за то, чтобы служил он в Оренбурге. Но уступчиво помалкивала, когда Юрий пылко разъяснял свои доводы, «за» и «против», ратуя за Север. Но ведь видел, понимал, чувствовал, как нелегко давалось ей это согласие.

И, быть может, впервые он так сильно загрустил о жене. Все любимая девушка, все невеста: «Горько! Горько!» — стеснительные поцелуи на людях, и они, двое сами себе видны как бы со стороны, а здесь, на краю земли, вдруг понял — оставил жену. И познабливало не от холода, а от жалости к ней, одинокой, хоть и под родительским кровом.

Из Оренбурга поехали вместе в Гжатск — догуливать свадьбу, а точнее сказать, играть другую. И снова «Горько!», объятия, тосты... Счастливый взгляд матери, впервые увидавшей невестку, напускная степенность отца: «Мы, гжатские, не хуже оренбургских... Горько-то горько, а сладко вам будет когда-нибудь?»

В Москву возвращались с Валей, чтобы расстаться. И он водил ее по знакомым улицам и площадям, чувствуя вину, беспокойство, как будто мог потерять любимого человека в круговороте толпы, — как это уже было, когда на площади Революции их разметало в разные

стороны, и, подскочив на носках, он узнал ее лишь по платку, пронзил устремившийся к эскалатору поток, схватил ее за руку и, счастливый, проговорил: «Если разминемся в следующий раз, жди вон у того матроса». И рассказал, как еще мальчишкой, когда впервые приехал в Москву, удивился взаправдашности бронзового маузера, а потом всякий раз, спускаясь сюда, дотрагивался до кончика ствола.

Поезд в Оренбург отходил раньше, чем тот, что на Север. И они долго бродили по шумному Казанскому вокзалу, потом по перрону, и Юрий, не давая выплеснуться Валиным слезам, все взбадривал ее, напевая слегка измененную им же самим песню:

Дан приказ: ему на Север,
Ей в другую сторону.
Улетали оренбуржцы
В заполярную страну.

Эх ты, судьба вокзальная, чемоданная, офицерская. Не выдержала, всплакнула, когда громыхнули вагонные буфера, а он пошел рядом, и побежал, путаясь в полах новой шинели, махал рукой, выкрикивал что-то. А когда растаяли на вагоне красные огоньки, сам смахнул платком со щеки — может, дождик закапал.

Сейчас, хрупая по снежку в ботинках, успокаивал себя, увещевал: куда Вале было в такую темень, в такую стужу, да и не бросать же ей медучилище. Потерпи, Юрий, до августа потерпи. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Пока ехали в автобусе до военного городка, где предписано было служить, отгонял от себя расслаблявшие мысли. Юра Дергунов расшевеливал: «Что ж ты, тезка, приуныл, голову повесил, ясны очи замутил, хмуришься, не весел?.. — И подталкивал плечом: — Что такое жена для летчика? Лишние тонны душевного веса. Вот я — холостяк, меня хоть на льдине оставь... Вольный ветер».

Небесная арка, пылающая голубыми огнями, сузилась в дверь, обитую мешковиной, с буклями пакли. В комнате за столом сидел офицер с усталым лицом у врат их судьбы. Нет лейтенанта, который не прошел бы сквозь подобные двери «кадров». Они и вправду ведут в обитель дальнейшей службы. Нередко случается, что молоденькому лейтенанту там как бы дают предписание стать генералом. Мол, дело за тобой... Впрочем, бывает и подругому.

Обитель Юрия Гагарина представляла собой аэродром, окруженный грядой заснеженных сопок; улочки городка, прислоненные к скалам, словно переходили во взлетные полосы.

Север, Север... Примерил унты, притоппул ногой, нахлобучил шерстяной подшлемник на самые брови, облачился в теплую куртку: ну чем не Ляпидевский, а может, Каманин? Юрий был человеком романтического склада, он сказал Северу: «Здравствуй!», и Север принял его.

Что еще окрыляло? Что еще поднимало дух? Океан. Он угадывался за сопками, громоздился торосами, хотелось бежать по тоненькой тропке туда, где белело стекло прибоя, где, собственно, и кончалась земля, где в зеленоватой воде, словно кусочек сахара, плавала льдинка. Зачерпнуть обожженной ладонью — солоновато! Гжать впадает в Вазузу, Вазуза в Волгу, Волга в Урал, а Урал... Нет, не в Каспийское море, а в океан, Северный Ледовитый.

Начиналась обычная военная жизнь. Когда выпускались из училища, думали, что они уже соколы, а приехали сюда, в боевую часть, в гарнизон, оказалось, что еще соколята.

«Непроглядная ночная темень придавила землю, засыпанную глубоким снегом, — вспоминал позже Юрий,— но над взлетно-посадочной полосой не утихал турбинный гул. Летали те, кто был постарше. Так как у нас не было опыта полетов в ночных условиях, мы занимались теорией и нетерпеливо ожидали первых проблесков солнца, наступления весны. Жили дружной, спаянной семьей, наверное, так же живут и моряки, сплоченные суровыми условиями корабельного быта. Мы знали друг о друге все, никто ничего не таил от товарищей».

В комнатке бревенчатого барака их поселили троих: Юрия Гагарина, Валентина Злобина и Салигджана Байбекова, татарина из Уфы.

— Салигджан Ахмедгалиевич? — с напускной строгостью спросил Юрий, протягивая руку. — Послушай, дорогой, не обижайся, но от твоего имени язык застревает. Давай ты будешь Сергей Александрович.

И рассмеялся, вызвав ответную улыбку поначалу было нахмурившегося, отдаляющегося Салигджана. А Юрий еще добавил парку:

— Только учти — Сергей Александрович, а то, если наоборот, получится Пушкин...

Третья эскадрилья, звено старшего лейтенанта Леонида Даниловича Васильева. Почти мальчишеские приставания:

— Когда полетим? Надоело греться у печурок. Разрешите полеты, товарищ командир.

Васильев, загрубелый от здешних ветров, обветренный, на вид старше своих лет, добр, открыт, общителен, но неумолим:

— Подтяните теорию, товарищи лейтенанты, покопайтесь в двигателях. Согласен — самолеты те же, но небо другое.

И совсем по-дружески:

— Ох, какое трудное небо, ребята!

И опять серьезно, с легкой подначкой:

— Вы же сами просились на Север. Летали бы сейчас в южной лазури, а Север — это всегда ожидание.

Вызвал Юрия, полистал личное дело.

— Значит, первая специальность литейщик? Это прекрасно. Там жара, а здесь стужа. Из огня в лед. Так закаляется сталь, лейтенант Гагарин?

Юрий польщен, доверительный разговор поощряет вопросы:

— Ну, назовите примерно месяц, неделю... Честное слово, уже надоело торчать на земле.

— Земля дает силу, запомните. С земли летчик взлетает и на землю садится.

Ну что ж, если Север всегда ожидание — перебьемся. Вместе с техником Юрий осматривает двигатель, копается в сложном, тончайшем нутре самолета. Но вот соскочил со стремянки, для согрева потопал унтами по снегу, напел потихоньку:

Замела метель дороги,
Потерялся санный след,
Стынут руки, стынут ноги,
А тебя все нет и нет.

— Товарищ лейтенант, а вы к нам в самодеятельность еще не записались? Вы же отличный тенор, — удивляется техник.

— Меццо-сопрано, — смеется Юрий, — колоратурное...

Каждое письмо от Вали — праздник. Какая это радость — перехватить почтальона и прямо на улице вскрывать промороженный конверт, читать, да нет, не читать — целовать глазами лиловые строки, пахнущие ее

духами: то ли ландышем, то ли сиренью... Много ли разберешь в темноте, в этом неоновом сумраке. Но сразу дотрагивается до сердца: «Здравствуй, дорогой Юра»...

Приедет, скоро приедет!

Вчера Юрий написал заявление на жилплощадь. Пообещали. Но дом-то только закладывается. Приехать приедет, а где будут жить? «Замела метель дороги...» Да и он, какой же он летчик, опять как курсант: классы, инструкции, тренажеры, схемы. Нет уж, подожди, дорогая Валюша, ни жилья, ни полетов.

Неловко ему топтаться на месте, когда там, на солнечной стороне страны, все ринулось, устремилось ввысь. Вчера прочитал в газете: спущен на воду атомный ледокол «Ленин», длина 134 метра, водоизмещение 16 тысяч тонн, мощность главных двигателей 44 тысячи лошадиных сил. Ухнул со стапелей в Неву. Неужели причапает сюда, в Ледовитый? Фантастика! Лежал на койке один в тишине — Злобин и Байбеков ушли на дежурство, — точили, не давали уснуть мысли: «Где-то отстал, а может, свернул не в ту сторону?» Потянулся, поднял оброненную газету. На той же странице, где было рассказано об атомоходе, заметка:

«На шесть часов утра шестого декабря второй искусственный спутник совершил 460 оборотов вокруг Земли. Первый искусственный спутник на это время совершил 944 оборота. В ясную погоду второй искусственный спутник можно будет наблюдать невооруженным глазом перед восходом солнца от 42 градуса до 60 градуса северной широты и после захода солнца от 15 до 40 градуса южной широты».

От сорока двух до шестидесяти... В Гжатске наверняка можно видеть эту звездочку на рассветном морозном небе. Отсюда ее наблюдать бесполезно. Северный полярный круг между шестьюдесятью и семьюдесятью градусами. Далеко же его занесло!

Нет, он не мечтал тогда о полете к звездам. Но ему не мог не передаться порыв, охвативший весь мир. Америка тоже хотела вырваться на орбиту.

«Широко разрекламированная буржуазной прессой попытка запустить в штате Флорида первый американский спутник Земли окончилась шестого декабря полной неудачей. В момент запуска трехступенчатая ракета «Авангард», заключавшая в себе полуторакилограммовый спутник размером в небольшой детский мяч, поднялась

над основанием площадки всего на один метр, затем упала на прежнее место, взорвалась и сгорела. Огромное пламя и клубы дыма явились для сотен собравшихся вдали корреспондентов и публики первым известием о конце представления, продолжавшегося около двух секунд».

Через два дня в столовой летчики передавали из рук в руки газету со статьей профессора Сергеева — никто из них не знал, что этим псевдонимом подписывался Главный конструктор ракетно-космических систем Сергей Павлович Королев.

«Две светлые звезды мира, запущенные могучей рукой советского народа, совершают свой стремительный полет вокруг земного шара, непреложно свидетельствуя о величайших достижениях социалистического строя, советской науки, техники и культуры... Девятого декабря первый советский искусственный спутник совершил свой тысячный оборот вокруг Земли, пройдя путь в сорок три и две десятых миллиона километров. На это же время второй спутник совершил пятьсот одиннадцать оборотов, пролетев свыше двадцати миллионов километров... Огромный интерес представляет впервые осуществленное на втором спутнике изучение биологических явлений при полете живого организма в космическом пространстве... Состояние и поведение подопытного животного были удовлетворительны в процессе подъема и выхода спутника на орбиту, а также и при дальнейшем его движении до завершения этого эксперимента... Наступит и то время, когда космический корабль с людьми покинет Землю и направится в путешествие на далекие планеты, в далекие миры. Сегодня многое из сказанного кажется еще лишь увлекательной фантазией, но на самом деле это не совсем так. Надежный мост с Земли в космос уже переброшен запуском советских искусственных спутников, и дорога к звездам открыта».

Многое из того, чем делился Сергеев, воспринималось хоть и реальной, но все же фантастикой. Куда была ближе заметка, опубликованная в газете «Советская авиация». В ней рассказывалось об испытаниях истребителя нового типа, проведенных летчиком Героем Советского Союза подполковником Н. И. Коровушкиным. Обладая высокими аэродинамическими качествами, самолет с обычным турбореактивным двигателем развил скорость более чем две тысячи километров в час.

Это уже не фантастика: «Несмотря на то, что высота

была очень большой, — рассказывал после полета подполковник Коровушкин, — даже крупные площадные и линейные ориентиры менялись под крылом истребителя с калейдоскопической быстротой. Стрелка прибора показывала, что самолет летел со скоростью тысяча восемьсот километров в час. Но вот она миновала и эту черту... Две тысячи! Но стрелка прибора продолжала свое движение. Чем выше была скорость, тем больше становилась тяга двигателя, и казалось, что нет ей предела...»

Летать! Летать! 1957 год, год сорокалетия Советской власти, стремительно передавал эстафету новому — 1958-му. Он вручал ему две крошечные звездочки, огибающие планету, — два спутника Земли. В уходящем году были успешно проведены испытания межконтинентальной баллистической ракеты. Девятый месяц в Дубне под Москвой работал синхрофазотрон — крупнейшая в мире атомная машина. Атомный ледокол «Ленин» готовился в первый арктический поход. На Куйбышевской ГЭС дали ток еще восемь агрегатов. С пуском двадцатого мощность станции достигла двух миллионов ста тысяч киловатт. Завершилась работа над новым пассажирским самолетом Ту-114. На Минском автозаводе рабочие изготовили первую партию сорокатонных самосвалов МАЗ-530. Открылся путь воде на всей четырехсоткилометровой трассе Каракумского канала от Амударьи до реки Мургаб. Об этом говорили, этим восхищались.

А спутник второй, нет, это непостижимо: где-то над облаками, в космической ночи огибал планету маленький шарик с симпатичной дворняжкой Лайкой, что уснула в собачьей своей конуре, преданно послужив человеку, а вернее, всему человечеству.

На землю, на землю, Юра! Твое дело охранять страну. Да, он и почувствовал себя часовым Родины, когда под звон курантов, раздавшихся из приемника, представил себе Валю, всю их семью за столом в оренбургском домике, мать и отца в такой далекой отсюда гжатской избе... Наверное, тоже собрались вместе, пришли Валентин, Зоя... Пусть им будет спокойно, пусть тишина над родными крышами будет мягче круженья снежинок.

С кроватей поднял вой сирены. Знали: тревога учебная, а вдруг настоящая? Сирена крикнет вот так же. Бежали к машинам, застегиваясь на ходу. У самолетов — и когда они только спят — поджидали, докладывая о готовности, техники.

— Гагарин, отставить. Злобин, остаетесь тоже. Дергунов, и вы не летите...

Васильев немногословен: опять взлетают одни «старички». И когда самолеты, со звоном врезавшись в небо, скрылись из глаз, открыто выплеснулась обида:

— До каких же пор нам ходить в салажатах? Вот вернется, и выложим все напрямую.

Но Васильев в ту ночь мог бы и не вернуться. Выполнив перехват, летчики уже направлялись к аэродрому, когда взлетно-посадочная полоса внезапно утонула в тумане. Так случилось, что Васильев остался в воздухе, как бы предчувствуя этот злостный сюрприз здешней природы и дав возможность другим приземлиться раньше. Замерев, Юрий слушал переговоры земли с самолетом. Мгла сгущалась, клубилась, сесть казалось уже невозможным. Катастрофа? Но вот лишь тонкая пленка просвета над полосой, и, вынырнув из молочного месива, самолет выходит на посадочный курс. Шасси коснулись спасительной тверди... Голос двигателя — как человеческий — радостный, облегченный, верящий и не верящий в чудо. В стартовом домике Юрий тискает командира:

— Леонид Данилович, как это вы? Это же здорово!— А сам про себя: «Живой, неужели живой?»

Васильев спокоен, но горячечный блеск в глазах выдает волнение, и чуть-чуть подрагивает рука с кружкой горячего чая.

— Обычное дело, ребята. Главное — держать в руках не только самолет, но и небо. Ну и понятно — точный расчет. На истребителе ты сам себе командир, сам за себя отвечаешь. Ты царь и бог. А риск... Вся наша жизнь в опасностях. Особенно в северном небе.

И, уже владея собой, расслабился:

— Намотали на ус? Теперь ясно, почему вам рано из гнездышка? Вот солнце проглянет — и полетите.

До солнца было еще не скоро. В конце марта — начале апреля оно едва выглянет из-за сопок. Но разве не доказал им Васильев своим примером, чем может кончиться нетерпение юности? Снова теоретические занятия, тренажеры. И в размеренность летчицких будней опять врываются споры, дискуссии, затеваемые, как всегда, Дергуновым. Он всюду всегда торопился. Притащил газету, исчерканную карандашом.

— Читайте: «По адресу «Москва — Спутник» от общественных организаций, советских учреждений, пред-

приятий, колхозов, воинских частей и отдельных лиц поступило более девяноста тысяч писем, телеграмм и радиограмм...» Что я говорил? А вот это: «Хотим быть первыми астронавтами...» Ни много ни мало!

Разжег любопытство: «Многие советские люди самых разнообразных профессий и возрастов заявляют о своем желании быть первыми астронавтами. В настоящее время общее число желающих первыми лететь в космическое пространство составляет около 1300 человек. «Мне кажется, я имею право быть одним из первых разведчиков космоса», — пишет летчик Н. Д. Маклаков, сообщая при этом, что в годы войны он принимал участие в воздушных боях с фашистскими летчиками, а после войны летал на реактивных истребителях, хорошо знает авиационную технику... М. Д. Кузьменко из Харькова тоже считает, что первые астронавты должны иметь известный опыт летной работы... И просит воспользоваться его услугами в качестве пассажира на одной из последующих космических ракет. «Единственной целью моего заявления является стремление послужить прогрессу нашей науки».

— Нет, ребята, вы посмотрите, как все близко, как всерьез. А каков Андрэ Грасс из Франции? Тоже хочет лететь на спутнике. А вот Альфонс Угарте согласен быть пассажиром межпланетного корабля при условии, что ему выдадут страховой полис на 50 тысяч долларов. Американец Конелла рассказывает, что два года назад в США ловкачи занимались распродажей участков на Луне. Несколько из них было куплено. Кроме того, они продавали билеты для полета на Луну на первом «реактивном корабле». Конелла просит забронировать ему билет в СССР...

Дергунов встряхнул шевелюрой, хитрюще взглянул на Юрия:

— А ну сознавайся, твоя работа? — и протянул газету. — Читай, читай вот с этого места.

— «За подписью 17 работниц одного из заводов Северодвинска Архангельской области поступило письмо с просьбой дать ответ на сложные проблемы скорости и орбиты спутников... Моряков Балтийского флота тт. Гагарина, Дудника и Исмагилова интересует вопрос, нельзя ли сделать так, чтобы при завершении своего пути спутник падал на землю, не сгорая».

— Гагарин... Постой, и правда Гагарин, — изумился Юрий, догадываясь, что хотел этим сказать Дергунов. —

Но ведь мы же не моряки, — нашелся он, — и не Балтийского флота!

— Зато мы морские летчики Северного, — парировал Дергунов. — Ты просто запутал адрес для конспирации и фамилии написал другие. Дудник — это, конечно же, Дергунов, Исмагилов — Байбеков... Ну? Ты вот что скажи нам, родной заявитель, свою-то фамилию почему не изменил? То он Тамарин... А теперь наконец-то Гагарин, однако с Балтфлота...

И уже все трое грохнули хохотом. Юрий прыгнул на Дергунова, завязалась дружеская потасовка.

Дни опять пошли тренировочным сплошняком в непрерывном, но уже начинающем просветляться сумраке. Солнца ждали как обещания. И час взлета пробил.

Пальцы впились в рубчатую ручку управления. Юрий сидел в первой кабине «спарки», Васильев — во второй. И переполненный восторгом, зная, что лишними разговорами нарушает порядок, Гагарин проговорил:

— А солнца-то нет. И наверное, не будет.

— Будет, — ответил Васильев тоном, дающим понять, что лирики хватит. — Через двадцать минут, Гагарин, обещаю вам полное солнце. — И дал команду взлетать.

Каждый полет как первый. Кто же это сказал? А может, сам Юрий пришел к этому ощущению? Бетон скользнул темно-серой лентой, сопки съежились, уменьшились, стали снежными бугорками, с каждой минутой все чище открывалась голубизна, но вот справа по стеклу фонаря вдруг брызнуло золотом. «Вот это забрались!» — восхитился Юрий, взглянув на стрелку высотомера. И, скосив глазом на правый борт, увидел солнце таким, каким никогда не видел — лимонным медленным шаром, всплывающим снизу, из-за черты горизонта. Так вот оно, дарящее жизнь всему земному светило! Как долго тебе еще добираться до их затерянного в белой мгле городка, лучи и сами-то еще не прогрелись, где уж достать им до здешней земли... Но где-то там, в Оренбурге и Гжатске, накопилась в сосульках капель и выстукивает песню весны.

Они поднимались все выше, и солнце тянулось за ними, светило в кабину... Теперь оно как бы зависло над синей округлой далью, в искрящихся то ли льдинках, а может, клочках облаков. Неужели это Северный Ледовитый, огромный как небо.

— Красота-то какая! — вымолвил Юрий.

— Не отвлекаться, — одернул Васильев. — Ровнее

держите машину. Не дай вам бог когда-нибудь перепутать море и небо.

Юрий крепко держал машину на заданной высоте, подчинялся каждому слову инструктора, порой опережая очередную команду.

«И все-таки самое замечательное, — думал он, — слияние двух стихий, этих двух величий небесного и земного, точнее, морского. И почувствовать это, понять, пережить вот такое мгновение, быть может, и есть смысл жизни?..»

После полета в летной книжке Гагарина была заполнена первая строчка. Это его самолет выводил оценки: четверки, пятерки. Петля Нестерова, как говорил Васильев, «фигура, которую невозможно выполнить без вдохновения», — «отлично». И заключение: «Разрешаю самостоятельный полет ночью в простых метеоусловиях».

В простых. Но ведь надо научиться и в сложных. Теперь экзаменовало само Заполярье. Простые метеоусловия — это когда безоблачно, тихо и далеко видно вокруг. Но на Севере погода, бывает, меняется в считанные минуты. Светло, прозрачно, и вдруг все белое, словно взрывается. Откуда-то завихрился, сразу же залепив фонарь самолета, снег. А тут наползает туман... И ни зги не видно вокруг. Остается довериться одним лишь приборам, спокойному голосу руководителя полетов и самому себе, своим нервам, своим рукам.

Юрий вылетел в синее небо, выполнил все упражнения, а когда возвращался на аэродром, оказался в клубистом зарядном облаке и словно ослеп, оглох. Нет, он слышал ровный голос земли, знал, что пролетает почти над посадочной полосой, но не поверил метущимся стрелкам, пошел на другой разворот...

Что ты делала в это время, Валя, в далеком своем Оренбурге и как отдалось в твоем сердце предвестье беды?

Только Васильев один догадался — нужна «неотложка». Может быть, потому, что знал Гагарина лучше всех. Он сел в свой самолет и ринулся в вихрь «заряда», во мглу, на надрывистый зов теряющей силу машины.

«Спокойно, Гагарин, — услышал Юрий знакомый голос, — наблюдай меня, следуй за мной». Васильев вывел Юрия в чистое небо, указал курс посадки, и через пятнадцать минут в стартовом домике они обнялись. У Юрия не было слов. По-мальчишески озарившись, он потянулся было к Васильеву, хотел ему что-то сказать — откро-

венное, благодарное, но тот остановил командирским дружеским взглядом.

— Я все понимаю, Юра... На то мы и летчики. Это и называется взаимная выручка. В войну только этим и жили...

В ту ночь Юрий долго не мог заснуть. Пережитое в небе вернулось в каждой подробности, он разбирал до мельчайших деталей свой вылет уже не умом, а сердцем. Эта внезапная круговерть, бешено налетевший шквал, он не мог понять, где небо, вмиг промелькнули лица Вали, матери и отца... И вдруг заставивший собраться в кулак голос старшего лейтенанта Васильева. Как его теперь называть? В мути тумана замигавшие зовом к жизни огни его самолета... Юрию показалось, будто он вынырнул из глубины, где тонул, задыхаясь, когда за Васильевым распахнулось просторное небо. Потом этот плавный, спокойный вираж и крутой нырок за командиром к посадочной полосе. Словно в чьи-то родные руки.

— Вы знаете, — сказал Юрий тоже не спавшим друзьям, — Васильев спас мне сегодня жизнь... Даже больше, чем жизнь.

Те помолчали в согласии.

— Давай, Юра, спать, — отозвался после паузы Злобин. — Тебе надо выспаться. Завтра снова полеты.

Юрий привстал, облокотясь на подушку, начал глядеть в окно. В полночь уже не было прежней темени. Наоборот, небо светлело. За сопкой, слюдянисто сверкавшей вершиной, вздыхал, ворочался океан. Где-то неподалеку подремывали самолеты. А может быть, два из них тоже переговаривались, вспоминали о случившемся? Вот один подрулил к другому. Он засыпал...

Да, дни теперь сливались, припаивались один к одному, и это была их служба. Романтическое представление о профессии летчика уживалось с другим пониманием начавшейся жизни: труд, напряженнейший труд, в котором чередовались радости и огорчения. Но ведь он сам того добивался, сам шел к цели, не зря моряки говорят: «Красив корабль на картинке, а море с берега». То же можно сказать про самолет, аэродром, да и небо. Работа, работа, ну и, конечно, — нельзя без него — вдохновение.

Холодное — то голубое, то внезапно мглистое — небо становилось родным. Он обживал его, все больше о нем узнавал. И все больше гордился.

Однажды в выходной пошли прогуляться в сопки.

Снег уже слинял, тут и там на замшелых скалах проглядывали неяркие, но удивительно веселые северные цветы. Разбрелись, чтобы нарвать букетов. И вдруг наткнулись на проржавленный остов. Самолет? Да, он лежал средь камней, словно кит, истлевший, выброшенный на берег. Без особого труда определили: сбитый во время войны «мессершмитт». Кто-то предположил:

— Сафонов постарался.

— А может, Курзенков?

Об этих героях из уст в уста передавались легенды. Молодые летчики знали их в лицо по портретам, развешанным в ленинской комнате. Сергей Георгиевич Курзенков, Герой Советского Союза, был первым командиром подразделения, в котором служил теперь Юрий.

Если вспомнить героев-оренбуржцев, в какой же замечательной семье подрастал, расправлял крылья Гагарин! Курзенков дружил с Сафоновым.

Когда бы в небе не таяли инверсионные следы, оно бы все было исписано автографами знаменитых полярных асов.

На третий же день войны, когда в сторону Мурманска летел «Хейнкель-111», Сафонов на своем И-16 поднялся наперехват. Маскируясь в солнечных лучах, он набрал высоту и стремительно пошел в атаку. С немецкого самолета по нему ударили из пулеметов, но он не отвернул, пошел на сближение, открыл огонь и сбил стервятника. Фашисты боялись Сафонова. Завидев его машину, они открытым текстом испуганно передавали по радио: «Ахтунг! Ахтунг! В воздухе Сафон! В воздухе Сафон!» По пять-шесть вылетов в день. Летчики спали прямо под крыльями самолетов, подложив под голову парашюты.

«В бою нельзя горячиться, если действовать безрассудно, не спасут ни опыт, ни высокие летные качества машины... Главное — хладнокровие, трезвый расчет, уверенность в своем превосходстве над врагом. Навязывайте противнику свою волю, и тогда победите!» Это завет Сафонова. Только в первые три месяца войны летчики его эскадрильи сбили 49 вражеских самолетов. Пятнадцать из них уничтожил сам командир. Сафонов командовал уже авиаполком, когда вылетел в последний свой бой. Нашим летчикам приказано было прикрывать конвой, шедший в Архангельск. Сорок пять «юнкерсов» налетело на корабли, им наперехват устремились три истребителя. Сафонов атаковал одного торпедоносца, вто-

рого, третьего, расстреливая их в упор, а когда стал преследовать четвертого, под ним, невидимый на фоне волн, пронесся другой самолет врага, и воздушный стрелок «юнкерса» успел дать пулеметную очередь... «Подбил третьего... Мотор... Ракета...» Последнее слово, услышанное на командном пункте, было условным извещением о неизбежности вынужденной посадки. Корабельные сигнальщики видели, как самолет Сафонова, теряя высоту, планировал в направлении миноносца «Куйбышев», но не дотянул примерно двадцать кабельтовых, упал в море и скрылся в волнах.

Но бой был выигран! Трое против сорока пяти! Расшвыряв бомбы куда попало, фашистские самолеты ушли восвояси, не потопив ни одного транспорта. Два часа эскадренный миноносец «Куйбышев» искал Сафонова в море и не нашел. Двести двадцать четыре боевых вылета, более тридцати сбитых вражеских самолетов — отважный летчик был посмертно награжден второй медалью «Золотая Звезда». Он был первым, кому во время войны это высокое звание присвоили дважды.

Курзенков. Тоже гроза для фашистов, и его однажды подбили. Он выбросился с парашютом: купол раскрылся, но тут же вдруг оторвался и стал удаляться — осколками снаряда перебило силовые лямки, они не выдержали рывка, оборвались. Летчик падал, мучительно сознавая неотвратимую смерть, сейчас удар о гранит... Он очнулся от невыносимой боли, изо рта шла кровь, а когда сознание начало проясняться, понял, что уцелел случайно, ибо упал на скалу сопки под скользящим углом и угодил в глубокий сугроб.

«Мы находились на передовом форпосте северных рубежей нашей Родины, — писал Юрий Гагарин, — и нам следовало быть такими же умелыми, отважными летчиками, как Борис Сафонов, Сергей Курзенков, Захар Сорокин, Алексей Хлобыстов и многие другие герои Великой Отечественной войны — наши старшие братья по оружию».

Теперь он тоже чуть ли не каждый день уходил в бой, правда, пока учебный. «Противник» — Васильев. Учитель вызывал на поединок ученика. Виражи, виражи, виражи. Но вот оно, вот мгновение — машину Васильева, кажется, можно поймать в перекрестье прицела, но, будто почувствовав острые взгляды Гагарина, он вводит машину в крен, стремительно уходит и опять вонзается в высоту. Теперь и сам начинает атаку, делает

левый боевой разворот, заходит в хвост машине ученика, своего «противника». Но самолета Гагарина нет, он растворился. Куда отвернул? Васильев оглядывается и слышит в наушниках бодрый, с веселыми нотками голос: «Атакую! Держитесь!» Васильев пытается ускользнуть, и это вроде ему удается, но на земле фотопленка безжалостно фиксирует поражение.

Немного смущенный командир хлопает по плечу:

— Молодчина! Хорошо, что не копировали, искали себя. Это и спасло вас от проигрыша. Одним словом, Гагарин, победа за вами...

— Как учили...

Небо, полярное небо теплеет, может быть, оттого, что так радостно на душе. Небу нужна земля. На земле нужен дом, своя родимая крыша. Валя приехала в августе 1958-го, шли по улочке городка с тяжелыми чемоданами, но не ждал, не встречал их родной порог. Может, и не надо было жениться, а холостяковать, как другие, ну, к примеру, как тот же неунывающий Дергунов. Юрий не мог без очага, ему нужно было дыхание теплых стен, близость самых преданных в жизни людей. Он привел жену во времянку: такая же молодая семья уехала в отпуск и доверила им свою комнатенку. Конечно, это не то, что хотелось бы. Но вот на стол постелена кружевная скатерка, на тумбочке — знакомая салфетка в цветочках. Шагнули друг другу навстречу, обнялись. Валя оправдывает смущение мужа, его неловкость, что не смог подготовиться к встрече:

— Ничего, Юраша, потерпим. Как говорится, с милым рай в шалаше...

Да, полярное небо становилось роднее. Спасибо вам, наземные службы, за помощь, оказанную при посадках. Но разве не слышен в наушниках другой, призывающий, зовущий к спокойствию, желающий благополучной посадки голос — голос Валюши, жены. Сколько раз словно окликала она его в тумане, во мгле.

Валя иногда приходила его встречать. Юрий сердился, заставая жену у шлагбаума КПП, а она продолжала приходить, и однажды, почудилось, видел ее чуть ли не на аэродроме. Выговаривал: «Тебе что, нечего делать? Боишься, что разобьюсь. Ты только взгляни, какая надежная техника! Это же чудо, а не машины». А про себя радовался: «Замечательно, когда тебя вот так преданно

ждут». «Понимаешь, Юра, у меня есть слово, договоренность с твоим самолетом и небом», — то ли в шутку, то ли всерьез объясняла задумчиво Валя. В такие минуты Юрий улавливал грусть и тревогу в ее карих глубоких глазах.

Но вот и своя комнатушка. Своя! И сразу в северный городок, в гарнизон переселилась частичка забываемого Оренбурга, а может быть, Гжатска. Приметил — занавески на окнах такие же, как в Оренбурге, наволочки на подушках похожи на гжатские, и еще что-то едва уловимое, близкое, такое, что после полета хочется лечь и лежать, как мальчишка, ожидая: Валя пройдет и коснется его головы ласковой теплой рукой. И потаенно, с удивлением и надеждой отцовства, взглядывал, как в ней нарождается новая жизнь. Интересно — девочка или мальчик? Он загадал девочку.

Нет, брат, вставай, вставай! Пора наколоть, принести дров, подтопить печку: теперь их в комнате трое, и этот невидимый третий дороже, роднее всего. Надо сходить за водой или «по воду» как поправляла, бывало, в Клушине мать. До краев наполнить кадушку, Вале теперь тяжело.

Вторая полярная ночь, как туча, опускалась за сопки. Какой незаметной прошла она с Валей! Коротали ее — дыханье в дыханье. Напеременки читали Сент-Экзюпери, словно угадавшего и открывшего им их же собственный мир. Слиянность дома, неба и самолета. Как будто они были соседями с этим французским летчиком и тот вылетал с Юрой крыло в крыло.

«Не знаю, что со мной творится. В небе столько звездных магнитов, а сила тяготения привязывает меня к земле. И есть еще иное тяготение, оно возвращает меня к самому себе. Я чувствую, ко многому притягивает меня моя собственная тяжесть! Мои грезы куда реальнее, чем эти дюны, чем луна, чем все эти достоверности. Да, не в том чудо, что дом укрывает нас и греет, что эти стены — наши. Чудо в том, что незаметно он передает нам запасы нежности — и она образует в сердце, в самой его глубине, неведомые пласты, где, точно воды родника, рождаются грезы...»

Голова Вали покоилась на руке Юры, и в ложбинке шеи он чувствовал, как пульсирует жилка, дающая ток тому третьему, чье сердечко уже начинало потихоньку

стучаться, проситься в наш мир. Раньше, когда взмывал со взлетной полосы в небеса, отвечал за двоих. Теперь и за третьего, может... третью? Это надо понять и осознать.

«Задумчиво журча, к нему подступали волны доброты и нежности, которые он обычно гнал от себя, — волны безвозвратно утраченного океана». Значит, все это так близко?.. «Да, незаметно и постепенно пришел он к старости, к мыслям: «А вот настанет время», к мыслям, которые так скрашивают человеческую жизнь. Будто и на самом деле в один прекрасный день может «настать время» и где-то в конце жизни достигнешь блаженного покоя — того, что рисуется в грезах!.. Но покоя нет. Возможно, нет и победы...»

Тогда что же дальше — полеты, полеты, пока не состаришься или пока снисходительный к молодым и придирчивый к пожилым летчикам доктор не зацепится за какую-нибудь коварную загогулину на электрокардиограмме и не спишет «вчистую»? Праздные, сбивающие с толку, суды-пересуды по-столичному щеголеватых молодцов, с чистенькими летными книжками, торопящихся поступить в академию.

Но вот и Валя намекает, ведь он в ответе теперь за троих: Юра, а что же дальше? Неужели назначил он им на всю дальнейшую жизнь вот эти снежные сопки, льдистое море, ненастное небо, вызовы по ночам, ожидание благополучной посадки...

— Юра, послушай, Заполярье — это прекрасно... Сам выбирал. А что же потом? Вот родится ребенок...

— Если родишь мальчишку, будет папанинцем, — смеялся, обнимая, Юрий. — А девочку... Кто-нибудь из женщин дрейфовал на льдине?

Долго молчит. Он понимает, что переборщил со своими шутками, и тихо, серьезно:

— Надо стать летчиком, Валя... Профессионалом. Этому научит только здешнее небо. А потом... видно будет. Если захочешь, закончим с тобой академию. Ну кто помешает мне выучиться на генерала?

И они засыпают, слушая третье сердечко... То ли ночь за окном, то ли утро?

До чего же точно описывает свои ощущения Экзюпери! Вот он рассказывает о своем гидроплане, а Юрию представляется его острокрылый МиГ: «Когда запущены моторы... пилот всем телом ощущает эту напряженную дрожь. Он чувствует, как с каждой секундой машина набирает скорость, и вместе с этим нарастает ее мощь. Он сжимает

ручку управления, и эта сила, точно дар, переливается ему в ладони. Он овладевает этим даром, и металлические рычаги становятся послушными исполнителями его воли. Наконец мощь его вполне созрела — и тогда легким, неуловимым движением, словно срезывая спелый плод, летчик поднимает машину над водами и утверждает ее в воздухе».

Утверждает машину. И тем утверждает себя. Это и есть то, что называется профессионализмом.

Только недавно Юрий стал ловить себя на том, что подходит к самолету как будто к живому, одухотворенному, что-то «держащему себе на уме» существу. В машине несравненно больше силы, сообразительности, зоркости зрения, если иметь в виду все эти бортовые автоматизированные системы, средства дистанционного и централизованного управления. Еще каких-то полвека назад летчик ощущал скольжение воздуха собственной щекой, а высотомер привязывал к колену — приборной доски не существовало. Теперь же в кабине находится такое количество датчиков режима полета, что они едва размещаются перед глазами и информация предъявляется летчику на «машинном языке» — всевозможные табло, лампочки... Разве это не язык самолета!

А сам он все более принимает форму фантастической птицы, все более заостряя и скашивая крылья назад. Как будто его шлифуют природа, небо. И скорость... Скорость порой такая, что уже невозможно вести бой «визуально». Просто-напросто противники не видят друг друга или проносятся в поле зрения в доли секунды...

Юрий садился в кабину, примеривался, прилаживался в кресле, «доводя себя» до полного слияния со всеми приборами. Его нервы становились нервами самолета, и, наоборот, эти бесчисленные проводки, патрубки словно подсоединялись к его нервам и венам. Звенящий запев турбин, взвив мощного голоса до самой высокой ноты, разбег по бетонной полосе, и вот машина будто ожидала лишь малого движения твоей руки — мол, я и сама бы взлетела, но ты лишь слегка дотронулся, и режут воздух острые крылья, и заглатывает воздухозаборник синеву холодного неба.

«И теперь, неся в самом сердце ночи свою сторожевую вахту, он обнаружил, что в ночи раскрывается перед ним человек: его призывы, огни, тревоги. Та простая звездочка во мраке — это дом, и в нем одиночество. А та, что погасла, это дом, приютивший любовь... Он про-

бился — как сквозь десять войн — сквозь десять гроз, прошел по лужайкам лунного света, что пролегли между грозами, и вот, победитель, достиг наконец этих огней. Людям кажется, что лампа освещает только их скромный стол; но свет ее, пролетев восемьдесят километров, уже достиг кого-то — как призыв, как крик отчаяния с пустынного, затерянного в море острова».

Наверное, Валя склонилась над книгой, но не дают ей читать рулады МиГов над городком...

— Я «Утес», я «Утес»! Как слышите? Прием...

Земля слышит, следит, готовая дать команду наперехват — не на учебный, на боевой, если вдруг кто-то посмеет нарушить границу.

Сколько их сейчас в небе, вот таких часовых? Огни, рассыпающиеся внизу угольками, остывают, словно подергиваются пепелком. «Спокойной вам ночи, люди...»

С Юрой Дергуновым спорили до хрипоты: чему принадлежит будущее: самолетам или ракетам? Друг, захваченный вихрем событий — запуском спутников, — слишком далеко отрывался от земли. Нетрудно было догадаться, что он уже выбрал цель жизни.

— Уж не решил ли ты стать астронавтом?

— А что, Гагара ты мой дорогой! Давай напишем самому главному заявления. И вдвоем полетим. На пару-то сдюжим...

Да, ему было все нипочем, он не жил, а летел по жизни. И эта его рисковость привела к несчастью. Ехал на мотоцикле по крутой дороге меж сопок, как всегда на предельной скорости, и на повороте врезался во встречный грузовик...

— Летчик, а вот погиб на земле. Вот она, братцы, судьбина.

— А ведь какой был летун...

Тихо переговаривались над могилой.

— Если бы он еще хоть немного пожил, полетел бы в ракете, — сказал Юра.

Не стало Дергунова, и в жизни образовалась какая-то пустота. Юрий тяжело переживал эту потерю. С тезкой вместе учились, вместе стремились сюда, на Север.

Нет ничего надежнее войскового товарищества, когда самое сокровенное — нараспашку. Все самое душевное, самое дорогое, что даровали дома мать и отец, очутив-

шись в суровом военном быту, ты получаешь от обычного, чем-то очень близкого парня, который понимает тебя с полуслова. И сторицей возвращаешь ему.

Правда, когда приехала Валентина, Юра Дергунов как бы почтительно отдалился, но все равно оставался самым желанным гостем.

Друг, дружище, неужели тебя больше не будет — никогда, никогда?

Впрочем, друга можно потерять и живого. Все вроде ладилось. Но вот неведомая причина разбросала по сторонам. Сначала редкие письма, потом телеграмма только к большому празднику — и оборвался, смотришь, совсем проводок.

Более всего — стоило только задуматься — Юрия угнетала, сражала своей беспощадной нелепостью смерть. Вчера еще был человек, и общались — и вот его нет — и, главное, больше не встретишь ни на земле, ни в небе.

Как все это понять? Тогда зачем, для чего он был?

Жгло, саднило. Юрий ходил с темным лицом, молчаливый. Он никогда не знал, что так может болеть душа. И сам нарочно терзал себя, вспоминая пустяки, подробности, вызывал воображением то, что казалось утраченным навсегда.

Дергунов, когда, бывало, еще в Оренбурге шли в увольнение, как только преодолевали порог КПП, задымливал сигаретку, докуривал ее до обжигания губ и, придавив о булыжник мостовой каблуком, набекренив фуражку, говорил, озорно подмигнув: «Ну а теперь, ребятишки, в бой!» Что означало — на танцы. Да и к Вале... Это его рукой к ней подтолкнула судьба.

Но сколько бы продолжалась эта болезнь души, это почти каждодневное хождение к грустному холмику, где лежал Дергунов Юра?

Однажды стоял над могилой, размышляя о том, что время уже не властно над этим кладбищем, над его другом, и услышал тихий, как шуршанье осенней листвы, голос женщины:

— Что же стоишь ты, Юра? Его уже не поднимешь. Оглядись — жизнь продолжается. Вале-то пора собираться за девочкой. Ты ведь дочку загадывал?

Оглянулся — Мария Савельевна, женщина, как им казалось раньше, в годах, а по нынешним-то временам была совсем молодая. Мать она им заменяла, а быть может, сестру старшую в их городке. Знает, почем фунт лиха, — жена заместителя командира эскадрильи Вдо-

вина Бориса Федоровича. Приласкала, пригрела Валю добрым советом, помогала в житейских делах. Есть такие женщины в гарнизонах. Для своих молодых подруг они как наставницы трудной профессии — быть женой человека в погонах, а тем более летчика. Таких выбирают обычно председателями женсоветов. Это правая рука замполита, а может быть, и главнее, мудрее в сердечных делах. К таким бегут, когда долго нет самолета, к ним спешат за помощью, когда заболел ребенок, а бывают и посокровеннее встречи.

Оглянулся Юрий на Марию Савельевну, посмотрел ей в глаза и словно очнулся. Взял под руку, и пошли они к домику, где уже поджидала их на пороге Валя.

Тут же ринулся к командиру:

— Прошу машину, отправляю жену за пополнением!

И звонил в роддом с утра и до вечера, с вечера до утра:

— Как там Валентина Гагарина? Валюша моя? Почему задерживаете прилет нового человека? Вам что — тоже мешают метеоусловия?

Его узнавали по голосу.

Сколько же оставалось ждать?

Казалось, и впрямь кто-то идет на посадку, но непогода мешает ему приземлиться, может случиться все. И вдруг на его привычный, всем надоевший звонок — пауза и сразу, уже своим тоном, игривыми нотками, разрядивший грозу вопрос:

— А вы кого ждете, мальчика?

— Нет-нет, — растерялся Юрий, — девочку!

— Ну, тогда поздравляем вас! Хорошая дочка.

— Спасибо, большое спасибо! — еще не сообразив, что все в порядке, крикнул Юрий, повесил трубку и тут же перезвонил: — Скажите, а вес какой?.. Это как, много, а может быть, мало?

— Вполне достаточно, — ответила дежурная сестра. — Можете спать спокойно.

Спать? Какой тут сон! На попутке, а потом полтора километра бегом до роддома, стук в давно закрытую дверь. Заспанный вид нянечки.

— Нельзя, не положено.

— Как же так? Вы понимаете, у меня только что родилась дочка.

— У всех рождаются, молодой человек. Придете завтра. Или послезавтра, когда разрешат.

Обратно пешком шел по утреннему морозцу. Было

17 апреля 1959 года. «Теперь нас, действительно трое,— радостно думал Юрий, не замечая долгих километров.— Нет, пожалуй, нас четверо: я, Валя, эта девочка и мой самолет».

До подъема оставалось два-три часа. Прилег, но глаз не сомкнул, ворочался с боку на бок в сумбурных видениях. Как назовем? Танечка, Валя, Надя?.. Люба — тоже хорошее имя... Он не знал, что жена, первый раз прижав ребенка к груди, нарекла девочку Леной.

От усталости и бессонницы ни следа. Взлет! Взлет! Как причудливо громоздятся слева, справа, внизу облака! А под ними — вон она, крошечная девчурка — вприпрыжку, за красным мячиком солнца... Тонкий зеленый росток пробился сквозь корочку льда. Северяночка. Кто бы когда бы подумал, что здесь, за Полярным кругом, их станет трое — Гагариных!

Увозил из дома одну, обратно привез двоих. Распеленал, дотронулся до малюсеньких пальчиков, сам сменил распашонку, поправил на шапочке ленты, опять завернул в нагретое, теплое, взял на руки, раскачивая, заходил по комнате.

— Лена. Елена Прекрасная...

И теперь, торопясь с аэродрома, не давал Вале сделать ни шагу: быстро затопит печку, нагреет воды, приготовит обед, постирает пеленки. Но самое любимое — это купать, намыливать в ванночке крошечное, кажется, узнающее тебя существо. Человечек ты мой, человек! Не терпелось в Гжатск — к родителям, похвалиться такой девчуркой.

До отпуска время замедлилось, тянулось, как льдина по океанской воде.

— Лена! Лена!

А она уже отзывалась — поворотом головки в кудряшках.

И вот он нес ее уже через Гжатск от вокзала по привычной дороге — наискосок через парк, а тут уже Ленинградская.

Мать всплеснула руками, подхватила внучку, поцеловала.

— Заморозили вы там ее, на своем Севере. Ну ничего, Ленок, отогреешься на нашем смоленском солнышке. Отпоим ее парным молочком.

Отец долго разглядывал, остался доволен:

— Наша, гагаринская, что нос, что губы...

Но покурить, быть может впервые в жизни, вышел из

дому. Присели на ступеньки с Юрием. Начал расспрашивать про службу, про северное житье. И перевел разговор на тему, тогда волновавшую многих.

— Ты вот что растолкуй мне, сынок... Тебе, пилоту, должно быть понятней. К чему, зачем все эти ракеты? Ну, оборонное дело — ясно, тут мы не должны уступать. А тут аж к самой Луне пульнули! Такие деньги зазря ухлопали. На нашей планете еще мрут с голодухи... Ну пролетела ракета вблизи Луны... Проку-то нам что от нее? Разве что теперь любоваться? Так ее отсюда даже не видно. Пшик получается. Вроде праздничного фейерверка.

Юрий долго не находил, что сказать. Как, какими словами отцу разъяснить, что это движение жизни, что человечество подступило к такому порогу, за которым открываются вселенские тайны? И если эти тайны станут доступны, полеты в космос обернутся пользой не для звезд, а для самой же Земли. Тем более, когда на орбиту поднимется человек. Это скоро! Вон даже Покрышкин пишет в «Красной звезде»:

«Мы, советские летчики, горды тем, что именно Советский Союз явился пионером первого полета во Вселенную. Я уверен, что недалек тот день, когда не только вымпел с надписью «Союз Советских Социалистических Республик», а сам гражданин СССР полетит в космос».

— Космос, отец, для земли нам нужен. Сейчас это трудно понять, но так оно будет... Какая погода на всей планете? Спутник узнает, доложит. Какой где выращен урожай... Человек будет вертеть всю землю и так и сяк, как будто бы школьный глобус. Не говоря уже о науке — в дебри ее нам с тобой сейчас не залезть...

Алексей Иванович отворачивался, дымил самокруткой, делал вид, что пропускает мимо ушей то, что пытается доказать, внушить ему сын.

Крякнул, поднялся, сказал насмешливо:

— Природа, Юра, шуток не любит, ее не переиначишь. А урожай — что ж на него смотреть, его прежде посеять и вырастить надобно.

В такие минуты Юрий и сам начинал сомневаться. Идет спор скептиков и оптимистов. Это видно даже по заголовкам в газетах: «Человек устремляется к звездам», а рядом: «Пока человек не летал в ракете».

Не летал... А и вправду — зачем лететь? Отец подымливает самокруткой, кивает прохожим, замедляющим шаг у калитки:

— Добрый вечер, Иваныч. Здоровьице как?

— Да держимся помаленьку... за воздух.

Лица людей озабочены. Только-только из развалин начали подниматься. Подновился Гжатск, крыши свои подлатал, кое-где заложены новые городские дома. Мимо проскрипела тачка-коляска, полная свежего сена. Вслед за ней другая — с песком и щебнем... Большинство пока что в нужде. Да и в гагаринском доме не сказать чтобы богато. Мать обрадовалась и смутилась, когда Юрий положил на комод пачку денег, специально берег отпускные.

— Спасибо, Юраша, ты себе-то опять, поди, ничего не оставил?

Открыла ящик и подала ему аккуратно подшитую стопку почтовых бланков. Обратный адрес — войсковая часть, откуда он посылал переводы. Ни одного месяца не пропустил. Почти ползарплаты — в Гжатск.

Валентин наведывался вечерами, как говорил он, «не чуя ног» — работал электриком и, конечно, нахаживался за день «вдоль деревни от избы до избы», належивался по столбам. Зоя — медсестра, получает мало, а хлопот невпроворот. Да, непростая она, эта штука — жизнь, особенно в таком городишке.

Облака плыли розовые, подгоревшие сверху и снизу — здешнее солнце на пользу любому. Схватил дочурку в охапку — и к речке вниз. Здравствуй, родная Гжать! Ты все такая же светло-зеленая под ракитами, серебристо-чешуйчатая на быстрине, голубая на глади омута. Только вроде бы стала еще поуже, обмелела. Взял Лену под ручки, как птенца под хрупкие крылышки, огляделся — чего доброго, Валя увидит — и окунул в купель давнишнего детства.

И тут восторженный, эхом отдавшийся от реки мальчишеский голос прервал блаженство отца.

— Спутник! Смотрите, спутник летит!

Юрий взглянул на небо и сразу увидел плывущую и спускающуюся где-то за Ленинградской звездочку. Неужели это был спутник? Не верилось, невозможно было представить, что это творение рук человеческих.

Когда он поднялся к дому, то увидел толпу соседей и отца посредине. Тот что-то растолковывал про погоду и про урожай, который видать с такой высоты.

— Вот так когда-нибудь пролетит над нами звездочка, а в ней человек... — сказал, как о чем-то обыденном и естественном, Юрий.

На сей раз Алексей Иванович с ним не спорил. А может, постеснялся других — ведь сам, выходит, выступал агитатором.

— Чудеса в решете...

Анна Тимофеевна вспоминала: «В тот приезд много у нас разговоров было о спутниках, о полетах космических ракет к Луне. Мы считали эти беседы естественными. Жгучий интерес к космической теме испытывали все советские люди, вечерами, случалось, высыпали из домов, следили за звездочкой спутника, бегущей по небосводу. Мы не замечали, чтобы Юра проявлял какой-то особый интерес к космосу. Обсуждал как все».

К месту службы, «домой, на Север», возвращались через Оренбург, так условились, половину отпуска у родных Юрия, половину — у родителей Вали. Но что-то новое нарастало в душе. На остановках Юрий выбегал за газетами.

— Слушай, Валя! Опять о полетах!

А жизнь в гарнизоне закрутилась по прежнему распорядку. И все же она как бы спрессовывалась, убыстрялась.

Что придавало ей ускорение?

Сразу как будто другой — приняли кандидатом в партию — новые общественные заботы, обязанности. Надо пройти испытание на коммуниста — не сплоховать ни в полетах, ни на земле.

А «занебесные» новости — одна за другой. 4 октября 1959 года запущена ракета с автоматической межпланетной станцией «Луна-3» на борту. Основная цель — получение фотографии поверхности обратной стороны Луны, недоступной для земных наблюдателей. 7 октября началось фотографирование с расстояния от 65,2 до 68,4 тысячи километров. Съемка осуществлялась двумя объективами с фокусным расстоянием двести миллиметров и пятьсот миллиметров на специальную термостойкую 35-миллиметровую пленку «изохром». «Изохром»... У него в шкафу четыре пачки с таким же названием. Там, за Луной, все делал автомат. Проявление продолжалось около трех минут. Передача изображений производилась по команде с Земли — более медленная на наибольших расстояниях, более быстрая — на близких... Фотокамеры засняли почти половину поверхности лунного шара, одна треть которой находилась в краевой зоне видимой с Земли стороны, а две трети — на невидимой. Это был первый в истории человечества успешный эксперимент по

фотографированию и передаче из космоса изображений небесного тела.

Глаза отказывались верить увиденному, как будто сам человек ступил на Луну и вскинул какой-нибудь «Зоркий», а может быть, «Киев». Еще никогда и никем не видимые за всю историю человечества — моря, заливы, кратеры. Всегда скрытая обратная сторона Луны оказалась и похожей и не похожей на ту, что наблюдали веками. Как мореплаватели, первооткрыватели придумывали названия: Море Мечты, Море Москвы...

Конечно, конечно, это уже был зов. И чем ближе он доносился, тем больше мучил вопрос: кто полетит? Наверное, кто-нибудь из прославленных испытателей, известных стране и миру, мужественных людей. А к Луне, если это вообще когда-нибудь сбудется, наверное, отправятся те, кто дает имена кратерам и «морям».

Но отбросить всякие раздумья. Его дело — служба. Третья звездочка легла на погоны. Теперь он не просто лейтенант, а старший.

Но что же это за слухи — шепотливым сквознячком по городку, по аэродрому. Приехала комиссия, говорят, вызывают по одному, отбирают на какую-то новую, не известную никому работу. На испытательную? И затеплилась, заволновала надежда. Попробовал что-нибудь выяснить у командира части — тот ни слова.

И вдруг, когда собирался на аэродром, вздрогнул от давно ожидаемого: «Гагарин — на собеседование...»

И назвали дверь, из которой, выходя, сослуживцы на расспросы не отвечали.

За столом сидели военные. Врачи? Почему не свои, а чужие? Пригласили присесть. Разглядывали с любопытством и в то же время как будто давно его знали. Догадался: перед одним темно-синяя папка личного дела, перед другим — летная книжка.

И вместе с радостью ожидания тут же подумал: «Только наладилось, и опять поворот судьбы?» Но любопытство, попытка разгадки непринужденной беседы расслабила, заставила отвечать на вопросы просто и откровенно.

— Семья небольшая... Родители из крестьян. Учился в ремесленном, техникуме, аэроклубе. Закончил училище.

Тот, что казался более пожилым, перебил, поглядев совсем по-отцовски:

— И пахать небось приходилось?

— Таскали на себе с братишкой борону, до сих пор плечи болят...

— Мы вот о чем, — остановил воспоминания другой, что был помоложе. — Хотите осваивать новую технику?

Взял себя в руки: что он на это может сказать, да и что означает — новую?

— Мне нравится мой самолет, — вымолвил Гагарин. — Я сам выбрал эти края. И служба идет нормально.

И тут же одернул себя: «Всю ли правду я говорю? Ведь хочу же, хочу... Так что мне мешает? Опять неизвестность?»

— Мы знаем о вашей службе. Иначе бы не вызвали. Речь идет о новом, абсолютно новом летательном аппарате...

И тут уже старший улыбнулся еще добрее, залучились морщинки у глаз:

— Ну, скажем, так. Согласились ли бы вокруг «шарика»? Сделать то, о чем лишь мечтал ваш любимый Чкалов. Памятник-то в Оренбурге стоит еще?

— Конечно, стоит, а куда ему деться, — ухватился Юрий.

— Мы отбираем желающих и здоровых, — серьезно сказал молодой. И повторил: — Очень желающих, так сказать, добровольцев. — Закончив разговор, поднялся из-за стола и служебным тоном добавил: — Если согласны, вызовем вас в Москву. А пока разговор между нами...

По дороге домой все думал: «Мать права со своей пословицей «На телеге судьбу не объедешь».

Давненько не видела Валя его таким озабоченным.

— Что случилось с тобой?

— Да так, один разговор...

И ходил молчаливый, пока наконец не сказал:

— Собирай чемоданчик. Вызывают в Москву.

Никаких лишних вопросов, привыкла, если не объясняет, значит, нельзя: такова военная служба.

Ну что ж, опять принимай, столица, Гагарина. Пока бродил по старым аллеям, вспоминал, как они с Валентином искали дом Савелия Ивановича. А теперь другой адресок: вот оно, здание, о котором знал понаслышке — Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь. Приняли как больного — выдали

квитанцию на шинель, на шапку, на тужурку. Переодели в пижаму. Миловидная девушка в белом халатике привела в палату, показала на койку:

— Вот ваше место.

— Отныне и навсегда? — пошутил Юрий и услышал ответный смешок, и голос с соседней кровати:

— Возможно, что только до завтра.

Огляделся: с десятка примерно подушек его разглядывали любопытствующие глаза.

— Симулянты, — нашелся Юрий, — вам бы лопаты в руки и снег чистить, вон навалило сколько! А у них, понимаете ли, послеобеденный сон...

— Мы — лорды, — наигранным тоном ответили с дальней кровати. — Отныне знайте, коллега, что вы попали не в какую-нибудь там палату, а Палату лордов.

Он догадался: здесь разместили кандидатов для полетов на новых, не известных никому аппаратах. Значит, такие же новички, как он. И успокоился, и сразу стал своим. Весь вечер «лорды» рассказывали ему про огни и воды, и медные трубы, которые уже начали проходить.

«Врачей было много, и каждый строг, как прокурор, — писал Юрий. — Приговоры обжалованию не подлежали — кандидаты в космонавты вылетали с комиссии со страшной силой. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Нас обмеряли вкривь и вкось, выстукивали на всем теле «азбуку Морзе», крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярный аппарат... Главным предметом исследования были наши сердца. По ним медики как бы прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить. Сложная аппаратура находила все... Отсев был большой. Из десяти человек оставляли одного».

Первый этап Юрий преодолел. Теперь оставалось ждать вызова, который сулил еще большие строгости. Служба продолжалась, но он как бы потерял точку опоры, завис между небом и землей.

— Уж не заболел ли ты, Юра? — с беспокойством допытывалась Валентина.

Нет, он был совершенно здоров. Правда, температура нет-нет да и повышалась иногда от волнения — на каких-то один-полтора градуса.

Он снова повеселел, когда пришел второй вызов.

— Собирай, Валюша, чемоданчик, опять поеду в Москву.

Вышел из дому. Звезды смотрели крупно, пристально.

III. ВРАТА В КОСМОС

Глава первая

Лежать на траве, раскинув руки, смотреть в небо как бы со дна прозрачного океана, туда, где, медленно перемещаясь, сталкиваются, сливаются облака, следить за черной стрелочкой стрижа, пытающегося словно вынырнуть из синевы на невидимую поверхность, и ощущать томительное, до замирания сердца желание взметнуться ввысь.

Бежишь на качели, встаешь на непрочную шаткую доску, вцепившись руками в веревки: взлетаешь, падаешь, взлетаешь и опять опускаешься — это уже полет, это парение до дрожи в ногах на самом высоком зависе. А то, раскинув над головой старенькую простынку, прыгаешь с крыши сарая и падаешь в обжигающую крапиву, до крови сдирая коленки. Как все-таки хочется достичь уходящей все дальше и дальше за облака голубизны, куда уже и не проникнуть даже стрижу...

А ночью проступят яркие звезды, такие близкие, что кажется, подпрыгни повыше, — и достанешь рукой до них, заманчивых и таинственных, изливающих на тебя свет зова и любопытства.

Кто же это сказал? Какой ученый, в каком веке? «Созерцание природы — это преддверие небесного наслаждения, вечная радость ума, врата спокойствия... Ибо здесь тысяча Демосфенов, тысяча Аристотелей будут опровергнуты одним человеком заурядного ума, который в лучшей форме выразил истину».

Сколько ни твердили тебе в школе о немыслимых расстояниях, измеряемых не километрами, не тысячами их, а световыми годами, не верится, невозможно представить, что эти светлые огоньки так далеко. Каждым

родившимся человеком звезды видятся как бы впервые, и потому непрерывно, вечно желание их достичь.

Но вот уже и крылья самолета стали твоим продолжением. Ты обгоняешь стрижа, взмываешь выше его, и облака, представлявшиеся льдинами, айсбергами наверху, застлались белой волнистой равниной внизу, и ты над ними, как над бескрайним заснеженным полем. И скорость не с чем сравнить, ее уже и не чувствуешь, разве что стрелка прибора показывает, что мчишься быстрее звука.

Еще многое непостижимо. Наше суждение о природе в чем-то не пространнее тех, кто творил легенду о крылатом Икаре. Мы проникли в невидимый микромир, соорудили гигантские синхрофазотроны, сфотографировали Луну с невидимой стороны. Но вот ты идешь по аллее, где снежинки искрятся звездочками, и кажется, что до звезд, что проглядывают сквозь черные ветви старинных лип, ведет вот такая же расчищенная дорога, где дышится свежо и легко.

Сколько людей прошло по этой аллее за каких-то полгода — в серых, черных шинелях... Наверное, сотни. И вот теперь на вечерней прогулке осталось всего-то двадцать, не больше. И в сознание этих далеко не робких парней начинает доходить мысль, что им дано особое поручение, дан особый приказ.

Шум машин на шоссе приглушен, он все реже и реже. Тишина. Как заманчиво, глядя на снег, на поскрипывающие по нему сапоги, назвать это шествование Млечным Путем. Позже примерно такие возвышенные слова будут употреблены. А сейчас приглушенный говорок военных о делах пока никому не известных, о том, что всем, а кому-то первому предстоит. И это похоже на обсуждение предстоящего сражения. С кем, а точнее — с чем?

Но тут опять нужно вернуться к звездам над головой и к мерцанию поздних московских огней. «Как будто небо звездное упало и вдребезги разбилось о дома...» Чьи это стихи?

Да, земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели... Почему так настойчив был Циолковский в этой мысли? Почему этот человек так легко обозревал расстояния в десятки, а то и сотни световых лет? Почему сбываются его предвидения? Как он мог соединить припушенную снегом ветку, вот этот красноватый огонек в окне и мигающую звезду в вихре за-

небесной туманности? Где-то на немыслимом расстоянии стелется над луговиной туман и опадает на листья травы капельками планет. Как это представить себе? В нашем Млечном Пути, словно поземка рассыпанном по небу, сто миллиардов звезд. Сто миллиардов! И лишь одна из них на околице родимой Галактики — Солнце, дающее жизнь Земле.

Как это может вместить человеческий разум? Кто-то сказал, что наше восприятие становится все более бессильным. Мы не можем слышать ультразвук, представить ультраскорость. Новые научные открытия надвигаются на нас, на нашу психику, на систему чувств и мышления с такой огромной силой, что воздействуют не только на материальный мир, но и на самого человека, меняют характер, привычки, формы самой нашей жизни.

Вчерашняя фантастика — и не заметили как — стала реальностью. Готовится полет человека в космос. Преодолевается не только звуковой барьер, а могучая сила земного тяготения, хотя еще почти ничего не известно, а что же там, на высоте каких-то пятьдесят, сто, двести, триста километров? Запускали собачек, самописцы аккуратно вычерчивали бесстрастные «фотографии» их самочувствия — всплески биотоков. Но что могли рассказать возбужденные глазенки этих существ, торопливо выпрыгивающих из контейнеров? Лайка, милая дворняжка с надломленным, как листок фикуса, ухом, она ринулась первой в неведомое, страшное. И как знать, быть может, огласила окрестности нашей планеты прощальным, предупреждающим об опасности лаем? Она прожила всего лишь семь суток. По следу собаки теперь отправится человек.

Но кто направит корабли свои к звездам? Супермены, скорее похожие на роботов, чем на людей, — непременно высокие, широкоплечие, тонкие в талии, с холодными равнодушными лицами, бесстрастно стоящие у штурвалов своих звездолетов? Полулюди, полумашины, проникающие чуть ли не электронной памятью в прошлое и будущее не только человечества, но и целых цивилизаций?

Нет, дорогу в космос будут пробивать обычные парни, вот эти военные, вдруг затеявшие игру в снежки. Любопытно было бы посмотреть со стороны на офицеров в шумной ребяческой кутерьме. Непонятно, кто за кого. Юрий сбил шапку с Германа, Герман — с Павла. Андриян и Валерий сошлись в поединке. И вправду мальчишки...

Только Володя Комаров и Паша Беляев — те, что постарше, остались в сторонке, но и тоже не прочь бы ввязаться в схватку. Леша один против Бориса, Жени, Жоры и Витьки. Это вся их первая группа. Группа кого? Звездолетчиков? Они еще не знают даже, как себя называть. Официально вроде пилоты. Пилоты чего? Ясно, не «звездолетов», но и не самолетов, конечно. Где-то уже мелькнуло название «космический корабль-спутник». Корабль...

Кто же все-таки они — будущие командиры, капитаны космических кораблей?

Если не считать Беляева, Комарова, все, почитай, ровесники — тридцать третьего, тридцать четвертого, тридцать пятого года рождения. И стоило при первом знакомстве перемолвиться словом-другим, сами себе удивились — до чего же схожи их биографии! Павел Попович родился в 30-м, в поселке Узино Киевской области, кончил ремесленное училище в Белой Церкви, Магнитогорский индустриальный техникум, аэроклуб, военное авиационное училище... Весельчак, песенник, балагур... Юрий весь вечер рассказывал о Гжати, о Гжатске.

— Ты знаешь, Юра, — рассудил попросту Павел, — по-моему, у каждого из нас есть своя любимая река. У тебя — Гжать, у Андрияна, конечно же, Волга, у Валеры — Москва-река. У кого-то — Енисей, Дон, Амур, Нева... Мне кажется, что все мы несем в характере тончайшие извивы рек своего детства. Понимаешь, они — тот стержень, который в каждом из нас...

Получалось, что с Павлом Юрий жил как бы плетень в плетень.

...Сенокос. В травах видны только широкая с прилипшей рубашкой спина, черная, пропеченная солнцем шея да прыгающий в голенище брусок. Июльские ночи, теплые, звездные. Над селом узорчатое коромысло Стожаров. Белесым потоком струится лунный свет на поля, на уснувшие вишни. Первый класс. Через четыре года война. Павел увидел ее мальчишкой. Немцы появились на Белоцерковском тракте в касках, с засученными рукавами и автоматами на груди. Как это похоже на войну, что нагрянула в Клушино! Украинский мальчишка познал, изведал, что такое немецкая плеть, до крови хлеставшая по плечам. Ну а ремесленное, техникум — это совсем уже близко. Павел помнил Магнитку — дымную, огнедышащую, издали похожую на многотрубный корабль, плывущий по красноватым волнам нагорий. Там

он впервые узнал, как плавится металл, ощутил острый запах железа, испытал редкостное чувство причастности к большому городу, к его людям, рабочим. И потом, первый аэроклубный полет. Ну разве несхожи были их биографии?

Андриян Николаев утверждал, что с Павлом у него тоже одна судьбина. Родился в деревне Шоршелы, в семье крестьянина. Семилетка, техникум... Когда первый раз покидал родное село, завернула ему мать в тряпицу самое что ни на есть последнее, что было из еды, — четыре картофелины. Андриян не хотел брать — в доме осталась младшая сестренка, но мать настояла: дорога долгая, ненастье и все пешком. Проводила сынка до околицы. Вернулась, стала вечером постель разбирать, а под подушкой те самые четыре картофелины...

«Анне» — по-чувашски мать, «Тован сершив» — «Родина». Андриян любил повторять эти слова — учил товарищей. И не раз вспоминал, как прислал матери фотокарточку, где был снят в летной форме, с надписью на обороте: «Мама, я теперь летаю на самолете».

Женя Хрунов — тридцать третьего года рождения. До сих пор в его глазах деревенька Пруды, что неподалеку от Куликова поля. Деревушка раскинулась на берегу Непрядвы — какой же русский не знает этого рубежа богатырей Дмитрия Донского! Отец, тракторист, частенько сажал Женю на трактор, иногда позволял подержаться за руль. Больше всего почему-то запомнилась русская печь. Ребятишки там играли, там же спали. Старики лечились, выгоняли хворь. Нет ничего на свете прекраснее, чем горячие под тобой кирпичи, когда на улице трещит мороз и ветер гудит, воет в трубе. А тут еще бабушка начнет сказку про Ивана-царевича и Змея Горыныча. При воспоминаниях о тех временах опять всплывает страшное слово «война». И вот оно, новое совпадение с биографией Юрия: мальчишки стали свидетелями воздушного боя. Выскочили вечером из домов. Наш «ястребок» мужественно сражался с четырьмя фашистскими самолетами. Еще бы немножко, еще бы чуть-чуть — и он победил. Но пули пронзили на вираже, задымился, упал, взорвался.

Стоило ли удивляться, что, когда Женю принимали в комсомол, до районного центра он добирался двадцать километров и волновался больше, чем сейчас, перед полетом в космос. Ему тогда казалось, что он идет следом за Александром Матросовым, Зоей Космодемьянской, Оле-

том Кошевым. И взрослый человек, переживший столько опасностей, потому что был он прекрасным летчиком, не стеснялся в этом признаться Юрию.

А вот этот востроглазый, здешний, подмосковный житель, тоже ровесник Гагарина — Валера Быковский. Мечтал пойти по стопам отца, стать моряком. Тоже мальчишка войны. И значит, самая привлекательная профессия — защищать Родину. Все тогда бредили кораблями и самолетами. Но сошел с наследственной линии. После десятилетки — аэроклуб, Качинское военное авиационное училище. Лучший друг Андрияна. Выдался час-другой: «Поехали в гости!» — холостякуют парняги. Андриян же говорит, что ездит в Павловский Посад только потому, что любит варенье клубничное, которое каким-то особым способом приготовляет мама Валерия. Вряд ли он такой сладкоежка. Впрочем, кто не знает квартирку Быковских, расположенную чуть ли не под самой крышей большого серого дома. И не раз слетались соколы в этом уютном гнезде товарища.

...Снег влажный, лепится хорошо. Однако надо помочь «блондину», как по-дружески окрестил Юрий добродушного парня — Лешу Леонова. Как-никак — сосед.

— Держись, иду на выручку! — Юрий едва успевает хватать руками горячий снег, атака становится все напористей.

С Лешей можно пойти в рукопашную и в настоящем бою. Правда, война застала его в далеком Кемерове, но и там насмотрелся. Каждый день бегал на станцию встречать эшелоны с беженцами и ранеными бойцами. После школы шел в госпиталь, помогал санитарам, выхаживал самых тяжелых, которых и кормить надо было с ложечки. Не ожесточилась мальчишеская душа, потянулась к прекрасному. Леша с детства не расставался с тюбиками и акварелью. Больше всего любил изображать голубое небо и самолеты над облаками. По комсомольскому набору поступил в летное училище. Над ним до сих пор подшучивали. Когда предложили переехать сюда, чтобы осваивать новую технику, Леша замялся: «А то, что я холостяк, не помешает будущему делу? Правда, я люблю девушку и собираюсь на ней жениться». — «Женитесь себе на здоровье», — ответили ему. Сейчас Гагарины и Леоновы дружат семьями. Вчера Юрий зашел к Алексею — тот что-то набрасывал на листке, загородил

таинственно. «А ну, показывай, Верещагин, или как тебя, Айвазовский?» Похоже на набросок космического корабля. «Я художник Леонов», — скромно ответил Алеша.

А это кто заходит с фланга — никак Горбатко? Виктор крепкий парень, кубанец. Коня оседлал, наверное, лет с пяти, у них там в поселке был знаменитый конезавод. Помнит рокот первого трактора, красный флаг над сельсоветом, а потом это все разрушила тоже война. Диву даешься: горе хлебали как из одной чаши. Юрий, как прокламации, притащил в школу обгоревшие листочки, а Виктор учился по букварю, из которого гитлеровцы выдрали страницы о Советском Союзе. Но учительница помнила их наизусть и пересказывала ребятам. Брата и сестру Юрия фашисты угнали в Германию, а сестер Виктора, комсомолок, оккупанты занесли в список для расстрела. И если бы вовремя не пришли наши... А в летчики подался, как все мальчишки военных лет.

— Боря, заходи слева, — кричит Виктор. Знает, кого звать на подмогу. Борис Волынов — крутой в плечах, и немудрено, вырос в Прокопьевске, городе шахтеров. И его не миновало военное лихолетье. Восьмилетним мальчишкой спускался в шахту, где «фронтовые» бригады сутками не поднимались на поверхность, — носил еду, воду. Самый любимый человек на свете — мама. И все же поперек ее желания уехал в авиационную школу. «Дорогая мама! Ты должна понять, что я уже взрослый человек. Все будет хорошо, верь мне, мамочка. Я не хочу иной профессии. Я буду только летчиком...» На вокзале степного города, где он очутился с деревянным чемоданчиком в руке, началась его летная судьба. Между прочим, тоже с тридцать четвертого года рождения.

— Ну кончай, ребята, «баталию», пора в палату...

По праву старшего прерывает снежную схватку Павел Беляев. Павел Иванович, да иначе и звать-то его неудобно, почти на добрый десяток лет родился раньше других. Вологодский, но закалка уральская — в Каменске-Уральском пошел в школу. Шестнадцатилетним мальчишкой заявился в военкомат — отказали. Тайком от родителей несколько раз писал заявления в Свердловскую летную спецшколу, и снова — «не подходит по возрасту». Лишь в сорок третьем году удалось поступить в училище. В июне сорок пятого, когда страна уже праздновала Победу, выпускник-летчик, младший лейтенант Беляев уезжал к берегам Тихого океана на войну с Японией. Рвался в бой с первых же дней. Но молодых летчиков,

как видно, приберегали, отправляли на боевые задания только «стариков». Однажды все-таки удалось уговорить, чтобы в составе девятки доверили прикрывать от японских истребителей наши бомбардировщики Пе-2. Беляев зарядил полный боекомплект, вылетел, думал, что настал час и его подвига. Но стрелять не пришлось. Японцы в бой не ввязались. А на следующий день Япония капитулировала. Единственный боевой вылет. Но Павла Ивановича было за что уважать — на его груди блестел значок Военно-воздушной Краснознаменной академии. Перед приходом в отряд Беляев командовал уже эскадрильей.

На тужурке Владимира Михайловича Комарова — ромбик Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. На два года моложе Беляева. Коренной москвич. Можно сказать, что столица взрастила его. И самые яркие воспоминания — праздничная метель листовок над улицей Горького, когда встречали Чкалова, Байдукова и Белякова. Над детством, над юностью витали фамилии: Громов, Папанин, Ширшов, Кренкель, Водопьянов, Леваневский, Каманин, — знаменитые, героические названия — «Челюскин», «Лагерь Шмидта», «Станция «Северный полюс». Зимой сорок первого отец ушел на фронт, в нетопленой комнате они остались с матерью вдвоем. Четыреста граммов хлеба, суп из горсточки пшена, чай из морковки с крошечкой сахарина... Любимая поговорка: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!» Умные, немного грустные глаза. Юрий познакомился с Владимиром в госпитале на первой комиссии и сразу проникся симпатией. Сидели в ожидании вызова к врачу, и тут в комнату вошел, как тогда показалось, немолодой уже офицер с академическим «ромбиком». Юрий подумал, что человек, быть может, ошибся дверью, и спросил, по какому он делу.

— Предлагают какую-то непонятную летную работу. Но я не расспрашивал, сразу согласился, — просто ответил Комаров, не обращая внимания на иронию молоденького старшего лейтенанта...

Подошел, отряхиваясь от снега, Георгий Шонин.

— Ну что, Юра, как говорят у нас в Одессе, победила дружба?

С ним старые друзья, приехали сюда, как выражался тот же Георгий, «из родного Заполярного круга». Служили в разных полках, но летали вместе, в одном небе. А познакомились на земле, играли в баскетбол — капитан «морской» команды, ибо летчики части, в которой служил

Георгий, носили черную форму в отличие от приехавших из Оренбурга собратьев.

Георгий родился в Ровеньках Луганской области и до сих пор помнил рев фашистских самолетов, когда шестилетнему мальчишке хотелось спрятаться, забиться в какую-нибудь щель, чтобы не видеть ни взрывов, ни людей, кричащих от ран. Городок заполонили немецкие бронемашины, танки, самоходные орудия. Жоре пришлось ютиться в сараях и погребах. После войны — разруха, неурожай. Многим пришлось оставить школу, уезжали в ремесленное училище, чтобы не быть лишним ртом. Георгий продержался до окончания семилетки, и однажды очутился на тихом перекрестке Молдаванки, отыскивая ворота с проржавевшей табличкой: «Одесская спецшкола ВВС». Затем Военно-морское авиационное училище имени Сталина. Практика не только летная, но и морская — на паруснике-бриге «Седов». Служба в балтийском небе. Переезд на Север. Не успел освоиться, приглашение на новую работу. Узнал: в среднем из пятнадцати человек все этапы обследования проходил один. Консультировался у Юрия, прошедшего эту комиссию раньше.

— Тебя оставят, Жора, — успокаивал тот, — не боги горшки обжигают.

И вот теперь они шли рядом по заснеженной аллее старинного московского парка.

Присоединился еще один товарищ — Гера, Герман Титов. Он тоже уже кое-что успел за свои четверть века. Гордится Алтайским краем, домиком, что стоял у самой дороги, четырьмя тополями, которые посадил приехавший учительствовать в село Полковниково отец. Дом как дом. Сени, две комнаты, в одной — русская печь и полати, в другой — кровати и камелек. Речка Бобровка, озерцо, в котором ловил рыбу. В небо позвал тот же самый голос — с высот Чкалова, со льдины Папанина. С Юрием соседи по дому.

Вот так и знакомились, и получалось, что жизни у всех одинаковые. Справедливо заметил Герман: «Знаете что, ребята, все мы родня. Мы из одного советского дома. Из одного поколения, к которому в детстве прикоснулась война. Мне кажется, что именно годы войны сыграли главную роль в формировании нашего поколения. И послевоенные. Нельзя было жить спокойно, бездумно, без труда. Надо было иметь цель и стремиться к ней. Я не хочу этим сказать, что только в нужде и лишениях

можно воспитать характер, только в этих условиях вырастают настоящие люди. Нет. Но тем не менее благополучие, красивая жизнь расхолаживают неопытный и незрелый ум юноши. «Нужда учит, счастье портит» — эти слова любил повторять Циолковский. Как хотите, но он, помоему, прав».

«В самом деле, — размышлял сейчас Юрий, — мы совершенно не похожи на тех, кого любят изображать фантасты». Он перечитывал «Туманность Андромеды» И. Ефремова и не находил, что кто-то из его товарищей хоть капельку напоминает начальника тридцать седьмой звездной экспедиции Эрга Ноора.

Но космос! Космос остается таким же, по которому мчится фантастический Эрг Ноор!..

Юрий посмотрел на звезды. Для полета к ним, быть может, нужны действительно сверхлюди? А кто они, идущие по аллее? Летчики, набравшие минимум «небесных» часов? Только Павел Попович летал на сверхзвуковых. Но ведь на самолетах!

Ни Юрий, ни его товарищи не могли и предполагать, что медики предъявят к ним требования, как к героям фантастических романов.

У входа в госпиталь остановились.

— Ну что, перед отбоем устроим проверочку? — предложил Андриян. — Скажи-ка, Юра, что это за три такие белые звездочки, вон там, поюжнее?

Юрий замялся.

— По-моему, это Орион, — вмешался Герман. — Смотрите, похож на пояс охотника, а на него мчится разъяренный бык — Телец, а рядом два верных друга — Большой Пес и Малый.

— Правильно, — сказал Андриян, который лучше всех разбирался в созвездиях.

— А вон та, что ближе к зениту, желтоватая, Капелла, — поспешил Юрий.

— А какая главная звезда Большого Пса? — окончательно взял на себя роль экзаменатора Андриян.

— Конечно же, Сириус, господин профессор, — усмехнулся Гагарин. — Могу добавить, что это одна из самых близких к нам звезд. В полете со скоростью десять километров в секунду до нее можно добраться за триста тысяч лет.

Еще долго топтались на снегу, отыскивая Близнецов, Плеяды, Возничий, Единорог... Странно, люди дали на-

звания звездам по земным понятиям, придумали мифы, сказки, легенды. Еще не умея летать, они оживляли небо, приближали его к Земле. Но что же такое космос? Невозможно вообразить, что в этом мерцании тысяч глаз — не любопытство к нашей планете, а враждебность чужого, страшного мира.

Да, враждебного, ибо Земля не была бы тогда в спасительной оболочке. Стратосфера — сорок-пятьдесят километров, за ней еще три воздушных слоя, отличные один от другого. И там совсем неземные странности. Начиная с высоты сорока километров разреженный воздух начинает теплеть. Затем опять холодеет. Но примерно с мезосферы температура стремительно растет, достигая полутора тысяч градусов. Растопленный воск на крыльях Икара? Нет, там даже металл не расплавится, потому что на такой высоте воздух очень разрежен. Да, с восьмидесяти километров начинается термосфера, за ней — экзосфера, последний известный на сегодня слой воздушной оболочки Земли. Атмосферное давление там почти в десять миллиардов раз меньше, чем у поверхности нашей планеты. Ну как себе все это представить, если для незащищенного человека космос начинается, по существу, с пяти километров — трудно дышать, кислородная недостаточность, кессонная болезнь... Как ты летал, Икар? Ведь, поднявшись всего лишь на шестнадцать километров, ты бы погиб от вскипания крови...

Из рук в руки передавали только что вышедшую книгу «Человек в условиях высотного и космического полета» — сборник переводов из иностранной периодической литературы. Юрий выпросил на вечерок и до утра не мог оторваться. Нет, это была не фантастика.

«Следует иметь в виду, — писал автор, — что при полете и в верхних слоях атмосферы, и за ее пределами живой организм может столкнуться с рядом крайне неблагоприятных внешних факторов. Основные из них: высокие степени разрежения воздуха и, следовательно, ничтожно низкое барометрическое давление; отсутствие молекулярного кислорода, а в определенном слое атмосферы — высокие концентрации озона; наличие ультрафиолетовой радиации, космических лучей и других видов ионизирующего излучения; метеориты; высокие и низкие температуры; состояние невесомости, большие ускорения, связанные с полетом на ракете».

Лик космоса. «На расстоянии тридцати шести — сорока километров от поверхности Земли для первичной

космической радиации и сорока двух — сорока пяти километров для ультрафиолетовой радиации начинает проявляться биологическое поражающее действие этих видов радиации, так как вышележащий слой атмосферы Земли недостаточен для их поглощения». Резкие контрасты света и тени. Кромешная темнота космического пространства. «Все это обусловливает необычное условие для адаптации сетчатки, аккомодации хрусталика и конвергенции глазных яблок». В невесомости вестибулярный анализатор и другие органы чувств будут находиться в необычном состоянии. «Вероятно, отсутствие влияния гравитационного поля Земли отразится на вегетативных функциях организма и, в частности, на кровообращении».

Зачем, для чего лететь в этот ад?

«Все это, вместе взятое, в сочетании с некоторым нарушением привычного ритма жизни (смены дня и ночи, труда и отдыха) может привести, если не будут разработаны соответствующие мероприятия, и в частности необходимые физические упражнения и нагрузки, к серьезным психическим расстройствам и вегетативным нарушениям, особенно со стороны гемодинамики, что повлечет за собой ряд дистрофических расстройств».

Автор одной из статей высказывал любопытную мысль. Он писал, что ему никогда не приходилось слышать о «плазменном двигателе», но сам по себе этот термин напоминает ему совершенно другого рода «плазменный двигатель», а именно самого человека, который продолжает оставаться в своем старом виде, не претерпевшем с доисторических времен никаких технических усовершенствований. Если для полета в космос нужно много сделать помимо того, что уже достигнуто с помощью современных летательных аппаратов, то еще больше труда надо затратить для того, чтобы отобрать, натренировать и испытать самого человека. В самом деле, что он будет чувствовать?

Кто мог поведать об ускорении, когда ракета срывалась со стартового стола, об утяжелении крови, таком сильном, что глаза застилала то черная, то красная пелена? А вибрации? Врачи говорили, что вибрация влияет на ту стадию деления клеток, во время которой начинается расхождение половинок хромосом. Предполагалось, что при уровне шума сто двадцать децибел наступают серьезные ухудшения в речевой связи. При вхождении корабля в атмосферу во время возвраще-

ния на Землю температура его головной части и теплозащитной оболочки достигает двух тысяч градусов. А давление? Взрывная декомпрессия? Из иностранных источников было известно, что при давлении в два миллиметра ртутного столба собака и шимпанзе впадали в шоковое состояние. В этот момент у них можно было наблюдать раздутие тел, конвульсии, затрудненное дыхание. Некоторые психологи полагали, что особую угрозу для человека, отправившегося в космос, будут представлять его изолированность и сенсорный голод — скудность стимулирующих воздействий на органы чувств. Уверяли, что космонавт испытывает ощущение отрешенности, которое описывали пилоты высотных реактивных самолетов и воздухоплаватели. Правда, об этом состоянии рассказывали неохотно из-за слишком интимных переживаний. Но нет-нет да и проскальзывали признания, что в это время человек чувствовал себя «властелином Вселенной» или «словно был в другом мире». Один из воздухоплавателей признавался, что в такие минуты он как бы принадлежал скорее космическому пространству, нежели Земле. Другие сетовали на оторванность, занебесный отрыв от остального мира, ожидание чего-то необычного, а иногда даже состояние эйфории, повышенно-радостное возбуждение. Нетрудно было представить себе поведение пилота в аварийной ситуации.

Так вот какое ты, небо, горящее мириадами звезд! Как замечательно все-таки просто ходить по земле, по искрящимся белым снегам, по зеленой траве-мураве, да хотя бы по этому асфальтированному тротуару, дышать бодрящим морозцем или медовым настоем старинных лип — летом, после грозы, слушать таканье светлых, стекающих с веток капель, видеть тучу, уходящую за горизонт, а за ней, над ней золотую, салютную вспышку заходящего солнца. Да, жизнь — только здесь, на Земле, такой еще молодой по сравнению с мирами кипящими, взрывающимися в необъятных, немыслимых далях Вселенной.

Атмосфера, тропосфера, термосфера и экзосфера. Но есть другое понятие — биосфера — оболочка Земли, ее жизнь. Вернадский — как раньше не знал о нем Юрий?

«В биосфере существует великая геологическая, может быть, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и

организованная воля его как существа общественного. Проявление этой силы в окружающей среде явилось после мириадов веков выражением единства совокупности организмов — монолита жизни — «живого вещества», — одной лишь частью которого является человечество.

Но в последние века человеческое общество все более выделяется по своему влиянию на среду, окружающую живое вещество. Это общество становится в биосфере, то есть в верхней оболочке нашей планеты, единственным в своем роде агентом, могущество которого растет с ходом времени со все увеличивающейся быстротой».

Как это похоже на то, о чем говорит Циолковский!

«Поток человечества, животных и растений непрерывно выходит из Земли и непрерывно в нее возвращается. В общем, приход превышает расход. Вся масса Земли как бы стремится обратиться в живое».

Все взаимосвязано. Но космос — может быть, это не только враждебный мир, а, наоборот, праматерь всего живого? Почему звезды так притягивают наши взоры? Только ли любознательность? И опять Циолковский:

«Многие думают, что я хлопочу о ракете и забочусь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы грубейшей ошибкой. Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель...»

Все имеет причину и следствие. Все находится во внутренних связях. А тайны — они иногда открываются мягким падением яблока, упавшего с ветки, как Ньютону — закон всемирного тяготения. Он сидел в саду, пил чай и, обернувшись на яблоко, спросил себя: «Почему яблоко всегда падает отвесно, почему не в сторону, а к центру земли?»

Он думал и о «маленьких лунах». Если на вершине горы установить пушку и выстрелить из нее, траектория снаряда опишет эллипс, второй фокус которого в центре земли. Когда снаряду будет придана большая скорость, он полетит по круговой орбите и станет спутником нашей планеты — рукотворной Луной. Более сильный выстрел превратит траекторию сначала в эллипс, затем в параболу, в гиперболу, и снаряд навсегда уйдет в космическое пространство. Маленькие советские луны уже огибают Землю.

И все же, для чего людям космос?

Еще в 1902 году Циолковский отвечал на этот вопрос

так: «1. Изучение Вселенной, общение с братьями. 2. Спасение от катастроф земных. 3. Спасение от перенаселения. 4. Лучшие условия существования, постоянная желаемая температура, удобство сношений, отсутствие заразных бактерий, лучшая производительность Солнца. 5. Спасение в случае понижения солнечной температуры и, следовательно, спасение всего хорошего, воплощенного человечеством. 6. Беспредельность прогресса и надежда на уничтожение смерти».

Дух пророчества и в других его строчках: «Судьба существ зависит от судьбы Вселенной. Поэтому всякое разумное существо должно проникнуться историей Вселенной. Необходима такая высшая точка зрения. Узкая точка зрения может привести к заблуждению... Мы живем более жизнью Космоса, чем жизнью Земли, так как Космос бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе и времени... Земле выпала, хотя и тяжелая доля, которая выпадает на биллионную часть планет, но очень почетная: служить рассадником высших существ на пустых солнечных системах...»

Встать на высшую точку зрения... Циолковский на ней стоял. Его повесть «Вне Земли» читалась как отчет о действительном космическом полете. Верилось, что где-то между величайшими отрогами Гималаев стоит красивый замок. По вечерам после заката Солнца в обширной стеклянной зале собираются шестеро ученых — француз, англичанин, немец, американец, итальянец и русский, — через прозрачный купол они смотрят на бесчисленные звезды, вспоминают о только что совершенном полете. Какой это год? Циолковский называл 2017-й... И писал не только о полетах к другим планетам. Его взгляд обращался к Земле. Что она из себя представляла в том году?

«Войны были невозможны. Недоразумения между народами улаживались мирным путем. Армии были очень ограничены. Скорее это были армии труда. Население при довольно счастливых условиях в последние сто лет утроилось. Торговля, техника, искусство, земледелие достигли значительного успеха... Мирно шествовало человечество по пути прогресса. Однако быстрый рост населения заставлял задумываться всех мыслящих людей и правителей».

Жители гималайского дворца вспомнили об идее, которую еще в 1903 году высказал один русский мыслитель, — возможности технического завоевания и исполь-

зования мировых пустынь. Циолковский имел в виду себя, но из скромности фамилию опустил.

И вот однажды планету облетела телеграмма: «Десятого апреля 2017 г. Первого января этого же года мы, нижеподписавшиеся, в числе двадцати человек, вылетели на реактивном приборе из местности, находящейся в долине Гималайских гор. Сейчас на своей ракете мы летаем вокруг Земли, на расстоянии за тысячи километров, делая полный оборот в сто минут... За подробностями обратитесь к месту нашего вылета, куда доставлены подробные сведения о наших удачах. Там вы можете найти все указания для постройки необходимых для полета реактивных приборов».

Юрий посмотрел на календарь. До 2017-го еще пятьдесят семь лет, а их уже готовят в космос. Но прежде чем один из них — самый первый — туда полетит, нужно пройти, как кто-то сказал, все круги Дантова ада. Таков космос, он мрачнее тех пропастей, по которым поэта повел Вергилий. Врачи не рифмовали строки, рассказывая об опасностях, поджидавших людей во время полета. Их круги назывались «факторами».

Первый: факторы, зависящие от физического состояния самой среды, — глубокий вакуум, иной, чем на Земле газовый состав, резкое колебание температуры, различные виды ионизирующей радиации, метеоритная опасность. Второй — все зависящее от ракетного полета: шум, вибрации, сильные перегрузки, невесомость. Третий — искусственная атмосфера в космическом корабле, ограниченные размеры кабины, снижение двигательной активности, эмоциональное напряжение, нагрузки на нервы и психику. Абсолютная тишина. И наконец, неудобства, связанные с пребыванием в специальной одежде.

В «Божественной комедии» Вергилий-учитель повел Данте по опасным кругам. Кто поведет их в это усеянное звездами пространство? Кто научит терпению, выдержке, отваге? Ведь это не поэма, не «Божественная комедия», а человеческая драма: зачеркнуть все, чего достиг, и очутиться перед лицом неведомого. Юрий садился на садовую скамейку под деревьями с уже крупнеющими почками, размышлял.

Опять выбор. Выбор чего? И каждый день как будто на грани. Вчера двоих отчислили из отряда из-за каких-то пустяков, на которые никогда не обращает внимания летная медицина. «Летайте, ребята, но не выше страто-

сферы...» И было непонятно, то ли огорчились, то ли обрадовались кандидаты в космические полеты. А один сам не сдержался — здоровый парень, пришел к начальству, заявил: «Надоели мне эти ваши эксперименты. Я летчик, а не подопытный... Прошу отозвать в часть». Юрию объяснил более откровенно: «Найдут зацепку, забракуют, и не то что в космос — не допустят к полетам на самолетах, так и в полк не вернешься».

Кто знает, быть может, по-своему этот парень был прав.

Перед ними сидел седой человек в погонах Главного маршала авиации. На тужурке поблескивала Золотая Звездочка Героя, под которой Юрий разглядел разноцветные планки четырех орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени, медалей было не счесть. Под густыми бровями мягкие, по-отцовски впитавшие огромную суровую жизнь глаза.

— Смотри, сам Вершинин? Константин Андреевич? — подтолкнули Юрия.

Да, перед началом занятий группы их принимал Главный маршал авиации. Это уже что-то значило, когда молоденькому лейтенанту удается увидеть столь высокое, можно сказать, поднебесное начальство.

Рядом с ним сидел их старый знакомый, впрочем, тоже только по книгам, небольшого роста, пожалуй, даже пониже Гагарина, «дробенький», как сказала бы мама. Но сила угадывалась под генеральскими погонами, а в ясном лице — открытость и прямота. На его кителе тоже сверкала Звездочка. Николай Петрович Каманин. Тот самый, что в день рождения Юрия пробивался к челюскинскому лагерю. Их будущий наставник?

Маршал обвел их всех взглядом, таким простым, как будто давным-давно знал каждого, и проговорил, напутствуя на задание:

— Пора, товарищи, пробиваться в космос и человеку. Отобраны самые крепкие. Мы знаем по отзывам ваших врачей. Но этого мало. Никто еще не был в космосе. Никто из людей не летал на таком, — маршал помялся, подбирая нужное слово, — аппарате. И тут еще, кроме прочего, нужны мужество, выдержка, мастерство. В вас эти «гены» заложены — все вы летчики-истребители. Мы долго думали, кого посылать, и решили, что в космос лететь должен летчик. Почему? Судите сами. Летчик

уже хотя бы частично знаком, так сказать, пощупал собственным организмом и своими глазами, что такое большие скорости, высота полета, перегрузка, вибрации, шум... Он может подавлять иллюзионные представления о положении в пространстве, не теряться в ситуациях, требующих быстроты, точности в действиях, находчивости и целеустремленности. Я уже не говорю о том, что все вы знаете средства радиосвязи, пилотажно-навигационное оборудование, вам не чужда электроника, ну и с парашютом прыгать пришлось не раз. Но не каждый летчик может стать космонавтом. Поэтому начинать придется с азов.

Маршал отвел глаза, что-то припоминая, а когда снова взглянул на летчиков, оживился:

— В войну я командовал самолетами в небе Кубани. Вам, конечно, известно имя Александра Покрышкина. Вот пример. Летчиков у меня было много, а Покрышкин — один. Он не просто летал на задания. Он вывел формулу воздушного боя: «Высота — скорость — маневр — огонь». Покрышкин успешно применял тактический прием, названный им «соколиным ударом». Это внезапная, молниеносная атака сверху, завершающаяся метким огнем с предельно малых дистанций. Но учтите — это не безрассудная храбрость, а точный расчет. Его землянка на полевом аэродроме шутливо именовалась «конструкторским бюро». Все стены в схемах, чертежах воздушных маневров. В общем, искали, думали и творили. От космонавта требуется то же самое. Я бы сказал так: человеку, направляемому в космос, необходимо обладать осознанным мужеством. Ожидаемые трудности огромные, а неожидаемых мы просто не представляем. Говорю вам как летчик летчикам. У каждого из вас еще остается возможность вернуться к прежнему делу. Но времени мало. Его все меньше. Настал час выбора...

Маршал изменился, потеплел лицом.

— Если напугал, извините. Но с ним, думаю, не пропадете. — И указал на сидевшего рядом генерала. — Николай Петрович Каманин. Представлять я думаю, что не надо. Из первой семерки героев, спасших челюскинцев. В годы войны командовал штурмовой дивизией, затем корпусом...

Повернулся к Каманину:

— Николай Петрович, сколько в твоем корпусе к концу войны было Героев?

Каманин не ожидал этого вопроса, потер лоб:

— Кажется, семьдесят пять. Нет, семьдесят шесть, — тут же уточнил он.

— Ну вот, ему и карты в руки, — сказал Вершинин, — и вас будет учить на героев. А это Евгений Анатольевич Карпов, который возглавит вашу группу.

Так вот, оказывается, кем был, вернее, кем назначался молчаливо сидевший в сторонке плечистый, с пышной шевелюрой мужчина. Где-то они с ним встречались. Юрий вспомнил: во время медицинских обследований последнего отбора. Спокойный внимательный человек, из таких, к кому при первом знакомстве не постесняешься обратиться за добрым советом.

14 марта 1960 года через проходную Центрального аэродрома имени М. В. Фрунзе прошли двадцать человек — кандидатов в космонавты.

«Из нескольких тысяч летчиков, прошедших исследование на местах, в Москву на повторное (уже госпитальное) обследование были приглашены полторы сотни человек. К осени 1959 года в число тех, с кем предстояло вскоре начинать подготовку к космическим полетам, медиками рекомендовались три десятка соискателей, успешно прошедших сквозь плотные и различные по своему характеру, многократно повторенные медицинские проверки. В итоге же первичного двухступенчатого отбора было зачислено ровно двадцать кандидатов в состав слушателей-космонавтов», — свидетельствует Е. А. Карпов.

Через проходную пропускали по списку в порядке алфавита: Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин... Здесь названо только двенадцать человек. Других долгое время было принято называть лишь именами: Валентин, Марс, еще Валентин (Дед), Анатолий, Иван, Григорий, Дмитрий и Валентин-младший.

Где вы сейчас, однокашники летчиков, каждый из которых мог стать космонавтом? Каким светом дотрагиваются до вашей памяти ночные звезды, заглядывающие в окна? Много лет спустя по законам авиабратства их поименно вспомнил Георгий Шонин.

Но пока они были вместе, все двадцать, и, столпившись у края аэродрома, над которым московское небо

вдруг распахнулось в голубую необъятную ширь, припоминали Чкалова. У Юрия было ощущение, будто Чкалов, сойдя с оренбургского пьедестала, воскреснув, привел его сюда, к началу другого будущего. Но и в самом деле, разве не из рук в руки передавали его небу, а теперь и космосу не столь знаменитые, но прекрасные люди — Мартьянов, Акбулатов, Росляков. Да-да, Гжать впадает в Вазузу, Вазуза — в Волгу, Волга... в Урал, Урал... в Северный Ледовитый океан. И все это вбирает в себя московское небо, где за волокнистыми прядями облаков таится пронзенный солнечным светом космос.

На первом занятии им назвали основные курсы лекций: «Механика космического полета», «Авиационная и космическая медицина», «Астрономия», «Геофизика», «Кинофотосъемка», «Ракетная техника». Это теория.

Практика: прыжки с парашютом, вращение на центрифуге, тренировки на невесомость, которая будет имитироваться в самолетах, испытания на одиночество в сурдокамере, «подъемы» в барокамерах, проверки в термокамерах, учебно-ознакомительные катапультирования на наземной установке, различные вестибулярные исследования. К этому добавлялось посещение различных предприятий и научно-исследовательских организаций, где создавался корабль «Восток».

В. И. Яздовский, Н. Н. Гуровский, О. Г. Газенко, А. Р. Котовская... Пока что незнакомые фамилии преподавателей. Учителями по небесной механике, механике космического полета и ракетной технике назначались профессор М. К. Тихонравов, доктор технических наук Б. В. Раушенбах, инженеры К. П. Феоктистов, О. Г. Макаров, В. И. Севастьянов, А. С. Елисеев.

Михаил Клавдиевич Тихонравов всем своим видом — небрежно, но опрятно одетый, — напоминающий Юрию профессора, очертил на доске мелом круг, над ним еще больший, провел стрелочки векторов, обозначил их буквами и, повернувшись, спросил, кто из слушателей помнит первый закон Ньютона.

Юрий удивился: при чем тут механика космического полета?

— Вот вы, молодой человек, простите, товарищ старший лейтенант, — перехватил профессор взгляд Юрия.

Юрий встал, задумался, припоминая. Первый закон. Закон инерции?

— Всякая материальная точка находится в состоянии равномерного прямолинейного движения, пока и поскольку приложенные силы не заставят ее изменить это состояние.

Он проговорил это с волнением, не совсем уверенный в правильности ответа.

— Хорошо, — сказал профессор. — Второй закон я напомню сам. Ускорение материальной точки пропорционально действующей на нее силе и направлено в ту же сторону, что и сила. Садитесь, молодой человек. Мы сталкиваемся с двумя основными задачами механики космического полета: определить силы, с помощью которых можно управлять космическим аппаратом, заставляя его совершать заданное движение, и определить движение космического аппарата, если известны действующие на него силы.

Из объяснения Михаила Клавдиевича явствовало, что основным средством передвижения в мировом пространстве является ракета — открытие, сделанное К. Э. Циолковским еще в 1903 году. Есть атмосфера или нет ее, ракетный двигатель осуществляет одну и ту же задачу: тем или иным способом он выбрасывает некоторую массу, запас которой находится внутри ракеты. Срабатывает закон — действие равно противодействию. Ракета приходит в движение.

Профессор вычерчивал круги, эллипсы. Да, орбиты планет суть эллипсы, в одном из фокусов которых находится Солнце. Это первый закон Кеплера, того самого, что триста пятьдесят лет назад писал Галилею:

«Стоит лишь кому-нибудь выучиться искусству летать, а недостатка в колонистах из нашего человеческого рода не будет. Кто поверил бы в прежние времена, что плавание по безбрежному океану спокойнее и безопаснее, чем плавание по узкостям Адриатики, Балтийского моря или пролива Ла-Манш? Дайте лишь корабль и приладьте парус, способный улавливать небесный воздух, как тотчас же найдутся люди, которые не побоятся отправиться у такую даль. Словно отважные путешественники завтра столпятся у дверей, спешим мы обосновать для них астрономию...»

Михаил Клавдиевич наматывал орбиты спутников и кораблей, как нитки на клубок, стягивал планеты замысловатыми крючочками формул, и небо распахивалось шире и шире, и действительно словно снежной поземкой

взвихривался Млечный Путь, и звезды вытаивали за окном под утро, когда, засыпая, Юрий склонялся над книгой.

Легко сказать, но как себе все это представить — космическую скорость, громадный расход энергии, чтобы преодолеть силу притяжения Земли? Двигатель ракеты, который выведет на орбиту корабль, должен развить мощность в 20 миллионов лошадиных сил. Это в три раза больше мощности Красноярской ГЭС. Какое еще сравнение приводили на лекциях? В годы войны наша авиационная промышленность выпускала до 55 тысяч самолетов в год, мощность моторов всей этой воздушной армады потрясающа. Но вся эта сила слабее шести ракетносителей космических кораблей. Юрий еще в глаза не видел ракеты. Что это за сооружение? Общая длина 38 метров, диаметр 10,3 метра. Выводимый на орбиту полезный груз — 4725 килограммов. Космос не небо, его не измерить километрами. Здесь нужны другие параметры, другая психология восприятия расстояний. И все-таки невозможно представить, что это такое, световой год, — путь, который луч света, несущийся со скоростью триста тысяч километров в секунду, проходит за год? Какая-то чепуха — разве можно сказать о свете, что он «идет», «мчится», «несется»? Такого и слова-то нет в языке. Свет светит. Так что же это такое: диаметр Галактики достигает 85 тысяч световых лет? Ее центр где-то там, в направлении созвездия Стрельца. Все в вечном движении. Солнечная система отстоит от центра Галактики на двадцать три тысячи пятьсот световых лет и движется вокруг него со скоростью двести пятьдесят километров в секунду. Вот это полет! Один оборот вокруг ядра Галактики Солнце совершает за сто восемьдесят миллионов лет. Значит, в этом отношении человечество не прожило еще и одного космического года!

Как здесь сориентироваться человеку? Нужны совсем другие координаты. Вон там, у «хвостика» созвездия Большой Медведицы, Северный полюс мира. Если провести воображаемую плоскость через центр Земли перпендикулярно оси ее вращения, мы получим экватор нашей планеты, а в пересечении с воображаемой небесной сферой — небесный экватор. Точки пересечения небесного экватора с эклиптикой, то есть замкнутой кривой, которую Солнце описывает среди звезд в течение года, носят в небесной механике название точек весеннего и осеннего равноденствия. При расчете траекторий косми-

ческих аппаратов в качестве одной из координатных осей часто принимается направление из центра Земли в эту точку, точку весеннего равноденствия. И все-таки, на какую площадку нужно встать, чтобы увидеть крошечный шарик Земли, а дальше, но в масштабе Вселенной, неподалеку три тоже не очень большие планеты — Меркурий, Венера, Марс. Это соседи, а вот Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон — это уже совершенно невообразимо... Юпитеру требуется почти двенадцать лет, чтобы совершить свой путь вокруг Солнца на среднем расстоянии примерно пять астрономических единиц. Одна единица — а. е. — это небольшой шажок в 150 миллионов километров от Солнца до нашей Земли.

После лекции Юрий получил в библиотеке давно желанные книжки К. Э. Циолковского и, придя домой, с нетерпением сел за стол. Одна из книжиц называлась «Исследование мировых пространств реактивными приборами» — первая в мире научная работа, посвященная теории реактивного движения. С помощью такого аппарата Константин Эдуардович обосновывал возможность осуществления межпланетных полетов. Вот провидец!

Чем больше Юрий вчитывался в страницы, тем понятнее становился ему и сам Циолковский — такой далекий от него и вместе с тем такой теперь близкий человек. Юрий даже как бы перенесся в Калугу, прошелся по крутой улочке, поросшей подорожником, к домику, глядящему тремя окошками. Домик крайний, за ним почти от самого порога широкая луговина до проглядывающей белой лентой Оки, раскидистая ракита; на том берегу лесок. В самом деле, как это все близко сердцу, и совсем нетрудно представить себе человека с седой спутанной бородкой, с длинными волосами учителя гимназии, то ли подслеповатого, то ли излишне рассеянного в своей непрерывной думе. Но нет: ясные, проницательные глаза глядят из-под очков, глаза, которые видят не только ракиту, усыпанную чирикающими воробьями, но Вселенную до самой крохотной звездочки на краю серебристого Млечного Пути.

Вот он — Мечтатель, его Учитель, ведущий теперь с ним, Юрием, особый разговор со страниц своих необычных работ...

«Сначала мечта, да, мечта, фантазия... В юности я увлекся Писаревым. Он считал, что человек, работающий для осуществления своей мечты, счастлив, несмотря

ни на какие лишения и насмешки неверующих. Счастье, говорил он, в том и состоит, чтобы влюбиться в такую идею, которой можно посвятить всю свою жизнь...

Я пережил однажды минуты необыкновенного восторга. Может быть, они и были началом мечты, которой я отдал все силы. Мне показалось после довольно длительных раздумий, что для поднятия за атмосферу, в небесное пространство, можно применить центробежную силу. Представьте себе, эта идея осенила меня в шестнадцать лет. Я был так взволнован, даже потрясен, что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу... Целую ночь не спал, бродил по Москве — я тогда пытался поступить в ремесленное техническое училище, преобразованное потом в Бауманское, и остался в стольном граде, чтобы продолжать самообразование — бродил, думал о великих следствиях моего открытия. Но, увы, еще доро́гой понял, что заблуждаюсь: будет трясение машины и только. И уже к утру убедился в ложности моего изобретения. Однако недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне и поднимался на нем с великим очарованием... Я видел во сне, что поднимаюсь к звездам на своей машине... Эта ночь на всю мою жизнь оставила след».

Звезды проступали на небе, как будто кто-то невидимый зажигал их там одну за одной. И Юрий наслаждался этим трепетным мерцанием бездны и будто видел удивительного старика. От реки тянулся белесый туман, как Млечный Путь, до которого было каких-то двадцать-тридцать шагов...

«Только много позже я уяснил, на каком летательном аппарате можно развить нужную скорость. Это — ракета. Не жалкий полет ракеты пленил меня, а точные расчеты. Вычисления могли указать мне и те скорости, которые необходимы для освобождения от земной тяжести... Одиннадцать тысяч сто семьдесят метров в секунду, то есть свыше десяти верст. При такой скорости человек, не принявший особых мер предосторожности, будет убит на месте, расплющен о заднюю стенку своего воздушного экипажа. Это все равно как если бы снаряд ударил в нас, спокойно сидящих на лавочке. Но ведь скорость может возрастать и постепенно. Кроме того, путешественника можно погрузить в жидкую несжимаемую среду, чтобы ослабить действие инерции и дать ему возможность безвредно перенести момент отделения от земли.

Далее, в полете, пассажиру предстоит приучиться к неведомому на Земле ощущению отсутствия силы тяготения...»

А вот его же светло-зеленая книжка: «Цели звездоплавания». Издана в Калуге в 1929 году. Здесь не только технические вопросы.

«До сих пор мы говорили о покое и движении в жилищах. Но каковы же наши ощущения будут вне их в безграничном просторе Вселенной, на ярких и жгучих лучах Солнца?

Уже через окна здания мы многое можем видеть. Небо черное. Узоры звезд такие же, как и на Земле, только меньше красноты в звездах, больше разнообразия в их цветах. Они не мигают, не искрятся и при хорошем зрении кажутся мертвыми точками (без лучей). Солнце тоже кажется синеватым. Звезда представляется звездой, как Венера, а наша Луна едва заметна... Видно простыми глазами то, что на Земле нельзя видеть без телескопа. С помощью же последнего можно узреть, что совсем и никогда с Земли не видели...

Трудно представить себе, что чувствует человек среди Вселенной, среди этого мизерного черного шара, украшенного разноцветными блестящими точками и замазанного серебристым туманом. Нет ничего у человека ни под ногами, ни под головой...»

«Мы предполагаем это начало жизни уже готовым. Нам остается только описать его. Но как оно приготовлено на Земле и перенесено в эфир — это нас не касается...»

Юрий не знал, что в эти часы мечту Циолковского отстаивает его ученик Сергей Павлович Королев.

Из кабинета в коридор выходили ученые, инженеры, конструкторы. Только что закончилось совещание, лица у всех возбужденные. Появился Королев — во всей его позе, в выражении глаз желание спорить, убежденность в правоте.

— Заседали три часа, а единого мнения нет, — говорил один из участников совещания. — Завтра докладывать в ЦК. Там всегда требуют ясности. Пусть горькой, но правды. И обстоятельности...

— Что же тут неясного, — отвечал другой ученый. — Создавать пилотируемый спутник преждевременно. Самый верный путь — автоматы. Ну, например, для нача-

да крупный, в несколько тонн, автоматический спутник. Начинить его аппаратурой...

— Нет, вы только представьте, это же уму непостижимо, — поддерживает его другой. — Как можно решить задачу возвращения с орбиты? Ваш спутник с человеком в скорлупе будет мчаться со скоростью 29 тысяч километров в час... Это же двадцать пять скоростей звука! И затормозить его надо так, чтобы приземлялся в тысячу раз медленнее. Фантастика! Да любой студент вычислит, что при этом у лобовой части аппарата должна возникнуть плазма с температурой в шесть-десять тысяч градусов!.. Как отвести тепло, чтобы ваш пилот, извините, не изжарился?

— Ну, на этот счет, — перебивал его собеседник, — уже найдены методы... Вы, я вижу, не знакомы с работами Келдыша, Петрова, Авдуевского.

Королев, все время сосредоточенно слушавший, вмешался в спор.

— Способ возвращения, говорите? Их несколько. Обычные крылья — раз. Торможение авторотирующими винтами, как у вертолета, — два. Мы предлагаем баллистический спуск, без подъемной силы с парашютной системой посадки. Форма аппарата — шар. При входе в атмосферу под углом пять-шесть градусов перегрузки не более девяти-десяти. Они продлятся не более минуты, что для тренированного летчика вполне переносимо... Покажите товарищам схему, — обратился он к ожидавшим помощникам.

— Жюльверны вы все, — вроде бы смягчаясь, силился улыбнуться главный оппонент. — А космические частицы? Это же страшнее атомной бомбы! Микроскопические невидимки... Одна, только одна такая бомбочка, прошей она спутник, способна поразить более пятнадцати тысяч клеток! В результате — поражение нервной системы, изменение состава крови, рост злокачественных опухолей! Вы о человеке думаете или нет, хочу я вас спросить?

— Есть еще одно «но», — нервно прикурив от зажигалки, вмешалась женщина, как видно, биолог. — Мы об этом уже говорили, но Сергей Павлович почему-то замалчивает проблему. Позвольте спросить, а что мы знаем о невесомости? Фактически ничего. Те сорок секунд, в течение которых в самолетах всплывали наши... как это вам сказать... тренируемые, цирковой аттракцион, не более. Но длительная, рассчитанная на полет по орбите

невесомость — это же тайна тайн! Человек миллионы лет был привязан к земле, жил в ее объятиях... И вдруг он теряет врожденное от природы ощущение! Что может статься с его хрупкой нервной системой? Я совершенно не исключаю, что в приливе новых, неведомых ощущений пилот может просто сойти с ума! Да, обезуметь! И вместо посадки, если ему будет доверено ручное управление, он улетит к Солнцу или куда-нибудь еще дальше в тартарары!

— Вы совершенно правы, — поддакнул ученый, — вон американцы... На своем «Меркурии» они планируют суборбитальный полет, невесомость в котором составит всего десять минут... Почему бы нам не пойти их путем?

— У нас разные орбиты, — многозначительно сказал Королев и повернулся к женщине: — Напрасно вы говорите, что я что-то замалчиваю. Я верю. Понимаете? Хотите, чтобы дал расписку? Пожалуйста. Состояние даже кратковременной невесомости, в котором пребывали наши летчики на самолетах, в пользу того, что ничего страшного в этом нет. Да, нервное напряжение будет велико и человек может на какое-то время растеряться. Но ему поможет автоматика! Если, разумеется, довести ее до совершенства... — Королев понизил голос: — И не правы те товарищи, которые считают, что мы должны идти за кем-то вослед. У нас свои головы на плечах, уважаемый коллега. Так же как абсолютно не могу согласиться, что первым космонавтом должен быть некий супермен с холодной кровью и железными, как у робота, нервами. Для первого полета нужно подобрать человека огромной нравственной чистоты, мужества, если хотите... настоящего патриота Родины. И мы найдем такого в нашем советском народе. Совершив подвиг, он предстанет перед всем миром во всей своей духовной и физической красоте, красоте именно советского человека. Думаю, что выбирать и готовить кандидатов в первый полет надо из летчиков...

...В кроватке завозилась, заплакала во сне Леночка. Опережая Валентину, Юрий вскочил из-за стола, подошел к девочке, подул осторожно на лобик в бисеринках пота — душновато было все-таки в комнате, а форточку открывать нельзя, простудится.

— Ложился бы, Юра, уже второй час, — сказала Ва-

лентина, и по совершенно бодрому ее голосу было ясно, что и она до сих пор не сомкнула глаз.

Юрий сделал вид, что собирается укладываться, но еще задержался за столом, только лампу прикрыл газетой. Не слишком ли он увлекся фантастикой? Только наладилась жизнь в северном гарнизоне, обещали квартиру, и опять тесная комнатенка. К чему он стремится? Не к яблокам же, нарисованным на обложке книжки — из оранжереи в космическом раю Циолковского?

Все-таки веселая история приключилась с теми учеными, что стартовали в Гималаях. Перегрузки при подъеме ракеты они перенесли благополучно, потому что находились в залитых жидкостью ящиках. Но вот вышли на орбиту, полет стабилизировался, и начались сплошные фантасмагории. Один не может понять, что с ним делается, не верит в свое движение, ни во что. Другому начало казаться, что сходит с ума и что он превратился не то в птицу, не то в рыбу. Все они не поймешь в каком положении: пятки сходятся с пятками, затылки с затылками... Всю утварь нужно привинчивать к стенкам. Но к чему стол, когда посуда не падает никуда? Все должно быть на привязи — и тарелки, и графины, и даже само кушанье.

Но вот взглянули в окна, и многие отпрянули с восклицаниями. Больше всего привлекла их внимание Земля. Она имела сперва полную фазу, то есть была в полноземлии. Но ракета быстро мчалась к востоку, и фаза уменьшалась. Земля принимала понемногу вид огромной вогнутой Луны в ущербе. Юрий задремывал...

Что его разбудило? Скрип форточки? Вместе с полившимся в нее предутренним воздухом в комнату проникли звуки пробуждающегося аэродрома.

Случайно или не случайно, но их двухэтажный домик, в котором поселился первый отряд, стоял действительно на краю знаменитого бетонного «круга». Здесь, на бывшей Ходынке, 50 лет назад в стареньком сарайчике один из первых русских летчиков Б. И. Россинский, запирал свой самолетик. А в 1918 году на этом аэродроме состоялся первый советский воздушный парад. Сохранился кинокадр: надвинув поглубже на лоб кепку, прищурясь не то от солнца, не то от какой-то очень веселой мысли, Владимир Ильич Ленин запрокинул голову вверх и весь как бы устремился восхищенным мечтательным взглядом к пролетающему аэроплану. Неуклюжий, тарахтевший словно по булыжной мостовой «фар-

ман» казался чудом. Вот здесь ходили Жуковский, Ильюшин, Туполев, Поликарпов, Яковлев, Микоян, Лавочкин... Со взлетных полос Центрального аэродрома взлетали Громов, Коккинаки, Водопьянов... Да, и еще одна взаправдашняя легенда — здесь испытывал ракетопланер Сергей Павлович Королев. Нет, не могло быть простым совпадением, что первые космонавты начинали звездный путь на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе. Да к тому же очень удобно — рядом Военно-воздушная академия имени Жуковского, по соседству спорткомплекс ЦСКА с плавательным бассейном. Учись не ленись.

«Это вы хорошо сказали, дорогой Эдуард Константинович, — размышлял сам с собой Юрий, — что нам остается только описывать необычное состояние космонавта между звездами и землей. И какими путями выбраться на орбиту — это вы удивительно точно предначертали. Воображение — великая вещь. Но вот вчера и Каманин и Карпов предупредили: пока не прочувствуем все жестокости космоса здесь, на Земле, не полетим. Нужны испытания сердца, нервов и психики. И еще здоровье и сила. По ним будут судить о готовности к старту».

Отряд космонавтов разделили на две группы. Первую предстояло готовить ускоренно, для ближайших полетов. вторую для более отдаленных. Вместе с Титовым, Николаевым, Поповичем и Быковским Юрий Гагарин попал в первую. Вспомнил, «оренбургский ускоренный выпуск».

Его жизнь продолжала набирать скорость.

Глава вторая

Врата первые предзвездные

Коренастый человек, — Гагарину показалось, что тот даже ниже его ростом, — подстриженный под «бокс», прохаживался перед ними неспешно, расспрашивал, кому сколько раз приходилось прыгать с парашютом. Гагарин насчитал пять: один в Саратовском аэроклубе, четыре — в училище. У товарищей было примерно столько же.

— Не густо, — подытожил назвавшийся Николаем Константиновичем Никитиным. «Неужели тот самый Никитин — мировой рекордсмен, военный летчик, испытатель, совершивший пятьдесят катапультирований?» —

Будем учиться снова, — продолжал он, — учиться падать. Вы должны уметь владеть своим телом в пространстве, менять характер движений, когда надо — прекращать непроизвольно возникшее вращение. Мы будем тренировать у вас смелость, глазомер. И все вы, конечно, знаете, что спуск с парашютом — один из вариантов приземления человека при возвращения из космоса.

— Мы не в аэроклуб приехали, — сдержанно, но все же с заметным раздражением произнес кто-то. — Нам говорили, что будут учить летать на ракетах, что мы первые, кто шагнет к звездам... Мы летали на самолетах, а вы разговариваете как с первоклашками. Конечно, если прикажете, будем прыгать.

Помрачневший было от этих слов, Никитин размягчился, с дерзкой веселостью ответил:

— Понятно... Вы думаете, что вы уже выпускники. Нет, друзья, вы еще действительно первоклашки. Насчет прыжков могу заверить — будете еще просить, чтобы разрешил дополнительные. Начнем, как начинают все, — с тренировочных вышек — тумб, с первого этапа обучения. Прыгать поедем в Поволжье.

— А Саратов оттуда далеко? — не удержался Гагарин.

— Далеко-недалеко, а с самолета увидите. Это я вам обещаю, — сказал Никитин.

Юрий просиял — значит, снова в места, где обрел крылья, и весь вечер, пока собирались в дорогу, напевал полюбившуюся когда-то песенку:

К нам в Саратов, к нам в Саратов,
На родимый огонек
Возвратился, возвратился
Синеглазый паренек.

Укладывавшийся рядом Павел Попович, ни разу, кажется, не упустивший случая подпеть, подхватил:

— Ух, ты, — сказали ребята, —
Парень, видно, быть первым привык.
— Ух, ты — вздохнули девчата, —
Сразу видно — фронтовик.

— Фронтовик не фронтовик, — засмеялся Юрий, — а... в первой группе...

— Вот именно, а... — усмехнулся Павел. — Никитин еще заставит нас попрыгать, или, как говорят на Украине, попидскакивать.

Вот оно, вот — родное саратовское небо. Думал ли, гадал Юрий, что вернется сюда через пять лет, чтобы снова обнять взглядом эту голубизну, эти облака, эти пашни, чернеющие в проталинах, эту ленту реки, которая из белой, льдистой, искрошившись, вот-вот превратится в переливчато-сизую.

Никитина уже именовали, как именуют учителя, — Николай Константинович. Но одно дело, когда преподаватель скрипит мелком по доске, а другое... С этим не сравнился бы ни один инструктор летной подготовки.

Надел на себя парашют, встал у дверцы Ан-2, поманил учеников к себе.

— Сейчас покажу вам ситуацию, в которой каждый из вас может очутиться.

Да, это не мелок и даже не ручка в ладони инструктора, надежной стеной и опорой летящего за тобой на «спарке».

Самолет взлетел, стоящие внизу подняли головы в ожидании, чему будет учить Николай Константинович. Вот наконец от машины отделился темный комочек. Никитин! Комочек приближался, все больше превращаясь в человека, который падал плашмя, раскинув в стороны руки и ноги. Наверно, он уже выдернул кольцо — пора! Но парашют почему-то не вышел, хотя ранец раскрылся. Николай Константинович падал все стремительнее, неотвратимее. «Запасной! Запасной!» — хотел крикнуть Юрий, чувствуя, как немеет от ожидаемой беды. И, словно услышав его, парашютист прижал одну руку, отчего положение тела сразу же изменилось и шелковый купол вспыхнул, вздулся на самой критической высоте над землей.

Через несколько минут Николай Константинович подошел к летчикам.

— Ну что, напугал? Явление, которое сейчас я вам показывал, называется затенением. Бывает, что купол не выходит из чехла, потому что при падении воздух над телом разрежается. Какой выход? Надо немедленно менять положение тела...

Ну как не зауважать такого, который учит падать, вернее, приземляться, сам себе создает аварийную ситуацию, рискуя жизнью?

И вот уже Юрий стоял у проема люка, гудевшего вихревым потоком, вглядывался в расчерченную прямоугольниками землю, казавшуюся под сизой дымкой дном необъятного океана. Прямоугольники уменьшались — вы-

сота увеличивалась, и сердце замирало при одной только мысли, что он не только ринется в этот смерч, но должен пролететь в нем, не раскрывая парашюта, десять, пятнадцать, а если сможет, то и тридцать секунд. Счет надо вести про себя, чтобы на произношение одного числа уходила ровно одна секунда. Можно начинать со ста двадцати одного, как это рекомендовал Никитин, и закончить ста тридцатью...

На земле, когда тренировался со стрелкой секундомера, получалось точно. Но в воздухе другие ощущения. Впрочем, об этом не надо думать, сейчас главное — сжаться в комок, сосредоточиться, а потом, когда камнем ринешься вниз и ветер засвистит в ушах, не забыть прогнуться, разбросать в стороны руки и ноги и как бы лечь на это шумящее марево. Николай Константинович дотрагивался до плеча: «Пошел!» Юрий шагнул вперед. Кажется, что это не он, а кто-то другой отсчитывает секунды падения, которые растягиваются в вечность. Почему все замедлилось. Он парит? Пора выдергивать кольцо? Нет, еще рано. Можно даже оглядеться — вон купол, под которым приземляется товарищ, прыгнувший раньше, и впрямь, покачивается как медуза. Пора, теперь пора! И вдруг его будто кто-то схватывает невидимыми лапищами, увлекает к земле, ввинчивает в воздух с такой силой, что голова наливается свинцом, в глазах появляется резь, и ты уже совершенно беспомощный, маленький человечек во власти чудовища. На языке парашютистов оно называется штопором. Ни в коем случае не дать себе расслабиться, не растеряться, удержать раскинутые в стороны руки и ноги, падать плашмя. Кажется, все-таки пересилил дьявольскую круговерть, пронзил этот страшный круг, снова ровный высвист веселого доброго неба, хлопок парашюта, и теперь уже не тянет тебя к земле, а удерживает от губительного падения, замедляет полет. Здравствуй, земля! Ноги словно целуют ее, и сейчас упасть, повалиться в сторону, на бок, и отдаться непередаваемому ощущению, что ты жив, что ты невредим, что ты победил. И обнять дорогого, любимого Николая Константиновича.

Он учил их приземляться и приводняться, приговаривая при этом вполне серьезно: «Желающих могу проинструктировать, как прилуняться и примарсианиваться».

Какой-нибудь остряк тут же подхватывал:

— А привенериваться можете научить?

— Это вы отлично умеете и без меня, — отвечал Ни-

колай Константинович, становясь сразу строгим. — Начнем готовиться к прыжкам ночью.

Их научили приземляться с «затяжкой» ночью, на воду. Сроднившись с надволжским небом, зная, что уже подготовлены по инструкторской программе, они и не подозревали о главном: за каждым их шагом по воздуху и по земле следят десятки людей — инструкторы парашютного спорта, врачи и психологи. Однажды Юрию доверительно показали запись в одном из дневников, и он удивился точности, скрупулезности наблюдений. Специалист зафиксировал, как менялось эмоциональное состояние Алексея Леонова.

«1-й день. На старте после надевания парашюта появилась умеренная бледность лица. Несколько заторможен, движения скованы. Мимика и пантомимика очень невыразительны, что ему совсем несвойственно. После прыжка несколько оживлен, но все же чувствуется некоторая заторможенность...

21-й день. Совершил прыжок с задержкой раскрытия парашюта на пятьдесят секунд. Перед стартом собран, сосредоточен. В свободном падении хорошо владел своим телом. Раскрыл парашют через 50,8 секунды. Несмотря на то что был достаточно сильный ветер, управлял парашютом правильно и уверенно. После прыжка был радостным, улыбался, много шутил».

На одной из страничек мелькнуло «Ю. А. Гагарин», но Юрий тут же ее закрыл — это все равно что читать о себе служебную характеристику. Да и он — разве сравнит свой первый прыжок с сороковым?

Читая запись о друге, Юрий открыл для себя другое: их тренировали не ради того, чтобы на кителе под крылатой эмблемой летчика они с гордостью прикрепили значки инструкторов-парашютистов. Им помогали превозмочь то, что предвидел Циолковский, — «боязнь пространства», страх перед бездной, которая в космическом полете может ужаснуть человека не только снизу, но и со всех сторон.

Важно было самому осмотреться у «первых врат».

«Боязнь высоты у человека врожденная, — рассуждал Юрий. — Она унаследована от далеких предков. Это чувство знакомо всем. Когда смотришь вниз с обрыва, с крыши дома, не огражденной перилами, появляется чувство страха... Физиологический механизм этой реакции таков. Восприятие высоты служит своеобразным сигналом опасности... Биологический смысл реакции человека,

оказавшегося на краю бездны, заключается в максимальном снижении активности организма. Ведь малейшее неосторожное движение может привести к потере опоры и падению... До появления летательных аппаратов люди никогда не наблюдали земную поверхность с такой высоты, и поэтому она воспринимается более абстрактно, кажется менее угрожающей, чем та, с которой падали предки человека».

Он наблюдал за собой, анализировал:

«При командах «Приготовиться!» и «Пошел!» напряжение достигает высшей точки. Именно в этот момент необходимо максимальное волевое усилие, чтобы преодолеть врожденный страх... Слово — сильнейшее средство воздействия на мысль, чувство, желания людей, на их поведение...»

Они вернулись в Москву 15 мая, а на следующий день прямо с зарядки побежали в киоск за газетами, опубликовавшими сообщение ТАСС о запуске космического корабля на орбиту спутника Земли. Это был действительно корабль — более четырех с половиной тонн весом.

«Запуск предназначен для отработки и проверки систем корабля-спутника, обеспечивающих его безопасный полет и управление полетом, возвращение на Землю и необходимые условия для человека в полете».

Радость омрачилась бедой, заглянувшей в их дом. Валя ходила заплаканная, слезы не успевали высыхать. Перед отлетом Юрия на тренировочные прыжки она уехала в Оренбург к больному отцу. Помочь ничем не смогла. Похоронила его и вернулась. Значит, в один из дней, когда Юрий парил в саратовском весеннем небе, умер Иван Степанович?

— Ты почему не дала телеграмму? — укорил жену Юрий.

Зарыдав, Валя уткнулась ему в грудь, обвила горячей рукой.

— Не хотела тебя тревожить, Юра. Ты же там прыгал. Расстроишься, и еще беда...

Леночка посапывала в кроватке, потеряв последние силенки в дороге. За окном горели огни Москвы, запах сирени вливался в комнату. «Как много еще кругов надо пройти, — вдруг с тревогой подумал Юрий. — Кругов земных и небесных. У Вали случилось несчастье в то время, когда их учили смелости. Учили герои. А кто научил ее мужеству? И разве она не давала ему пример, не благословляла в неведомый путь?»

Врата вторые, предзвездные

Константин Эдуардович Циолковский предупреждал: человека, преодолевающего притяжение Земли, может расплющить в лепешку о заднюю стену кабины корабля. Как защитить космонавта от действия ускорений? Тот же Константин Эдуардович — и Гагарин это отлично знал — высказал идею: чтобы уберечь живой организм, нужно погрузить его в жидкость.

«Природа, — заметил ученый, — давно пользуется этим приемом, погружая зародыши животных, их мозги и другие слабые части в жидкость. Так она предохраняет их от всяких повреждений. Человек же пока мало использовал эту мысль».

Еще в 1891 году, разрешая эту проблему, Циолковский, как фокусник, погружал в стакан с водой куриное яйцо, увеличивал плотность жидкости, посыпая туда соль, пока яйцо не начинало подниматься со дна. После этого он ударял стаканом о стол так, что тот разбивался, — и пожалуйста, яйцо оставалось целым.

Если же говорить о человеке, то у него при ускорениях более плотные части тела начнут смещаться вниз, а легкие — вверх. Не то что расплющит — разорвет на части. Американцы пытались воспользоваться советом калужанина. В легком водолазном костюме они погружали человека в бак с водой и раскручивали его на центрифуге, как на праще, до ускорений, в тринадцать раз увеличивающих вес испытателя. И ничего — тот выносил. Почему же, однако, пока отказались от этого метода? Причин много: проблемы с устройством в кабине капсулы, предполагаемое значительное нагревание спускаемого аппарата при возвращении на Землю — можно свариться... И еще десятки различных «но».

Значит, решили ученые, выход один: уменьшить воздействие ускорений, направить их в наиболее благоприятном направлении по линии «грудь — спина». И тренировки, тренировки, чтобы суметь перенести эту никогда не испытываемую на земле человеком тяжесть.

Вчитывались в отчет летчика-испытателя, описавшего действие больших перегрузок:

«Центробежная сила — огромное невидимое чудовище — вдавливала мою голову в плечи и так прижимала меня к сиденью, что мой позвоночник сгибался и я стонал под этой тяжестью. Кровь отлила от головы, в глазах темнело. Сквозь сгущающуюся дымку я смотрел на акселерометр и неясно различал, что прибор показывает

Юрий Гагарин на встрече со стартовой командой, апрель 1961 года.

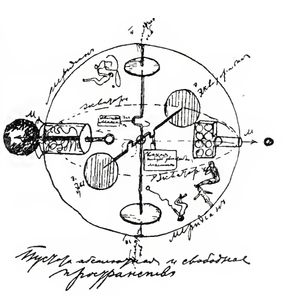
Человечество не останется вечно на земле, но, въ погонѣ за свѣтомъ и пространствомъ, сначала робко проникнетъ за предѣлы атмосферы, а затѣмъ завоюетъ себѣ все околосолнечное пространство

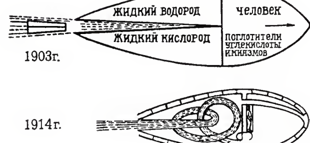
К. Циолковский

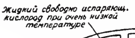

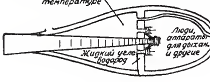
Константин Эдуардович Циолковский.

Страница рукописи К. Э. Циолковского «Свободное пространство» (1883). Эскиз реактивного космического корабля.

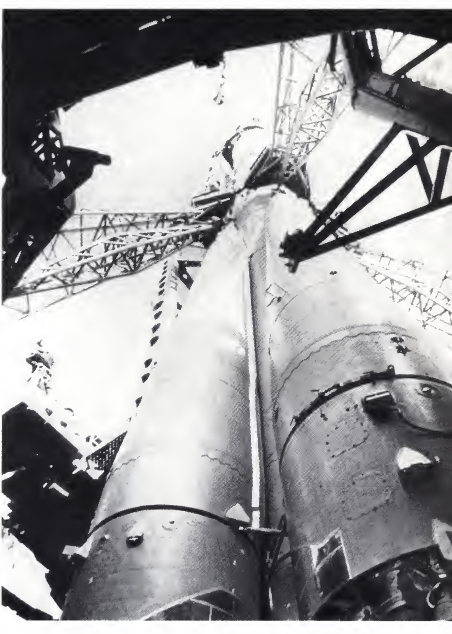

Схемы космических ракет К. Э. Циолковского.

Главный конструктор ракетно-космических систем Сергей Павлович Королев.

Ракета-носитель на стартовом комплексе.

Тренировка будущих космонавтов на невесомость в самолете.

На центрифуге.

Перед тренировочным прыжком с парашютом.

Космодром. 12 апреля 1961 года.

Облетевший Землю корабль «Восток».

Юрий Гагарин после приземления.

Юрий Гагарин рапортует об успешном проведении первого в мире космического полета Советскому правительству на Внуковском аэродроме.

Торжественный митинг на Красной площади, посвященный первому в мире полету советского человека в космическое пространство. 14 апреля 1961 года.

Ю. А. Гагарин со своими родителями Анной Тимофеевной и Алексеем Ивановичем в городском парке г. Гжатска, июнь 1961 года.

Среди односельчан.

Встреча с учителями и учащимися родной школы.

Земные заботы...

пять с половиной. Я освободил ручку, и последнее, что я увидел, была стрелка акселерометра, движущаяся обратно к единице. Я был слеп, как летучая мышь. У меня страшно кружилась голова, я посмотрел по сторонам, на крылья самолета. Я их не видел».

Летчик нагонял ускорения на самолете. Когда он достиг семикратной перегрузки, ему показалось, что у него сдавливаются внутренности, он вновь потерял зрение и сознание.

«Я чувствовал себя так, как будто меня избили; мне казалось, что кто-то вынул мои глаза, поиграл ими и снова поставил на место. Я чуть не падал от усталости и чувствовал острую стреляющую боль в груди. Спина у меня болела, и вечером из носа шла кровь...»

Врачи, инструктировавшие будущих космонавтов, тоже были откровенны. Да, увеличение веса выше допустимых пределов приводит к нарушению деятельности сердца и мозга, сильно затрудняется дыхание, перед глазами появляется серая, а затем черная пелена, люди теряют сознание... Отмечается нарушение координации произвольных движений.

Они вошли в круглый зал, напоминающий маленький цирк, с узкими окнами-бойницами наверху. Возле центрифуги возникла женщина в белом халате с гладко зачесанными волосами, собранными в пучок:

— Юрий Алексеевич, прошу к испытанию...

На Юрия нашло озорство. Щелкнул каблуками, приложил ладонь к виску:

— Старший лейтенант Гагарин готов крутиться на «чертовой мельнице». — Так с легкой руки Николаева будущие космонавты прозвали центрифугу.

И тут же устыдился напускному ухарству, ибо, не дрогнув бровью, хозяйка тренажера стала сосредоточенно крепить датчики, стоило ему усесться в кресле. Специальные приборы должны были записать биопотенциалы коры головного мозга, сердечной мышцы, проверить кровяное давление, частоту дыхания — Юрий оказался в паутине множества проводков. Они даже привели его в некоторую растерянность, и чтобы приглушить, замаскировать ее, он опять попытался шутить.

— Пожалуйста, крутите, но только до определенного предела перегрузки, чтобы не нарушался принцип постепенности. От малого к большому. Хорошо?

И улыбнулся так, как мог улыбаться только он. Хозяйка центрифуги отошла к пульту, нажала на кнопку, и в ту же минуту Юрий почувствовал, как кровь прилила к голове. «Нарочно включила на самую большую скорость», — подумал он, но ошибся. На световом табло напротив увидел — перегрузка достигла пока только двух единиц. Потом появилась тройка, за ней — четверка. Юрий попытался улыбнуться, но лицо не послушалось его, исказилось, вытянулось в жалкую гримасу. Навалилась неимоверная тяжесть, он не смог пошевелить даже пальцем, стало трудно дышать, сердце заколотилось, как будто сквозь него переливали ртуть.

Последняя цифра, которую уловили глаза, была семерка или восьмерка — он точно не рассмотрел, потому что вращение замедлилось. Издалека до него донесся неузнаваемо измененный, таким он его теперь воспринимал, голос Ады Ровгатовны.

— Спокойно, начинаем переход на режим снижения...

Центрифуга остановилась. Превозмогая слабость, Юрий вылез из кабины, стараясь не шататься, подошел к врачу и с некоторым вызовом доложил:

— Полет закончен. Разрешите получить замечания.

— Вы на тренировке, товарищ старший лейтенант, а не на танцах в офицерском клубе, — с раздражением одернула Ада Ровгатовна, не поднимая глаз от расчерченной вкривь и вкось миллиметровки. Она внимательно просмотрела всю ленту, смягчилась, подняла подобревшие глаза. — Показатели у вас отличные. Если так пойдет и дальше, все будет нормально. Но паясничать вам, право, не к лицу. За излишнее балагурство в следующий раз отстраню от тренировки.

Юрий зарделся.

— Извините, — приложил он руку к груди. — Честное слово, больше не буду. Вы знаете, это относится не к вам, а к ней. — И он показал на центрифугу. — Ну, представьте, если бы я в кресло уселся эдаким букой. Такого она быстренько скрутила бы в жгут. Понимаете, шутка — это тоже своего рода сопротивление...

В глазах Ады Ровгатовны мелькнуло удивление: парень-то оказался с «тактикой». Такие пройдут всё.

Следующим крутился Андриян Николаев. К нему не было никаких замечаний.

— А вам что помогало бороться с восьмикратным собственным весом? — спросила Ада Ровгатовна.

— Спокойствие и еще раз спокойствие, — ответил своей, уже ставшей крылатой, фразой Андриян.

Когда они выходили из корпуса, Юрий сказал, видно, все еще переживая за свое поведение:

— Вот это женщина. Настоящая богиня этой, как ее...

— Ты хочешь сказать — «чертовой мельницы»? — улыбнулся Николаев и тут же перешел на серьезный лад, проговорил озабоченно: — Интересно, сколько сотен кругов нам надо намотать, чтобы очутиться во-о-он там, — и показал на звездное небо.

Врата третьи, предзвездные

С тех пор как во Вселенной, по гипотезам ученых, холодный газ и пыль раскрутились гигантским облаком, и, уплотняясь, его частицы образовали Солнце и планеты, а одна из них стала нашей Землей, диаметром в тринадцать тысяч километров, над всем, что ни на есть в мире, властвовало тяготение.

Как все это происходило, никто не знает. Но Земля всегда была бережной, нежной, любящей матерью, не теряла в черной пустыне космоса уже ничего, удерживала в своих объятиях дарованное Природой.

Тяготением держится всё — атмосфера, оказавшаяся тоненьким голубым живительным ореолом; океаны с их зеркальными штилями и вихрями смерчей, реки, горы, леса — всё до каждой былинки, до каждого камешка. И конечно же, возведенное на Земле человеком — дома и дворцы — и он сам.

И притяжение Земли есть всегда — идешь ли ты по ней, или подпрыгнул, или даже взлетел на воздушном шаре, па самолете.

«Не сразу поняв, что за глубины передо мной, не находя корня, за который можно уцепиться, ни крыши, ни ветки дерева между мной и этими глубинами, я почувствовал головокружение, почувствовал, что оторвался и лечу в бездну».

Так Экзюпери описывал свое ощущение, когда после посадки в пустыне оказался в одиночестве и думал о звездах. «Однако я никуда не упал. От затылка до пят я был связан с землей. Я отдался ей всей тяжестью своего тела и ощутил какое-то успокоение. Сила тяготения показалась мне всемогущей, как любовь.

Я ощутил, как Земля меня подпирает, поддерживает, поднимает и уносит в ночное пространство. Я открыл, что тяжесть тела прижимает меня к планете, как на поворо-

тах прижимает тело к машине; я наслаждался этой поддержкой, ее прочностью, ее надежностью и ощущал под тяжестью тела изогнутую палубу моего корабля...

Я чувствовал в своих плечах эту силу тяготения — гармоничную, постоянную, на веки веков одинаковую. Я был связан с родной Землей».

Он был связан с родной землей...

И вдруг... Нет, не путы порвать, как обычно пишут, а вырваться из объятий, ибо, набрав неземную скорость, ракета унесет тебя в состояние, в котором ты, как человек, не бывал никогда. Что же будет, если Земля совсем отпустит тебя?

Циолковский полагал, что в условиях невесомости у человека возникнут иллюзии, нарушится ориентация. Предупреждал, что нельзя забывать, что все существа на нашей планете испытывали на себе тяготение. Это оно определило величину их и форму, приспособило к суше, воде и воздуху.

Он был оптимистом: «Все же эти иллюзии, по крайней мере в жилище, должны со временем исчезнуть».

Должны... Но это не значит, что будет именно так. И какое «жилище» имелось в виду?

Невесомость оставалась загадкой.

В надежде что-то понять ученые вместе с кандидатами в первый полет просматривали «документы» о состоянии Лайки.

3 ноября, когда ракета стартовала в космос, пульс собаки увеличился втрое и насчитывал более 260 ударов в минуту! После сброса обтекателя, защитного конуса в кабине исчезли вибрации, и Лайка как бы чуть-чуть зависла, ее вес стал равен нулю. Первая, вторая, третья секунды — собака, судя по линиям самописцев, начала успокаиваться.

Успокоилась. А что она чувствовала? На этот вопрос не мог ответить никто. Загадка оставалась загадкой, но многие склонялись к тому, что длительное пребывание в невесомости человека вообще невозможно. Как отправлять его на орбиту с таким губительным риском? А если попробовать потренировать, то как создать невесомость, хотя бы на 30—40 секунд на Земле, где ее никогда не бывает?

«Можно, — сказали бывалые летчики, — если на максимальной скорости самолет ввести в пикирование, разгоняя как бы с горы, а потом набрать высоту, то на вершине «холма» образуется пик невесомости, в общей

сложности те искомые тридцать-сорок секунд, когда тело совсем перестает весить».

Попробовали, получилось, но восприятие самое разное. Юрий, как и другие, был ознакомлен с отчетами.

Летчик, впервые пилотировавший самолет на невесомость, писал: «Через 8—10 секунд после наступления невесомости почувствовал, будто голова начинает распухать и увеличиваться в размерах. На 13-й секунде появилось ощущение, что тело медленно крутится в неопределенном направлении. Еще через 15 секунд стал терять пространственную ориентировку, поэтому я вывел самолет из параболического режима».

Еще одно признание: «В первые секунды воздействия невесомости я почувствовал, что самолет перевернулся и летит в таком перевернутом положении, а я завис вниз головой. Посмотрел в иллюминатор, увидел горизонт, убедился в ложности своего ощущения, и через 5—10 секунд иллюзия исчезла. В течение всего периода невесомости испытывал неприятное, трудно характеризуемое, незнакомое ранее ощущение неестественности и беспомощности. Мне казалось, что изменилась не только обстановка в самолете, но и что-то во мне самом».

А вот заметки врача о состоянии другого человека, находящегося в состоянии кратковременной невесомости: «С первых же секунд невесомости появилось двигательное возбуждение, сопровождающееся хватательными реакциями, непроизвольным нечленораздельным криком и своеобразным выражением лица (поднятые брови, зрачки расширены, рот открыт, нижняя челюсть опущена)».

Сам участник эксперимента рассказывал: «Я не понял, что наступило состояние невесомости. У меня внезапно возникло ощущение стремительного падения вниз, и мне показалось, что все кругом рушится, разваливается и разлетается в стороны. Меня охватило чувство ужаса, и я не понимал, что вокруг меня происходит».

Обо всем этом Юрий знал. Настал и его черед. Полетное задание отрепетировано на Земле. Он несколько раз до хруста в ладони сжал дозиметр. Земля пока что помогала Антею — семьсот пятьдесят граммов.

Еще упражнение: перед ним мишень, похожая на пчелиные соты со множеством углублений — называется кардиограф. Надо воткнуть карандаш безошибочно — в первое, во второе, в третье гнезда. Даже сидя на стуле, это сделать не так-то просто, но сноровка постепен-

но приходит. Другая проверка: быстро написать фамилию, имя, отчество, год и месяц рождения, где родился.

Юрий пока что шутит:

— Никуда без анкеты!

Но руководитель серьезен.

— Посмотрим, Гагарин как все это вы проделаете в невесомости.

Самолет взлетел, вышел в зону. Юрий не пассажир, не новичок, он чувствует профессионально перевод машины из режима разгона на режим кабрирования. Растут перегрузки — это знакомо. И вдруг стрелка прибора уже на нуле. «Ноль» его веса. И сразу как будто всплыл, теперь не терять ни секунды. Руки и ноги свободны и как бы уже не его. Заставить их слушаться, ухватить невесомо поднявшийся карандаш и попасть в самый центр желтого круга, в пчелиные сотки, заданные на Земле. В одну, во вторую, третью... И все опять на своих местах...

Теперь обычный полет, и снова горка. Земля приказывает:

— Выполните в невесомости упражнение по отработке связи!

Что им сказать? А, была не была! Вялые губы начинают твердеть, выводить нараспев:

Сквозь волнистые туманы
Пробивается луна.
На печальные поляны
Льет печальный свет она...

Еще горка. Снова Юрия приподнимает в кресле. Теперь увереннее, хотя и не совсем слушаясь, его карандаш выводит: «Гагарин Юрий Алексеевич, март 1934, Гжатский район Смоленской области».

Специалисты сравнивают три варианта этой же записи, ту, что он сделал еще на Земле, потом в невесомости, и заставляют написать то же самое после полета. О чем-то переговариваются: есть существенные изменения или нет?

Юрий приводит их всех к согласию.

— Что тут смотреть? Глядите — в невесомости почерк лучше, чем на Земле. Вот эти каракули «до», а это чистописание «после». Нет, письма родным и знакомым придется писать оттуда, — и указал на небо.

А теперь обследовать динамометр. На земле было сколько? Семьсот пятьдесят, а в невесомости стрелка

прыгнула за тысячу граммов. Значит, силы требуется меньше, чем в тяготении. Да так и богатырем, Ильей Муромцем, можно стать! Только еда пока скудновата — жмешь на тюбик, выдавливаешь словно зубную пасту, а глотаешь варенье или пюре. Надо что-нибудь покалорийней и повкусней. Но приказано опробовать все невесомые блюда — и не отложишь, не спрячешь «под стол» — все фиксируется на кинопленку.

В журнале о первых своих впечатлениях Юрий писал:

«До выполнения горок полет проходил как обычно, нормально. При вводе в горку прижало к сиденью. Затем сиденье отошло, ноги приподняло с пола. Посмотрел на прибор — показывает невесомость. Ощущение приятной легкости. Попробовал двигать руками, головой. Все получается легко, свободно. Поймал плавающий перед лицом карандаш...

Во второй горке после создания невесомости затянул ремни маски, подогнал ее, поправил, взял карандаш и попробовал вставлять в гнезда кардиографа. Получается хорошо, даже свободнее, чем на Земле.

На третьей горке, при невесомости при распущенных привязных ремнях попробовал поворачиваться на сиденье, двигать ногами, поднимать их, опускать. Ощущение приятное, где ногу поставишь, там и висит — забавно. Захотелось побольше подвигаться.

В общем, ощущение приятное, хорошее, ощущение легкости и свободы.

Изменений со стороны внутренних органов не было никаких. В пространстве ориентировался нормально. Все время видел небо, землю. Красивые кучевые облака. Показания приборов читались хорошо. После невесомости ощущения необычные».

Он еще успевал и полюбоваться «красивыми кучевыми облаками». Но что стоит за выражением «ощущения необычные» и как описать их?

Он почувствовал невесомость на 30—40 секунд. Космонавту предстояло пробыть в ней более часа. Что с ним случится за это время? — на этот вопрос ответить не мог никто...

Врата четвертые, предзвездные

И опять он находился на земле, около дверей — тяжелых, звуконепроницаемых врат, отворившихся перед ним, которые вели в сурдокамеру — абсолютную тишину.

Специалисты, готовившие космонавтов к полету, не сомневались, что как и летчики, поднимавшиеся на одноместных самолетах и воздушных шарах на высоту 10—25 километров, они будут испытывать особые непривычные ощущения — своеобразный «голод» на внешние впечатления, раздражители. При этом могут разыгрываться такие бурные фантазии, галлюцинации, которые не только помешают выполнению задания, но и губительно расстроят психику человека.

Люди, на длительное время погруженные в воду, вдруг начинали ясно слышать жужжание пчел, перекличку птиц, чьи-то голоса, музыку. Другие, как об этом было уже известно Юрию, «отчетливо видели вспышки света, различные геометрические фигуры и даже целые сцены: кому-то представилась процессия белок, марширующих по снежному полю с мешками через плечо, кто-то наблюдал баскетбольный матч, групповые заплывы, падение капель с потолка». Позже, вспоминая о своих ощущениях в сурдокамере и, наверное, удивляясь, как ему удалось перенести тягостную тишину изоляции от внешнего мира, в книге «Психология и космос», написанной вместе с В. И. Лебедевым, Юрий приведет немало подобных примеров.

Испытуемые выполняли обычную программу: передавали по радио на Землю температуру своего тела, влажность и давление воздуха и показания приборов; следили за экраном телевизора, на котором появлялись схематические черно-белые изображения, время от времени их надо было поправлять, настраивать на четкость. Ситуация, казалось бы, самая безобидная. Но вот один бывалый летчик почувствовал головокружение, другому среди приборов пульта стали мерещиться незнакомые лица. У третьего к концу полета приборная доска вдруг начала «таять и капать на пол».

Был случай, когда участник эксперимента потребовал выключить телевизор, так как от него якобы исходил невыносимый жар. Когда телевизор погас, летчик сразу почувствовал облегчение. Испытание повторили, и опять жалоба на жару — пилот даже отыскал причину повышения температуры, показав «черное прогоревшее место на экране» и потребовал, чтобы его немедленно выпустили — такое мучение он не в силах был больше выдержать.

Общее мнение все более утверждалось: даже у здоровых людей в условиях ограниченного количества раз-

дражителей может измениться психика. В камеру, где находился испытатель, приглушенно передавались различные звуки, о которых он должен был сообщать в форме репортажа. Когда он догадывался, вернее, знал о явлениях, происходивших «за бортом», то достаточно правильно воспринимал шумы и разговоры в аппаратной. Но вот включили электромотор. «Робертино Лоретти!» — радостно воскликнул испытуемый. «Вы ошиблись, — сказали ему, —это шум работающего двигателя». — «Нет, это Робертино Лоретти! Я прекрасно слышу, как он поет «Аве Мария»!» — возразил испытуемый, нисколько не сомневаясь, что слышит голос итальянского мальчика.

Ученые и сами приходили в замешательство: что такое галлюцинации и что — иллюзии? Еще Кант писал: «Чувства не обманывают нас не потому, что они всегда правильно судят, а потому, что вовсе не судят».

Участник одного из экспериментов рассказывал, что на десятые сутки у него появилось странное и непонятное ощущение, будто в камере присутствует постороннее лицо, находящееся позади его кресла и не имеющее определенной формы. Человек твердо знал, что в камере никого нет, и все же не мог отделаться от неприятного чувства.

Мистика? Нет, этот факт специалисты объясняли обострением кожной чувствительности к изменению давления и температуры воздуха. Могло подуть от находившейся как раз за креслом вентиляционной системы.

Разумеется, все в конце концов объяснимо. Но как быть с признанием Джошуа Слока, который в одиночку совершил кругосветное плавание на небольшой яхте «Спрей»? В морях и океанах он пробыл более двух лет, пройдя под парусом 46 тысяч миль. Не правда ли, отважный, мужественный человек! Но однажды, плохо себя почувствовав, он привязал штурвал, а сам лег в каюте. «Когда очнулся, — вспоминал Слок, — сразу понял, что «Спрей» плывет в бушующем море. Выглянув наружу, я, к моему изумлению, обнаружил у штурвала высокого человека. Он перебирал ручки штурвального колеса, зажимая их сильными, словно тиски, руками. Можно себе представить, каково было мое удивление! Одет он был как иностранный моряк, широкая красная шапка свисала петушиным гребнем над левым ухом, а лицо было обрамлено густыми черными бакенбардами. В любой части земного шара его приняли бы за пирата. Рас-

сматривая его грозный облик, я позабыл о шторме и думал о том лишь, собирается ли чужеземец перерезать мне горло; он, кажется, угадал мои мысли.

«Синьор, — сказал он, приподнимая шапку. — Я не собираюсь причинить вам зло». Едва заметная улыбка заиграла на его лице, которое сразу стало более приветливым. «Я вольный моряк из экипажа Колумба и ни в чем не грешен, кроме контрабанды. Я рулевой с «Пинты» и пришел помочь вам... Ложитесь, синьор капитан, а я буду править вашим судном всю ночь...»

Я думал, каким дьяволом надо быть, чтобы плавать под всеми парусами, а он, словно угадав мои мысли, воскликнул: «Вон там, впереди, идет «Пинта», и мы должны ее нагнать! Надо идти полным ходом, самым полным ходом!»

Да, ассоциативно возникшие представления в условиях изоляции достигают иногда почти вещной убедительности. И люди обычно понимают, что все это плоды воображения. Много позже Юрий узнал, что подобные представления называют эйдетическими. Обычно они свойственны юному возрасту, но могут возникать и у взрослых. Вспомним хотя бы, как А. Н. Толстой говорил о своих литературных героях: «Я физически видел их». Другой русский писатель, И. А. Гончаров, признавался: «Лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах; я слышу отрывки их разговоров, и мне часто казалось, прости господи, что я это не выдумываю, а что это носится в воздухе около меня и мне только надо смотреть и вдумываться».

...Итак, Юрий вошел в комнату, по которой можно было сделать не больше трех шагов, сел в кресло, осмотрелся: два ящика на полу — камеры кондиционирования, у него будет своя атмосфера, небольшой стол с микрофоном, вверху часы, единственный источник звуков, который не удалось заглушить. На столе кнопки, лампочки, провода датчиков. Слева на стене — так называемая черно-красная таблица Шульца. В ней сорок девять квадратов: двадцать пять с черными цифрами и двадцать четыре с красными. Цифры распределены беспорядочно. Задача: показывая указкой, складывать цифры с таким расчетом, чтобы их сумма равнялась двадцати пяти, при этом черные надо называть в возрастающем порядке, а красные — в убывающем. И все это при полной тишине или звуковых, или световых помехах. Ту же самую таблицу может читать вслух другой человек, голос которо-

го записан на пленку, но не в такт или в том темпе. Много всего уготовано, чтобы сбить испытуемого с толку.

Юрий до мельчайших подробностей вспомнил, что рассказывал о своих ощущениях Валерий Быковский, первый попавший в сурдокамеру и просидевший там так долго, что вышел оттуда с кудрявой черной бородой.

— Главное — не теряться, — говорил Валерий. — Придумай что-нибудь такое, чтобы ты был не один, — и смеялся дробно, тихо, — иногда бывает полезно пообщаться с самим собой...

Да, это знакомо еще по курсантским временам, когда стоя на посту ночью возле какого-нибудь вещевого склада, скрадывал часы одиночества последовательным, цепочка за цепочку цеплявшимся воображением. Например, о том, как пошли в школу в Клушине, а что было потом? Ах да, самолеты на луговине, летчики, сияющие на их гимнастерках ордена, пожар, обугленный глобус, коптюшка в землянке, вкус теплой от дыма лепешки. Он как бы вытягивал пережитое в Клушине, втискивал в два постовых часа и не успевал опомниться — словно прошли какие-то три-четыре минуты, как, мигая фонариком, шла смена. «Стой, кто идет?» — «Разводящий!» Из темноты по всем правилам устава высвечивалось фонарем лицо однокашника. Он подходил, ставил другого курсанта и уводил Юрия. Сколько на тех постах было вновь пережитого? Это уже вошло в привычку — наполнять время, особенно тягостное, ожидательное, воспоминаниями.

«Оставаясь в полном одиночестве, — писал Юрий, — человек обычно думает о прошлом, ворошит свою жизнь. А я думал о будущем, о том, что мне предстоит в полете, если мне его доверят. С детства я был наделен воображением и, сидя в этой отделенной от всего на свете камере, представлял себе, что нахожусь в летящем космическом корабле. Я закрывал глаза и в полной темноте видел, как подо мной проносятся материки и океаны, как сменяется день и ночь и где-то далеко внизу светится золотая россыпь огней ночных городов. И хотя я никогда не был за границей, в своем воображении пролетал над Лондоном, Римом, Парижем, над родным Гжатском... Все это помогало переносить тяготы одиночества».

И еще ему, конечно, помогала самодисциплина, привычка устанавливать для самого себя жесткий распорядок. Правда, время могли изменить перестановкой часов,

сдвинуть стрелки с ночи на полдень, с утра на сумерки. Но у Юрия было сильное ощущение времени. Не деревенский ли петушок пробуждал его в сурдокамере, ведь там, в Клушине, выгоняли коров в стадо не по часам, а по рожку пастуха.

В 8.00 — подъем, зарядка, в 8.40 — завтрак, как жаль, что не из поджаристых беляшей, приготовляемых Валей, а в виде «зубной пасты», только разного вкуса. Из одной вроде пюре картофеля, из другой — шоколад, из третьей — подобие черносмородинового киселя. Количество тюбиков уменьшается, когда они кончатся — Юрия, видимо, выпустят на свободу. Но пока их столько, что хватило бы на продажу в гастрономе.

Теперь надо на столе нажать все три кнопки — белую, красную, синюю.

— Земля, я космонавт, передаю сообщения. Температура в камере 27 градусов. Давление обычное. На первом влагомере 74 процента, на втором — 61. Самочувствие нормальное. Все идет хорошо.

Он знает, его видят, а он — никого.

— Возьмите указку, начнем работать с таблицей.

— Есть начать работать с таблицей! Двадцать четыре — один, двадцать три — два, двадцать два — три, двадцать один — четыре, двадцать, — Юрий немного замешкался. — Ах вот она, проклятая пятерка, — девятнадцать — шесть, восемнадцать — семь. — И опять пауза. — Семнадцать — восемь, шестнадцать. — Он никак не мог отыскать девятку, не зная, что на графике линия самописца прыгнула резко в сторону — самый большой временной интервал. Пятнадцать — десять, четырнадцать — одиннадцать. И вдруг грянул марш Дунаевского. Почему — тринадцать — двенадцать, двенадцать — тринадцать получились как бы слитными, сразу выявились перед глазами? Значит что, помогла музыка? И дальше опять все пошло равномерно в такт легким шагам Утесова, идущего с кнутом на плече: «Шагай вперед, комсомольское племя, расти и пой, чтоб улыбки цвели, мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли».

Тогда еще врачи сами не знали, а только догадывались, что музыка помогает избавиться от сенсорного голода, возвращает силы, приводит человека в себя. Девушка, дублер Терешковой, сразу догадалась в своей сурдокамере, что ей передали Рахманинова, его первый концерт для фортепиано с оркестром. «Состояние было со-

вершенно необычным, — писала она в отчете. — Я чувствовала, как комок слез душит меня, что еще минута и я не сдержусь и зарыдаю... Передо мной будто пронеслась семья, друзья, вся предыдущая жизнь, мечты. Собственно, пронеслись не сами образы, а пробудилась вся та сложная гамма чувств, которая отображает мое отношение к жизни. Потом эти острые чувства стали как бы ослабевать, музыка стала приятной, красота и законченность ее сами по себе успокоили меня».

На полях отчета врач напишет заключение: «Против сенсорного голода великолепно помогает музыка».

Но тогда об этом было еще неизвестно. И, выполнив очередное задание, не дожидаясь другого, которое могло прозвучать в любую минуту, как внезапные вспышки лампочек, точно молнии в несуществующих небесах, Юрий принялся читать Лукиана — книгу, данную ему перед закрытием в камере. Тысяча восемьсот лет назад — тысяча восемьсот! — в своей «правдивой истории» Лукиан описал, как налетевший на море вихрь поднял его корабль так высоко, что «на восьмой же день они увидели в пространстве перед ними какую-то огромную землю, которая была похожа на сияющий и шарообразный остров и испускала сильный свет»... «Внизу же мы увидали какую-то другую землю, а на ней города и реки, моря, леса и горы. И мы догадались, что внизу перед нами находится та земля, на которой мы живем».

Юрий оживился: «Сверх того, недолговечность пусть не коснется меня, жизнь моя не будет ограничена пределом человеческой жизни, на тысячу лет буду переживать юность, все начиная с семнадцатилетнего возраста, сбрасывая с себя старость, подобно шкуре змеиной». Вот чего он хотел, обладая перстнем волшебной силы. Космической мощи!

«Если даже найдется такой спесивец или тиран, богач и наглец, подыму я его так стадий на двадцать над землей и пущу вниз с крутизны... смогу созерцать воюющих, поднявшись на недоступную для стрел высоту, и даже более, если найду нужным, приму сторону более слабых, повергнув в сон тех, кто имел перевес...» Да, это уже, как бы сказал преподаватель, классовый взгляд Лукиана. Значит что, он хотел защищать бедноту?

И остряк же был! Один из друзей спросил его: «А ты не боишься достаться на съедение рыбам, если судно опрокинется?» — «Но ведь неблагодарным надо быть,

чтобы не решаться отдать себя на растерзанием рыбам, когда сам пожрал столь многих из них». На чей-то вопрос: «Как ты представляешь себе пребывание в Аиде?» — ответил: «Подожди, я тебе оттуда напишу».

Откладывая Лукиана, брал Ремарка. Его «Трех товарищей», которых все читали наперебой. Он и не знал, что Ремарк пейзажист. Так понятны сейчас были строки: «Ночь. На улице начался дождь. Капли падали мягко и нежно, не так как месяц назад, когда они шумно ударялись о голые ветви лип; теперь они тихо шуршали, стекая вниз по молодой податливой листве, мистическое празднество, таинственный ток капель к корням, от которых они поднимутся снова вверх и превратятся в листья, томящиеся весенними ночами по дождю».

Как ему вдруг захотелось дождя! Без плаща пробежаться, промокнуть до нитки, войти в теплоту их комнатки, где из кроватки глазеет девчурка, подойти поцеловать ее в лобик, переодеться в сухое и сесть рядом с Валей, прислониться к ее плечу.

Но благостное настроение взрывается воем сирены и вспышками ламп. Что это? Авария на корабле или посадка на иную планету? И опять голос из «потустороннего мира»:

— Берите ключ, передайте свое самочувствие.

— Самочувствие очень хорошее! — «Кто сегодня дежурит? Кажется, Зина?» Он узнавал лаборанток по голосам. И уже не по правилам, нарушая порядок:

— Зиночка, Зина... Как там Валюша? Передай ей, что я живу ничего себе, устроился, пусть не скучает, скоро опять я вернусь на Землю.

— Юра, ты угадал, завтра в двенадцать выходишь на волю! — И она не сдержалась, нарушила строго запретное.

Откуда берутся силы? Юрий снова как будто бы в первый день. Но неужели открыты двери, и это запах чего? Обычного воздуха? Разве он так пахнет всегда — черемухой и сиренью? Вот тут голова закружилась.

— Да ты, брат, акын, — смеются врачи, — ты послушай себя. — И включают магнитофон:

Вот порвались шнурки...
На Земле включен телевизор...
Пора готовиться к записи...
Сколько мне дали электродов...
Один электрод с желтым шнурком...
Другой электрод с зеленым шнурком...

Третий с красным...

— Неужели это мое? — удивляется Юрий. — Чепуха!

— И стихи твои, — отвечают ему, — твоя же и музыка.

— Понятно, — смущается Юрий.

— Ты и спал как убитый, — похвалила Зина и дала почитать журнал наблюдений: «Спокойно». «Испытуемый спит спокойно». «Сидит спокойно и читает книгу». «Работал с таблицей хорошо. Были даны помехи. Реагировал на них спокойно».

В конце заключительный вывод:

«По окончании эксперимента осмотрен невропатологом, физическое состояние хорошее, самочувствие хорошее. Внешний вид и поведение обычные. Признаков эмоциональной возбудимости или подавленности нет. Спокоен и общителен».

Так он прошел и эти «врата», но много позже все же вспомнил о них. В какой-то стране зашел в зоопарк, где искусственно воссоздали природу Земли, когда еще не было ни человека, ни даже какого-либо зверья или птиц. Затхлый запах болота и странных, похожих на папоротники деревьев окружал, угнетал его. Юрий замешкался. Все вышли, а он остался один, потому что не было зонтика, а на улице лил сильный дождь.

Тишина была, допотопная тишина. Он постоял-постоял и вышел по шаткому мостику к двери, за которой толпились люди.

— Вы что же так быстро? — спросила экскурсовод. — Побыть одному, ощутить, так сказать, первобытность планеты...

— Мне стало страшно, — честно признался Юрий.

Врата пятые, предзвездные

В том-то и заключались неимоверные трудности — сдать все или почти все экзамены на космос, находясь на Земле. Той самой, на которой так свободно и легко дышится, в июльский дождь хочется подставить лицо под теплые мягкие струи, в зной где-нибудь на речушке поджариваться па солнышке, подгребая под себя горячий песок.

Но как пройти через врата, где таится грозное и неизведанное? Как перенести таинственность межзвездного пространства, страх перед которым невозможно и вообразить?

Придумали барокамеру. Включали насос, откачивали из нее воздух. Давление падало, начиналось разрежение. В этих условиях врачи пытались выявить скрытые дефекты сердечно-сосудистой и нервной систем, определить особенности организма. На их языке это называлось «гипоксические пробы».

Юрий и его товарищи поочередно — кто сколько выдержит — томились в пустоте барокамер. Они помалкивали. Но об их самочувствии беспристрастно сообщали различные датчики, да иногда врач заглядывал в мутнеющий иллюминатор.

Заработал насос, давление падает, космонавт же вроде наоборот — набирает головокружительную высоту. Четыре тысячи метров — барометрическое давление в камере упало до 462 мм рт. ст. Ничего особенного, поднимались и выше. И все-таки разница ощутима, на самолете это происходило намного медленнее, ракета будет врезаться в небо быстрее.

Высота пять тысяч метров, ты чувствуешь, как наливаешься кровью, пульс уже не шестьдесят, а девяносто пять ударов в минуту, возросла частота дыхания. На вопросы врачей крепишься, говоришь неправду, но они через толстые стены камеры все видят насквозь. Ну что же, дорогой, чувствуешь себя хорошо, поднимем еще на пятьсот метров. И тут уже ничего не скрыть, пульс выбивает морзянку, началась одышка, синеют губы...

Врачи устанавливают: фазы возбуждения проявляются обычно на высоте около трех тысяч метров и характеризуются жизнерадостностью, обострением внимания, повышенным любопытством к окружающему. С четырех-пяти тысяч метров начинается фаза угнетения, работоспособность снижается, человек не в силах критически оценить обстановку, в этот момент могут возникнуть иллюзии, пренебрежение к опасности. Космонавту такое ни к чему. Значит, нужна тренировка не только в барокамере, но и на самолете.

Тренировки и тренировки. Не до седьмого, а до восьмого, десятого пота. Но это уже в термокамере, в которой, назови как хочешь — парилкою или печкой, — горишь не сгорая.

Все-таки они были еще мальчишками — соревновались, кто больше других пересидит. Григорий полагал, что побил все рекорды, когда покинул камеру через два с половиной часа, ибо вышел весь словно выжаренный.

— Ты что же так долго? — ревниво заметил Валерий Быковский.

— Да тебе же останется меньше, — не без подначки ответил Григорий.

— Значит, решил поставить рекорд? — не унимался Валерий.

— А почему бы и нет? Посиди с мое, посмотришь, хватит ли духу.

Валерий не отступал, переговорил о чем-то с врачом и двинулся к камере. Он пробыл там три часа.

— Ну что вы все петушитесь? — решил примирить их Юрий.

— Видишь ли, я не терплю, кто высовывается впереди. Врачи подумают, что он самый сильный, а он просто зазнайка.

— Врачам виднее, — философски заметил Юра. Двери термокамеры распахивались теперь перед ним.

Он сел на скамью, поправил на голове шлем и приготовился. Температура сгущалась. Вот уже покатились градинки пота — по лбу, по щекам, по спине. Дышать становилось труднее. «Представим, что я в парилке, — подумал Юрий, — и вот забираюсь на самый душный, самый верхний жаркий полок. Теперь холодную шайку, побрызгать березовым веничком, и в легкие входит дыхание свежего леса. Красота-то какая!»

О том испытании он вспоминал: «Привыкли и к термокамере, где при очень высокой температуре находились продолжительное время. Но мне такое было не в новинку. Я и раньше парился — русский человек не может жить без хорошей бани с березовым веником и парной. К высоким температурам я приспособился еще в то время, когда, будучи ремесленником, работал у вагранок с расплавленным металлом. Десятки тысяч рабочих трудятся на доменных и мартеновских печах, у конверторов, на прокатных станах.

Сидишь один в термокамере, не с кем перекинуться словом и вспоминаешь, сколько раз наши люди при адских температурах меняли колосники в топках или ремонтировали футеровку в сталеплавильных печах. Им, пожалуй, было потруднее, чем нам: они ведь работали при температуре и повыше. Одним словом, все закаляется на огне, закалялись и мы».

Про термокамеру еще говорили: «Сидишь, извините... как будто на солнце тем самым местом».

Юрий был человек романтического склада, но вообра-

жение не уносило его в небеса, а помогало преодолевать трудности на земле. Он рассказывал позже, что там, в термокамере, вспоминал о Джордано Бруно, сожженном заживо на костре.

В клинико-психологической характеристике было записано:

«Ю. А. Гагарин на протяжении подготовки и тренировки к полету показал высокую точность при выполнении различных экспериментальных психологических заданий. Показал высокую помехоустойчивость при воздействии внезапных и сильных раздражителей. Реакции на новизну (состояние невесомости, длительная изоляция в сурдокамере, парашютные прыжки и другие воздействия) всегда были активными: отмечалась быстрая ориентация в новой обстановке, умение владеть собой в различных неожиданных ситуациях.

При исследовании в условиях изоляции в сурдокамере была обнаружена высокоразвитая способность расслабляться даже в короткие паузы, отведенные для отдыха, быстро засыпать и самостоятельно пробуждаться в заданный срок.

Одной из особенностей характера можно отметить чувство юмора, склонность к добродушию, шутке.

При тренировках на учебном космическом корабле для него был характерен спокойный, уверенный стиль работы с четкими, лаконичными докладами после проведенного упражнения. Уверенность, вдумчивость, любознательность и жизнерадостность придавали индивидуальное своеобразие выработке профессиональных навыков».

Врата в космос распахивались все шире. Настал момент, которого Юрий очень ждал, — истек его стаж пребывания в кандидатах партии. Но кто мог дать рекомендации? Ведь здесь его мало знали. А звание коммуниста — это не только тренировки, это воля, нравственная чистота, готовность выполнить любое дело, не обязательно требующее героизма. Юрий написал на Север бывшим своим сослуживцам. Как радовался он ответам-рекомендациям. Однополчане, конечно, не знали, что он готовится в космос, но были уверены, что Гагарин не подведет нигде и никогда.

Юрий был взволнован — какое это великое дело! — доверие товарищей, знающих о тебе все: и чем ты живешь, и что думаешь, к чему стремишься и на что спосо-

бен. «Сколько раз дружба советских людей, — размышлял он, перечитывая письма, — сколько раз она проверялась кровью! Да и я сам, если бы это потребовалось, отдал бы жизнь и за Решетова, и за Рослякова, и за Ильященко, за всех своих однополчан».

16 июня 1960 года он был принят в члены КПСС на партийном собрании — единогласно. Через месяц в парткоме ему вручили красную книжечку — партийный билет номер 08909627. Отныне он стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

Время, через которое проходил Юрий Гагарин, как скульптор, высекало черты человека с открытым русским лицом, ершисто-веселыми глазами, немного курносым носом, с ямочками в уголках губ, правда, еще без той всегда располагающей к себе улыбки, которая сразу покорила людей после полета.

Глава третья

Они молча сидели за длинным столом заседаний — Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Герман Титов, Павел Попович, Евгений Хрунов... Николай Петрович Каманин и Евгений Анатольевич Карпов тоже учтиво молчали, хотя именно они привезли своих подопечных к человеку, с которым предстояло сейчас встретиться.

Еще одна дверь вела в небольшой, залитый мягким солнцем от приспущенных штор кабинет. Трудно было представить, что в жарких дебатах с коллегами, а порой в одиноком раздумье здесь рождались самые дерзновенные замыслы. В углу — столик с телефонным пультом, на письменном столе бронзовый бюст В. И. Ленина, подставка для авторучки, похожей на маленькую ракету, несколько остро отточенных карандашей, простых и разноцветных. Но о том, что это кабинет конструктора, больше говорила приставленная сбоку коричневатая, как в школьном классе, доска со следами начертанных схем и формул. И уже совершенно отчетливый специфический антураж придавали кабинету глобус Луны на подставке и в застекленном шкафу блестящий, с усиками антенн, напоминавший новогоднюю игрушку, макет первого искусственного спутника Земли.

В условленный час распахнулась дверь, и к ним быстро вошел плотный широкоплечий человек со старатель-

ным зачесом над выпуклым лбом. Оглядел всех живыми с задорным блеском глазами и начал дружески, запросто здороваться, каждому пожимать руку.

— Королев...

Еще раз прошелся по лицам взглядом, не скрыл удовлетворения.

— Какие же вы, право, молодцы. Один к одному. Ну, прямо, орёлики. Как в пушкинской сказке: «Все равны как на подбор, с ними дядька Черномор».

Кого он имел в виду? Каманина или Карпова? Но быть может, потому, что был генералом, Николай Петрович так и остался при своей фамилии. Имя «дядька Черномор» отныне крепко закрепилось за Евгением Анатольевичем.

Королев сел в кресло за своим столом, с той же бодрой веселостью сказал по-свойски, сразу располагая к себе:

— Небось не терпится лететь? Понимаю вас, сам был летчиком. Но как говорится, до летения надо набраться терпения. А сейчас давайте хотя бы вкратце познакомимся. Вот вы, капитан, — и указал на Беляева.

Беляев встал, оправил тужурку, начал по-военному:

— Родился в двадцать пятом году на Вологодчине. После десятилетки работал токарем на заводе. В сорок третьем году добровольно пошел в армию, направили в летное училище... затем служба в воинских частях, Военно-воздушная Краснознаменная академия. Ну а потом, — Беляев развел руками, как бы показывая, что отныне он здесь, в отряде космонавтов.

Лицо Королева еще больше смягчилось:

— А вы сидите, сидите. Мы не на вечерней поверке. Солидный багаж. Вам можно доверить многое.

Следующий, — проговорил Королев и взглянул мельком на лежавший на столе список. — Валерий Федорович Быковский.

Валерий было привстал, но тут же, остановленный жестом Королева, сел, смущенно, быть может, потому что стеснялся сравнивать свою биографию со столь заслуженным соседом, обронил всего несколько фраз:

— Тридцать четвертого года рождения... Павловский Посад, Московская область... Когда еще занимался в средней школе, окончил московский аэроклуб, затем Качинское авиационное училище. С пятьдесят пятого служу летчиком. — Он так и сказал — «служу» — и почему-то решил добавить — член ВЛКСМ.

Королев кивнул. Действительно, жизнь не такая уж и большая. Видимо, решил поддержать паренька:

— А вы что же умолчали, что первым отсидели в сурдокамере? И в барокамере рекорд побили...

Смуглый, как после загара, Валерий заметно покраснел:

— Так это, Сергей Павлович, в биографию не входит.

— Пока не входит, — поправил Королев, — но потом все пригодится, так что давайте договоримся говорить кратко, но без пробелов.

Дошла очередь и до Гагарина. Юрий волновался, старался выровнять вдруг осевший голос. Ему показалось, что Королев начал прислушиваться чутче, чем к остальным. Возможно, так представлялось ему потом, после полета, когда он восстанавливал в памяти мельчайшие детали первого знакомства с Главным конструктором. Но ведь бывает такое в случайной встрече: в ничего не значившем разговоре через взгляд чужого человека вдруг плеснется, дотронется до тебя его душа.

— Значит, смоленский, — повторил Королев после краткого сказания Гагарина о себе. — И под немцем успел побывать, и в ремесленном обучался. На литейщика, говорите? Закалялись как сталь. Ну а как же так, Юрий Алексеевич, то вагранки ваши, плавка там разная и вдруг авиация?

Юрий замялся: «Что сказать — потянуло небо? Но ведь так отвечают все».

— Наверное, цель жизни. Она ведь редко бывает прямая. И чем извилистей дорога, по которой ты к ней идешь, тем путь вернее. Так мама учила нас. Да и отец, хоть и был простым плотником.

Сергей Павлович взглянул на Гагарина с удивлением.

— А вы, наверное, правы. Я и сам себе теперь вроде верю не верю. Учился, а по утрам разносил газеты, вечерами столярничал, плотничал. Чего только не делал, чтобы заработать на кусок хлеба, на тетради и ватманские листы. — Он помолчал, как бы спрятав в себя свой взгляд, вспоминая прошлое, и потом сказал: — Но у вас все другое. Все. Вы представляете, куда вы все полетите? В космос. Это же фантастика наяву.

Встал, прошелся туда-сюда от окна до двери, остановился возле лунного глобуса.

— Представьте, что это Земля, и крошечной блесткой вокруг нее летит ваш корабль. Вы только подумайте, если бы кто-то взглянул на это снаружи, ну, скажем, с Луны

или Марса. Для нас такое непостижимо. Тютчев сказал: «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить». Мы сфотографировали обратную сторону Луны — каково! В мае запустили первый корабль-спутник... — Королев сделал паузу, потому что все вдруг сразу замерли; интересно, как он объяснит, что корабль, спроектированный для человека, не вернулся, вернее, не вошел в плотные слои атмосферы, чтобы сгореть, ибо спуск его не планировался, а полетел неизвестно куда.

Да и самому Королеву вдруг все представилось, как в тягостном сновидении: обрывчато, неясно, то замедленно, то стремительно, будто сам он стоял под вращающимся куполом неба, и эхом отдавались сначала радостные, потом тревожные голоса созвездий...

— Сергей Павлович! Поздравляем! В кабине корабля вес человека! Вот это победа!

— Корабль стабилизирован! Система сработала безотказно!

— Он летает уже трое суток!

— Включение тормозной установки прошло четко! Сейчас пойдет на снижение.

Но каруселью кружащееся небо опускалось ниже, ниже, гасли звезды, и в темноте космоса перекликались другие, тревожные голоса:

— Корабль не спускается!

— Не может быть!

— Он проходит над нами!

— Он не слушается команд и не желает переключаться на режим спуска!..

Ровный, на ноте отрешенности голос констатировал:

— Подвела система ориентации. Механизм, многократно работавший при испытаниях, отказал в космосе. Корабль не был правильно сориентирован. Двигательная установка хотя и сработала, но вместо торможения произошел разгон, и корабль, которому люди приказали снизиться, поступил наоборот — перешел на новую, более высокую орбиту...

Да, сейчас Сергей Павлович отлично понимал причину замешательства. Потер рукой лоб и то ли себе, то ли переставшим перешептываться летчикам сказал:

— В нашем деле не все проходит гладко, не все получается как хочешь. Мы передали на борт корабля по радио команду, которая обычно предшествует спуску. Ждали известия о прекращении сигнала и сообщения наземных станций, что корабль пеленгуется, идет к Земле.

Но тут выяснилось, что получилось все наоборот. Не сработала система ориентации. И импульс, давший кораблю дополнительную скорость, повел его не к Земле, а на другую орбиту...

По взглядам, устремленным на него в ожидании, что он скажет что-то самое главное, Королев понял, что его объяснение не удовлетворило. О причине отброса корабля от Земли они, конечно же, знали. И невысказанный вопрос томительно завис в кабинете: «А если бы в корабле был человек? Кто-то из нас, здесь сидящих».

— Сказать честно? — чуть склонил набок голову Королев. — Это случилось на исходе ночи, все были страшно огорчены, но для меня наступило просветление. Да-да! Ведь это был первый опыт маневрирования в космосе, переход с одной орбиты на другую. Это было открытием! А спускаться на Землю корабли, когда надо и куда надо, у нас будут! Как миленькие будут. В следующий раз посадим обязательно. Но и конечно же, никого из вас не выпустим на орбиту, пока не научимся приземлению. Стопроцентному! С полной гарантией. И еще хочу вам сказать, все вы будете в какой-то степени первыми: сначала полетит кто-то один, потом запустим сразу вместе два корабля, а то и три — целую эскадрилью и, если хотите, эскадру. Потом на орбиту выведем экипаж, затем кого-то из вас попросим выйти из корабля — да-да, не бойтесь, привяжетесь фалом и выброситесь как из шлюпки в море, в конце концов, начнем создавать орбитальные станции. Но это все пока что проекты... Вы вот что скажите, как учитесь?

— Хорошо, — в один голос ответили летчики.

Комаров по праву «академиста» решился добавить:

— Недавно сдавали зачет по теории, все ребята отвечали отлично.

— Но вам-то я не могу не поверить, — сказал Королев. — И именно потому, что вы инженер, мы назначим вас командиром экипажа космического корабля. Экипажа!

Комаров что-то стал было говорить о придирках медиков, но Сергей Павлович успокоил:

— Не волнуйтесь, к тому времени все пройдет.

Широким жестом пригласил к выходу из кабинета:

— А теперь прошу в цех, пора повидаться и с кораблем.

Вернулся. Снял телефонную трубку:

— Кто говорит, Олег Генрихович? Здравствуйте! Привезли кресло? Нет, пока не ставьте. Я скоро буду у вас.

И учтите, не один, а с хозяевами. Да-да, с хозяевами, — со значением повторил он, — поняли? Приготовьтесь к тому, чтобы все рассказать и объяснить, и чтобы без лишнего шума.

В огромном, как вокзал, цехе люди в белых халатах обступили серебристо-матовые шары, напоминающие батискафы. Это были спускаемые аппараты космического корабля «Восток». Следуя за Королевым, тоже накинувшим на плечи халат, летчики подходили к одному из них медленно, со сторожким любопытством, как к чему-то невиданному. В цехе сразу посветлело — в пролете включили полный свет, и к ним вышел худощавый молодой человек, остановился возле одного из шаров. Евгений Анатольевич поздоровался с ним как со старым знакомым:

— Здравствуй-здравствуй... Ты что, старых друзей не признаешь?

— Извини, на ребят на твоих засмотрелся.

— Олег Генрихович Ивановский, — представил Карпов, — ведущий конструктор. Ну как, с рассказа начнете или пусть задают вопросы?

— Да вы не стесняйтесь, — подтолкнул Королев остановившихся на почтительном расстоянии летчиков. — Теперь вы хозяева этих... как мы их называем, изделий, да-да, вы капитаны космических кораблей. Прошу вас, Олег Генрихович.

Но, не дожидаясь тоже смущавшегося Ивановского, положил на шар руку, как на громадный глобус, и начал спокойно объяснять:

— На что же он такое похож, а? Этот корабль. С чем его сравнить? В том то и дело, что не с чем. Ни самолет, ни пароход, ни ракета. Эмбрион космической мысли. Впрочем, может быть, это в миниатюре земной наш шар? Между прочим, в этой штуке больше двух с половиной сотен электронных ламп, тысячи различных транзисторов, почти шестьдесят электродвигателей. Каково? И своя, так сказать, биосфера. Вы будете сидеть внутри этого шара. Шесть кубометров — хватит? Но диаметр два с небольшим метра. Меблировка, правда, не очень роскошная — всего одно кресло. Но ведь вы истребители, не привыкать. Кресло сейчас установят, чтоб вы видели, как оно легко вынимается. Там, при спуске, не руками, конечно, господа бога, а катапультой вы вылетаете из кабины

и на парашюте начинаете спускаться на землю... Ну а на орбиту весь этот шарик вынесет мощная трехступенчатая ракета. Ступени отделятся от корабля, так что дальше вы пойдете вместе с приборным отсеком. Вот баллоны с запасом сжатого воздуха и кислорода. Это и для системы ориентации, и для того, чтобы питать находящегося в скафандре космонавта, если вдруг разгерметизировалась бы кабина. Корабль сделает пока что один виток. Потом развернется, включится тормозная двигательная установка... Кстати, вы знакомы с конструктором? Талантливейший человек. Это он нашел способ «тормозить» нам все дело. Но если все сработает, корабль сойдет с орбиты и возвратится на нашу родную планету в расчетную точку. Так что, как видите, все простенько и мило.

— А как с теплозащитой? — осторожно спросил кто-то из летчиков.

Сергей Павлович задумался, он вроде бы не ожидал этого вопроса:

— А вам разве Феоктистов не рассказывал? В том, что спускаемый аппарат должен быть сферой, они с Тихонравовым убедили всех нас. Мы еще два года назад сделали окончательный выбор: спуск должен быть баллистическим, без подъемной силы, с парашютной системой посадки. Очень важно было исследовать динамику движения спускаемого аппарата. Ну, и найти обмазку, да-да, обмазку той части, которая раскалится до десяти тысяч градусов. Вы окажетесь как бы в вихре метеорного пламени. Но не сгорите. Как, товарищ Гагарин, считаете, вы же были литейщиком? Даже металл расплавленный укрощают...

Гагарин улыбнулся, что-то вспоминая, и поддержал Королева:

— У нас был мастер в литейке, Николай Петрович Кривов, так тот любил повторять: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего».

— Хорошая поговорка, — согласился Королев. — Можно сказать, космическая.

— Что я тебе говорил, — подтолкнул Алексей Леонов Бориса Волынова, — вот увидишь, первым полетит наш Юра.

— Я вас на минутку оставлю, — извинился Королев, — а вы, Олег Генрихович, продолжайте.

Ивановский начал рассказывать о системе терморегулирования, о том, что на всех участках полета в кабине

будет поддерживаться комнатная температура, причем космонавт сможет регулировать ее «по своему вкусу».

— Насчет комнатной температуры это вы, конечно, зря, — проговорил кто-то с явной недоверчивостью, — тогда зачем нас поджаривают в термокамерах...

Снова едва уловимое беспокойство овладело летчиками. Уже не выдержав, обступив корабль, они руками дотрагивались до теплозащитной оболочки, поглаживали ее, словно старались лично убедиться в надежности. Олег Генрихович понял, что именно сейчас наступил самый ответственный психологический момент — безопасность полета проверялась, так сказать, лично, «прощупывалась».

— Да, комнатная, — как можно обыденнее проговорил Олег Генрихович, — вот смотрите — на нижнем конусе приборного отсека уложена специальная трубка. По ней насос прокачивает жидкость, она остужает радиатор, а вентилятор прогоняет через него нагретый кабинный воздух. С нижней полуоболочки он излучится в космическое пространство.

— Вот такая проза, — подытожил неожиданно подошедший сзади Королев. — Но обо всем рассказать сейчас невозможно. Организуем специальные занятия, примем экзамены... — Желание успокоить, расслабить летчиков, слышалось в его голосе.

— И отметки будете ставить? — с иронией спросил Гагарин.

— А как вы думали? — с шутливой строгостью обернулся Королев. — Вот закатим вам двойку, тогда не будете улыбаться!..

Но лицо его смеялось ответно и выражало нетерпение раскрыть уготовленный заранее сюрприз.

— Ну а где же обещанное кресло? — спросил он Олега Генриховича.

Кресло уже подвозили. И, поднявшись на площадку, рабочие просунули его в люк, быстро установили внутри корабля.

Летчики, обступив, молча наблюдали за всей этой операцией.

— Вот тебе и место для живой души, — сказал рабочий, завинчивая последний шуруп.

— Ну кто? Кто первый? Кто опробует? — предложил Королев.

Летчики замешкались, подталкивая друг друга.

И тогда вперед вышел Гагарин. Он неторопливо снял ботинки и, ловко подтянувшись, опустился в кресло.

— Как тут и был, — удивленно произнес Королев.

Летчики поочередно опробовали корабль, выбирались с недоумением:

— Такие удобства и комфортабельность! Для чего же нас раскручивают, выпаривают, поднимают на высоту Эльбруса и опускают на дно океана...

— Надо быть готовым ко всему, — сказал Королев, — это не аттракционы парка культуры и отдыха. И отбирали вас не только по состоянию здоровья, но и по состоянию духа. — И возможно, подумав, что перебрал через край, смягчил: — Один мой наставник в юные годы, когда я еще увлекался планеризмом и однажды вылез из-под обломков, сказал мне: «Не унывай, Сережа! Еще много раз будешь падать».

Снова вернулись в кабинет.

— Я только на минутку задержу вас, — проговорил Королев. — Евгений Анатольевич, смотрю, поглядывает на часы. Не будем нарушать режима, скажу только одно: еще есть возможность подумать, дело добровольное. Каждый пусть выберет сам. На отказавшихся не обидимся. А это на память...

На столе лежало с десяток шкатулок.

Первую Королев поднес Беляеву, как видно, соблюдая принцип старшинства, вторую — Комарову, третью — Поповичу, который был уже избран парторгом отряда, четвертую — Гагарину, а когда раздал все, сказал:

— В каждой шкатулке по два пятигранника с изображением герба нашего государства. Это копии вымпелов, которые остались на Луне, на западной окраине Моря Дождей. Как знать, быть может, кто-то из вас сам лично оставит такую монетку на пыльной лунной тропинке...

Дни летели уже не самолетом, а многоступенчатой ракетой.

Начали строить городок на станции Чкаловская, который с легкой руки Гагарина называли Звездным. Корпуса новых домов вырастали средь белесых берез и бронзовых сосен. Юрий сразу облюбовал местечко, куда выбегал на зарядку, разминался на тропке, входил под ветвистый зеленый тент.

Однажды, как бы ненароком, заглянул к ним Сергей Павлович.

— Ну, как, орелики, обживаетесь? Ей-богу, сбросил бы лет эдак с десяток и переселился бы к вам. Мы тут с Евгением Анатольевичем проделали кое-какую рекогносцировку. И знаете, я так в нашей пешей прогулке подразрядился, что хоть завтра на тренировку. Целебнейший воздух. Чуете, смолкой веет от сосен? Никакого курорта не надо. Но вы-то не будете, надеюсь, здесь отдыхать? Работать, работать, работать! И с заглядом вперед, с перспективой. Городок должен жить не только сегодняшним, а завтрашним днем. Это значит, новое оборудование, тренажеры, построим бассейн. За вами придут другие.

И уехал. А через несколько дней радио провозгласило:

— В соответствии с планами по изучению космического пространства 19 августа 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск второго космического корабля на орбиту спутника Земли. Основной задачей запуска является дальнейшая отработка систем, обеспечивающих жизнедеятельность человека, а также безопасность его полета и возвращения на Землю...

И радостно по всей взлохмаченной ветром степи сквозь веселое тявканье Стрелки и Белки:

— Вернулись! Живые! Ура!

Посреди поля — целехонький спускаемый аппарат и капсула с «двухкомнатной квартирой» собачек.

Королев ходил по кабинету довольный и возбужденный. По телевидению показывали двух космических пассажиров, их мордашки красовались на первых страницах газет.

В метель, как будто бы в облака уже обмакнуло верхушки берез и сосен Звездного городка.

И опять к небесам восходящий голос:

— В соответствии с планом научно-исследовательских работ 1 декабря 1960 года... осуществлен запуск третьего космического корабля на орбиту спутника Земли... При снижении по траектории, отличной от расчетной, корабль-спутник прекратил свое существование.

И ропот, как о внезапном несчастье:

— Ну что же все-таки произошло?

— Как что? Корабль снижался по другой, более крутой траектории и сгорел в плотных слоях атмосферы.

— Вот тебе Пчелка и Мушка... А если бы в кабине сидел человек?

— Да, это бы было ужасно... Ведь этот третий ко-

рабль-спутник шел по космической орбите, которая отрабатывалась для человека.

— На Королеве лица нет.

— Да, СП крупно не повезло...

Королев сидел один в кабинете и раздумывал над случившимся.

В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошел Евгений Анатольевич Карпов.

— Я никого не принимаю. Неужели не ясно? — резко встретил его Королев.

— Я не один, — спокойно ответил Карпов, — я с ребятами. Они хотят, они должны все знать. Они хотели сказать вам...

Королев мрачно кивнул.

Один за другим проскальзывали в кабинет космонавты. И, придирчиво вглядываясь в каждого, Королев настороженно, выжидающе молчал.

Космонавты приблизились к столу, обступили Главного. Королев достал чистый лист бумаги, жестом позвал ближе, начал вычерчивать карандашом линию за линией.

— Вот что произошло... — заключил он. — И вот почему. Значит, не все мы отладили. И для надежности придется здесь кое-что изменить.

— В следующий раз по теории вероятности, — учтиво откашлялся один из космонавтов, — все будет о'кэй! Недолет, перелет — попадание...

— На глазок работать не станем, — возразил Королев.

— Я тоже так думаю. Да и мы вот все ребята, — вмешался Гагарин. — Мы затем и пришли, Сергей Павлович, чтобы сказать: не огорчайтесь! Ведь новое дело! Идем первыми... Даже с хорошо освоенными самолетами и то бывают ЧП, а тут... Всего третий корабль. Только третий!.. И на нем Пчелка и Мушка... А будь на борту человек, такого бы никогда не случилось... — Он помолчал, подбирая слова поубедительнее. — Даже автоматика... Если она и откажет, человек перейдет на ручное...

Растроганный Королев встал.

— Спасибо, друзья. За поддержку спасибо. Но вы должны понять, пока не добьемся полной надежности, никто из вас не полетит. Проведем еще контрольный полет... И не один.

Вскоре пассажирка четвертого корабля-спутника Чернушка смотрела с экранов телевизоров, ничуть не смущенная вниманием миллионов людей.

И опять наступал март — гагаринский месяц — с подтаявшим синевато-оседавшим к вечеру снегом. В южных ветрах слышался трепет грачиных и журавлиных стай, словно они подгоняли крыльями живительный теплый ветер весны. Седьмого Валентина родила вторую девочку — Галю. И, вглядываясь в нее, распеленутую, сучившую ножками, с крохотными ручонками, сжатыми словно птичьи лапки, пытаясь своим отцовским взглядом вызвать ответный взгляд дочурки, Юрий снова заворачивал ее в одеяльце, расхаживал по комнатке, напевал:

Галя, Галинка,
Милая картинка...

И впервые за все эти годы полетов и круговерти космических тренировок тревогой кольнуло в сердце: «Быть может, ему скоро назначат лететь. Но имеет ли он право рисковать родными? Да, собой как угодно. Но сейчас от него зависит будущее жены, двух девочек — Леночки и Галинки? Может ли он так легко распоряжаться судьбами трех самых близких ему людей?»

Но он не мог уже отступать. Надо было ехать на космодром — готовился к последнему контрольному запуску корабль с собачкой и манекеном в пилотском кресле...

Байконур в коричневатых снегах, будто клочьях верблюжьей шерсти. Но уже кое-где зеленела трава и тюльпаны зажигали редкие красные огоньки. Как, должно быть, красиво здесь будет через полмесяца!

В комнатке МИКа — монтажно-испытательного корпуса — их подвели к собачке. Маленькая дворняжка с доверчивыми влажными глазами, навострив одно черно-белое ухо и словно в почтении опустив другое, повернула к Юрию головку.

Вымытая, высушенная рефлектором и тщательно расчесанная, в окружении возбужденных, но прятавших волнение людей, она стояла на столе и помогала себя одевать. Так, по крайней мере, представлялось! Девушка-лаборантка еще только подносила зеленую рубашку, а собака уже сама просовывала мордочку в ворот. Вот подняла лапку, которую надо продеть в рукав... А теперь замерла, словно понимает, что так удобнее закреплять на животе капроновые ленты.

Космическая путешественница была уже почти в полном своем облачении, когда в лабораторию вошли космо-

навты. С любопытством наблюдая процедуру одевания, они тихо переговаривались.

— Кажется, все, — откинув со лба прядь, сказала лаборантка. — Теперь в путь.

И тут Гагарин, неловко улыбнувшись, решительно шагнул к столу:

— Разрешите подержать на руках?

— Подержите, — неохотно позволила лаборантка, не преминув добавить: — Вообще-то такие фамильярности с собачками у нас не допускаются. Если узнает СП...

И в этот момент из толпы выступил Королев, который наверняка слышал весь разговор.

В смущении девушка потянулась было за собачкой, но Сергей Павлович остановил:

— Ладно уж... Пусть подержит...

Что-то мальчишеское, озорное мелькнуло в глазах Гагарина, когда, подмигнув собачонке, он спросил:

— А как нас зовут?

Собачка повела в ответ носом, и в наступившей неловкой тишине лаборантка смущенно призналась:

— Номерная она у нас... Кто как хочет, так и зовет...

— Номерную в космос отправлять нельзя, — возразил Гагарин. — Это же живая душа...

— Пусть будет Дымка, — подсказала лаборантка.

— Дымка или Шустрая, — предложил еще кто-то.

— Ну что за Дымка, — не согласился Гагарин. — Дымка, Дымка, Дымка — это только во дворе их так кличут. А она же к звездам летит. И Шустрая... ну при чем тут Шустрая, когда она идет на такое...

Он задумался, глянул в собачьи глаза, как будто увидел подсказку, и твердо сказал:

— Пусть будет Звездочка! Она осветит нам путь...

— Звездочка — это звучит! Правильно, Юрий Алексеевич, — одобрил Королев.

— А какое нынче число? — спросил кто-то невзначай.

— Двадцать пятое марта, — сказал Сергей Павлович. — А год на дворе одна тысяча девятьсот шестьдесят первый...

«Пуск! Короткое, как выстрел, слово. В пламени, выбивающемся из сопел, в грохоте все сильнее рокочущих двигателей высокий и тяжелый корпус многоступенчатой ракеты как бы нехотя приподнимается над стартовой площадкой. Ракета, словно живое разумное существо, в каком-то раздумье, чуть подрагивая, на секунду-другую как бы зависает у земли и вдруг стремительно, оставляя за

собой бушующий вихрь огня, исчезает из поля зрения, словно росчерк, оставляя в небе свой яркий свет».

Такой запечатлелась Юрию впервые в жизни увиденная им ракета. Словно в клочья разрывая собой небо, она от зенита наклонялась к горизонту, и, перекрикивая громовые реактивные раскаты, Королев подталкивал Юрия:

— Каково! Первый сорт! Как это говорил ваш мастер: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек — сильнее всего!» Да, сильнее всего... Человек, укротивший огонь!

Звездочка благополучно вернулась на землю, и это было хорошим предзнаменованием. Юрию хотелось немедленно увидеть ее, погладить, почесать за ухом...

Дома Валя спросила, почему он в таком восторженном состоянии, и по глазам догадалась, где он все эти дни пропадал.

— Лечу в космос, Валюша! Собирай чемоданчик с бельишком.

Не поймешь, в шутку или всерьез сказал он такое.

— Чемоданчик готов, — ответила Валя. — Ты же летчик, а я не меняла своих привычек. Всегда ожидай тревогу. Но почему они назначают тебя?

«Я как мог объяснил ей, почему выбор может пасть на меня. По Валиному вдруг посерьезневшему лицу, по ее взгляду, по тому, как дрогнули ее губы и изменился голос, я видел, что она и гордится этим, и побаивается, и не хочет меня волновать. Всю ночь не смыкая глаз проговорили мы, вспоминая прошлое и строя планы на будущее. Мы видели перед собой своих дочерей уже взрослыми, вышедшими замуж, нянчили внуков...

— Если ты уверен в себе, решайся! Все будет хорошо...»

Через несколько дней, взяв нехитрый свой чемоданчик, Юрий улетел на Байконур.

IV. ПОСЛАНЕЦ ЗЕМЛЯН

Глава первая

Самолет летел на Байконур, навстречу рассвету. Гагарин неотрывно смотрел в иллюминатор.

Плывя над розовеющими поверху облаками, самолет устремлялся к солнцу, с каждым часом приближая их к земле, которая станет известна всей нашей планете. Калейдоскопом ожидания — кто же, кто из них самый достойный — промелькнули предшествовавшие дни. Выбирали, конечно, наставники и государственная комиссия, но накануне отлета на Байконур Сергей Павлович, пришедший к окончанию лекции, сказал, устало присаживаясь:

— Ну, что, орелики, заканчиваете курс наук? Встает вопрос, кого посылать первым. Не думали об этом?

Он, конечно, знал, что думали, и все же застал их врасплох. Может быть, рановато устраивал это необычное испытание? Заерзали за столами, зашушукались.

— Вы как-то слишком в лоб, Сергей Павлович. Тут надо бы покумекать.

— На это я и рассчитывал, — улыбнулся Королев, — вы, летчики, должны любить лобовые атаки. Может, мы останемся и при своем мнении... — Он взглянул на часы. — Время дорого, сделаем так: через полчаса, чтобы каждый написал на своей страничке. Евгений Анатольевич потом передаст мне ваши сочинения. — И покинул класс.

Карпов принес Главному кипу листков через час. Все написали. Одни много, другие несколько слов.

— Мне ведь важна не стилистика, а почему они написали так, а не иначе? Какие критерии отбирали.

— Я, правда, не согласовал с вами, — замялся Карпов, — но, сказал, что подписываться необязательно,

лишь бы было честно. И вот без подписи ни одной страницы.

Начали перебирать листки с интересом. Почти все предлагали первым послать Гагарина, объясняя это его личными качествами: честностью, желанием всегда прийти на помощь товарищу, решительностью, широтой знаний, человеколюбием. Это был ответ и на будущее, когда мысли многих людей, забывших, что полет Гагарина был подвигом, устремятся к одному и тому же, почему именно он? Неизвестно, кто раньше сформулировал критерии — психологи-наставники или сам Гагарин, показавший качества, которыми должен был обладать космонавт. Евгений Анатольевич Карпов объяснял это так:

«Для первого полета нужен был человек, в характере которого переплеталось бы как можно больше положительных качеств. И тут были приняты во внимание такие неоспоримые гагаринские достоинства:

беззаветный патриотизм,
непреклонная вера в успех полета,
отличное здоровье,
неистощимый оптимизм,
гибкость ума и любознательность,
смелость и решительность,
аккуратность,
трудолюбие,
выдержка,
простота,
скромность,
большая человеческая теплота и внимательность к окружающим людям.

Таким он был до полета, таким он встретил свою заслуженную славу. Таким он остался до конца».

Но тогда, при том эксперименте с сочинениями, Королева больше всего интересовало, что написал сам Гагарин. Перед этим была прочитана записка человека со странным именем Марс, развеселившая их обоих: «Мое имя Марс, так что мне сам бог велел лететь первым. Но если быть честным перед своей совестью, то я бы послал Гагарина, хотя и негоже на опасное дело первым посылать другого. Я уверен, что лучше его с этим заданием не справится никто».

Григорий полагал, что «на «отлично» может выполнить любую задачу, верит себе, на первое место при отборе ставит отличное знание техники, натренированность, летное мастерство». Судя по всему, этот рвался в космос сам.

Ну а что же Гагарин? Как рассуждает он?

Много лет спустя Павел Попович опубликовал записку, которая, быть может, решила судьбу Гагарина.

«Вопрос очень серьезный, — писал Юрий, — и над ним надо еще много думать. При выборе, вероятно, надо учитывать множество факторов. Здоровье? Но все мы проходили медицинскую комиссию, и довольно серьезную. Техническая грамотность? Но все ребята по всем дисциплинам успевают просто прекрасно. Уверен, что любые экзамены сдадут только на «отлично». Будут другие тренировки, но всегда лучшими будут несколько человек. Трудно выбирать. Однако, по-моему, первый полет — это прежде всего высокое доверие, и на первый план при равенстве других качеств должны выйти моральные качества человека. Вероятно, уже сейчас нужно посмотреть, каким будет человек, первым полетевший в космос. На него будет смотреть вся планета. Как-то не думал об этом раньше, а вот задали вопрос, и приходится его решать. Ведь практически решается вопрос создания новой профессии. Какой она будет? Многое решит первый. Поэтому мне кажется, что первым должен лететь Человек с большой буквы, настоящий представитель Страны Советов. А с другой стороны, ведь, действительно, ничего сейчас не известно. Кроме того, любой отказ может произойти чисто случайно, и никто не знает, что последует за ним. Тогда получается, что послали человека на гибель. Брать на себя такое решение... как-то не задумывался, что конструкторы это делают постоянно. Очень опасно. Но мы же летчики, и каждый мысленно продумал и такую возможную ситуацию, когда решил идти в космонавты. Мы должны быть готовы к любым неожиданностям, для чего и необходима наша столь всесторонняя подготовка. И все же, отбросив в сторону всякие сомнения, я бы доверил, именно доверил, право полета Павлу Ивановичу Беляеву. Он настоящий Человек, с него можно брать пример. Нам, молодым, еще многому надо учиться у него. Он успел даже повоевать на фронте. Я думаю, что и мы успеем слетать в космос. Недаром же нас отобрали с большим запасом. Я очень хочу слетать в космос! Страстно! Хочу и надеюсь, что нас не будут долго задерживать на Земле!»

— Прекрасно, — сказал Королев, — Гагарин обобщил мысли всех. И я рассуждаю примерно так же. Конечно, хорошо бы послать Беляева, если бы не кое-какие претензии медицины.

Юрий не знал, будут ли зачитаны их сочинения, и пока еще группа не разошлась — он ничего не привык таить — высказался открыто.

— Вот что, ребята, кто полетит, неизвестно. Соперничество нам ни к чему. Я, например, назвал первым Павла Ивановича Беляева. Считаю, что он из нас самый достойный.

Беляев встал смущенный, хотя был и постарше, посдержаннее остальных:

— Спасибо, ребята, но здоровье мое не на все сто процентов, и дело, в общем, не в этом. Практически нас всех допустили к полетам. Но ведь признаемся честно, никто из нас не испытывал других перегрузок. После полета космонавта узнает весь мир. Но вот испытание славой — это самое трудное, труднее всего, что мы проходили! — и тепло, ободряюще посмотрел на Юрия.

Что еще запомнилось особенного в этой предбайконурской хлопотливости? Экзамены, конечно, экзамены. Знание корабля проверялось с дотошностью. Феоктистов нажимал на все «нюансы», словно прощупывал вместе с каждым все до тончайшего проводка. Подходил к тренажеру и Королев, может, Юрию так казалось, но в научениях Главного он чувствовал особое расположение. Он вел себя не строгим экзаменатором, а как бы напарником: поощрял хороший ответ, тут же подсказывал, если Юрий забывал какую-то мелочь, как будто собирался лететь вместе с ним.

В присутствии комиссии на земле совершили пробный «полет». Юрий изрядно поволновался, когда, назвав свой позывной, начал проверку оборудования. Мозг работал автоматически, руки сами тянулись к приборам. Пять, четыре, три, два, один... старт! И вдруг вводная:

— На вашем корабле вышла из строя система автоматической ориентации, ваши действия?

— «Заря»! Я — «Кедр». Вас понял. Отказала система автоматической ориентации. Разрешите посадку с помощью ручной системы.

Ручную посадку ему разрешили, и Юрий открыл заветную пластмассовую защелку на боковой стенке. Там были записаны три цифры, набор которых на специальном устройстве позволял ему взять управление кораблем на себя.

В реальном полете эти цифры будут запечатаны в конверте. Он должен раскрыть его, оценив ситуацию, не принимая необдуманного решения.

— Корабль сориентирован, разрешите спуск по программе номер два.

По глобусу, над которым замерло перекрестье, Юрий определил, что в случае такой непредвиденной ситуации приземлится в одном из районов Сибири. Но комиссия решила, что пора выбраться из корабля. Место Юрия занимал Герман. Когда они познакомились? Сейчас было бы трудно вспомнить, но Юрия очень удивило необычное имя:

— Герман? Почему же вы Герман?

— Да отец увлекался Пушкиным...

Юрий быстро нашелся.

— А меня зовут Юрий. Если отчислят из космонавтов, подадимся в писатели, тем более что есть псевдоним: Юрий Герман. Неплохо?

Когда они, самые близкие друзья, собирались у Гагариных последний раз? Отмечали рождение Гали? Волынов, Леонов, Беляев, Николаев и Комаров. Перед прощанием разоткровенничались:

— Видишь ли, Юра, — сказал Николаев, — мы совершенно убеждены, что первым полетишь в космос ты. Мы крепко верим в тебя. И если все будет благополучно, смотри не зазнайся.

Юрия приобнял Беляев:

— Не обижайся, но это дружеское напутствие, нам кажется, что тебе будет легче лететь, если ты настроишь себя заранее.

— Спасибо, ребята, — растроганный таким участием, проговорил Юрий. — Если пошлют меня, честное слово, не подведу, а насчет славы... Вот вам мое сердце, оно всегда останется таким же, я ничем не выделялся и никогда не буду выделяться...

— Нет, Юра, ты выделяешься, — прервал Волынов, — ты выделяешься тем, что все мы любим тебя.

Что еще запомнилось? Валя, конечно, Валя. Перед самым отлетом проговорила с укором:

— Почему все всё знают, только мне ничего не известно?

— А что я тебе скажу? Нас шесть кандидатов. Из шестерых отобрали тройку. Значит, кто-то из этих троих. Будешь ждать. Ты же привыкла ждать летчика.

— Это только вам кажется, нашим мужьям, что мы привыкаем. Там я хоть слышала гул самолетов и молилась на твой парашют, а здесь?

Юрий мизинцем промокнул на щеках ее слезы, но и сам словно бы снял соринку с глаз:

— Ничего не случится. Если ты будешь ждать — я вернусь, помнишь, у Симонова: «Ожиданием своим ты спасла меня...» А знаешь что, давай-ка завтра махнем в Москву.

И опять Москва стала для них разлучницей, только тогда Валя, после гжатской свадьбы, уезжала к родным в Оренбург, а Юрий — на Север.

Вышли на Красную площадь. На нее всегда вступаешь как будто впервые. Напротив ГУМа остановились под липами, на которых уже набухали почки. Еще полмесяца — и взорвутся зеленым салютом. Долго смотрели на Мавзолей.

— Ты знаешь, Валюша, — тихо сказал ей Юрий, — с тех пор, как я впервые подошел к часовым, прошло много лет. Наверняка их сменили другие, а мне все кажется, что справа стоит один и тот же, тот самый, с изогнутой черной бровью. Понимаешь, здесь какое-то вечное время. Интересно, а видна ли Москва из космоса? Посмотри, эти красные звезды на башнях сливаются ночью со звездами в небесах.

Через день он пройдет по этой площади с космическим своим собратом — Германом Титовым. И они тоже будут мечтать, размышлять, только больше все молча, глядя на высокие стены, на ели, стоящие как часовые, на утесистую громаду Исторического музея, сверят свои часы по Спасским... Московский ветер будет пошевеливать полы их серых шинелей. А люди, встретившие их на брусчатке, наверно, подумают, что из какого-нибудь гарнизона проездом в Москве два молодых симпатичных летчика пришли посмотреть на Красную площадь...

Из дневника Николая Петровича Каманина

«2 апреля 1961 года. Какой длинный, насыщенный событиями день, и как он быстро промчался. «С добрым утром», — сказали мы друг другу в Москве, а «спокойной ночи» пожелали в ставшем уже обжитым домике космодрома. В соседней комнате спят Гагарин и Титов, ушел отдыхать Евгений Анатольевич Карпов...

Утро, с чего оно началось и когда? Проснулся как по заказу — ровно в пять и сразу вспомнил, что остались позади многочисленные совещания на самых различных уровнях, вплоть до Правительственной комиссии, поездки

на предприятия, в НИИ и другие организации. Огромная, титаническая работа многих коллективов ученых, конструкторов и рабочих принесла свои результаты: Правительственная комиссия дала «добро» на первый полет человека в космос... Солнцем проводила нас Москва, солнцем встретил космодром, мы вышли из самолета и невольно стали щуриться от ослепительных лучей. Из зимы сразу в лето. Тепло, даже жарко.

— Ну как «там»? — Сергей Павлович отвел меня в сторону и задал вопрос, понятный обоим.

Коротко рассказал о том, что произошло в Москве за последние дни. Вести были хорошие, и настроение Королева стало еще лучше. Он рассказал, как шла работа по отлаживанию систем корабля. Тут назвал ориентировочный срок готовности к пуску.

— Как видите, в вашем распоряжении срок немалый, чем думаете заняться?

— Тренировками.

— Правильно...

Накоротке удалось побеседовать с главным конструктором космических двигателей... Его здесь зовут «богом огня». Если посмотреть на пуск мощной ракеты, когда стартовый стол тонет в гигантских клубах дыма и огня, то станет понятно, почему его так называют.

6 апреля. Основным событием дня было техническое совещание. Вот уж поистине это был совет «богов». На совещание явились все главные конструкторы — двигателей, систем связи, оборудования, управления и другие. Каждый из них представлял большие коллективы ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих. Наглядно видно, что полет в космос — концентрированное выражение современных успехов нашей науки, техники, всей советской экономики, своеобразный сплав мысли и промышленного могущества страны... Итог совещания: окончательно разработано задание космонавту на одновитковый полет. Подписать этот документ выпала честь С. П. Королеву, М. В. Келдышу и мне...»

Первое задание летчику-космонавту на первый полет в космос!

Каманин в дневнике не приводит текст задания.

«Одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180—230 километров продолжительностью один час тридцать минут с посадкой в заданном районе. Цель полета — проверить возможность пребывания человека в космосе на специально оборудованном корабле, проверить обору-

дование корабля в полете, проверить связь корабля с Землей, убедиться в надежности приземления корабля и космонавта...»

Далее в этот день (6 апреля) Каманин писал: «В наш домик я вернулся вместе с космонавтами около одиннадцати часов вечера. Мы вместе поужинали, много говорилось о том, как идут тренировки, пристально приглядывался к каждому, особенно к Гагарину и Титову, старался подмечать любую мелочь в их поведении, ведь надо ответить на вопрос: кто?.. И тот и другой отличные кандидаты, оба прекрасно подготовлены. И тренеры, инструкторы и врачи высказываются так, словно посылать в полете надо не одного, а двух космонавтов. Оба достойны. А из двух надо избрать все же одного.

7 апреля. С утра три часа занимался с космонавтами. Отшлифовывали действия космонавта при ручном спуске, а также после приземления. Молодцы, действуют отлично. Один из космонавтов невзначай обронил фразу: «Пустая трата времени. Автоматика сработает как часы».

Это насторожило. Попросил высказаться по этому поводу Юрия Гагарина. Тот ответил незамедлительно, убежденно:

— Автоматика не подведет. Это верно как дважды два. Но если я уверен, что в крайнем случае смогу совершить более длительную, хотя бы в течение многих суток, аварийную посадку сам, с помощью ручного управления, то веры в благополучный исход полета у меня прибудет вдесятеро. А лететь надо только с безграничной верой в успех.

А Герман Титов добавил:

— Мне бывалые летчики говорили: если летчик идет в полет как на подвиг, значит, он не готов к полету. Космонавт — тот же летчик, и он должен быть готовым ко всем вариантам полета, в том числе и к аварийному...

Говорил по телефону с Москвой, доложил о ходе подготовки к полету, о предполагаемом сроке пуска.

Мне сообщили, что, по сведениям печати, американцы планируют полет человека в космос (баллистический прыжок) на 28 апреля. Торопятся. Вряд ли нужна в этом деле торопливость, а тем более погоня за сенсацией.

8 апреля. Состоялось заседание Государственной комиссии по запуску космического корабля «Восток» с че-

ловеком на борту. Затем состоялось закрытое заседание, решали вопрос: кто полетит. Мне были даны полномочия назвать кандидатом Гагарина Юрия Алексеевича, а его дублером Титова Германа Степановича. Комиссия единогласно согласилась с этим мнением.

9 апреля. Сегодня день воскресный, но работы продолжаются, и на пусковой площадке и в пункте управления... Решил не томить космонавтов, объявить им о решении комиссии... Пригласил к себе Юрия Гагарина и Германа Титова, побеседовал о ходе подготовки и сказал просто, как можно более ровным голосом:

— Комиссия решила: летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Не скрою, Гагарин сразу расцвел в улыбке, не в силах сдержать радости, по лицу Титова пробежала тень сожаления, что не он первый, но это только на какое-то мгновение. Герман с улыбкой крепко пожал руку Юрию, а тот не преминул подбодрить товарища:

— Скоро, Герман, и твой старт.

— Рад за тебя, Юра. Поздравляю, — ответил Титов. Молодцы ребята.

10 апреля. В 11 часов утра состоялась встреча членов Государственной комиссии, ученых, конструкторов. ракетчиков и группы космонавтов. Это было официальное представление в дружеской обстановке будущих капитанов космических кораблей тем, кто готовит полет. Первым выступил Сергей Павлович Королев. По памяти восстанавливаю его выступление:

— Дорогие товарищи, не прошло и четырех лет с момента запуска первого искусственного спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Здесь присутствует группа космонавтов, каждый из них готов совершить полет. Решено, что первым полетит Гагарин. За ним полетят другие, в недалеком будущем, даже в этом году. На очереди у нас новые полеты, которые будут интересными для науки, для блага человечества. Мы твердо уверены, что нынешний полет хорошо подготовлен и пройдет успешно. Большого успеха вам, Юрий Алексеевич!..»

О чем размышлял Юрий в тот вечер, что чувствовал?

Ему казалось, что в ту минуту, когда благодарил за оказанное доверие, он не сказал тех слов, которые должен был сказать. Мысли его путались. Он говорил не по бумажке, хотя заранее написал текст выступления на

попавшемся под руку куске миллиметровки. Этот листок сохранила Валентина Ивановна.

«Товарищ председатель, товарищи члены Государственной комиссии, я сердечно благодарю вас за оказанное мне доверие — лететь первым в космос! Очень трудно передать словами те чувства, которые вызвало во мне это решение. Я рад, горд, счастлив, как любой советский человек, если бы ему Родина доверила совершить такой беспримерный по своему историческому значению подвиг.

Я, простой советский человек, коммунист, благодарен Советскому правительству, решившему послать меня первым. Считаю себя полностью подготовленным к предстоящему полету. Технику изучил и знаю хорошо. В ее работе полностью уверен. Теоретически также считаю себя полностью подготовленным к предстоящему полету. Здоровье хорошее. В успешном исходе полета не сомневаюсь.

Разрешите мне заверить Советское правительство, нашу Коммунистическую партию, советский народ в том, что я с честью выполню это задание, проложу первый путь в космос, если встретятся трудности, то преодолею их, как преодолевают коммунисты».

Теперь Юрий и Герман были на глазах у десятков людей. Мало сказать, что их берегли, рядом с ними старались лишний раз не дышать, и все же Юрий под видом, что повторяет инструкцию, вложил меж ее страницами маленький листок и написал записку, которую Валентина Ивановна обнаружила в его чемоданчике после прилета с космодрома, после той всенародной демонстрации, которую устроили Юрию москвичи. Быть может, он забыл о записке, поддавшись всеобщему ликованию. Но Валя по привычке разбирала чемоданчик после возвращения мужа. Вот там-то она и нашла то, чего не искала:

«Здравствуйте, мои дорогие и любимые, Валечка, Леночка и Галочка!

Сегодня Правительственная комиссия решила послать меня в космос первым... Доверила простому человеку проложить дорогу в космос. Через день я буду стартовать. Через день вы будете... («Что они будут делать в ту минуту, когда узнают о старте? Он спокоен, на технику надеется».) ...Но бывают вещи, что и на ровном месте человек падает, и если что случится... вырасти, пожалуйста, дочек не белоручками, не маменькиными дочками,

настоящими людьми... Не забывай родителей. Береги, пожалуйста, наших дочек, люби их, как любил я, вырасти из них людей, достойных коммунизма. В этом тебе поможет государство.

Что-то уж слишком странное письмо, мне чуть стыдно за эту минутную слабость. Обнимаю, целую с приветом, ваш папа и Юра. 10.04.61 года».

Он представил их дом среди сосен, до поздней ночи не гаснущее окно, спящих малышек — что они еще понимали? А ведь он может и не вернуться. Что тогда? Валя ходит из комнаты в комнату, нервничает. То и дело включает радио. Он сказал ей — четырнадцатого, а вдруг раньше? Наверняка к ней заходят летчики, успокаивают. Но и в самом деле, как они будут жить без него? Как все это представить? Жизнь продолжается, а его уже нет. Девочки подрастут и спросят: «Мама, а где наш папа?» Что ответит она? «Ваш папа погиб при исполнении?..» Валя, Аленка, Галина... Приедет из Гжатска мать. Выдержат ли их сердца, если что-то случится, и правильно ли он поступает, по существу, не спросив никого? Да и сам-то он — видел ли жизнь? Ведь она только-только расправила ветки, наливается соком, и сейчас не война, чтобы идти в атаку, бросаться на амбразуру. Но быть может, это и есть пик его жизни? Та высота, до которой добирался все эти годы? Да нет, не добирался, — он не из любителей-карьеристов. На высоту его поднимали люди, много людей.

И пока сидел над листком завещания, за тысячи километров что-то передалось туда, где над заснувшими соснами тревогой светился огонек окна.

Стоило зазвонить телефону, Валя вставала и бросалась к трубке. Поставила аппарат у изголовья, чтобы быть готовой в любую минуту к любой страшной вести. В дверь позвонили, вошли трое военных, и с ними Павел Беляев.

— Что? Что случилось? — спросила она в напряжении, вглядываясь в лица, пытаясь хоть что-либо расшифровать. Почему они молчаливы и так загадочны? Может, Юра уже слетал и... не возвратился? Но Павел Беляев, роднее старшего брата, пожимает ее за локоть.

— Потерпи, Валюша, все будет скоро. Поверь, все будет отлично.

И ушли, и снова они втроем. Только будильник цикадно отчитывает секунды...

«Каманин. 11 апреля. Последние сутки до старта...

Сергей Павлович Королев попросил почаще информировать его о состоянии космонавтов, об их самочувствии, настроении.

— Волнуетесь за них?

На мой вопрос он ответил не сразу. Видимо, сказывается привычка не бросать пустых, необдуманных фраз.

— А как вы думаете? Ведь в космос летит человек. Наш, советский, Юрий.

Помолчав немного, добавил:

— Ведь я его знаю давно, привык, он мне как сын.

Такой сердечной откровенности Сергея Павловича, обычно сосредоточенно-сдержанного, делового человека, я еще не видел. В час дня состоялась встреча Ю. А. Гагарина на стартовой площадке с пусковым расчетом. Юрий горячо поблагодарил присутствующих за их труд по подготовке ракеты, заверил, что он сделает все зависящее от него, чтобы полет явился триумфом для страны...»

Никто не помнит в точности, что он там сказал. Вряд ли он употребил такое слово, как триумф, — это уже от настроения самого Каманина. Юрий говорил, разумеется, проще, как рабочий с рабочими, и все удивились, каким все-таки на вид неброским и маленьким был тот, который завтра прославит страну. На сохранившейся фотографии Юрий стоит в окружении стартовиков в помятом, видавшем виды кителе, в погонах старшего лейтенанта — последний раз его видели просто летчиком.

Навещая космонавтов, Сергей Павлович теперь интересовался только ракетой. После заседания Государственной комиссии, где командиром «Востока» утвердили Гагарина, Королев не отпускал от себя ни на шаг руководителя стартовой службы Анатолия Семеновича Кириллова, своего зама по летно-конструкторским испытаниям Леонида Александровича Воскресенского, ведущего конструктора корабля Олега Генриховича Ивановского.

— Ну как, голубчики, хорошо погрелись под «юпитерами»? Ничего, не унывайте, ягодки еще впереди, это только цветочки! А сейчас — всем отдыхать, завтра тяжелый день.

Сам Главный не торопился уходить, заглянул в зал монтажно-испытательного корпуса, посмотреть, как идет сборка. Все шло четко по графику. Побыв здесь еще немного, Королев успокоился.

— Я, пожалуй, поеду и тоже часок отдохну.

Анатолий Семенович Кириллов вспоминает, что обратил внимание, как смертельно устал Главный, как осунулось его лицо, под глазами появились тени.

Но не спалось. Кириллов пытался задремать, казалось, только-только сомкнул глаза, открыл, а уже полседьмого. Надо немедленно к ракете. В МИКе его уже ждал Королев. Вместе с Леонидом Александровичем Воскресенским направились к площадке обслуживания, где работали телеметристы. Главный перевел взгляд на часы, спросил руководителя стартовой службы:

— Вы, кажется, намечали вывоз на семь часов? — Он едва сдерживал гнев. — Не хотите ли вы сказать, что придется перенести вызов ракеты на более позднее время? — Надвигалась гроза. Королев не любил, когда медлят. И тут раздался голос телеметриста:

— Исходные телеметрии в норме! Закрываем лючки!

— Подать тепловоз к установщику! Приготовиться к вывозу! — нарочито громко подал команду Кириллов.

Тепловоз с идущей впереди платформой перекрытия, выбросив к потолку сизый клуб дыма, медленно подъехал к установщику.

Королев постепенно успокаивался, наблюдая за происходящим. Он понимал, что, может быть, отсюда начинается отсчет секунд новой эпохи. Ракета была готова к транспортировке.

— Сергей Павлович, — попросил Кириллов, — пройдите к выходу, до вывоза ракеты осталось около минуты.

Королев не ответил, обнял Кириллова за плечо, слегка прижимая к себе, и пошел вдоль установщика к широко распахнутым воротам корпуса. Так он частенько «извинялся» за допущенную горячность. В машину Главного они сели втроем. Преодолев затяжной подъем от монтажно-испытательного корпуса, «Волга» вырвалась на асфальтированную полосу шоссе. Следом мчалась вереница машин с членами Государственной комиссии и представителями технического руководства.

— Есть предложение, — прервал молчание Королев, — давайте остановимся и полюбуемся нашей красавицей.

Машина остановилась на обочине — там, где шоссе и железная дорога делали резкий поворот...

«Небо очищалось, и теперь на его голубом фоне с отдельными облаками ракета была удивительно красивой. Высокая насыпь, по которой проходил стальной путь, так

же усиливала эффект. Под резкими порывами степного ветра ракета слегка покачивалась. Тепловоз шел на самой малой скорости, и потому на крутом повороте реборды колес неприятно скрипели о рельсы. Уложенная на низкий, приземистый установщик, ракета казалась гигантской стрелой. Ее светло-серая, по-морскому шаровая окраска в лучах утреннего солнца казалась почти белой, обшивка хвостовых отсеков из нержавеющей стали отсвечивала слепящими бликами, а сопла ракетных двигателей горели червонным золотом с красноватым отливом».

Таким на всю жизнь запечатлелся Анатолию Семеновичу Кириллову образ предтечи космической эры.

Чуть больше суток оставалось до старта.

Глава вторая

День 11 апреля 1961 года клонился к закату, но степь, обрадованная прохладе, словно встрепенулась перед сном, ожила каждой травинкой, каждым цветком; с нагретого камня юркнула ящерица; порхнула, что-то прокричав, птица. Голоса природы как бы перекликались на ночь, а может, это свою колыбельную начала древняя, с морщинистым из горизонта в горизонт ликом Земля — в тревожном и радостном предчувствии, что завтра она впервые выпустит из материнских объятий Сына, благословит его в звездный путь...

Как бы из этих трав и цветов посреди степи неожиданно вырастала ракета.

В ажурном переплетении ферм обслуживания, где поэтажно, на мостиках, сосредоточенно делали предстартовые дела рабочие, техники и инженеры, она выглядела невиданным сооружением. Странно было видеть в степи это необычайное творение рук человеческих. В унылом однообразии пейзажа здешних мест, где на многие сотни километров единственным признаком обитания едва ли встретится даже юрта кочевника, что она напоминала? Гигантскую, с мощным оперением стрелу великана-батыра, нацеленную в небо?

Ракета была похожа только на себя, и потому казалось, что, озаренная внутренним светом накапливаемой для взлета энергии, она стоит не посреди степи, а на округлости земного шара — таким виделось сейчас все пространство вокруг нее — от плавно закругленного око-

ема горизонта до алой лепестковой чашечки тюльпана — трепетного радарчика, внимающего стрекоту цикад, вглядывающегося в проблеск первой предвечерней звезды. Все слилось воедино — космическое и земное.

Но самым слышимым здесь, у ракеты, был неторопливый, с едва сдерживаемым волнением разговор двоих, стоявших на верхнем мостике фермы обслуживания. Так в сумерках где-нибудь на берегу реки особенно отчетливо слышны отраженные водой приглушенные голоса.

На площадке у ограждения спиной к люку корабля стояли Королев и Гагарин и как бы с сорокаметровой вышки смотрели на степь.

Королев слегка нахлобучил шляпу, приподнял воротник пальто, здесь потягивало ветерком, начинало свежеть. Юрий в тужурке с погонами старшего лейтенанта, в фуражке, которую придерживал за козырек, держался молодцевато, по-военному, старался казаться спокойным. Но невыразимая взволнованность переживаемых минут все более переходила в доверительность, теплоту, с которой нет-нет да и пересекались, старающиеся что-то уловить друг в друге, взгляды этих двоих.

И, всматриваясь в пестрый весенний ковер степи, перерезанной стрелами шоссе, железных дорог, линиями электропередачи, они, возможно, думали об одном и том же, хотя говорили о чем угодно, только не о предстоящем завтра старте.

— А хороша все-таки степь весной! — произнес Королев, вдыхая полной грудью. — И воздух, ну прямо как с моря...

— На карту географическую... похоже, — сказал Гагарин. — Вон голубые пятна — моря, желтые, зеленые, бурые — материки...

— Напоминает, — согласился Королев. — И еще как будто вид с самолета... Небось не забыли первый самостоятельный вылет?

Гагарин оживился:

— Ну какой же летчик забудет, Сергей Павлович? Это как... Ну как второе рождение, что ли... Невозможно передать словами! Вы ведь тоже летали?

— И летал и парил, — с удовольствием подхватил Королев. — Но особенно запомнилось на планере. А? Каково? Ни с чем не сравнить. На своей, можно сказать, личной птице, Юрий Алексеевич... Первый сорт! Только свист в ушах...

— Все первое запоминается на всю жизнь, — задумчиво проронил Гагарин и внезапно погрустнел. Да и не было у него в те минуты улыбки, которой после полета он обворожил весь мир.

И краем глаза, с нежной озабоченностью взглянув на него, Королев осторожно спросил:

— Жена знает о дате полета?

— Я сказал, что четырнадцатого, — признался Гагарин с некоторым смущением. — Женщины, они ведь народ беспокойный. Вдруг у Вали молоко пропадет? Второй-то моей дочке месяц с небольшим... Перепеленал я ее перед отъездом саморучно. Говорят — хорошая примета. А первой, Леночке, семнадцатого апреля уже три стукнет.

— Это же солидный возраст! — сказал Королев. — Вернетесь — отпразднуем. — И тут же словно устыдился двусмысленности фразы: что значит — «вернетесь»? Может, и не вернется?

И они оба в неловкости замолчали и так некоторое время стояли, глядя в степь, начинающую темнеть. Звезды одна за другой загорались в небе, перекликаясь с огнями космодрома, вспыхивающими то тут, то там и особенно ярко, прожекторно у подножия ракеты.

— Сергей Павлович, — вдруг прервал молчание Гагарин и поворотился к Королеву с лицом, просящим предельного откровения: — Вы хотите что-то важное сказать, но оттягиваете. Говорите все как есть. Я пойму. Я все прекрасно сознаю и понимаю. Поверьте...

Королев приобнял по-дружески Гагарина и, заглядывая в глаза, растроганный таким порывом, проговорил, с трудом выравнивая голос, переходя на «ты»:

— Я знаю, Юра, что ты все понимаешь. И верю в тебя, как в самого себя. Но все может случиться, все, что угодно, — и на старте, и в полете. Никто не даст стопроцентной гарантии. Страшное давление перегрузок, столь длительная невесомость, спуск в адской температуре...

— Но ведь собачки летали, Сергей Павлович, — перебил, стараясь свести на шутку, Гагарин. — И ничего! Хоть бы хны...

— А что собачки?.. — не обращая внимания на эту реплику, продолжал Королев. — Да, летали, да, вернулись. Но рассказать-то ничего не могли? Мы не знаем, Юра, что чувствовали и что пережили эти симпатичные существа... У них все в глазах осталось. Великая тайна.

И они вновь замолчали. Но на этот раз молчание прервал Королев:

— Видишь ли, Юра, когда в космос летит человек — это уже осознанная необходимость. Ты не испытуемый, а испытатель! Понимаешь — необходимость подвига. Да-да! Без громких слов. Тебе выпало воплотить мечту многих поколений людей, великих умов. И ты не супермен какой-нибудь, а простой парень, муж своей жены, отец двух дочурок. Земной человек!

Королев словно пытался что-то внушить самому себе. Гагарин уважительно слушал.

— Мы, быть может, еще сами не осознали, на какую ступень поднялись, — продолжал Королев, — в космос летит человек. Ничто не может заменить разум пытливого исследователя. А ведь еще вчера были скептики. Они и сейчас не перевелись. Да что там! Каких-то двадцать лет назад многие считали бреднями предсказания Циолковского... А этот старик с крыши своего домика на берегу Оки такое видел...

— Вы встречались с Циолковским? — нетерпеливо спросил Гагарин.

Королев промолчал, пытливо, открыто вглядываясь в Гагарина, в его то ли осунувшееся, то ли озябнувшее за эти несколько минут лицо.

Гагарин подавил волнение, и в широко раскрытых голубых глазах его словно бы зароились веснушки, придавшие им выражение той неподдельной решительности, какая в трудные минуты проявляется у скромных, даже застенчивых людей.

Его голос, впрочем, надломился.

— Сергей Павлович, — произнес Гагарин тихо, но с отчетливым внутренним убеждением, — может быть, в отряде есть ребята достойнее, подготовленнее, но вы не волнуйтесь. Честное слово, я не подведу, все сделаю...

Королев отозвался мягким взглядом.

— Знаете, Юра, о чем я сейчас думал? А Константин Эдуардович-то Циолковский мог бы вас на руках подержать. Ведь вы его застали с год как. Да и земляки к тому же. От Гжатска до Калуги сколько? Полторы сотни верст, не больше? Жаль, не дожил он до дней Байконура. Вот уж истинно было им сказано: «Невозможное сегодня станет возможным завтра». А я, знаете, во что поверил, когда был у него? В стружки на столярном станке и в гнутый алюминий. В дело, Юра, поверил! Как это старик говорил? «Будем последовательны: сперва полеты на не-

больших высотах, затем человек проникнет за атмосферу и наконец далее, к звездам». Последовательность! Это вообще, Юра, очень важный принцип жизни. Не просто витать в облаках, а опираться на реальность. Твердо стоять на земле. — Королев словно спохватился, что слишком отвлекся, дал волю воспоминаниям, и улыбнулся, выдав, впрочем, этой улыбкой, как сильно волнуется, переживает. — Все будет как рассчитали, Юра, — сказал он. — А еще, если честно, я очень тебе завидую. Ты увидишь планету такой, какой никто и никогда из людей ее не видал. Конечно, она еще не покажется шариком, но...

И, обрадовавшийся разрядке в настроении их обоих, Гагарин мечтательно подхватил:

— Чкалов! Вот кто хотел махнуть «вокруг шарика»! Интересно, а какой Земля видится, когда она размером с... Луну?

Королев пожал плечами, усмехнулся.

— Наверное, как Луна, как месяц...

— Вот-вот, — продолжил возбужденно Гагарин. — Земля как месяц... Значит, из тех космических далей нашу планету можно увидеть как серп... Серп Земли?

— Возможно, наверное, так, — произнес в мечтательной раздумчивости Королев. — Ну что ж, пора спускаться на грешную Землю?

И прежде чем зайти в лифт, они повернулись к уже облаченному в обтекатель кораблю.

Королев потрогал кромку люка, постучал пальцами по металлическому корпусу.

— За надежность этой машины мы ручаемся, Юра...

— А никто и не сомневается, — ответил Гагарин и хитровато прищурился. — Как в сказке про царя Салтана: «В синем небе звезды блещут, в синем море волны хлещут; туча по небу идет, бочка по морю плывет...»

— Вот-вот, — с одобрением продолжил Королев: — «Сын на ножки поднялся, в дно головкой уперся, понатужился немножко: «Как бы здесь на двор окошко нам проделать?» — молвил он, вышиб дно и вышел вон...»

Они вошли в лифт и спустились вниз. Но на порожках трапа Королев, поднеся палец к губам, подал знак остановиться — его заинтересовал невольно услышанный разговор. Группа рабочих, как видно, устроила короткую передышку, и один из них, пожилой, в ватнике, старался в чем-то убедить другого — молодого, в ярком, выглядывавшем из-под спецовки свитере.

— Ты вот говоришь, СП крутой? Как бы не так... Не то слово, — рассуждал пожилой. — Было дело, готовили мы такую же очередную машину. Известно — все до миллиметра, до микрона проверено, прощупано вот этими руками. И тут она бестия, гайка, возьми да вырвись у меня из рук. Чуть ключом тронул, ну, на полнитки — опа и закатилась черт знает куда, сгинула. Ни рукой, ни проволокой не нащупать. А операция на завершении. Я, конечно, другую гайку достал, закрутил. Спустился вниз, доложил, что, мол, все в порядке. А у самого земля под ногами качается, и на ракету оглянуться не могу: вдруг что случится, кто узнает, отчего, почему? А уж найти виновника и вовсе невозможно. Ну? Ты бы как поступил?

— Ничего бы не случилось... Подумаешь, гайка... — спокойно-уверенно протянул молодой.

— Вот такие вы теперь все умные, — сдерживаясь, вздохнул пожилой. — А я взял себя, можно сказать, за воротник и повел на эшафот. Да. К самому СП пошел и признался. Так и так, говорю. Что доложил о готовности, так обманул, значит, струсил. Гайка завалилась в агрегат. СП побелел, рванул телефон, дал команду отменить запуск. А потом поворачивается ко мне и говорит: «Спасибо». И руку пожал. Вот так. Я это его слово как орден ношу. Конечно, бывает, что СП...

Королев не дал продолжать, выявился, мягко перебил:

— А ведь неправду, Григорий Семенович, баешь...

Рабочий смутился. Все притихли. А Королев, приглашая Гагарина, присел, прислонился к железной ферме рядом.

— Орден Ленина кто получил?

— Так то ж оптом за все, — улыбнулся рабочий.

— Большая заслуга из маленьких складывается, — заметил Королев.

— Что правда, то правда, — согласился рабочий. — А вы что же, нашему имениннику обкатку даете? — И он с почтительностью показал на Гагарина.

— Да вот, привыкаю, — охотно отозвался Гагарин. Видно было по лицу, что ему хочется сказать что-то душевное, уверить этих людей. — Все системы надежные... Одним словом, сразу видна работа... — Он никак не мог подобрать нужное.

— Что ж, наше изделие, как говорит Сергей Павлович, первый сорт! — степенно проговорил рабочий. —

Извини, что на «ты», но ты же из нашей кости, Юра, из рабочей? И как рабочий рабочему тебе говорю: «Мы сделали все на совесть». Теперь дело за тобой...

Он поворотился к Королеву, не без намека подмигнул товарищам:

— Мы тут порассуждали, Сергей Павлович, и пришли к такому заключению: без рабочего человека ракета ни туды и ни сюды, как говорится... И на старт ее вывозил тепловоз. По рельсам, значит, по шпалам. Видели, машинист из окошка выглядывал? Ракету вез! Вот так-то. Не дрова там какие-нибудь! Ракету! Значит, кто ей дает здесь, на Земле, силу небесную?

— Ты прав, Григорий Семенович, на сто процентов, — сказал Королев. — До свидания, не будем вам мешать. Юрию Алексеевичу еще надо выспаться.

— Всего доброго, — сказал Юрий, пожав каждому руку.

— А ведь Зародов прав, — произнес раздумчиво Королев, — не знаем даже фамилии машиниста. И таких, кто готовил старт, — тысячи...

— Вот это-то и тяжело держать на плечах, Сергей Павлович, — вздохнул Гагарин.

Они спустились по трапу, оглядываясь на ракету, на площадки, заполненные людьми в спецовках. У одноэтажного домика, где Гагарину предстояло ночевать, они распрощались.

Разгорались огни космодрома, напряженнее становился ритм предстартовой работы.

Звезды одна за другой зажигались над космодромом. Огромное степное небо словно проникалось любопытством к невиданному: ракета, высвеченная прожекторами, принимала все более стройные, стремительные очертания, наливалась силой. И словно торопила старт. Но люди на площадках обслуживания, обступившие ее, сдерживали это нетерпение, еще и еще раз перепроверяли системы, механизмы, приборы. Они работали сосредоточенно и углубленно, стараясь меньше шуметь. Многие нет-нет да и поглядывали в ту сторону, где скапливалась небудимая тишина, — подсвеченная нить асфальтовой дороги указывала туда: там, под молодыми пирамидальными тополями, белели два крытых шифером домика. В одном из них окна были пригашены, в другом, точно таком же, светились воспаленным беспокойным огнем.

В домике с невыключенным светом из угла в угол комнаты вышагивал Королев. Он так и не раздевался, только распахнул на две-три пуговицы ворот рубашки, и, не находя места, то присаживался за письменный стол, листая какие-то бумаги, то ложился на кушетку, прикрывал на минуту глаза и, внезапно вскочив, подходил к шкафу, доставал книгу. Читать не читалось. И поверх страниц он все чаще поглядывал на телефон, почему-то упорно молчавший. Не вытерпев, резко набирал номер, задавая один и тот же вопрос:

— Ну как дела? Все проверили?

И снова начинал вышагивать по комнате.

Напряженные черты лица его разгладились, когда, достав из верхнего ящика стола фотографию, он, придвинув лампу, начал ее рассматривать. Это был портрет Гагарина «девять на двенадцать», какие обычно посылают домой — родителям или любимой. Гагарин выглядел в короткой стрижке мальчишески молоденьким старшим лейтенантом — в глазах запечатлелась серьезность, даже грустная задумчивость, но в ямочках губ таились озорнинки, выдававшие характер неунывающего, покладистого, доброго, отзывчивого на шутку парня.

Королев положил в стол фотокарточку, прилег на кушетку, но волнение подняло, заставило его встать. Часы в домике на Байконуре показывали за полночь. Сергей Павлович прислушался, посматривая то в окно, то на безмолвный телефонный аппарат, и начал решительно застегивать пуговицы на рубашке.

Набросил пальто, вышел в ночь. И через некоторое время его высветили у ракеты прожекторы космодрома.

Люди подходили к нему с докладами, он выслушивал их, но все время поглядывал на ракету.

Выждав паузу, когда на минуту остался один, направился к лифту, нажал кнопку подъема.

На площадке у корабля вышел. В раздумье постоял возле открытого люка, просунулся вовнутрь, потрогал кресло космонавта.

«Вот она, моя мечта», — подумал про себя Королев. Он опробовал тумблеры, кнопки, как бы одно за другим включая пережитое до этих минут. И начал мысленный разговор то ли с собой, то ли с Юрием.

«Большая жизнь прожита. Не только по годам, нет... По пережитому. Много в нее вместилось — и радостного и горького. Отца лишился, когда был совсем малышом. Воспитывали меня мать — учительница и отчим — инже-

пер. Среднего образования тоже получить сразу не удалось — не было условий. Окончил сначала строительную профшколу. Работал плотником, крыл крыши... Трудовой стаж с шестнадцати лет. Но все же пробился к высшему образованию. МВТУ... Дипломная работа — двухместный легкомоторный самолет. И захватило небо. А потом, после встречи с Циолковским, к звездам потянуло. Работа с Цандером, ГИРД... Первые ракеты...»

Это прекрасно, когда лицезреешь собственную свою мечту. Но как труден и долог путь — вот уж поистине: «Через тернии к звездам!»

Взрывались на стапелях ракеты — одна, другая.

«А тут война. И надо было сначала выжить, победить... Только выстояли, из-за океана ахнули атомной бомбой по Хиросиме и Нагасаки. Целились в нас. Мы не могли, Юра, позволить себя пугать. Бессонные, голодные дни и ночи. Первая баллистическая стартовала в сорок седьмом. Тогда же подружился с Курчатовым. Частенько мы с ним вспоминали одну нашу встречу. В Кремле, у царь-пушки.

Шли от Сталина. Я докладывал ему о разработке новой ракеты. Он слушал сначала молча, почти не вынимая трубки изо рта. По мере заинтересованности стал изредка прерывать меня, задавая вопросы. Чувствовалось, что имеет полное представление о ракетах. Его интересовали скорость, дальность и высота полета, полезный груз, который она сможет нести. С особым пристрастием расспрашивал о точности полета ракеты в цель... Я не знал, одобряет ли он то, что я говорю, но эта встреча сыграла свою положительную роль.

Когда запустили сверхдальнюю межконтинентальную многоступенчатую баллистическую, думал не о будущих войнах: «Сейчас есть реальная возможность прорваться в космос». И почувствовал — близок полет человека...»

Королев в последний раз оглядел кабину, потрогал ручки.

Вскоре он был уже в своем домике. И опять не находил себе места. Взялся за телефонную трубку:

— Ведущего срочно ко мне!..

Отозвался Олег Генрихович Ивановский.

— Ну как дела? — спросил Королев, глядя в окно.

— Пока все в порядке, Сергей Павлович, — ответил конструктор.

— По аварийным ситуациям вчера прошлись с Гагариным и Титовым?.. Проштудировали? А Феоктистов экзаменовал?

— Сергей Павлович! — обиженно откликнулся ведущий. — Все до пункта, буквы...

— Ну, ладно-ладно, хватит... — прервал Королев. — Верю. Я вижу, ты очень устал. Но что поделать? Последняя земная ночь. Планета крутится, и никто на ней даже не подозревает, что завтра... Нет, теперь уже сегодня... Первый человек... Впервые... И чем ближе к старту, тем... как бы тебе это объяснить... Роднее, понимаешь, роднее становится Юрий...

— Хороший парень, — проговорил Олег Генрихович. — Черт его знает почему, но к нему тянет, как к магниту...

Они помолчали.

Королев задумался, сказал в трубку:

— Смотрю я сегодня на обтекатель корабля — до чего же похож на снаряд! Но самое замечательное, что в этом снаряде не взрывчатка, а человек. Наш Гагарин! Получается, что человеком мы салютуем всему человечеству, всей Вселенной...

Окна домика распахнулись на свежий, сверкающий мириадами звезд простор, и то ли море, то ли небо с водопадной стремительностью понеслось мимо, дальше, пока, не успокоясь, заплескалось прибоем у подножия освещенной прожекторами ракеты.

Часы показывали третий час ночи.

Набросив на плечи пальто, Королев вышел из домика и направился к соседнему, точно такому же, в котором досыпали последнюю предстартовую ночь Гагарин и Титов. В сумраке выявилась мужская фигура. Это Евгений Анатольевич Карпов, тоже не сомкнув глаз, точно часовой, бродил вокруг, охраняя сон своих подопечных.

— Ну как они там? — спросил Королев.

— Спят, — сказал Евгений Анатольевич, — как младенцы... Просто удивительно!

Вдвоем они вошли в домик. Королев осторожно приоткрыл дверь, ведущую в спальню. Гагарин на левой кровати спал, опутанный проводками от датчиков, положив под щеку ладонь, и выглядел еще более юным, чем был, совсем мальчишкой. Рядом, на спинке стула, висела его тужурка с погонами старшего лейтенанта.

Приложив палец к губам и привстав на цыпочки, Королев подал знак удаляться. Они пошли по дорожке, вдоль домиков. И после долгого молчания Королев проговорил:

— А ведь он действительно за эти дни... Сыном стал. Видели, как тужурку повесил? Совсем как дома... Пришел то ли после службы, то ли после свидания, припозднился — и, чтобы шкафом не скрипеть — на спинку стула... Спит себе Юрий и не знает, что уже майор, что готов проект приказа о досрочном присвоении звания. И приказа, — выделил голосом Королев, — на подвиг. Так и предписано: «Старший лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года отправляется на корабле-спутнике в космическое пространство с тем, чтобы первым проложить путь человечеству в космос, совершить беспримерный героический подвиг и прославить навеки нашу Советскую Родину».

— Вчера весь вечер мы в шахматы играли, — сказал Евгений Анатольевич. — Но о полете ни гугу. Держится парень изо всех сил, ни намека на беспокойство. А Каманину признался: «Знаете, я, — говорит, — какой-то совершенно ненормальный. Ну ни капельки не волнуюсь...»

— Меня тоже вчера все успокаивал: «Да вы не беспокойтесь, Сергей Павлович, все будет хорошо, все будет отлично!» А я вот все думаю, мучаюсь... — с волнением произнес Королев.

— Он все понимает, Сергей Павлович. Натура такая... В войну только с такими и брали города. А теперь вот космос штурмуем.

Они вернулись по дорожке к домику и в заголубевшем, разрежаемом рассветом сумраке увидели присевшую на порожках пожилую женщину с букетом, видно, только что сорванных степных тюльпанов.

— А вы что же не спите, Клавдия Акимовна, — с теплотой спросил Евгений Анатольевич и тут же пояснил Королеву: — Хозяйничает она у нас в этом домике. И постели ребятам сама застилала... Никому не доверила.

— Да я, да вот... — смущенно приподнялась женщина, узнав и застеснявшись Королева. — Цветов нарвала. А передать не с кем. Может, поставите на столик? Проснется Юрочка, а ему сразу — радость в глаза.

— Красивые цветы, веселые, — похвалил Королев.

— Юрочка любит... Подивился, когда приехали. Все руками разводил. Говорит, не ожидал, чтобы в такой степи и такие цветы, как на клумбе.

Женщина помолчала и с внезапной грустью призналась:

— Сынок-то мой тоже был летчиком. Как и Юрочка. Похож даже на него... Такой же лобастенький, курносый. Погиб мой сынок на войне. Только ради бога ни слова об этом Юре. Не тревожьте его. Подумать только, на какое дело парнишка идет. А цветы — на счастье, чтоб вернулся. Живым... Обычай такой...

— Идите спать, Клавдия Акимовна, — сказал растроганный Королев, принимая от нее букет и передавая Карпову. — Обязательно передадим. И скажем от кого...

И они пошли по дорожке дальше, к домику Королева.

— Да, я согласен, Юрий понимает, на что идет, — продолжая разговор, произнес Королев. — Только вот никак сам не могу решиться на один шаг...

— На какой? — с недоумением спросил Евгений Анатольевич.

— Ну... вам известно, — с затруднением, как видно, сомневаясь, открываться или нет, начал Королев, — в корабле имеется так называемый «логический замок»... Два ряда кнопок с цифрами от нуля до десяти... Чтобы в аварийной ситуации включить тормозную двигательную установку самостоятельно, пилоту надлежит нажать в определенном порядке три из этих десяти кнопок. И он не знает, в какой последовательности, пока не вскроет прикрепленный на видном месте конверт. Там записан трехзначный код. Это придумано на случай, если пилота охватит паника и в состоянии невменяемости он вздумает включить ТДУ. Зачем и почему — неважно, включит, и все. И тогда — не миновать беды. Так вот, чтобы он все проделывал сознательно, нужно начинать с конверта... Потом эти три цифры. Наконец, красная кнопка... Дальше все пойдет автоматически. Сработают пирозамки, корабль разделится на две части... Вот я и думаю, может, все-таки заранее назвать Юрию эти три цифры? Вдруг забудет про конверт?

— Вы бы хоть на часок прикорнули...

Евгений Анатольевич только это и сказал и пожал плечами.

— Так вы «за»? — переспросил Королев. — Ну да ладно, еще есть время подумать. Впрочем, теперь уже не

то что прилечь, присесть будет некогда. Пойду под душ — к ракете.

— Через полтора часа начну будить ребят, — сказал Евгений Анатольевич, и они разошлись.

Это утро двенадцатого апреля озарилось словно бы солнечным взрывом. И время сразу убыстрило свой бег, устремилось к предельной черте старта. Движением этих, все ускоряющихся секунд теперь определялся ритм заключительных работ на фермах обслуживания у ракеты, в бункере управления, у различных пультов. Даже от степи будто шло, восходило напряжение ожидания, и тюльпаны ловили своими алыми радарчиками каждый жест, каждое слово людей. Все, что здесь происходило, теперь подчинялось ритму гагаринского сердца, которое живым, пульсирующим метрономом отсчитывало мгновения, равные векам, а быть может, тысячелетиям. И все незаметное в обыденности вчера сегодня укрупнялось, принимало значение эпохального.

Гагарина и Титова одевали к полету. Собственно, Титов уже был облачен. Дублера решили одеть первым, чтобы меньше парился в доспехах Юрий. Все по порядку: тонкое белое шелковое белье, теплый лазоревый гермокостюм, а поверх него — ярко-оранжевый капроновый, похожий на комбинезон. Юрий потопал ногами в кожаных черных ботинках, примерил перчатки на металлических герметизирующих манжетах, не удержался от шутки:

— Надежно, выгодно, удобно...

Но был как никогда сдержан, сосредоточен — и какая-то очень серьезная дума уже затенила открытость веселого взгляда.

Вот и шлем надет с прозрачным забралом — и совсем уже не узнать его прежнего в громоздком неземном обмундировании.

Юрий, неуклюже разминаясь, встал с кресла, сделал несколько шагов, паклонился, поводил плечами, снова сел. Но пора было отправляться к автобусу. И тут обратили внимание, что на гермошлеме на белой полосе надлобья нет никакой надписи. Быстро кто-то прибежал с баночкой золотистой краски, макнул кисточкой и тщательно вывел: «СССР».

— Гагарин, Советский Союз, — усмехнулся Юрий. И все поглядывал на дверь, нетерпеливо кого-то ожидая.

В этот момент появился Королев.

— А что, дельное предложение! Чтобы вся планета знала и видела, чьей страны гражданин...

Гагарин повеселел.

— Как настроение, Юрий Алексеевич? — спросил Королев.

— Отличное! А как же иначе, Сергей Павлович?

Королев подошел совсем близко, дотронулся до гермошлема, заглянул прямо в глаза.

Гагарин ответил улыбкой:

— Сергей Павлович, да не беспокойтесь... Все будет хорошо... Отлично будет!

И, понизив голос, повторил доверительно:

— Уверяю вас, честное слово.

— Ну-ну, — с усилием улыбнулся Королев. — А кто же сомневается?.. Я иначе себе и не представляю...

Вперевалку Юрий пошел к голубому автобусу и тут вдруг, словно только сейчас осознав неповторимость происходящего, все кинулись за ним, начали пожимать руки, трепать по спине, по плечам... И когда после переезда на стартовую площадку Гагарин, поддерживаемый Евгением Анатольевичем, спустился по ступеньке из распахнутой дверцы автобуса, что-то остановило его на несколько минут, заставило задержать официальный рапорт членам Государственной комиссии, которые ожидали в десяти шагах. Юрий обернулся к друзьям, неуклюже приблизился к одному, другому, стукнулся шлемом о шлем с Германом Титовым и, не в силах высказать переполнявших чувств, только раскинул руки, показывая, как хотел бы всех сразу обнять.

— До встречи на Земле, родные мои!

И затем, по-военному поворотясь, пошел для рапорта.

— Товарищ председатель Государственной комиссии, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире космическом корабле-спутнике «Восток» готов!

— Счастливого пути, желаем успеха! — услышал он в ответ.

И пошел к ракете, уже не как старший лейтенант Гагарин, а как сын планеты Земля — что-то вселенское виделось в его валком, напористом шаге. Он шел молча, повторяя про себя слова, которые скоро раздадутся над всей планетой.

«Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в дале-

кие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом?..»

Слушали, замерев, люди, обнажившие головы на площадке возле ракеты, слушала степь, склонясь травами и покачивая головками тюльпанов, слушала река в переливах утренней ряби, слушали далекие снежные горы, слушали моря, вздыбив штормовые валы, слушали леса с приумолкнувшим щебетом в свитых гнездах, слушали пустыни, ледяные поля Арктики и Антарктиды, слушали джунгли тропиков — звери прядали ушами, птицы зависали в полете, неподвижно раскинув крылья...

«Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты... Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос! Назовите мне бо́льшую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятком людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я — коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа... Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких... До скорой встречи!»

Постой, Юрий, остановись на мгновенье, мы хотим посмотреть на тебя, которого вскоре назовут Колумбом Вселенной.

Запомним это теплое марево, плывущее над Байконурской степью.

Взглянем на тебя, Юрий Алексеевич Гагарин, из пятисотлетней давности, а может быть, будущности? Сравним с теми, чьих лиц уже не помнит никто.

К Гагарину опять подходили. Уже у самого лифта обнимали, пожимали руки. И последним, кто оказался ря-

дом, был Королев. Он взял высунутую из обшлага скафандра руку в свою правую, для крепости, размахнувшись, прихлопнул сверху левой, хотел поцеловать Юрия, но только ткнулся неловко шляпой в гермошлем и заторопил, заторопил, как отец сына, на грустном прощании, когда затянувшаяся пауза грозит выплеснуться слезами.

— Ну, давай, давай, Юра, пора... Нужно садиться, сынок...

И все же, на секунду попридержав, притянул Гагарина к себе и что-то прошептал ему на ухо.

Лифт взмыл к вершине ракеты. Двое сопровождавших подвели Гагарина к кораблю, помогли подняться, закинуть ноги за обрез люка и уложили в кресло.

Олег Генрихович заглянул сверху.

— Ну как, нормально?

— Как учили, — ответил Юрий, приподняв обшлаг с зеркальцем, — голову повернуть он уже не мог и только таким способом взглянул на отражение «замыкающего» в многотысячной шеренге людей, готовивших полет.

Олегу Генриховичу с двумя помощниками досталась, быть может, самая волнующая операция — закрыть люк. Тяжелую крышку они уже держали в руках. Ну, еще, еще бы помешкать с минуту — пусть вдохнет аромат степи... Ведущий, оглядевшись, протиснулся вдруг в кабину, показал па конверт:

— Юра... а эти три цифры на замке —один, два, пять. Запомни! Это тебе по секрету — один, два, пять...

Гагарин понимающе усмехнулся, подмигнул в зеркальце.

— Да уж будет тебе — «по секрету». Поздно, опоздал...

Дружелюбный хлопок по шлему — на прощанье. Крышка накинута на замки. Замелькали руки, завинчивающие гайки. Специальным ключом их подтянули. Ну, вот и последняя, по счету тридцатая. Теперь Гагарин остался один в стальном, непроницаемом ядре.

— Все стартовое, заправочное и вспомогательное оборудование стартовой позиции к пуску готово!

Это значит, что всем лишним — в бункер или на смотровую площадку. Но все почему-то медлят. Да и кто здесь «лишний», если частица сердца каждого из стоящих возле ракеты в ней, уже готовой рвануться вверх, —

ведь, кроме Королева, здесь еще немало главных конструкторов различных систем, оборудования. Да-да, прежде чем «Восток» выйдет на орбиту, они передадут его друг от друга, как от сердца к сердцу, и если что случится на каком-то этапе... Впрочем, об этом не думают, хотя натянутая над котлованом крупноячейная сетка — на случай аварийного катапультирования — режет глаза, внушает тревогу.

Здесь все сейчас главные. Главные сами по себе и главные соратники Сергея Павловича.

Валентин Петрович Глушко — основоположник отечественного ракетного двигателестроения. Целеустремленный, словно не только его разум, но и характер передались двигателям, которые сорвут ракету со стартового стола и повлекут на орбиту. Вчера забрался в кресло Гагарина на корабле. Юрий тут как тут, заглянул в люк, заулыбался.

— А вы не улыбайтесь, — с серьезным видом сказал Валентин Петрович, — Государственная комиссия передумала, командиром корабля назначен я.

— Согласен, — тут же оценив шутку, отозвался Гагарин. — Только вот боюсь, не разрешит вам полет медицина. Владимир Иванович Яздовский меня-то еле пропустил.

Алексей Михайлович Исаев — конструктор тормозной установки, которая гасит скорость космических кораблей, приближающихся к Земле. Ему волноваться больше всех, пока на командном пункте, по мере того как сработают те или иные системы космического корабля, их конструкторы будут облегченно вздыхать. Его двигательные установки никакого дублирования не допускали.

Николай Алексеевич Пилюгин — главный конструктор систем управления. Его приборы не должны сделать ни одной ошибки.

Георгий Иванович Петров отвечает за критический перегрев корабля тепловыми потоками при входе его в плотные слои атмосферы...

Спустились в бункер, закрыв за собой бронедверь. В пультовой тесновато. Справа от входа помост с двумя перископами. Места у окуляров заняли Воскресенский и Кириллов.

Сергей Павлович сел у небольшого столика, покрытого зеленым сукном. На нем только микрофон радиопереговорного устройства да один-единственный телефон с крас-

ной трубкой для выдачи команды на аварийное катапультирование.

— Пост Д? Говорит Королев... К работе готовы?

Продолговатая комната заставлена по стенам металлическими ящиками. На щитах пульсируют красные, синие, желтые, зеленые огоньки. Начался отсчет времени к «нулю». На КП никого лишних, только Главный и его помощники. Объявлена полуторачасовая готовность. Ракету отчетливо видно в перископ. Лицо Гагарина — в слегка размытом изображении — на телевизионном экране.

Начинаются сугубо деловые переговоры «Земля — борт», по всей планете перекликаются эхом, кажется, только два голоса — «Кедра» — Гагарина и «Зари» — Земли.

Глава третья

Время пошло московское.

7.10. Кедр *(Гагарин)*. Как слышите меня?

Заря *(Каманин)*. Слышу хорошо. Как слышите меня?

Кедр. Вас слышу хорошо.

7.12. Заря *(Каманин)*. Приступайте к проверке скафандра. Как поняли меня?

Кедр. Вас понял: приступать к проверке скафандра. Через три минуты. Сейчас занят.

Заря *(Каманин)*. Вас понял.

7.18. Кедр. Проверку скафандра закончил.

Заря *(Каманин)*. Вас понял. Проверить УКВсвязь.

7.12. Кедр. Как меня слышите?

7.22. Заря *(Каманин)*. Слышу вас отлично. Как меня слышите?

Кедр. Слышу вас очень слабо, у меня горит светозвуковая передача па доске. Очевидно, происходит списывание с магнитофона. Как меня поняли?

Заря *(Каманин)*. Вас понял. Слышу вас отлично.

7.23. Кедр. Вас не понял. Выключите, пожалуйста, музыку, если можно.

Заря *(Каманин)*. Вас понял, сейчас. Слышу вас отлично.

7.24. Заря. Как меня слышите? Передача музыки идет через второй канал.

Кедр. Все сделано. Слышу вас хорошо.

Заря. Я понял вас. По каналу 2 прием хороший, слышу вас хорошо.

7.25. Кедр. Работаю на ДЭМШ (ДЭМШ — динамический электромагнитный микрофон шлема).

Даю счет: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

7.26—7.27. Переговоры о слышимости, проверка связи.

7.28. Заря *(Королев)*. Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич?

Кедр. Чувствую себя превосходно. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально, перехожу на телефон.

Заря *(Королев)*. Понял вас. Дела у нас идут нормально, машина готовится нормально, все хорошо.

Кедр. Понял. Я так и знал.

Заря *(Королев)*. Понял вас хорошо, все нормально.

(По интонации этих фраз нетрудно догадаться, что они не хотят прерывать разговора, и, не затягивая паузы, Гагарин спешит с техническим докладом, в котором каждый термин, каждая цифра говорят Королеву «свое», как бы лично для него, Королева, зашифрованное.)

7.29. Кедр. Проверку связи закончил. Как поняли? Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения, широта северная 63 градуса, долгота восточная 97 градусов, коррекция — цифра 710, время разделения — 9 часов 18 минут 07 секунды... Самочувствие хорошее, к старту готов. Как поняли?

7.30. Заря *(Королев)*. Понял вас отлично. Данные ваши все принял, подтверждаю. Готовность к старту принял. У нас все идет нормально.

7.32. Заря *(Королев)*. Как слышите меня? Мне нужно вам передать.

Кедр. Слышу вас хорошо.

Заря *(Королев)*. Юрий Алексеевич, я хочу вам просто напомнить, что после минутной готовности пройдет минуток шесть, прежде чем начнется полет. Так что вы не волнуйтесь.

Кедр. Вас понял. Совершенно спокоен.

Заря *(Королев)*. Ну отлично, прекрасно. После минутной готовности шесть минуток будет, так сказать, всяких дел. Передаю трубку председателю.

7.33. Заря *(председатель)*. Юрий Алексеевич, как у вас самочувствие, что нового у вас, что вы видите через иллюминаторы?

Кедр. У меня все в порядке. Проверяю работу систем. Как поняли?

Заря *(Королев)*. Поняли вас хорошо. Председатель вас слышал. У нас все идет нормально.

7.34. З а р я *(Попович)*. Юра, как дела?

К е д р. Как учили *(смех)*.

З а р я *(Попович)*. Ну добро, добро, давай. Ты понял, кто с тобой говорит?

К е д р. Понял: Ландыш *(смех)*.

(Гагарин смеялся! «Меня прозвали Ландышем за любимую мою песню, — пояснил Королеву Попович. — Мы ее продолжили, свои слова дописали». — И тут же спросил Гагарина.)

З а р я *(Попович)*. Сейчас с тобой будут говорить.

З а р я. Я прошу, если у вас есть время, подключить передатчики 2 и проговорить, дать отсчет примерно до 20. Если у вас есть время, если вы не заняты, сообщите.

7.35. К е д р. Вас понял. Сейчас ваше задание выполню.

7.36. З а р я. При разделении тумблер возьмите на себя.

К е д р. Вас понял.

З а р я *(Попович)*. Поняли тебя. Правильно, Юра.

7.37. З а р я *(Попович)*. Как слышите?

К е д р. Слышу вас хорошо. Как меня?

З а р я *(Попович)*. Слышу тебя отлично, Юра, ты сейчас занят?

К е д р. Я работой не очень занят.

З а р я *(Попович)*. Нашел продолжение ландышей. Понял?

К е д р. Понял, понял, продолжай.

З а р я *(Попович)*. Споем сегодня вечером.

(Возможно, Королева смутил слишком праздный диалог. Разрядка разрядкой, но Гагарину нельзя расслабляться. Королев взял микрофон.)

7.44. З а р я *(Королев)*. У нас все идет отлично. Как чувствуете?

К е д р. Вас понял. У меня тоже идет все хорошо, самочувствие хорошее, сейчас будут закрывать люк номер один.

7.47. З а р я. Как слышите? Проверяю связь из бункера.

К е д р. Вас слышу хорошо. Немножко потише говорите. Как поняли?

З а р я. Вас поняли.

7.50. З а р я. Передайте. Вы работали с одной или с обеими кнопками?

К е д р. Работал кнопкой на пульте. Сейчас работаю кнопкой на ручке управления. Работал с обеих кнопок. Вы слышите хорошо? Как поняли?

З а р я. Понял тебя. Хорошо слышу тебя обеими.

7.52. Заря. Проверьте удобство пользования памяткой. Как поняли?

Кедр. Понял вас правильно. Проверю.

Кедр. Пользование памяткой и возможность считывания сигналов проверил, все нормально.

Заря. Понял вас. Ну отлично, молодец!

7.54. Заря *(Попович)*. Юра, тебе привет коллективный от всех ребят. Сейчас был у них. Как понял?

Кедр. Понял вас. Большое спасибо. Передайте им самый горячий от меня.

Заря *(Попович)*. Добро.

7.55. Заря. Как слышите меня?

Кедр. Слышу вас хорошо. Как меня?

Заря. Слышу вас хорошо. Подготовка изделия идет нормально. Все отлично, Юра.

Кедр. Понял. Подготовка изделия нормально. У меня тоже. Самочувствие и настроение нормальное, к старту готов.

Заря. Понял.

7.56. Заря *(Королев)*. Юрий Алексеевич, как слышите меня?

Кедр. Слышу вас хорошо, знаю, с кем разговариваю.

Заря *(Королев)*. Юрий Алексеевич, я хочу вам напомнить, что я не буду давать слово «секунды», а просто давать цифры примерно каждые полчаса, примерно 50, 100, 150 и дальше. Понятно?

Кедр. Понял, так и думал.

Заря *(Королев)*. Хорошо.

7.57. Кедр. Прошу 20-го на связь.

Заря *(Королев)*. 20-й на связи.

Кедр. Прошу при надежной связи на активном участке сообщить время позже или раньше до секунды старта, если такое будет.

7.58. Заря *(Королев)*. Понял вас, понял. Ваша просьба будет выполнена, Юрий Алексеевич...

В этот момент наверху ракеты, у корабля, «ведущий» и его помощники, завинтившие люк, услышали настойчивый сигнал телефонного зуммера. Олег Генрихович снял трубку.

— Почему не докладываете? Как у вас дела? — встревоженно спросил Королев.

— Сергей Павлович, мы только что закончили установку крышки люка. Приступаем к проверке герметичности.

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

— Нет, Сергей Павлович. Все нормально...

Королев вскипел:

— В том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3!

— Почему-то не срабатывает контакт прижима крышки!.. — прикрыв ладонью трубку, сообщил помощникам Олег Генрихович, а для Королева уверенно повторил: — Крышка установлена правильно!

— Успеете снять и установить снова? — нажимал, наливался гневом Королев.

— Успеем, Сергей Павлович. Только передайте Юрию Алексеевичу, что мы открываем люк.

— Все передадим. Спокойно делайте дело. Не спешите.

Королев сидел перед микрофоном в раздумье. Проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Для Юрия снятие крышки будет тревожным сигналом... Как полагаете? Не собьем его с боевого настроения?

И тут же нажал кнопку микрофона, произнес как можно спокойнее.

— Юрий Алексеевич, у нас так получилось: после закрытия люка вроде один контактик не показал, что он прижался, поэтому мы, наверное, сейчас будем снимать люк и потом его поставим снова...

Те же руки, вернее, нечто шестирукое, откручивало гайки. Снята крышка. Что там?

Юрий как ни в чем не бывало подмигивает в пришитое к скафандру зеркальце и начинает что-то насвистывать: не волнуйтесь, мол, сами-то не дрейфьте, ребята...

Крышка прилаживается снова — и последнее, что видно, — смеющиеся гагаринские глаза в зеркальце.

Заря *(Королев)*. Как слышите меня? Крышку уже начали ставить, наверное?

Кедр. Вас слышу хорошо. Крышку уже, очевидно, кончают заворачивать.

Заря *(Королев)*. Понял вас, у нас все хорошо.

Кедр. У меня тоже все хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

Заря *(Королев)*. Ну очень хорошо. Только что справлялись из Москвы о вашем самочувствии. Мы туда передали, что все нормально.

Кедр. Понял вас. Передали правильно.

8.14. Заря *(Попович)*. Юра, ну не скучаешь там?

Кедр. Если есть музыка, можно немножко пустить.

Заря *(Попович)*. Одну минутку.

8.15. Заря *(Королев)*. Вы, наверное, сейчас слышите шум. Это опускают площадки обслуживания. На фермах работы все окончены. Как поняли?

Кедр. Вас понял: опускают площадки обслуживания, но я шума не слышу. Некоторые колебания ощущаю.

Заря *(Королев)*. Понятно, понятно. Все нормально.

Заря *(Королев)*. Станция Заря, выполните просьбу Кедра. Дайте ему музычку, дайте ему музычку!

Заря *(Попович)*. Вы слышали? Отвечает Заря: постараюсь выполнить вашу просьбу. Вот давайте музычку, а то скучно.

8.17. Заря *(Попович)*. Ну как? Музыка есть?

Кедр. Пока музыки нет, но, надеюсь, сейчас будет.

Заря *(Попович)*. Ну ты слышал, как пообещали?

Заря *(Королев)*. Ну как, музыку дали вам, нет?

(Юрий немного помедлил с ответом, не хотел навлечь на товарищей гнев Главного. Но нельзя же молчать...)

Кедр. Пока не дали.

8.19. Заря *(Королев)*. Понятно, это же музыканты: пока туда, пока сюда, не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

Кедр. Дали про любовь.

Заря *(Королев)*. Дали музыку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю.

Заря *(Попович)*. Юра, ну что, дали музыку?

(Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь.
И сразу вечер каждый станет
Так удивительно хорош...
Сердце, тебе не хочется покоя... —

раздался в наушниках задушевный глуховатый голос.)

Кедр. Музыку дали, все нормально.

Заря *(Попович)*. Ну добро, значит, тебе будет не так скучно.

8.20. Заря *(Попович)*. Юра, ребята все довольны очень тем, что у тебя все хорошо и все нормально. Понял?

Кедр. Понял. Сердечный привет им. Слушаю Утесова. От души — ландыши.

Заря *(Попович)*. Ну давай, давай, слушай.

8.25. Заря *(Королев)*. Герметичность проверена — все в норме, в полном порядке. Как поняли?

Кедр. Вас понял: герметичность в порядке. Слышу и наблюдаю: герметичность проверили. Они что-то там постукивают немножко.

Заря *(Королев)*. Ну вот и отлично, все хорошо.

8.27. Заря *(Королев)*. Смотрели сейчас вас по телевидению (космодромному. — *В. С.*) — все нормально, вид ваш порадовал нас: бодрый. Как слышите меня?

Кедр. Вас слышу хорошо. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов.

Заря *(Королев)*. Ну отлично, хорошо. У нас идет все нормально.

8.30. Заря *(Попович)*. Юра, ну сейчас не скучно?

Кедр. Хорошо. Про любовь поют там.

Заря *(Попович)*. Ну как дела, Юра? У нас все нормально, идет подготовка. Здесь хорошо идет, без всяких запинок, без всего. Ребята сейчас едут на «Зарю».

Кедр. Вас понял. У меня тоже все хорошо: спокоен, самочувствие хорошее. Привет ребятам. Все время чувствую их хорошую дружескую поддержку. Они вместе со мной.

Заря *(Попович)*. Ну добро, добро, Юра.

8.32. Заря *(Попович)*. Юра, тебе тут все желают, все подходят и говорят, чтобы передать тебе счастливого пути и всего, всего. Все понял? Всего хорошего. Все желают тебе только добра.

Кедр. Понял. Большое спасибо, сердечное спасибо.

Заря. Вашим здоровьем и самочувствием интересовались из Москвы. Передали, что вы себя хорошо чувствуете и, значит, готовы к дальнейшим делам.

Кедр. Доложили правильно. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к дальнейшей работе готов.

Заря. Поняли тебя.

8.33. Заря *(Каманин)*. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

Кедр. Исходное положение для регистрации физиологических функций занял.

Заря *(Каманин)*. Вас понял.

8.35. Заря *(Каманин)*. Сейчас будут отводить установщик. Как поняли?

Кедр. Вас понял: будут отводить установщик.

8.37. Заря *(Каманин)*. Установщик отошел нормально. Как поняли?

Кедр. Понял вас. Установщик отошел нормально.

8.40. Заря *(Королев)*. Юрий Алексеевич, мы сейчас вот эту переговорную точку переносим отсюда, со старта, в

бункер. Так что у вас будет пятиминутная пауза, а в бункер переходят Николай Петрович и Павел Романович. Я остаюсь пока здесь до пятиминутной готовности. Но они будут транслировать, что я им буду говорить. Поняли меня?

Кедр. Понял вас: сейчас со старта переходят в бункер, пятиминутный перерыв, затем передачу будете осуществлять через них.

Заря *(Королев)*. Ну вот, все нормально: сейчас отводим фермы, все идет по графику, на машине все идет хорошо.

Кедр. Тоже все превосходно. Как по данным медицины — сердце бьется?

8.41. Заря *(Каманин)*. Как меня слышите?

Кедр. Вас слышу хорошо, как меня?

Заря *(Каманин)*. Вас слышу отлично. Пульс у вас 64, дыхание — 24. Все идет нормально.

Кедр. Понял. Значит, сердце бьется.

8.45. Кедр. Какая сейчас готовность?

Заря *(Каманин)*. 15-минутная готовность. Напоминаю: наденьте перчатки. Как поняли?

Кедр. Вас понял: 15-минутная готовность, надеть перчатки. Выполняю.

Кедр. Перчатки надел, все нормально.

8.46. Заря *(Каманин)*. Вас понял.

8.48. Кедр. Магнитофон на автоматическую и ручную запись не работает: очевидно, кончилась пленка. Прошу перемотать.

Заря *(Каманин)*. Я вас понял, передам команду. Идет перемотка ленты. Горит ли у вас лампочка?

8.50. Кедр. Понял вас, идет перемотка. Пусть перемотают всю пленку.

Заря *(Каманин)*. Понял, все в порядке.

8.55. Заря *(Каманин)*. Объявлена 10-минутная готовность. Как у вас гермошлем, закрыт? Закройте гермошлем, доложите.

Кедр. Вас понял: объявлена 10-минутная готовность. Гермошлем закрыл. Все нормально, самочувствие хорошее, к старту готов.

Заря *(Каманин)*. Вас понял.

8.56. Заря *(Каманин)*. Готовность — 5 минут. Поставьте громкость на полную, громкость на полную.

Кедр. Вас понял: объявлена 5-минутная готовность, поставить громкость на полную. Полную громкость ввел.

8.58. Заря *(Каманин)*. Все идет нормально. Займите

исходное положение для регистрации физиологических функций.

Кедр. Вас понял. Все идет нормально, занять исходное положение для регистрации физиологических функций. Положение занял.

9.00. Заря *(Королев)*. У нас все нормально. До начала наших операций — до минутной готовности — еще пара минут. Как слышите меня?

Кедр. Я слышу вас хорошо. Вас понял: до начала операции осталась еще парочка минут. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов, все нормально.

Заря *(Королев)*. Понял вас. Понял хорошо.

9.02. Заря *(Королев)*. Минутная готовность. Как вы слышите?

Кедр. Вас понял: минутная готовность. Занимал исходное положение, занял, поэтому несколько задержался с ответом.

Заря *(Королев)*. Понял вас.

9.03. Заря *(Королев)*. Во время запуска можете мне не отвечать. Ответьте, как у вас появится возможность, потому что я буду транслировать подробности.

Кедр. Вас понял.

Заря *(Королев)*. Ключ на старт! Дается продувка.

Кедр. Понял вас.

9.04. Заря *(Королев)*. Ключ поставлен на дренаж.

Кедр. Понял вас.

9.05. Заря *(Королев)*. У нас все нормально: дренажные клапаны закрылись.

Кедр. Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Заря *(Королев)*. Отлично.

9.06. Заря *(Королев)*. Идут наддувы, отошла кабель-мачта, все нормально.

Кедр. Понял вас, почувствовал: слышу работу клапанов.

Заря *(Королев)*. Понял вас, хорошо.

9.07. Заря *(Королев)*. Дает зажигание, «Кедр».

Кедр. Понял: дается зажигание.

Заря *(Королев)*. Предварительная ступень... Промежуточная... Главная... Подъем!!!

Кедр. Поехали! Шум в кабине слабо слышен. Все проходит нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, все нормально.

Заря *(Королев)*. Мы желаем вам доброго полета, все нормально. — Голос его срывался.

Кедр. До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!

Заря *(Королев).* До свидания, до скорой встречи.

Кедр. Вибрация учащается, шум несколько растет, самочувствие хорошее, перегрузка растет дальше.

9.08. Заря *(Королев).* Время — 70 (70 секунд от начала старта).

Кедр. Понял вас. 70. Самочувствие отличное, продолжаю полет, растут перегрузки, все хорошо.

Заря *(Королев).* 100. «Кедр», как чувствуете?

Кедр. Самочувствие хорошее.

(«Он прижат сейчас страшной силой», — сказал Королев окружившим его. И опять приник к микрофону.)

Заря *(Королев).* По скорости и времени все нормально.

Как чувствуете себя?

Кедр. Чувствую себя хорошо. Вибрация, перегрузки нормальные. Продолжаю полет. Все отлично.

Заря *(Королев).* Все в порядке, машина идет хорошо.

Кедр. Кончила работу первая ступень. Спали перегрузки, вибрация. Полет продолжается нормально. Слышу вас хорошо. Разделение почувствовал. Работает вторая ступень. Все нормально.

9.10. Заря *(Королев).* Сброшен конус, все нормально. Как самочувствие?

Кедр. Произошел сброс главного обтекателя. Во «Взор» вижу Землю. Хорошо различима Земля. Несколько растут перегрузки, самочувствие отличное, настроение бодрое.

9.11. Заря *(Королев).* Молодец, отлично! Все идет хорошо.

Кедр. Понял вас. Вижу реки. Складки местности различимы хорошо. Видимость хорошая. Отлично все во «Взор» видно. Видимость отличная. Хорошая видимость. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Несколько растет перегрузка, вибрация. Все переношу нормально. Самочувствие отличное, настроение бодрое. В иллюминатор «Взор» наблюдаю Землю. Различаю складки местности, снег, лес. Самочувствие отличное. Как у вас дела? Наблюдаю облака над Землей, мелкие кучевые, и тени от них. Красиво. Красота! Как слышите?

Заря *(Каманин).* Слышим вас отлично, продолжайте полет.

Кедр. Полет продолжаю хорошо. Перегрузки растут,

медленное вращение, все переносится хорошо, перегрузки небольшие, самочувствие отличное. В иллюминатор «Взор» наблюдаю Землю: все больше закрывается облаками.

Заря *(Каманин)*. Все идет нормально. Вас поняли, слышим отлично.

9.12. Кедр. Произошло выключение второй ступени.

Заря *(Королев)*. Работает то, что нужно. Последний этап. Все нормально.

Кедр. Вас понял. Слышал включение, чувствую работу. Самочувствие отличное. Видимость хорошая.

Заря. Вас понял.

Кедр. Полет продолжается хорошо. Работает третья ступень. Работает телевидение. Самочувствие отличное, настроение бодрое. Все проходит хорошо. Вижу Землю. Вижу горизонт во «Взоре». Горизонт несколько сдвинут к ногам.

Заря *(Королев)*. Понял вас.

9.13. Заря *(Каманин)*. Все идет хорошо. Как слышите? Как самочувствие?

Кедр. Слышу вас отлично. Самочувствие отличное, полет продолжается хорошо. Наблюдаю Землю, видимость хорошая, различить можно все, некоторое пространство покрыто кучевой облачностью, полет продолжается, все нормально.

Заря *(Каманин)*. Вас понял, молодец! Связь отлично держите. Продолжайте в том же духе.

9.14. Кедр. Все работает отлично, все отлично работает. Идем дальше.

9.15. Заря *(Королев)*. Как самочувствие?

Кедр. Слышу вас очень слабо, настроение бодрое, все идет хорошо, машина работает нормально. Вот сейчас Земля покрывается все большей облачностью. Кучевая облачность покрывается слоисто-дождевой облачностью. Такая пленка над Землей, даже земной поверхности практически становится не видно. Интересно. Да, вот сейчас открыло складки гор, леса.

9.17. Заря. Как самочувствие?

Кедр. Вас слышу хорошо, самочувствие отличное, машина работает нормально. В иллюминатор «Взор» наблюдаю Землю. Все нормально. Привет. Как поняли меня?

Заря. Вас поняли.

Кедр. Понял. Знаю, с кем связь имею. Привет.

9.21. Заря. Как ваше самочувствие?

Кедр. Самочувствие отличное, продолжаю полет. Машина работает отлично. В иллюминаторы наблюдаю Землю, небо, горизонт. Полет проходит нормально. Как поняли меня?

Заря. Поняли вас.

Кедр. Произошло разделение, наступило состояние невесомости. В баллонах ТДУ — 320 атмосфер. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Продолжаю полет. Чувствую, не чувствую — наблюдаю некоторое вращение корабля вокруг своей оси. Сейчас Земля ушла из иллюминатора «Взор». Самочувствие отличное. Чувство невесомости благоприятно влияет. Никаких таких не вызывает явлений. Вот сейчас через иллюминатор «Взор» проходит Солнце, немножко резковат его свет. Вот Солнце уходит из зеркала. Небо, небо черное, черное небо, звезд на небе не видно. Может, мешает освещение. Переключаю освещение на рабочее. Мешает свет телевидения. Из-за него не видно ничего.

9.25. Кедр. «Весна» — на связь! Как меня слышите? «Заря», как меня слышите, как меня слышите? «Весну» не слышу, не слышу «Весну»...

Заря. Вас понял, слышу вас удовлетворительно.

Кедр. «Заря», я «Кедр». «Заря», я «Кедр». «Весна», я «Кедр». «Весна», я «Кедр». Произошло разделение с носителем в 9 часов 18 минут 07 секунды согласно заданию. Самочувствие хорошее. Включился «Спуск-1». Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Параметры кабины: давление — единица, влажность — 65. Температура — 20 градусов. Давление в отсеке — единица. В ручной системе — 155. В первой автоматической — 155, второй автоматической — 157. В баллоне ТДУ — 320 атмосфер. Чувство невесомости переносится хорошо, приятно. Продолжаю полет по орбите. Как поняли?

9.26. Кедр. Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, вся система работают хорошо. Вот объект продолжает вращаться. Вращение объекта можно определить по земной поверхности. Земная поверхность все уходит влево. Объект несколько вращается вправо. Хорошо! Красота! Самочувствие хорошее. Продолжаю полет. Все отлично проходит. Все проходит отлично. Что-то по «Заре» связи нет, по «Весне», по «Весне». С «Весной» связи нет. Что можете мне сообщить?

Заря. Слышу вас хорошо, приборы работают нормально, самочувствие нормальное.

Кедр. Вас слышу отлично. Чувство невесомости интересно. Все плавает. Плавает все. Красота! Интересно! «Весну» не слышу, не слышу «Весну»! Самочувствие хорошее. Невесомость проходит хорошо. В общем весь полет идет хорошо. Полет проходит чудесно. Чувство невесомости нормально. Самочувствие хорошее. Все приборы, все системы работают хорошо. Что можете сообщить мне? Все слышу отлично. Что можете сообщить о полете?

Заря. Указаний от 20-го не поступает, полет проходит нормально.

9.27. Кедр. Понял вас, от 20-го указаний не поступает. Сообщите ваши данные о полете! Привет Блондину! (Блондином назван старший лейтенант Леонов А. А. — *В. С.).*

Заря. Как слышите меня?

Кедр. Вас слышу хорошо. Как меня? Открыл иллюминатор «Взор». Вижу горизонт Земли. Выплывает. Но звезд на небе не видно. Видна земная поверхность. Земная поверхность видна в иллюминаторе. Небо черное. И по краю Земли, по краю горизонта такой красивый голубой ореол, который темнеет по удалении от Земли.

9.30. Кедр. Сообщите ваши данные полета.

Заря. Как меня слышите?

(Связь по «Заре» прекратилась, в работу вступила система дальней радиосвязи «Весна».)

В бункере управления царило непонятное: радость перемешалась с тревогой. Юрий летел над планетой, и это было неправдоподобно замечательно, но все понимали: оставалось не менее, а более трудное — благополучно возвратить его на Землю.

— Как слышите меня? — спросил Королев в микрофон и тут же, как уже бесполезную вещь, отодвинул его от себя.

— Связь по «Заре» прекратилась, — сообщил оператор. — В работу вступила система дальней радиосвязи «Весна»... Теперь будем ждать «пятерок».

В этот момент КП стал получать доклады только при помощи телеграфа. «Пятерки» означали, что полет проходит нормально, отклонений от программы нет, «четверки» — отклонения незначительные, «тройки» — требование принять экстренные меры, на корабле произошло нечто такое серьезное, что требует срочного вмешатель-

ства Земли, ну а «двойки»... О них никто старался не думать...

Застрекотал телеграфный аппарат. Дабы всем было слышно, телеграфист громко читал с ленты:

— Пять... Пять... Пять...

В мелодию уверенности и спокойствия превратился монотонный его голос. А может, это был перевод на «человеческий», «цифровой» ритма гагаринского сердца, пульсирующего в космическом корабле?

— Пять... Пять... Пять... Пять...

Нет ничего прекраснее этих звуков, этой поступи, этих самых первых шагов человека по космосу.

— На сплошные пятерки идет Гагарин! Молодчина! — не удержался от восклицания дежурный оператор.

Но что это? Все медленно в недоумении, растерянности, испуге поворачиваются на голос телеграфиста, который, механически называя цифры, возможно, даже не понял сразу, о чем начал сообщать.

— Три... Три... Три... Три...

В бункере все словно оцепенели.

— Что это? — упавшим голосом спросил оператор. — Отказ двигателя?

Десятки глаз устремились на Королева. А он и сам отшатнулся, замер — стал как бы изваянием неожиданности. Достал таблетку валидола, положил под язык. Губы стиснулись в ниточку.

— Где Гагарин сейчас? Над Южной Америкой?

И минуты начали растягиваться — каждая в вечность. Вечность тревоги.

— Три... Три... Три...

— Этого не может быть! Этого не должно быть!

Королев шагнул к телеграфисту, выхватил ленту.

— Три... Три... Три... — тревогой летело над планетой...

По нерастаявшей тропе, с хрупаньем осыпая схваченный рассветным заморозком снег, уходил плотничать отец Гагарина, Алексей Иванович. Обычное серое было утро.

Анна Тимофеевна проводила мужа, принесла дров, сунула полешки в печь, лучинок настрогала, чтоб огонь побыстрей занялся, а когда уверенным дымком потянуло, за другое принялась, начала чистить картошку.

И вдруг — ушам не поверила.

— Мам! Наш Юрка в космосе! Радио-то включите, господи! Ну скорее!.. Радио!

Обернулась — невестка стоит, лица на ней нет.

— Где? Какой космос? Почему Юрка?

В голосе диктора фамилия звучала незнакомо, чуждо. Со слезами на глазах невестка запричитала над приемником:

— Что наделал, что наделал! Не подумал о малютках!

— Перестань, — успокаивающе сказала Анна Тимофеевна, — сейчас разберемся! — И припала, прильнула к приемнику. Но на всех, на длинных и на средних, волнах, сколько ни крутила ручку, гремела маршами одна и та же музыка, и никто, ни один человек на свете, не мог подтвердить, что в космосе именно их Юрий.

— Честное слово, он! — всхлипнула невестка, утирая слезы.

— Я к Вале! — наконец-то пришла в себя Анна Тимофеевна. — Юра просил ей помочь!

И как была, в домашних тапках, в халате, телогрейке, кинулась на вокзал.

Вагон был набит битком. Все повторяли одно и то же:

— Гагарин! В космосе наш человек!

На площади у Белорусского вокзала народу как в праздник. У многих на руках плакаты. «Ура Гагарину!» Люди смеялись, кричали, пели.

И, только войдя в метро, Анна Тимофеевна наконец поняла: да, это о ее сыне. Прислонилась к мраморной колонне, всплакнула.

Подошла какая-то женщина, участливо спросила:

— Бабушка, что с вами? У вас горе?

Анна Тимофеевна взглянула на нее сквозь радужные слезы:

— Ничего, дочка... Ничего... Доберусь...

В квартире сына народу было полно. Сквозь толпу корреспондентов прорвалась к Вале.

— Валечка... Юра наш...

И обе заплакали.

— Да это же мать Гагарина! — догадался кто-то из корреспондентов.

Анна Тимофеевна взяла растерявшихся от множества незнакомого люда малышек, прижала к груди.

— Кровиночки вы Юрины...

А губы словно одна к другой приморожены.

— Ну! Ну! — наступал на телеграфиста в бункере Королев.

— Пятерки! — закричал телеграфист. — Опять пятерки пошли, смотрите! Пять... пять... пять... Это был сбой аппарата, Сергей Павлович! Выбивались не те цифры...

Королев сел, понуро опустив плечи.

— Черт, — ругнулся один из конструкторов. — Такие сбои намного укорачивают жизнь...

Королев встал снова собранный, бодрый. Глянул вокруг счастливыми глазами:

— Но он же летит над планетой, товарищи! Наш, советский человек! Наш Юрий Алексеевич! Юра! Нет, вы понимаете, что происходит?

И все сорвались с мест, кинулись обниматься, поздравлять друг друга.

— Пять... Пять... Пять...

А над планетой снова воспарял, звенел восторгом голос Гагарина:

— Вижу горизонт Земли! Очень такой красивый ореол! Сначала радуга от самой поверхности Земли и вниз. Очень красиво. Все шло через правый иллюминатор. Вижу звезды через «Взор», как проходят звезды. Очень красивое зрелище. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звездочка. Уходит, уходит...

Планета, словно стараясь показать всю свою красоту, разворачивалась то голубым, то радужным ореолом, то как бы отодвинувшись, открывала взору такую кромешность бездны, что человеку становилось не по себе от неподвижного всепроникающего взгляда космоса — как бы из ниоткуда.

И сердце землянина, дерзнувшего преодолеть земное тяготение и ставшего как бы крошечным, самостоятельным спутником вроде Луны, переполнялось невыразимой гордостью за принадлежность к роду человеческому.

Как передать то, что чувствовал Юрий Гагарин, окидывая взглядом родную планету. Но если бы все, что он ощутил, что видел, во что проникал сознанием, возможно было бы изобразить, озвучить словами, Земля услышала бы проникновенное признание своего Сына:

— Глаза видят то, чего не может постичь разум. В черной необъятной глубине космоса гигантским голубым школьным глобусом висит земной шар... Нет, такое почти невозможно: на округлой стороне, обращенной ко

мне, я вижу сразу полмира. Я поднимаю ладонь и прикрываю весь Атлантический океан. Коричневые, будто припорошенные снегом, пятна-материки выглядывают снизу Африкой, сверху Европой. А эта синяя лужица... Неужели Черное море? Чуть правее по самому круглому краю опять завитки метели — это циклоп над другим океаном — над Тихим. И его я закрываю ладонью...

Тишина. Вы слышите? Смолкли все звуки, мир опять обрел немоту, и снова так тихо, что, наверное, как миллиарды лет назад, слышится музыка звезд. Их лучи, словно светлые струны, которыми перетянута ночь. Вечная ночь. Вечная жуткая ночь с этим слабеньким бликом тепла. Неужели это Земля?

Я — Человек — с любопытством взираю на шар. И звезды, звезды навевают неземной свой мотив...

Я — Человек. И висящий над вечностью шар — моя колыбель.

Чутким ухом за тысячи верст я слышу, как муравей тащит к шевелящейся куче былинку; как с хрустальным звоном катает ручей жемчужные камни. И еще мне слышится голос матери — самый родной из всех земных голосов... Но ей не дозваться меня. Почему же так слышен — за тысячи километров — этот к дому, к родному порогу кличущий голос?

Все исчезло. Висит только шар — голубое творенье природы. И не верится, что когда-то в недостижимой отсюда дали брел в ромашках по грудь и гонялся за красной бабочкой мальчик, что он вырос в мужчину — и вот сейчас отлетел от Земли.

Я — Человек. И на Землю, па небо смотрю глазами то Коперника, то Галилея. И Ломоносов моими устами читает стихи:

> Открылась бездна, звезд полна;
> Звездам числа нет, бездне дна.

И не я ли стою Циолковским на крыше калужского дома и до звезд — до самых высоких — достаю рукой. Я, конечно же, я — Человек.

— Теперь самое главное — приземление, — сказал Королев и, нервничая, зашагал по бункеру.

Снова скопилась готовая взорваться тишина.

— Сработает или не сработает ТДУ? — спросил кто-то.

Все молчали.

Атлантический океан прочертил по иллюминатору сизым, гигантским крылом.

10.24. Кедр. «Весна», я «Кедр». Полет проходит успешно. Самочувствие отличное. Все системы работают хорошо. В 10 часов 23 минуты давление в кабине — единица. Влажность — 65. Температура — 20 градусов. Давление в отсеке — 1,2. В ручной системе — 150. В первой автоматической — 110. Во второй автоматической — 115. В баллоне ТДУ — 320 атмосфер. Самочувствие хорошее. Продолжаю полет. Как поняли?

В 10 часов 30 минут включилась тормозная двигательная установка, и корабль пошел на спуск.

Зеленый огонек на пульте подсказал: «Приготовиться!»

Гагарин зашторил иллюминатор, пристегнулся покрепче ремнями, закрыл гермошлем и стал ждать включения ТДУ — тормозной двигательной установки.

И вдруг словно кто-то его подтолкнул. Во «Взоре» сквозь разрывы облаков мелькнули Африка, берега Средиземного моря... Все сильнее прижимало к креслу — это уже брала, принимала в свои объятья Земля...

За шторками иллюминатора вспыхнул багровый свет, затрещала обшивка, в глазах потемнело, и приборы как будто бы начали плавиться, расползаться.

Он напрягся, сжался...

Сколько длились, казалось, непереносимые эти секунды? Словно выплывая из сновиденья, Гагарин открыл глаза и увидел реку. Да, земную реку, привольно, спокойно несущую светлые воды.

— Волга! — изумленно вымолвил он и встрепенулся. — Родные места?..

Земля тянулась к нему теплым, вспаханным полем...

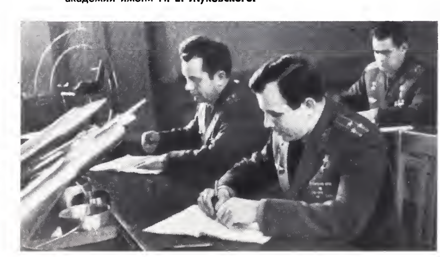
В 10 часов 55 минут космонавт Гагарин приземлился в районе села Смеловка Саратовской области.

«Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошел к ним. Они на-

Юрий Алексеевич Гагарин. 1961 год.

Ю. А. Гагарин—слушатель Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Делегат комсомольского съезда.

Земные орбиты космонавта.

Очередная ракета движется к стартовому комплексу.

Такой, наверно, видел нашу Землю в иллюминаторе Юрий Гагарин.

Новые космические старты, новые пресс-конференции...

Юрий Алексеевич Гагарин с первой в мире женщиной-космонавтом Валентиной Владимировной Терешковой.

Юрий Алексеевич Гагарин и Сергей Павлович Королев.
Группа советских космонавтов.
Сидят (слева направо):
П. Р. Попович,
Ю. А. Гагарин,
В. В. Терешкова,
Б. Б. Егоров,
стоят:
Г. С. Титов,
В. М. Комаров,
К. П. Феоктистов,
А. Г. Николаев,
В. Ф. Быковский.

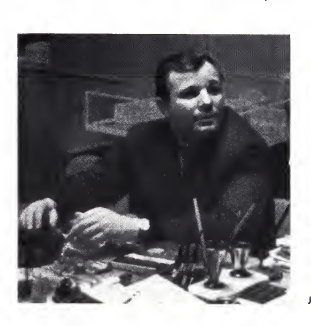
Ю. А. Гагарин проводит тренировочный выход в скафандрах Алексея Архиповича Леонова и Павла Ивановича Беляева на космодроме Байконур.

Юрий Алексеевич умел понимать людей разных поколений.

В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

▶
Ю. А. Гагарин
с женой
Валентиной
Ивановной
и дочерьми
Леной и Галей.

Одна из ракет на стартовом комплексе.

Звездный...

Гидролаборатория для подводной тренировки космонавтов на невесомость.

Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её! Гагарин

Космонавты у памятника Ю. А. Гагарину в Звездном.

правились навстречу. Но чем ближе они подходили, шаги их становились медленнее. Я ведь все еще был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их напугал. Ничего подобного они еще не видели.

— Свои, товарищи, свои! — ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв гермошлем».

Но уже спускался вертолет с группой встречи! Виталий Волович, врач, сделал первый медицинский осмотр. Все в норме.

И буднично просто, по-деловому, что заставило наконец выйти из оцепенения, спортивный комиссар Иван Григорьевич Борисенко, как того требовал Спортивный кодекс ФАИ, с мягкой улыбкой на добродушном лице попросил показать удостоверение, хотя давным-давно были знакомы, заполнил специальный бланк и скрепил подписью. Он зарегистрировал три абсолютных мировых космических рекорда, установленных Юрием Гагариным: рекорд продолжительности полета — 108 минут, рекорд высоты полета — 327,7 километра и рекорд максимального полезного груза, поднятого на эту высоту, — 4725 килограммов.

Оставшись наконец-то вдвоем после утомительных торжественных церемоний, Королев и Гагарин шли понад рекой, вдыхая запах весеннего, распустившегося легкой прозрачной зеленью берега. Королев поглядел в небо, где высверливал в голубизне свою песню жаворонок, и сказал:

— А ведь я сам мечтал, Юра, честное слово...

— Вы еще полетите, — вполне серьезно отозвался Гагарин. — Сами же мне сказали вчера: «Скоро будут отправлять в космос по профсоюзным путевкам». Впрочем, вы уже были там...

И, засмущавшись отчего-то, будто хотел и не хотел открыть тайну, достал из нагрудного кармана новенькой с погонами майора шинели фотографию — маленькую, сделанную, очевидно, любителем.

— Это вы, — проговорил он, протягивая ее Королеву, — вы летали вместе со мной...

— Ну уж, ну уж, — сказал Королев то ли одобрительно, то ли недоверчиво. — Фото старых гирдовских времен... Мы тогда были с тобой примерно одного возраста. Неужели брал с собой? Не разыгрываешь?

И растроганный, отвернулся, долго молчал. А когда справился с волнением, проговорил:

— Сорок лет назад, Юра, я мечтал летать на самолетах собственной конструкции. А всего через семь лет после этого, после встречи с Циолковским, решил строить только ракеты. Константин Эдуардович потряс нас тогда своей верой в возможность космоплавания. Я ушел от него с одной только мечтой: строить ракеты и летать на них. И это стало смыслом жизни — пробиться в космос. И вот ты, как говорится, материализовал мою мечту...

— Да, что я... — сказал Юрий, потупившись. — Это все вы, Сергей Павлович. И ваши помощники... Я много думал... При чем тут я? Столько людей... Одни конструировали, другие варили сталь, третьи вытачивали по детальке... Если бы всех пригласить сюда, места бы не хватило. Это как пирамида Хеопса, а я только на вершине. Подтолкнули — и вот...

— Любопытное сравнение, — усмехнулся Королев. — Но ты, Юра, не совсем прав. Ты прекрасно понимал, на что идешь. Ты шел сознательно, был готов ко всему. А я... Я почему-то очень на тебя надеялся...

Гагарин тронул Королева за рукав.

— Смотрите, Сергей Павлович! Поглядите, какая красота!..

На кусте ольхи самоцветами сверкали капли от только что просеявшегося дождика. Голубая искра перемигнулась с зеленой, зеленая с желтой. И тут же — стоило немного повернуть голову — заиграла, ударила в глаза малиновая блестка.

— Это же краски космоса! — восторженно проговорил Юрий. — Краски той радуги, что огибает нашу планету! — В его глазах снова как бы отразилось увиденное на орбите. — Нет, я, пожалуй, не прав, — раздумчиво возразил он самому себе. — Там я видел не краски космоса, а краски Земли. Да-да, Сергей Павлович, теперь совершенно ясно: это наша Земля посылает в черную бездну свою красоту — красную, голубую, фиолетовую, — от своих морей, от своих полей, от своих трав и снегов.

— Ну вот и первое научно-философское открытие, — сказал Королев. — Оказывается, краски космоса — это краски Земли. Такой крошечной и такой удивительно красивой планетки... Значит, собираемся в Москву? Звонили, там готовятся, ждут...

— Ужасно хочется домой, — сказал Гагарин. — К Вале, к девочкам, к маме...

Глава четвертая

Почти крыло в крыло сопровождали истребители на подлете к Москве шлифованный серебристыми облаками Ил-18, из иллюминатора которого нетерпеливо поглядывал на приближающуюся столицу первый космонавт планеты. Юрий попросил радиста передать привет сопровождавшим истребителям, и они в ответ благодарно качнули крыльями.

Ложась в крутой вираж, Ил-18 летел над Москвой уже так низко, что Юрий увидел и ленту реки, и остроршпильное здание университета на взгорье, и чуть подальше, за крышами, показалось, чиркнули рубиновым огнем по иллюминатору звезды Кремля.

«Я посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамена, стекались к стенам Кремля».

Юрий вспомнил, как год назад, между прочим, в день его рождения, когда зачислили в космонавты, он возвращался самолетом в родной заполярный гарнизон, и к нему подошел мальчик с просьбой подарить что-нибудь на память. Четырехлетний малыш проявлял настойчивость, неудовлетворенный шоколадкой.

— Что же мне тебе подарить? И почему это должен сделать именно я?

— Что-нибудь такое, памятное, — настаивал мальчик. — Я у всех знаменитых людей прошу сувенир.

«Су-ве-нир»... Он еще и слово-то не мог как следует выговорить.

— Так то у знаменитых! А кто я? Просто обычный летчик, — явно смущенный, потому что на них уже начали обращать внимание, отговаривался Юрий. Кто-то даже направил фотоаппарат и несколько раз щелкнул.

Это могло бы остаться лишь детским капризом. Ну не удивительно ли, что через несколько месяцев Юрий получит фотографию, сделанную тогда в самолете. Сбылось, он уже стал знаменитостью, и не один мальчик, а тысячи, миллионы людей жаждали сувениров.

Самолет коснулся бетонки, остановился точно напротив трапа, от которого по всему полю метров на сто протянулась к правительственной трибуне красная ковровая дорожка. Юрий волновался, торопливо надел шинель, фуражку, по военной привычке оглядел себя в зеркале.

— Спокойно, Юра, спокойно, — подбодрил Николай Петрович Каманин и, прихлопнув по спине, подтолкнул к распахнутой дверце. Юрий ощутил нечто схожее с тем, что испытывал при первом прыжке с парашютом, — вокруг, куда только доставал взгляд, колыхались людские толпы.

«Дорожка была длинная-предлинная. И пока я шел по ней, смог взять себя в руки. Под объективами телевизионных глаз, кинокамер и фотоаппаратов иду вперед. Знаю: все глядят на меня...»

Не Юрий шел в такт оркестру, а оркестр, гремевший маршем, впервые исполненным в год рождения Юрия, подстраивался под быстрый уверенный шаг.

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Вот уже рядом, совсем близко, различал он знакомые по портретам лица руководителей партии и правительства. Возле них узнал отца, мать, Валю. Во втором ряду выглядывал Сергей Павлович Королев.

Юрий собрался, овладел собой. Приложив руку к козырьку, доложил по-военному четко.

— Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле «Восток» 12 апреля успешно завершен. Все приборы в оборудование корабля работали четко и безупречно.

Чувствую себя отлично, готов выполнить новое любое задание нашей партии и правительства. Майор Гагарин.

Поцеловал отца в жесткую щеку, показалось, влажно-горькую; мать со слезами кинулась навстречу, обняла, не выпускает.

— Юра, Юраша! Сынок! Живой!

Но вот уже и Валентина, ее горячие губы, и тоже радость, хлынувшая через еще не унятую тревогу.

Успел подать руку Сергею Павловичу — задержаться не дали, увлекли к кортежу автомашин. В начале Ленинского проспекта — уже людская плотина. Юрий оглянулся назад — с полсотни, а может, сотня машин одна за другой въезжали в столицу. Где-то там ехала машина того, чье имя было еще никому не известным, но кто вынес Гагарина в это людское море всеобщего ликования. Юрий встал с сиденья, поднял руку, люди ловили его взглядами, хлынув с тротуаров на газоны, на мостовую, забирались на крыши домов. И так до самых

Кремлевских стен, до Мавзолея. Юрий не помнил, как поднялся на трибуну...

Словно приостановленные Историческим музеем, стекавшие на Красную площадь толпы, заполнив ее, колыхнулись, замерли.

«Это они не меня приветствуют. При чем тут я? Разве я лично достоин такой славы? Это они радуются и аплодируют сами себе», — подумал Юрий, стараясь успокоиться.

— Родные мои соотечественники! — сказал он в микрофон и не узнал собственного голоса, эхом заметавшегося от здания к зданию по всей площади.

— Товарищи руководители партии и правительства!

Прежде всего разрешите мне принести искреннюю благодарность Центральному Комитету моей родной Коммунистической партии, Советскому правительству, всему советскому народу за то, что мне, простому советскому летчику, было оказано такое большое доверие и поручено ответственное задание совершить первый полет в космос.

Находясь на старте в космическое пространство, я думал о нашей ленинской партии, о нашей социалистической Родине.

Любовь к славной партии, к нашей Советской Родине, к нашему героическому трудовому народу вдохновила меня и дала мне силы совершить этот подвиг.

Наш народ своим гением, своим героическим трудом создал самый прекрасный в мире космический корабль «Восток» и его очень умное, очень надежное оборудование. От старта и до самого приземления у меня не было никакого сомнения в успешном исходе космического полета.

Мне хочется от души поблагодарить наших ученых, инженеров, техников, всех советских рабочих, создавших такой корабль, на котором можно уверенно постигать тайны космического пространства. Позвольте также мне поблагодарить всех товарищей и весь коллектив, подготовивших меня к космических полету.

Я убежден, что все мои друзья летчики-космонавты также готовы в любое время совершить полет вокруг нашей планеты.

На каждом шагу жизни и учебы в ремесленном училище, в индустриальном техникуме, в аэроклубе, авиационном училище я ощущал постоянную заботу партии, сыном которой я являюсь.

Сердечное спасибо вам, дорогие москвичи, за теплую встречу. Я уверен, что каждый из вас во имя могущества и процветания нашей любимой Родины под руководством

ленинской партии готов совершить любой подвиг во славу нашей Родины, во славу нашего народа.

Да здравствует наша социалистическая Родина!

Да здравствует наш великий, могучий народ!

Слава Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинскому Центральному Комитету!

Словно в нарастающем шуме ракетных дюз прогремело по площади «ура!». Веселой стайкой взбежали на трибуну Мавзолея ребятишки. Цветы — Юрию Гагарину, руководителям партии и правительства, Анне Тимофеевне, Алексею Ивановичу и Валентине Ивановне.

Звонким голосом маленькая школьница, едва дотянувшись до микрофона, объявила, что Юрий Гагарин принят почетным пионером. Под гром аплодисментов девочка повязала космонавту алый пионерский галстук.

Оваций гром похож на вешний гром.
О площадь Красная, ты красный космодром!
Дыханьем толп ликующих согреты,
Во всю свою былую красоту
Здесь башни встали словно бы ракеты,
Нацелив звезд рубины в высоту.

И потекла нескончаемая река, да нет, не река, а людской океан небывалой демонстрации ринулся через площадь за валом вал мимо Мавзолея, мимо Спасской, вниз, растекаясь по мостам Москвы-реки.

Юрий взглянул вниз, налево, направо, стараясь выискать Сергея Павловича, и огорчился, что не нашел его.

И тут увидел, своих! Да, ребята из его отряда прошагали мимо Мавзолея своей космонавтской колонной.

Сергей Павлович же просто-напросто не мог сюда добраться. Оставив машину внизу, на Манежной площади, он с женой Ниной Ивановной стал было подниматься в гору по Историческому проезду к трибунам, но тут их стиснула, закрутила толпа.

Королев попытался продвинуться дальше, но, поняв, что это совсем бесполезно, подхватил Нину Ивановну под руку, чтобы не потерялась, и заторопил обратно.

— Скорее домой! Надо хотя бы успеть увидеть по телевизору.

Они встретились с Юрием лишь после трехчасовой демонстрации в белокаменном Георгиевском зале Кремля на правительственном приеме. Едва заметив Сергея Павловича, Юрий чуть ли не подбежал к нему, порывисто обнял, поцеловал:

— Спасибо вам. Это все вы.

Через несколько минут под гулкими сводами зала был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР:

— За героический подвиг — первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину, за проявленные мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу коммунизма, делу прогресса всего человечества присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» первому в мире летчику-космонавту майору Гагарину Юрию Алексеевичу и установить бронзовый бюст Героя в городе Москве.

В ознаменование первого в мире космического полета человека на корабле-спутнике учредили звание «Летчик-космонавт СССР».

Здесь же было объявлено, что Президиум Верховного Совета СССР за большие успехи, достигнутые в развитии ракетной промышленности, науки и техники, успешное осуществление первого в мире полета советского человека в космическое пространство, наградил второй золотой медалью «Серп и Молот» семь видных ученых-конструкторов — Героев Социалистического Труда, присвоил звание Героя Социалистического Труда девяноста пяти ведущим конструкторам, руководящим работникам, ученым и рабочим, наградил орденами и медалями СССР 6924 рабочих, конструкторов, ученых, руководящих и инженерно-технических работников, а также наградил орденами СССР ряд научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов.

— Вы самый достойный, — сказал Юрий Сергею Павловичу.

— Ну что вы, Юра, — покачал головой Королев, — самых достойных тысячи, их не вместил бы не только Георгиевский зал, а и весь Кремль со всеми его дворцами.

Весна новых героев шла по стране, да только ли по нашей стране — по планете! Гагарину рукоплескало все человечество.

На другой день встреча в Доме ученых: сотни фотообъективов, десятки кино- и телекамер устремились на Юрия, окруженного учеными, специалистами. Первая пресс-конференция.

— Следует подчеркнуть исключительное мужество, выдержку и самообладание пилота-космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, — сказал президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов. — В ночь перед полетом, как это было предписано ему врачами, Юрий

Алексеевич крепко спал... В корабле шутил и своим бодрым настроением укреплял уверенность в успехе полета. Когда ему сообщили, что подается команда на запуск ракетных двигателей, он весело воскликнул: «Поехали!»

Отныне и навеки день 12 апреля 1961 года будет связан с подвигом, который совершил Юрий Алексеевич Гагарин. Весь полет вокруг Земли был совершен за 108 минут, и эти минуты потрясли мир.

Открыв пресс-конференцию, академик предоставил слово Юрию Гагарину. В зале, казалось, перестали шуметь даже кинокамеры. Люди внимали каждому слову человека, который видел Землю с невиданной высоты.

— Земля с высоты 175—300 километров просматривается очень хорошо. Вид поверхности Земли примерно такой же, как мы можем наблюдать ее при полете на больших высотах на реактивных самолетах. Ясно различимы крупные горные массивы, большие реки, большие лесные массивы, береговые линии, острова.

Очень хорошо видны облака, покрывающие земную поверхность, тень от этих облаков. Цвет неба совершенно черный. Звезды на этом фоне выглядят несколько ярче и четче. Земля окружена характерным голубым ореолом. Он хорошо просматривается, когда наблюдаешь горизонт. От нежного, светло-голубого цвета небо очень плавно и красиво переходит в голубой, синий, фиолетовый и, наконец, в совершенно черный цвет.

При выходе из тени солнце пропало и просвечивало через земную атмосферу. Здесь этот ореол принял немного другой цвет.

У самого горизонта земной поверхности можно было наблюдать ярко-оранжевый цвет, который затем переходил всеми цветами радуги далее к голубому, синему, фиолетовому и черному.

Вход в тень Земли происходил очень быстро. Сразу наступает темнота, и ничего не видно. Очевидно, корабль проходил в это время над океаном. Если бы он проходил над большими городами, то, вероятно, были бы видны огни. Звезды видны очень хорошо.

Выход из тени Земли также был быстрым и резким.

Так как я был подготовлен, то воздействие факторов космического полета перенес очень хорошо. Сейчас чувствую себя прекрасно.

С интересом слушали главного ученого секретаря президиума Академии наук СССР академика Е. К. Федорова.

— ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, — сказал он, — в своем обращении подчеркнули, что советский народ считает победы в космосе не только своим достижением, но и достижением всего человечества.

Вы помните, что выход на орбиту первого искусственного спутника Земли не побудил Советский Союз заявить о каких-то своих особых правах в космическом пространстве. Появление советского вымпела на Луне не привело к закреплению за Советским Союзом каких-то лунных территорий.

Наши ученые докладывают полученные ими результаты на многочисленных научных конференциях, обсуждают их вместе со своими коллегами из всех стран мира.

И этот полет первого человека в космическое пространство советский народ также вкладывает в сокровищницу научных достижений всего человечества.

А на стол уже поступили записки.

Вопрос: Если вас, семейного человека, отца двоих детей, послали в космос, значит, правительство и вы были уверены, что полет кончится благополучно?

Ответ: В этом вопросе я бы хотел заменить слово «послали» на слово «доверили», и я очень рад и горд этим доверием. А в том, что все сработает и полет будет произведен успешно, в этом никто не сомневался — ни наше правительство, ни ученые, ни инженеры, не сомневался и я.

— Ответьте, пожалуйста, с какими чувствами вы вышли из космоса и вернулись опять на родную Землю?

— Трудно передать чувства, которые испытал я в то время. Это были и радость, и гордость, и счастье. Счастье, что выполнено доверенное мне задание, что полет осуществлен Советским Союзом, его учеными, что наша передовая наука еще дальше шагнула вперед.

Вечером этого же дня собрались в Звездном городке за семейном праздничным столом.

— Сынок, — сказала Анна Тимофеевна, сияя счастливыми глазами, — а тебя ждут на корне, в Гжатске, Клушине.

— К майским праздникам, мама, обязательно приеду.

Но впервые в жизни Юрий не смог сдержать своего сыновнего обещания. Теперь вся планета стала его «корнем». Его звали, настойчиво приглашали страны и континенты.

Москва, Советский Союз, Юрию Гагарину. Телеграфные аппараты раскалялись от непрерывного потока телеграмм из КНР, Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Румынии, Монголии, КНДР, Франции, Швеции, Японии, Кубы, Финляндии, Норвегии, Новой Зеландии, Колумбии, Нидерландов, Дании, Люксембурга, Мексики, Аргентины, Канады, Бирмы, Австрии, Испании, Пуэрто-Рико, Иордании, Швейцарии, Югославии, Греции, Индии, Австралии, Марокко, Цейлона, Бразилии, Эквадора...

Джон Ф. Кеннеди от имени США писал: «Народ Соединенных Штатов разделяет удовлетворение народа Советского Союза в связи с благополучным полетом астронавта, представляющим собой первое проникновение человека в космос. Мы поздравляем советских ученых, инженеров, сделавших это достижение возможным. Я выражаю искреннее пожелание, чтобы в дальнейшем стремлении в познании космоса наши страны могли работать вместе и добиться величайшего блага для человечества».

Но больше всех гордились полетом Юрия, конечно же, советские люди. Леонид Леонов через три дня напишет в «Правде»:

«Древние не зря называли тернистый путь человеческого развития дорогой к звездам. Если оглянуться с высоты на историю человеческого возвышения от колыбели в перегретой архейской лагуне до нашего безоговорочного нынешнего гегемонства, легко просматривается, на мой взгляд, сквозная идея этого движения — и пускай сведущие мудрецы подскажут мне какую-то иную, более достойную человеческого звания цель! Разведка неба — вот содержание человеческого прогресса. Стихийное вначале стремление, оно с течением времени становилось все сознательней: заострить взор, протянуть руку в глубь Метагалактики — настолько утончить пальцы и осязание, чтобы по своему усмотрению перемешать мельчайшие кирпичики микрокосмоса. И таким образом, с одной стороны, увеличить прочность вещества, чтоб не плавилось на космических скоростях, когда испаряются и метеоры, а с другой — создать предельной емкости горючее, горсть на всю трассу до Полярной звезды! — чтоб род людской мог преодолеть земную тягу и умным посевом разбрызнуться по Большой Вселенной...»

Первого космонавта желали обнять страны и континенты.

А в это время к старту готовился Герман Титов.

О его полете Юрий узнал в Канаде. ...Высокие ели, березовые рощи — почти что русский пейзаж, и вдруг телефонный звонок — только что передали: на орбите корабль-спутник-2 с майором Германом Титовым на борту. И Канада уже не Канада. Герман! Как он там? Юрий замешкался над радиограммой: «Космос. Титову». Спросил, усомнившись:

— Дойдет по такому адресу?

— Дойдет, — подтвердил Каманин, — в космосе только он один.

«Дорогой Герман, — писал Гагарин, — всем сердцем с тобой. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полетом. Уверен в успешном завершении твоего полета, который еще прославит нашу Родину, наш советский народ. До скорого свидания».

И заторопился обратно на аэродром. Ил-18, на котором Гагарин вернулся во Внуково, приземлился почти в то же время, когда и «Восток-2».

Через два часа Юрий вылетел к месту посадки второго корабля — не терпелось увидеть друга.

Страны мелькали калейдоскопом. Но вот Япония. Не самое ли волнующее?

Хорошо, хорошо, Гагарин!
Прибыл сюда наш друг,
Показавший будущее мира,
Открывший славный путь в космос.
Пусть расцветают сады мира
На зеленой, щедрой земле!

«Хорошо, хорошо, Гагарин!» Но отчего так сжимается сердце? Всматривался в лица японцев: может, вот этот бледный из Хиросимы? «Хорошо, хорошо, Гагарин!» Сидели прямо на полу за низенькими столиками. Гагарин поднял небольшие деревянные палочки для еды и сказал, посмеиваясь глазами:

— Самое лучшее оружие в мире!

— В нашем народе, — промолвил один из японцев, — приняты напутствия отцов своим детям. Какие заповеди, Юрий Алексеевич, вы, как известнейший во всех странах человек, первым побывавший там, где еще никто не был, высказали бы своим дочерям, когда они подрастут?

Гагарин на минуту задумался.

— Таких заповедей может быть много. Пожалуй, три из них были бы главнейшими. Во-первых, я бы хотел, чтобы мои дети были, как и весь советский народ, активными борцами за мир. Во-вторых, надо, чтобы они выросли людьми честными, самоотверженными, горячо любящими свою Родину. И в-третьих, пусть они будут хорошими коммунистами.

«Хорошо, хорошо, Гагарин!» Но как забыть ту японскую девушку, что, прижавшись к его плечу, вдруг заплакала и на ломаном русском сказала: «Юрий Гагарин, у меня никогда не будет детей, мама родила меня в Хиросиме, после бомбежки. Может, мой сын тоже был бы космонавтом. Мне даже кажется, что я слышу его плач, плач неродившегося ребенка».

Во многих странах мира побывал Гагарин, но над какими бы континентами он после ни пролетал, ему казалось, что и там до него доносится плач неродившегося ребенка той юной девушки. Как бы она назвала его? Не имеет значения. Но ему казалось, что он слышал, своими ушами слышал, о чем плакал тот неродившийся мальчик.

Он плакал о том, как однажды над Хиросимой вспыхнуло зловещее солнце и словно смерчем смело дома. Он плакал о том, что не сможет появиться на свет. Он плакал, что никогда не увидит ни солнца, ни зеленой травинки, не побежит по тропе к протянутым нежным рукам. Он плакал о том, что лишен счастья любви, что у него не будет собственной крыши над головой, что он никогда не станет человеком Земли. Никогда, никогда, никогда... И этот голос, нет, голосок, летел над материками, над океанами — звал и молил о мире.

«Как хорошо все-таки быть человеком, — раздумывал Юрий, — какое это все-таки счастье просто родиться, появиться на свет. И жить в нашей стране».

V. БЕССМЕРТИЕ

Глава первая

В Гжатске Юрия ждали к полудню 17 июня 1961 года. Он прослышал, что его торжественно встретят на вокзале, а потом на руках понесут до площади. Его? На руках? Никогда!

Приехал намного раньше, незамеченным спрыгнул с подножки вагона и скоро был дома. Мать только-только прибрала со стола, и вдруг сын, Юра. Вошел в избу, опустился на лавку:

— В гостях хорошо, а дома лучше. Хорошо дома!

А их избу уже окружали машины, все больше черные «Волги». Вошел секретарь райкома партии Николай Григорьевич Федоренко:

— Что же это вы, Юрий Алексеевич, подвели нас?

— Не сердитесь, в следующий раз исправлюсь.

Но и в следующие «разы» он старался появляться незаметно, обходил шумиху.

А тут в окно поглядывает на новенький домик, что построили для его родителей напротив через улицу. Впервые Алексей Иванович даже не притронулся топором: тепло, уютно, светло. Живи не тужи.

Николай Григорьевич вручил ключи:

— Добра вам в этом доме, дорогие наши новоселы.

Но не хотелось, ох как не хотелось покидать старой избы, где провел детство. Давно ли — двенадцать лет назад — провожали Юру отсюда с фанерным чемоданчиком на вокзал. И вот теперь наступил самый счастливый день в жизни родителей, когда, взяв их под руки, Юрий повел через толпы народа в парк культуры и отдыха на митинг.

Море людей колыхалось под трибунами — и все знакомые, родные!

— Дорогие друзья, дорогие земляки! — обратился Юрий к ним, чувствуя, как не может справиться с волнением. — Благодарю всех вас за теплый и радушный прием. Я приехал в дорогой и близкий моему сердцу город, где прошли мои детство и начало юности. Величайшее событие, которое произошло двенадцатого апреля — полет в космическое пространство и успешное возвращение на Землю, — совершенное на корабле «Восток», осуществил огромный коллектив рабочих, инженеров и ученых нашей страны, и все почести, которые мне оказывают, — это почести советскому народу, нашим ученым, партии и правительству.

Шумела, волновалась площадь: молодец, Юрка, не зазнался, не вскружила ему слава голову. Выступающих было много. А когда митинг закончился, Юру и родителей осадили корреспонденты. Больше всех смущался Алексей Иванович, недоверчиво поглядывая на торопливый карандаш репортера.

— Что сказать, все известно... Весть о полете сына застала меня в дороге, и сперва я не сразу поверил. Лишь после того, как мне более подробно рассказали о сообщении ТАСС, меня охватила беспредельная радость. Великое чувство гордости за наших советских людей, воспитанных Коммунистической партией, нашим советским строем, переполнило мое сердце. «Вот, — подумал я, — не кто-нибудь, а наш простой советский человек стал первым покорителем космоса!..»

Сыну своему я хотел бы сказать одно: родительское спасибо тебе, сынок, от всей семьи, от твоих земляков — гжатчан, от всех советских людей за твой великий подвиг. Желаю тебе доброго здоровья, больших успехов в твоем благородном деле. Продолжай и дальше высоко держать знамя Страны Советов, вырастившей и воспитавшей тебя...

Это было трудное интервью для Алексея Ивановича, не любил он выпячиваться, да и сына таким растил.

Из парка опять через непроходимые толпы народа пошли к новому дому справлять новоселье. Смотрят, машина стоит у калитки, а Юрий подмигивает: «Это, мама, сюрприз вам, родню привез, сестричек твоих». На его голос выбежали тети Мария и Ольга — рады-радешеньки.

— А мы по записке, прямиком сюда на машине.

Значит, и о них в суете славных и громких дней своих не забыл Юрий, успел перед отъездом черкануть несколько слов:

«Здравствуйте, т. Маруся, т. Оля, Саша, Надя, Вова, Галя! С горячим приветом к вам Гагарины. Только сегодня решилось, что завтра еду в Гжатск. Лиде звонил, но ее на работе не застал. Если можете, выезжайте в Гжатск, эта машина прислана за вами. Я уезжаю туда раньше, буду ждать вас там. Можете заехать за Юрой и Лидой. Получилось все очень быстро и поэтому такая спешка. Очень жду вас в Гжатске. До свидания. С приветом Юра, Валя, Леночка и Галочка Гагарины. 16.06.61 г.».

Жаль, Валентина не смогла приехать — занемогла Галочка. Но подарки всем прислала.

И вспомнила молодые свои голоса гармонь:

Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Но это была уже новая, не обходившая тогда ни одно застолье песня. Анна Тимофеевна раскраснелась, словно сбросила лет тридцать, схватила Марию за руку, за другую Ольгу, повела хоровод:

Плывет лебедушка, плывет лебедушка,
Она плывет, плывет, да не встрехнется.

Алексей Иванович тоже заблестел глазами. Тряхнул головой:

— Эх, да что там вспоминать, давай-ка, Юра, свою!

И передал сыну гармонь. Юрий оглядел всех озорно, откинул голову, рванул мехи:

В саду ягодка-малинка
Под сокрытием росла,
Свет княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой...

— Так это ж наша, клушинская, — подивились за столом. — Ну и Юрка, ты ее, случаем, в космосе не пел ли?

И потекла, подхватилась старинная песня.

Вечером сидели втроем: Валентин, отец и Юрий на крыльце старой избы — никак не хотели они признавать ее музеем, который местные краеведы начали здесь оборудовать. Да и к новому дому еще не привыкли.

— Рады мы за тебя, Юра, — сказал Валентин, — всего ты достиг, никаких теперь тебе ни забот, ни работ.

Отец возразил:

— Не поддайся, сынок, соблазну. Он все равно что конь, многих сваливал. Дело свое в руках крепко держи — хоть летчицкое, хоть литейное. Кусок хлеба всегда заработаешь.

— Ну что ты, отец, — улыбнулся смущенно Юрий, — я еще не один раз слетаю, может, к другим планетам...

— Летать-то летай, да только от земли не отрывайся. Истинно тебе говорю.

— А как от нее оторваться, когда вокруг красота-то какая.

Чуть свет — на рыбалку. Только потом пожалел, что на машине, надо бы пешком, а то и босиком по теплой пыльной дороге. Справа и слева поля, перелески, пригорки, родная-родная Смоленщина. Уже зацветала рожь, повеивало над нею чем-то хлебным, знакомым. Вот и мост, и ракиты склонились как будто руки до долу. Окликнул сойку коростель-Иванович, перепелки поохрипли за ночь, пьют не напьются росы. Дымящиеся кусты, рыбаки готовились, ладили снасть. «Космос, брат, космосом, а вот ведь из речки, а не с неба вытаскиваешь линя...» Скользкий, вырвался, блеснул позолотой червонной и в тростник уплыл, хлобыстнул по воде. «Не горюй, космонавт, вот еще один, покрупнее колосовик».

И сажают Юрия «хозяевать» за столом — до чего же вкусна уха!

Едет обратно, не едет, словно катит пешком. Мальчишки усыпали все ракиты, кричат: «Юрий Гагарин! Юрий Гагарин!» Не ты ли и сам вон на том корявом суку семилетним мальчишкой болтал черными пятками?

Вернулся в Гжатск — конечно же, в школу! Вот он, старенький двухэтажный дом на Советской, где располагались их классы в послевоенное время. Потом пошел к другой, где учился он до шестого, а потом уехал в Москву.

Сделал почетную запись «Очень рад побывать в родной школе. Сердечное спасибо всем преподавателям за их труд, который они вложили, воспитывая и обучая меня. Желаю всему педагогическому коллективу самых больших успехов в воспитании и обучении нового поколения советских людей».

Посадил лиственницу. Сколько деревьев Гагарина растет теперь по Земле!

Но вот и долгожданный маршрут: в Клушино, в Клушино! Поехали с матерью и отцом.

В деревне ждали. Высыпали из домов, и каждому Юра протягивал руку. И тут подошла к нему старая женщина, лукаво спросила:

— Ну что, Юра, бога-то там ты не видел, случаем, в космосе?

— Нет, не видел, — ответил Юрий, не сумев удержать улыбки.

— А меня-то небось не помнишь?

— Да как же не помнить вас, Вера Дмитриевна, это же вы нас тогда приютили в сорок третьем году... Всю нашу школу. И учились мы там по уставу военному.

Прослезилась старушка.

— Спасибо, Юрашка, что не забыл.

А Юрий тянет туда, к уже позаросшему «корню».

— Мама, пойдем к землянке.

Подошли: мать приложила к глазам концы своего платка, отец кепчонку сдернул с виска.

Только яма одна и осталась от горькой той памяти, да ромашки по ней лохматые, да гусиные лапки здешней травы.

Приобнял Юрий мать.

— Не горюй, теперь все позади, самая жизнь началась, мамулька.

— Самая, Юра, конечно, самая... Такая, что лучше и не придумаешь. Да только мало годков впереди.

— Ну вы еще с батей у меня молодые, — как можно бодрее ответил Юра. Но сам-то видел: состарились, гнутся что мать, что отец.

И тут впервые подумал: «А сам-то как дальше?» И этот вопрос уже никогда не покинет его. И чаще всех задавать его будет Гжать. И после того как в феврале 62-го земляки выдвинут Юрия кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Сычевскому избирательному округу, и когда представителем Советской власти он будет приезжать в этот город каждый год по нескольку раз. Как он порадуется построенным не без его участия и заботливости центральной больнице, городской поликлинике, средней школе и кинотеатру. Расти Гжатск на здоровье, на радость землякам!

Летом 1966 года трудящиеся трех областей: Смоленской, Калининской и Брянской — единогласно изберут его депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

И всю жизнь неотступно будет преследовать Юрия один и тот же вопрос, как оправдать столь высокое доверие, всенародную славу?

Москва бурлила, рокотала людским океаном вытекала шумными, радостными потоками на Красную площадь. Но это Юрий видел сейчас на экране телевизора — повторяли передачу о торжественной встрече в Москве первого в мире космонавта. Они приехали с Валей в гости к Королевым. Дотянувшись из своего кресла, Юрий с раздражением выключил телевизор. Но и в приемнике звучало одно и то же: «Гагарин, Гагарин, Гагарин...»

Юрий повел руками, со смущением взглянул на жену.

— Я даже не предполагал, что будет такая встреча. Ну, думал, слетаю, ну вернусь... А чтобы вот так...

Вошли Сергей Павлович с Ниной Ивановной.

— Ну вот, видишь, Юрий Алексеевич, когда-нибудь через тысячи лет, глядишь, придумают люди какую-нибудь новую легенду о Дедале и Икаре только со счастливым концом. А ведь мы — простые смертные люди, со своими слабостями, грешками... Конечно, ты, я уверен, человек с головой...

На людях Королев всегда называл Юрия по отчеству. И Валю — Валентиной Ивановной, когда говорил с ней при Юрии.

Понимая, к чему Сергей Павлович клонит, Юрий встал.

— Напрасно вы так. Ведь для меня сейчас наступает самое трудное: доказать вам, всем этим людям, что я действительно такой, каким они меня представляют...

Королев задумался, проговорил медленно, подбирая и взвешивая каждое слово:

— В решительные минуты, Юрий Алексеевич, жизнь находит наилучшего исполнителя своих замыслов... А человек, он ведь, как бы это тебе сказать... он состоит из поступков порой незначительных. Ну вот... Когда отрабатывали действия космонавтов при ручном спуске, один из вас будто невзначай обронил фразу: «Пустая трата времени. Автоматика сработает как часы». А другой возразил: «Автоматика не подведет, но если я буду уверен, что в случае аварии смогу приземлиться сам, с помощью ручного управления, то веры в благополучный исход полета у меня прибавится вдесятеро». Лететь-то надо было только с безграничной верой в успех...

И Королев многозначительно подмигнул Валентине.

— А все-таки почему первым полетел Юра? — спросила та простодушно прямо.

— Его выбрал еще Циолковский, — пряча улыбку, сказал Королев. — Он так и предсказывал: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство... Он русский. Он — гражданин Советского Союза... По профессии, вероятнее всего, летчик. У него отвага умная, лишенная дешевого предрассудка... Представляю его открытое русское лицо, глаза сокола...» Каково угадал?

Марши гремели по радио. И, поуменьшив громкость, Гагарин внезапно спросил — отчетливо, на всю комнату:

— А что дальше, Сергей Павлович?

— Как ты сам думаешь, Юра? — спросил Королев.

— Когда летчик — ясно. Сегодня полет, завтра — и так каждый день...

— Он же «космическая звезда», Колумб Вселенной, — поддела Валя.

— Я еще хочу слетать в космос, — твердо сказал Гагарин.

— Согласен, — кивнул Королев. — Но с куда более сложным заданием. Не так ли? Пойдешь в академию Жуковского. Я сам мечтал туда в юности попасть.

— Никак ты, Сережа, начинаешь лепить из Юры себя? — подтрунила Нина Ивановна.

— А почему бы не иметь продолжателя? — серьезно сказал Королев. — Юрий Алексеевич, Нина, очередная ступень нашей общей ракеты. Ракеты по имени «Мечта». Вот я отработаю свое, отвалюсь, а он потянет выше... Так, Юрий Алексеевич?

— Ты действительно сгоришь на работе, это точно, — тяжело вздохнув, промолвила Нина Ивановна.

Новые корабли стояли на звездных стапелях. И в свете яростного пламени восхищенно переглядывались Гагарин и Королев, для которых Байконур стал вторым домом. И вдруг... Стихли ракетные громы. Бетон стартовой площадки перелился в матовый линолеум больничного коридора, где по-военному «в ногу» шли в наброшенных на плечи халатах Юрий Гагарин и Андриян Николаев. Они открыли дверь одной из палат: в кресле сидел Королев, напротив на стуле — Нина Ивановна.

— Вот и гости, — сказал Королев, привставая.

— Сидите-сидите, Сергей Павлович. — остановил его Гагарин. — Гость на гость — хозяйке радость? Так, Нина Ивановна?

— Ну как дела? — спросил Королев.

— Готовимся, — коротко сказал Гагарин.

— Самое главное — спокойствие, — вставил свою обычную реплику Николаев, чем тут же вызвал слабую улыбку у Королева.

— В Звездном снега навалило! — перевел Гагарин разговор на другую тему. — Ребятишки не дают прохода, забрасывают снежками... Только успевай отбиваться. Собираемся с Андрияном на охоту...

— Значит, на охоту, говорите? — прищурился Королев. — А сами, как те зайцы, виляете, чтобы сбить меня со следа? А ну, рассказывайте, как идут тренировки? Молчите? Ну, тогда я сам вам скажу: в конструкторском заканчиваются последние работы по запуску очередного корабля, идут наземные испытания новой машины... Отличной машины! Вам нужно готовиться к очень серьезным полетам.

Королев полулежал в кресле, прикрыв глаза.

— Вы еще полетаете, друзья, — произнес он. — Это будут длительные, со сменными экипажами космические экспедиции. Такие вахты настолько приблизятся к заботам и делам земным, что люди воочию убедятся в пользе нашей работы. А мы останемся первопроходцами... Как геологи... Пробурят — и пошло. А кто о них потом помнит?

— Ты утомился, Сережа, — склонилась к нему Нина Ивановна.

— Нет-нет, что вы, — притворно бодро отозвался Королев и с укоризной посмотрел на привставших Гагарина и Николаева. — Торопитесь? — Ему не хотелось их отпускать.

— А жизнь, она такая... — задерживал он их разговором. — Когда у человека крылья только-только подрастают, так и хочется взлететь. Когда они набирают силу, расправляются, пробуешь их и вроде бы набираешь высоту. А когда крылья, ну... как это сказать... мудростью наливаются... Когда видишь далеко-далеко, глядь, а сил уже нет. Сдает сердце, с перебоями работает.

— Сергей... — умоляюще перебила Нина Ивановна.

Королев взглянул на часы и разочарованно постучал по циферблату:

— Мои остановились. А ведь заводил... Знаешь что, Нина, принеси-ка мне завтра другие. Без часов как-то скучно.

— Возьмите мои, Сергей Павлович, — быстро сняв с руки, предложил Гагарин.

— Нет-нет, что ты, — запротестовал Королев.

— Очень вас прошу, — настаивал Гагарин. — Пусть это будет моим скромным подарком к Новому году...

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Королев. — Только потом что-нибудь на них надо надписать, выгравировать. — Надел часы на руку, довольный. — Все-таки от первого космонавта.

Юрий, польщенный, заулыбался.

— А вы вот что, друзья, — сказал Королев, пожимая им руки своей, непривычно ослабленной, — налегайте на академию. Без инженерных знаний вам нельзя.

1 сентября 1961 года, ровно через двадцать лет после того, как Юрий пришел в первый класс Клушинской школы, он стоял на плацу перед главным входом в Петровский дворец на торжественном построении слушателей Военно-воздушной инженерной ордена Ленина Краснознаменной академии имени профессора Н. Е. Жуковского.

— Здравствуйте, товарищи офицеры!

— Здравия желаем, товарищ генерал!

В первой шеренге рядом с Юрием Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Алексей Леонов, Борис Волынов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин, Виктор Горбатко. Гагарин назначен командиром отделения слушателей-космонавтов.

Неужели сбылось? Он внимал речи начальника академии и оглядывал дворец, в котором уже неоднократно бывал, но смотрел теперь на него совершенно иными глазами. Кувшинообразные колонны, арки с подвешенными гирьками, зубчатые стены... Гагарина ввел сюда за руку мудрейший Сергей Павлович Королев.

— Подумай, Юра, жизнь убеждает, что, кроме смелости и отваги, летного мастерства, нужны глубокие систематические знания основ наук, серьезная инженерная подготовка. Учиться, Юра, надо, учиться.

Этот совет относился ко всем космонавтам гагаринского набора. Значит, опять двойная, а то и тройная «тяга»? Эти открывшиеся в царство науки ворота старин-

ного замка и радовали, и пугали своей именитостью. Ведь основателем академии по настоянию В. И. Ленина был отец русской авиации Н. Е. Жуковский.

Отец русской авиации... «В этих словах, — писал академик А. Н. Туполев, — глубокая правда, так велика заслуга Н. Е. Жуковского в создании нашей советской авиации. Николай Егорович помнится мне как прекрасный учитель, который учил нас просто, ясно и всегда чрезвычайно доброжелательно, и то, что он хотел передать, западало к нам в душу не только как знание, но и как любовь к тому, что он любил, а любил он науку, любил авиацию и любил, очень любил эксперимент, считая его совершенно необходимым.

Н. Е. Жуковский был не только великим ученым, но и инженером «высшего ранга». Поэтому приходящие к нему ученики не замыкались только на науке, а стремились создать планеры, самолеты на основании науки и эксперимента».

Оказалось, что с академией был связан и К. Э. Циолковский. 23 августа 1923 года в Круглом зале Дворца красной авиации, так называли старинные апартаменты, ученый сделал доклад о своем дирижабле. Воздухоплавательная секция организовала группу по исследованию межпланетных сообщений, одной из целей которой было создание Всесоюзного общества. Циолковский поднимался по этим ступеням! Жаль, что здоровье его слабело. В письме к слушателям он сожалел об этом: «Дорогие товарищи, радуюсь открытию секции межпланетных сообщений, послал вам, что мог. Насчет поездки и лекции сейчас обещать ничего не могу. Будь я молод и здоров, счел бы долгом немедленно исполнить ваше желание. Ваш К. Циолковский».

«Пожалуйста, нам никаких скидок, — убеждали космонавты. — Мы такие же слушатели, как все».

И все-таки Юрию была выдана зачетная книжка № 1. «Номер один» — это значит: надо быть первым. И он старался как мог. Впрочем, скидок действительно не делали.

Сергей Михайлович Белоцерковский, руководивший тогда кафедрой аэродинамики, вспоминает, что высокая требовательность к себе и слушателям всегда была гордостью преподавателей и украшением Жуковки. Новые порядки поначалу оказались для космонавтов неожиданными. Но ведь не зря же они умели преодолевать боль-

шие перегрузки. Специфика коснулась всех предметов, в том числе и социально-экономического цикла. Кроме обычных занятий — лекций, семинаров, зачетов, экзаменов, — сама жизнь заготовила целую серию специальных испытаний. Уже побывавшие на орбите Юрий Гагарин и Герман Титов часто выезжали за границу и выступали там как представители нашего народа. Они общались с самыми разнообразными аудиториями. Легко и свободно. Их слово было весомым — они несли правду о нашей стране, нашей жизни, наших идеалах.

Ну а как же зачетная книжка номер один?

Преподаватель Л. М. Воробьев, который вел у космонавтов курс теоретической механики, рассказывает, что Гагарин был первым в учебной группе. Механику он понимал хорошо, особенно успешно решал задачи, требующие геометрического метода исследования! Как летчик, легко воспринимал и постигал основные закономерности динамики полета. В группе были и не менее способные к теоретической механике слушатели — Герман Титов, Георгий Шонин. Однако Юрий удивительно легко проникал в существо задачи и высказывал оригинальные суждения.

И все же ученье давалось нелегко.

Вот что записал Юрий Гагарин однажды в своем дневнике:

«Тяжело учиться в академии, но бросать нельзя. Все это нам очень нужно. И английский язык, и лабораторные работы по электронным машинам, и лекции... Ничего, надо поднатужиться. У всего есть конец, зато мы станем инженерами... С таким багажом знаний будет легче...»

Отношение к учебе у Юрия было просто вдохновенным, жажда знаний удивительная. Общение с ним приносило радость и преподавателям: он обладал живым, оригинальным мышлением. Есть люди единомышленники, но с ними трудно говорить — так они любят слово «нет» — и при обсуждении любого вопроса даже при сходных позициях переходят в тупиковую полемику. Гагарин спорить умел и любил. Иногда горячо, до хрипоты, но и воспринимал, уважал чужую точку зрения, признавал правоту. «Платон мне друг, но истина дороже», — говорил он в таких случаях.

Эти качества проявились и на первом зачете по аэродинамике. Сергею Михайловичу захотелось поглубже узнать, прощупать способности именитого слушателя.

На экзамене обстановка более официальная. А здесь они один на один.

Сергей Михайлович рассказывал, что начал с вопросов простых, обычных, когда для ответа надо только формально знать предмет — элементарная память подскажет. Это легкое препятствие миновали мигом. Потом пошли разговоры посерьезней. Здесь уже требовались формулы, умение оперировать с ними. Короче, надо было и соображать. Гагарин подумал, немного поплутал, но ответил. Наконец дело дошло до прямых каверз. Юрию такой оборот дела понравился — он загорелся, начал искать выход, спорить. И разгрыз орешек, хотя и не без труда.

Кончился большой раздел курса. Во время экзамена на слушателей решили посмотреть начальник академии В. И. Волков и начальник центра подготовки космонавтов Н. Ф. Кузнецов. На столе цветы. Торжественная, но довольно напряженная обстановка. Из-за жары экзамен решили проводить в прохладном, полуподвальном помещении — в гидравлической лаборатории.

Разумеется, все волнуются — и слушатели и преподаватели. Гагарин тоже «не в себе», не знает, как скрыть волнение. Заметил обрывок старого кабеля со свинцовой оболочкой, поднял, попробовал согнуть — идет. Начал отламывать — не поддается, раскручивать — не получается. Кто-то из товарищей проговорил с удивлением:

— Юра, что это ты? И сдался тебе это свинец...

— Не видишь? К рыбалке готовлюсь, грузила нашел.

Как обычно, в таких случаях вокруг собираются советчики. Шутки, смех, о своих треволнениях на какое-то время забыли. Гагарин сумел разрядить обстановку.

Но вот экзамен сдан, Космонавт-1 облегченно вздыхает и, как он любил говорить, выходит «в открытый космос» — во двор.

Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Алексей Леонов совмещали учебу в академии с подготовкой к космическим полетам, и хотя космонавты не любили поблажек, по инициативе Юрия для них была разработана специальная программа, которая, впрочем, мало облегчала их участь. Ведь эти ребята тоже работали с двойной «тягой». И Юрий как мог помогал им.

11 августа 1962 года стартовал Андриян Николаев. В бункере за переговорным пультом сидел Юрий Гагарин. Объявлена пятиминутная готовность.

— Андрюша! Ни пуха ни пера тебе! — крикнул он в микрофон.

— Спасибо, Юра!

Стены бункера сотряслись от грома работающих двигателей. Донесся голос Андрияна:

— Поехали!

Потом это первое гагаринское слово, залихватское словечко, станет обязательным, как талисман, для всех отправляющихся на орбиту.

В космос улетел Павел Попович, и опять знакомый голос Гагарина, уже там, на невообразимой высоте:

— Как настроение, Паша?

— Настроение отличное, все идет хорошо. Вижу Землю. Какая она красивая!

— Вместе с тобой любуемся этой красотой, — восторженно поддержал Юрий, вспоминая, что сам видел из иллюминатора «Востока». Потихоньку, как бы про себя, но зная, что Павел услышит, на полурусском, полуукраинском напел его любимую песню: — «Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю...»

Королев строг, нельзя допускать такие вольности на радиопереговорах, но смеется:

— Устарела, Юра, песня. Боже дал крылья не только «Соколу», но и «Беркуту»...

— А что, Сергей Павлович, сдерживаю я свою клятву? Помните, сказал, что не буду спать спокойно, пока не слетают все ребята из первого отряда?

Через год на орбиту спутника Земли был выведен космический корабль «Восток-5», пилотируемый Валерием Федоровичем Быковским. Ему предстоял самый длительный по тем временам полет. И снова в наушниках ободряющий голос Юрия:

— «Ястреб», у тебя произведено измерение физиологических функций. Все показания хорошие, так держать!

Потом еще:

— «Ястреб», будьте готовы.

И самое заветное:

— Подъем! — звонким обещающим благополучие выкриком.

Через день к «Ястребу» подлетала по своей орбите «Чайка» — Валентина Терешкова. И опять, прежде чем ракета устремилась ввысь, Земля спросила голосом Гагарина:

— «Чайка», как самочувствие? Начинаем проверку аппаратуры, включите глобус.

— Я «Чайка», я «Чайка», включаю аппаратуру.

Ее успокаивал, ей придавал силу тот узнаваемый среди сотен других, ставший близким голос.

Октябрь 1964 года. Новой мощной ракетой-носителем впервые в мире выведен на орбиту трехместный пилотируемый космический корабль «Восход». На борту корабля целый экипаж: командир летчик-космонавт инженер-полковник Владимир Михайлович Комаров, научный сотрудник-космонавт, кандидат технических наук Константин Петрович Феоктистов и врач-космонавт Борис Борисович Егоров.

По справедливости говоря, Юрий Гагарин провожал этот экипаж еще с того момента, когда после хирургической операции Комарову запретили тренировки и даже хотели отчислить из отряда. Юрий отстоял товарища. Его уверенность помогла Комарову преодолеть недуг, снова оказаться в группе непосредственной подготовки. Он был дублером у Поповича. И вдруг еще одна беда: во время одной из медицинских проб на ленте электрического прибора появился всплеск кривой. «Экстрасистолы», называют его в медицине. Казалось бы, ничего особенного. Но нет, врачи твердо сказали: «Негоден». Юрий не давал впасть в уныние.

— Володя, ты же сам любишь повторять: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!»

Комаров побывал у виднейших армейских врачей. Его принимали старшие начальники. Многим звонил Юрий, упрашивал лично. Было решено: наблюдать Комарова на тренировках... И вот они, долгожданные выстраданные испытания. Сначала пробная прокрутка на центрифуге, еще увеличение скорости, — годен!

— Когда Володя снова пришел в спортивный зал, — рассказывал Юрий, — у нас у всех был праздник. Я вспоминаю сейчас шутку о композиторе Листе. На одной странице нотной записи он пометил: «Быстро, как только можно», а на следующей написал: «Еще быстрее!» Вот это можно сказать и о Володе, когда он вернулся к занятиям. Он и раньше был образцом целеустремленности, трудолюбия, организованности. А тут у него все пошло «еще быстрее».

Полет многоместного корабля-спутника «Восход» был завершен благополучно. «Ну вот, — сказал Юрий, обнимая Комарова, — ничто, Володя, нас не вышибло из седла!»

1965 год. На орбите «Восход-2», пилотируемый Павлом Ивановичем Беляевым и Алексеем Архиповичем Леоновым.

Такое могло только присниться. Вынырнув из корабля, словно его подтолкнула невидимая рука, Алексей Леонов парил над бездной, не в силах дотянуться до кромки спасительного люка. Внизу, в умопомрачительной глубине, туманился округлый бок планеты, а он не падал на него, как бывало, с парашютом, а плыл, поддерживаемый неизвестно чем, кувыркался, обреченный на вечное скитание среди холодных, бесстрастно взирающих на него звезд.

Еще никто за тысячи лет существования на Земле человека не парил так высоко над планетой один на один с космической пустотой, вне корабля, дающего спасительное ощущение земной опоры... Никто...

Крутнулся на фале и тут же услышал знакомый, неизвестно как проникший в наушники голос Гагарина:

— Как настроение, Леша? Как Земля, спрашиваю?..

Не может быть! Ах да! Это же командир подключил к его проводу трансляцию с пункта управления.

— Красота! — сказал, запинаясь от волнения, Леонов: гагаринский голос словно прибавил зоркости. Теперь он уже другими глазами взглянул на Землю.

На семнадцатом витке они должны были включить тормозную двигательную установку. Но что-то случилось с системой солнечной ориентации.

— Разрешается ручная... разрешается ручная посадка, — после недолгих колебаний передала Земля непривычно взволнованным голосом Гагарина.

Командир взялся за черную ручку и впился глазами в приборы.

Теперь только от него зависело, быть им на Земле или, отскочив от плотных слоев атмосферы, подобно камешку, брошенному вскользь по воде, уйти на другую орбиту и уже, быть может, никогда не вернуться. Корабль начинал восемнадцатый, не предусмотренный программой виток.

...«Восход-2» опустился в глубокий снег между двумя елями. Помогая друг другу вылезти из корабля, они до сладостного головокружения вдыхали морозный хвойный воздух тайги. К ним на выручку на лыжах уже пробирались отряды поисковой группы. Теперь оставалось ждать. Они умяли вокруг корабля снег, расстелили палат-

ку и начали разводить костер. Зашипели, затрещали смолистые сучья, лениво потянулся к кустам сизоватый дымок. «Легкий на руку Юра...» — сказал Беляев.

Глава вторая

Ему не хватало и двадцати четырех часов в сутки, и трехсот шестидесяти пяти дней в году. В. А. Митрошенков работает над созданием биохроники Юрия Гагарина. Вот каким, разумеется, с пропусками на дела менее важные, на редкие выходные, получался год 1965-й.

1 января. Позвонил Николаю Петровичу Каманину, поздравил с Новым годом, сообщил, что агентство печати «Новости» прислало ему статью бельгийского профессора, который утверждает, что человек способен пробыть в космосе не более пяти суток, иначе начнется психологическое расстройство.

— Ответим делом, — сказал Каманин.

3 января. Выехал поездом в Саратов на встречу с выпускниками индустриального техникума. Никого не предупредил, считал, что так лучше, скромнее и тише.

4—5 января. Ходил по городу своей юности, выступил перед учащимися и преподавателями техникума, побывал в областном комитете ДОСААФ, где встретился с первыми летными наставниками.

Узнав о болезни Николая Ивановича Москвина, учителя физики, послал ему записку: «Дорогой Николай Иванович! Сердечное спасибо вам за науку и знания. Все мы гордимся тем, что учились у вас. Желаем вам крепкого здоровья и всего самого наилучшего».

6 января. Посетил поле, на котором приземлился 12 апреля 1961 года. Преподнес. А. А. Тахтаровой и ее внучке Рите подарки, привезенные из Звездного городка. Встречался с сельчанами, пионерами, рабочими.

7 января. Беседовал с членами бюро областного комитета партии. Рассказал о советской космической программе, попросил помочь в досрочном изготовлении сценического оборудования для Звездного городка, заказ на которое распространили на один из заводов Саратова.

9 января. Присутствовал на тренировке Павла Беляева и Алексея Леонова. Кузнецову — начальнику ЦПК и Гагарину, как его заместителю, поручили соз-

дать благоприятные условия для подготовки космонавтов к итоговому занятию.

12 января. Выступил с докладом о готовности экипажа Беляев — Леонов к выходу в открытый космос.

14 января. Присутствовал на экзаменах, которые сдавали космонавты-женщины.

20 января. Вместе с Н. П. Каманиным и Н. Ф. Кузнецовым обсуждал вопрос о строительстве новой центрифуги.

25 января. Принято решение о выделении группы космонавтов для подготовки по программе «Союз». Командиром ее назначается Георгий Береговой.

Гагарин объявил об этом на совещании и сердечно поздравил нового командира отряда.

3 февраля. Юрий Алексеевич Гагарин и Николай Федорович Кузнецов встретили Сергея Павловича Королева, приехавшего в Центр подготовки космонавтов на комплексную тренировку. Экипажи работали четко, слаженно, программу выполнили полностью, не нарушив временной график.

4 февраля. Присутствовал на совещании у Главного конструктора. Обсуждали итоги комплексной тренировки, сроки завершения подготовки космонавтов для выхода в открытый космос.

26 февраля. Занимался в академии. Во второй половине дня разговаривал с Байконуром. Сергей Павлович Королев серьезно болеет — воспаление легких, у него постельный режим, врачи стремятся оградить его от звонков, посещений. Пока им удалось добиться лишь одного — отменить совещания у постели больного.

2 марта. Присутствовал на беседе генерала Каманина с экипажем. Николай Петрович кропотливо и дотошно расспрашивал о самочувствии, о трудностях подготовки, о шлюзовой камере, о взаимодействии с командиром, остающимся на борту.

3 марта. Присутствовал на заключительной тренировке Беляева — Леонова. Выход Леонова в открытый космос показался фантастическим, а его ловкие действия вызвали восхищение у присутствующих.

5 марта. Писал биографические справки на Беляева и Леонова, которые настойчиво просит печать.

9 марта. Среди многочисленных поздравлений, поступивших ко дню рождения Гагарина, было письмо от фронтовика, орденоносца Петра Трофилова:

«Знаю, что в этот день вы получите сотни поздравле-

ний, — писал он, — и, возможно, мое письмо не будет источать столько лести, сколько можно сказать знаменитому юбиляру, но я солдат и ценю в человеке доброту отношений. Вы «племя младое», новое, но я радуюсь тому, что мы не зря воевали, не напрасно проливали кровь. Оставайтесь таким: добрым, внимательным, отзывчивым».

С группой космонавтов Гагарин улетел на космодром.

На Байконуре их встретил С. П. Королев. Беседовал с Павлов Беляевым и Алексеем Леоновым и весьма дотошно расспрашивал об инциденте в барокамере.

По сведениям, которыми располагал С. П. Королев, Беляев не выполнил программы эксперимента и потерял в барокамере сознание.

Юрий Гагарин, услышав такое, был крайне изумлен. Ведь в действительности все обстояло иначе. В ходе эксперимента в барокамеру прекратилась подача кислорода. Зная, как высоко оценивают ученые любой научный результат, Павел Иванович, задыхаясь, нашел неисправность и устранил. Отдохнув, он продолжал плановую работу.

11 марта. Занимался с космонавтами. Строили всевозможные аварийные варианты и тут же вырабатывали методику их устранения.

17 марта. Присутствовал при медосмотре космонавтов. После завтрака помогал заполнять бортжурналы.

18 марта. Помогал одевать скафандры Беляеву и Леонову.

Сергей Павлович подошел к космонавтам и сказал:

— Дорогие мои орелики! Науке нужен серьезный эксперимент. Если в космосе случатся неполадки, принимайте разумные решения...

И уже одному Леонову:

— Леша, я не буду тебе много советовать и желать. Я попрошу тебя только об одном: ты выйди из корабля и войди в корабль. Вот и все. Попутного тебе солнечного ветра.

19 марта. Утром Гагарин заступил на дежурство.

На КП приехал С. П. Королев, на борт пошла команда о посадке по автоматическому циклу.

23 марта. Юрий Гагарин вместе с П. Беляевым и А. Леоновым вылетел в Москву.

После митинга на Красной площади Юрий Алексеевич присутствовал на правительственном приеме в Кремле, устроенном в честь выдающихся побед советской космонавтики.

24 марта. Присутствовал в Академии наук СССР на встрече с космонавтами.

6—11 мая. Пребывание в ГДР.

17 мая. Принято решение о направлении во Францию на авиационный салон в Ле Бурже Юрия Гагарина. Советский Союз представляет на этом смотре новинок авиационной и космической техники макет космического корабля «Восток».

29 мая. Обсуждали с Сергеем Павловичем Королевым порядок демонстрации макета космического корабля «Восток» в Ле Бурже.

Гагарину показалось, что буквально за несколько дней Сергей Павлович похудел, выглядит устало, в его обычно живых глазах не было прежней искорки.

— Вам надо отдохнуть, Сергей Павлович.

Королев долго смотрел в лицо Гагарина, будто постигая смысл сказанного:

— Надо, но сейчас некогда. Луна. Луна меня интересует. Что это такое? Отторжение Земли, непризнанная нашей Солнечной системой планета, нелюбимая дочь Солнца? Никто не знает. Какую роль в жизни Земли играет Луна? Мифология Луны самая богатая. С ней может сравнится лишь Венера...

1 июня. Сдавал очередной экзамен в академии.

2 июня. Присутствовал на ВДНХ на открытии павильона «Космос», рассказал гостям о конструкции космического корабля «Восток», впервые здесь экспонируемого.

9 июня. Группа советских космонавтов по приглашению Союза промышленности и авиации и космонавтики вылетела на 26-й Международный авиационный салон в Ле Бурже.

13 июня. Прилетает в Виши на кинофестиваль фильмов по авиационной и космической тематике. Днем раньше сюда прибыли Владимир Комаров, Константин Феоктистов и Борис Егоров. В этот же день состоялось вручение им золотой медали «Космос», которой они награждены ФАИ.

16 июня. Началось турне по городам Франции, организованное Обществом «Франция — СССР» и Национальным комитетом по космическим исследованиям.

22 июня. Совершил прощальную поездку по Парижу, поднялся на Эйфелеву башню, ознакомился с сокровищами Лувра.

23 июня. Юрий Гагарин возвратился в Москву.

17 сентября. Принял корреспондента АПН и беседовал с ним по проблемам космического права.

5 октября. Изучал конструкцию космического корабля «Союз», особенность ручного управления. Встречался с учащимися Люберецкого ремесленного училища, беседовал с преподавателями, инструкторами, рассказал о работе советских космонавтов. «Рад побывать в родном училище, — написал он в книге почетных гостей. — Здесь многое изменилось за эти годы. Училище стало лучше, краше, культурнее. Хорошо оборудованные учебные классы и кабинеты создали замечательные условия для приобретения знаний и профессиональных навыков. Желаю коллективу училища дальнейших успехов в подготовке кадров, спорте, общественной жизни. Ю. Гагарин».

3 ноября. Провожал С. П. Королева, улетавшего на космодром. Предстояли новые пуски. Сергей Павлович увлеченно говорил о новой мощной ракете-носителе, об успешной работе над космическим кораблем «Союз».

— Вам бы отдохнуть пора, Сергей Павлович, — советует Гагарин.

— Отдохнем, скоро отдохнем. Не вечно же мы будем работать в таком режиме? — И, улыбаясь, медленнее, чем всегда, поднимался в самолет.

27 ноября. Провел совещание сотрудников ЦПК. В числе многих вопросов, рассматриваемых на совещании: усиление внимания к школе Звездного городка, закрепление за классами космонавтов, оживление пионерской и комсомольской работы, формирование школьной библиотеки. Предложил часть книг из личных библиотек передать школе.

8 декабря. Участвовал в работе седьмой сессии Верховного Совета СССР.

По просьбе корреспондентов ответил на их многочисленные вопросы.

— Я хотел бы через вас, работников печати, — завершая свою беседу, сказал Гагарин, — обратиться ко всем людям доброй воли: Советский Союз — миролюбивая держава. Все, что мы сделали в освоении космического пространства, — мы сделали в мирных целях. Мы против милитаризации космоса, против превращения его в арену военных сражений.

26 декабря. Встречал С. П. Королева, прибывшего в Звездный городок вместе с Ниной Ивановной.

Сергей Павлович, не выдавая болезненной слабости, обошел городок, осмотрел учебно-тренировочные классы

и сооружения, побывал в квартирах Гагарина и Терешковой.

— Врачи советуют мне лечь на обследование, — признался Королев, — так, ничего серьезного, но ослушаться не могу, дисциплина. Видимо, дней пять буду находиться под их неусыпным контролем. После больницы мы с вами погуляем. Но главное — полеты. Готовьтесь к полетам.

Космонавты попросили Сергея Павловича и Нину Ивановну сфотографироваться. Эта фотография стала последней в жизни Главного конструктора ракетно-космических систем.

27 декабря. Выступал на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ, который проходил в конференц-зале гостиницы «Юность». Обсуждали вопрос о воспитании молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

30 декабря. Написал поздравительные открытки своим товарищам, коллегам, ученым, конструкторам. Он желал им новых успехов и сам был полон радужных надежд на будущее.

Люди любили его за любовь к ним.

...Яркая зеленоватая звездочка висела в небе так близко, что, казалось, ее можно было потянуть за тонкий, серебристо пронзивший окно луч, который доставал теперь до самой кровати, до самой подушки и мешал Вовке спать. Перекатываясь в мягкой пышной духоте, Вовка старался спрятаться от этого устремленного на него сверху немигающе веселого взгляда и не мог — звездочка проникала даже сквозь крепко-накрепко смеженные ресницы.

Но уснуть ему мешала не звездочка. Как только хотя бы на миг прерывался ее всевидящий свет, так сразу же из кромешной темени медленно, словно на ниточке шар с ушами, всплывало насмешливое лицо Женьки Семичева, который вот уже третью неделю подряд не давал Вовке проходу. «Эй ты, сын космонавта!» — издалека кричал Женька. И, вспоминая жестяной, как от подкинутой клюшкой консервной банки, звук его смеха, Вовка покрывался испариной.

Дело в том, что Вовку мама взяла из детского дома. По воскресеньям мальчишки их двора обычно играли во дворе в хоккей, потому что именно в выходной набиралось целых две команды.

Иногда переменяли игру. И для компании в два-три человека лучше всего подходила железная бочка. Ее вычистили, выскребли и по инициативе Вовки, уже имевшего в детдоме опыт изобретательства, нарекли космическим кораблем.

И в тот раз Вовка было уже приготовился лезть в бочку, как вдруг впереди, оттерев плечом, очутился Женька Семичев. Откуда он заявился? Ведь еще утром отец увел его с хоккейной площадки.

— Отойди, моя очередь! — мягко попробовал отстранить его Вовка.

— А я без очереди! — увернулся Женька и так хитровато улыбнулся, вернее, даже прикусил улыбку, как будто хотел подставить свою коварную подножку.

— Это почему же без очереди? — возмутился Вовка.

— Потому, что у меня отец летчик, — небрежно обронил Женька, теперь даже не удостоив его взглядом, и занес над люком ногу.

Вовка оторопел.

— Ну и что же, что летчик!.. — чувствуя, что сдается, что уступает, пробормотал он и в следующую секунду, сам не сознавая почему, выпалил: — У тебя летчик, а у меня космонавт!

— У тебя? Космонавт? — Женька вытаращил глаза, надул щеки — и словно лопнул от смеха, даже бочка чуть-чуть покачнулась. — Свистун! — захохотал Женька и повернулся к Петьке Сатину, потом к Славке Смагину, как бы прося их в свидетели Вовкиного обмана. — Да знаешь ты кто?

— Кто? — холодея от предчувствия какой-то гадости, тихо спросил Вовка.

— Безотцовщина, вот ты кто! Приемыш! — объявил Женька и, занеся другую ногу за край люка, скрылся в бочке, в которой еще слышнее забубнил его смех...

И в полусне мелькнула спасительная мысль: «А может, и вправду мой отец космонавт? Почему бы и нет? Ведь до самого старта имена и фамилии космонавтов остаются неизвестными. Значит, мать хранит тайну? И Вовка будет ее хранить». Но, едва мелькнув, эта мысль тут же погасла вместе со звездочкой.

Вовка проснулся, когда небо было уже ярко-голубым. И от погасшей звездочки, которая вчера не давала уснуть, но которая все светилась участием и любовью, и оттого, что на улице, наверное, снова поджидал его со своими насмешками Женька Семичев, Вовке сделалось грустно.

— А ну-ка пляши, космонавт! — услышал он голос матери. — Тебе письмо...

Вовка неохотно приподнялся и достал из конверта листок.

«Владимиру Котову от Юрия Гагарина, космонавта-один...» — было написано в самом верху.

Вовка ничего не понимал. Он читал-то еще по слогам, а тут совсем начал спотыкаться от волнения.

— Тебе, тебе, читай, — закивала мать.

«Дорогой Вовка! — пробирались от слова к слову неверящие Вовкины глаза. — Мне рассказали, какой ты славный парень и как отважно водишь к самим звездам космические корабли. Вот еще немного подрастешь — вместе полетим к Марсу на взаправдашнем звездолете. Не возражаешь?

А Женьке Семичеву, который дразнит тебя, скажи, что я на него в страшной обиде. Если тебя еще кто будет обижать или тебе придется в жизни очень туго — напиши мне. Всегда охотно приду на помощь.

Считай меня своим верным другом, а если хочешь, то и отцом.

Твой *Юрий Гагарин*».

Наверное, это и была отличительная особенность Юрия, что он был очень земным человеком. Всего было много в его характере — и доброты и жизнелюбия.

«Что еще о себе, — писал он в 1966 году, — живу как все, растут у меня хорошие дочери. Младшая, которой в апреле 61-го был всего лишь один месяц, уже совсем самостоятельный человек, старшая пойдет в школу. Вечерами мы с женой возимся с ними, играем.

Не скрою, много хлопот приносят депутатские обязанности. Частенько приходится садиться за телефон или ехать в ту или иную организацию, чтобы решать различные вопросы. А на столе не уменьшается пачка писем, на каждое из которых надо ответить. Пусть не сетуют на меня те, кто не получил ответа вовремя. У человека всего две руки и ограниченное время. Приходится всем этим заниматься ночами.

А днем — занятия, тренировки, полеты... Ведь мы, летчики, от авиации пришли к космосу...

Как и прежде, много читаю, хотя времени для художественной литературы очень мало. Больше приходится иметь дело с книгами по науке и технике. Это требует «езды в незнаемое», как сказал в свое время Владимир Маяковский.

Вот, собственно, и все, что я могу сказать о прошедших пяти годах. Они были замечательными. А впереди — новые перспективы, новые свершения... Сознание полезности для страны, для своего народа, независимо от того, большое ты делаешь дело или маленькое, является главным в жизни моих товарищей».

Королев учил его жить «наперед» — не на день и даже не на год, а на пять-десять лет. Юрий немало дивился тому, что еще в 61-м году, когда он только готовился к первому полету, Сергей Павлович со своими помощниками прорабатывал схемы и конструкции, системы оборудования, управления орбитальной станции.

«Затем, — вспоминает П. В. Цыбин, — рассматривалась возможность создания большой орбитальной станции с экипажем восемь-десять человек. Разрабатывалась схема блочной станции, собираемой на орбите из отдельно доставляемых блоков, и схема моноблочной станции с выведением ее на орбиту с помощью тяжелого носителя. Один из вариантов такой станции был выполнен в полномерном макете с имитацией оборудования, пультов управления, стыковочного отсека. Первый этаж — кладовые и устройства для переработки отходов; второй — жилые помещения с санузлом, кухней, кают-компанией; на третьем этаже размещались служебные помещения для аппаратуры управления; четвертый этаж имел пять стыковочных узлов и предназначался для стыковки с кораблями типа «Союз» и специальными блоками, также был шлюз для выхода в космос. В этих работах участвовали и космонавты».

Не тогда ли Гагарин загорелся мечтой о полете на новом корабле? И вот «Союз» начали готовить к старту. Юрий переживал, что его стараются отстранить от тренировок, сберегать как бы под стеклянным колпаком, для «будущего». Для какого? Он писал рапорт за рапортом, доказывая необходимость своей космонавтской работы, и победил. Когда комиссия вместе с Н. П. Каманиным рассматривала итоги изучения космонавтами корабля «Союз», высшие баллы получили Юрий Гагарин и Владимир Комаров.

— Ваше мнение, Юрий Алексеевич? — спросил Каманин, вызывая своего любимца-подопечного на откровенный разговор.

— Я готов лететь первым, — твердо заявил Гагарин. — Это мое мнение как профессионального космонавта. Как

товарищ — я готов уступить место Володе и верю, что он справится с заданием лучше меня.

— Спасибо. Я сегодня же дам соответствующие распоряжения о Владимире Михайловиче Комарове как командире корабля и о вас, как его дублере.

Это было, конечно, продуманное решение. Хорошо бы еще посоветоваться с Сергеем Павловичем...

Какого числа Юрий последний раз видел Королева? Кажется, 26 декабря. Тяжелое предчувствие не давало Юрию покоя. Второй раз просто так не кладут. Уж не попрощались ли они тогда в Звездном? Сергей Павлович был взбудоражен и весел, много шутил. Они даже искупались в бассейне. Почему же Юрию теперь казалось, что он больше никогда не увидит того, кто вознес его до небес, а потом стал вторым отцом. Нет, видно, Юрий просто устал, переутомился. Что он делал с утра 14 января 1966 года? Занимался в КБ по программе «Союза»? Отрабатывал систему управления с Владимиром Комаровым? Но что-то мешало слаженности, Комаров начинал нервничать:

— Сходил бы к доктору, Юра, может быть, ты заболел?

— Думаю, как сейчас чувствует себя Сергей Павлович? Ты читал его последнюю статью?.. — Гагарин вынул из кармана газету. — Тут о Леше Леонове и Паше Беляеве, о выходе в открытый космос, о спутниках, о «Зондах», о «Венерах». — Он пробегал глазами по газете. — А вот конец: «Каждый космический год — это новый шаг вперед отечественной науки по пути познания сокровенных тайн природы. Наш великий соотечественник К. Э. Циолковский говорил: «Невозможное сегодня становится возможным завтра». Вся история развития космонавтики подтверждает правоту этих слов. То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением. Нет преград человеческой мысли!»

— Концовка хорошая... Я бы сказал, стартовая концовка, — заключил Комаров. — А ну, читай дальше.

«В современной науке нет отрасли, развивающейся столь же стремительно, как космические исследования. Немногим более восьми лет прошло с тех пор, как впервые во Вселенной появилось созданное человеком космическое тело — первый советский искусственный спутник

Земли. Всего около трех тысяч дней насчитывает история космонавтики, а между тем она так богата важнейшими для человечества событиями, что в ней можно выделить целые эпохи...» Строки почему-то сливались...

С утра Сергея Павловича готовили к операции. Он привстал, посмотрел с кровати в окно. Белый пушистый снег лежал на кустах, на клумбе, из которой выглядывал увядшей звездочкой замерзший, но сохранивший свой цвет лепесток нарцисса. Яблони были как в майском цвету — всего несколько садовых деревцев, и Королев, когда был еще здесь на обследовании осенью, удивился, увидев парня в белом халате, сбивающего длинной палкой яблоки с самых макушек. Неужели он собирался их есть? Они ничьи — просто для отдохновения глаз тех, кто смотрит на садик из окоп своих палат. «Впрочем, — усмехнулся Сергей Павлович, — жизнь остается жизнью, и для здорового парня, набивающего карманы, это всего лишь анис, крупный, спелый, терпко-сладкий на вкус».

Позвонил Нине Ивановне:

— Мне сделали укол, я уже засыпаю, ты приедешь, как договорились.

А договорились так: она приедет после операции, когда он очнется и все страшное останется позади.

Хотел позвонить Юрию, но вспомнил, что тот уже, наверное, на тренировке, да и к чему беспокоить — примчится без промедления. А зачем? Прощаться?

После. Послезавтра...

Его положили на каталку, закрыли до подбородка простыней, и, уже совершенно проваливаясь в забытье, Сергей Павлович смутно уловил, как его провезли мимо громыхнувшего лифта. Сердцем почуял — приехала Нина Ивановна. Но он уже совсем засыпал. А это кто склонился над ним в марлевых повязках, а может быть, в гермошлемах? Последнее, что уловили угасающие глаза, — огромный круг бестеневой лампы.

— Считайте, Сергей Павлович, считайте, — издалека донесся глухой голос.

— Десять, девять, восемь... четыре, три, один...

...Лежали на столике гагаринские часы, белела заправленная, пустая больничная кровать, и цикадное тиканье перерастало в удары метронома.

О смерти Сергея Павловича Юрий узнал в КБ, от одного из заместителей Главного конструктора. Не поверил. Не может быть! Немедленно выехал к Нине Ивановне. Та была без чувств. Значит, все-таки случилось то, чего никто не мог ожидать?

Вернулся домой. Стал мучительно припоминать последний час, когда виделись. Королев в шапке, в пальто со снежинками на воротнике, приобнял: «До скорой встречи, Юра...»

Невыносимо было смотреть с трибуны Мавзолея на красную урну. В цветах. В венках. Теперь, когда его нет, — вся страна узнала имя Главного конструктора, весь мир. Голос не слушался, когда Юрий подошел к микрофону:

— Велико наше горе в этот скорбный час, велика наша утрата. Но все советские специалисты, космонавты будут неуклонно продолжать и развивать дело, которому отдал свою славную жизнь Сергей Павлович...

Вернулся домой, никак не мог вспомнить, какую книгу видел на больничной тумбочке Королева. Только смутно вспоминались слова, прочитанные на закладке. О том, что каждый должен что-то оставить после себя — сына, книгу, выстроенный дом или сад... О том, чтобы во всем, к чему ты прикасался... оставалась частица самого тебя... О том, что если и существует способ добиться бессмертия... то он такой: рассыпаться во все стороны, засеять Вселенную...

«Мне кажется, что после смерти Сергея Павловича Королева что-то изменилось в Юре, — вспоминала Анна Тимофеевна. — Как бы это точнее передать? Посуровел, он, строже стал к себе. Не раз повторял, что неуютно ему как-то, что все почести за полеты — им, космонавтам. Даже в газете «Известия» писал: «Пишется очень много статей, очерков о космическом полете. И пишут все обо мне. Читаешь такой материал — и неудобно становится. Неудобно потому, что я выгляжу каким-то сверхидеальным человеком. Все у меня обязательно хорошо получалось. А у меня, как и у других людей, много ошибок».

Спасти от горя — Юрий это усвоил от матери — могла только работа. Он с головой ушел в учебу, в подготовку к полету на первом «Союзе» дублером Владимира Комарова.

Он любил его и уважал, пожалуй, больше, чем других. И помнил когда-то сказанное Комаровым:

«Любой из нас как бы ни был от природы талантлив и трудолюбив, многое теряет в глазах окружающих, если не усвоил накрепко такую науку: уважение других, личные успехи — все это приходит не по щучьему велению и чьему-то прошению. Это значит, что оказался толковым учеником человека, который ради твоего блага не жалел своих душевных сил и времени».

Таким человеком для них обоих был Сергей Павлович Королев.

14 апреля 1967 года Юрий Гагарин и Владимир Комаров вылетели в Байконур, чтобы готовиться к новому испытательному полету.

— Нам с тобой, Юра, придется подниматься на очень высокую гору. Тебе когда-нибудь приходилось просто так залезть на утес и посмотреть вокруг? Горизонт раздвигается, и видишь необъятный простор, как будто нет ему конца и края. Перед тобой расступаются горы, которые раньше закрывали обзор, и глаз ласкают, изумляют снежные пики, зеленые долины, светлые города, синие воды, почти сказочная гамма цветов и оттенков, и все увиденное словно приближается к тебе, принимает зримые, живые черты. Не правда ли, такое предстает перед нами с высоты космического полета? «Союз» поднимет нас еще выше, чем «Восток» и «Восход», вместе взятые.

Да, это был уже совершенно другой корабль. С многометровыми панелями-крыльями солнечных батарей он напоминал гигантскую птицу. Две просторные сферы: кабина экипажа — спускаемый аппарат и орбитальный отсек. Примерно малогабаритная двухкомнатная квартира. Даже меблирована: диванчик, напротив своеобразный рабочий кабинет, все отделано красным деревом, есть тут полка, где можно хранить книги и микрофильмы. В кабине экипажа — рабочее кресло, индикаторы, электронные счетно-решающие блоки, тумблеры, световое табло, ручки. «Союз» мог уже не просто лететь, но совершать маневры в космосе, изменять высоту орбиты, осуществлять поиск другого корабля и сближаться с ним.

Тренировки, тренировки, тренировки. Казалось, все проверено до мелочей, но Комаров неутомим и тащит Юру с собой. Снова взвывают генераторы, освещаются пульты. «Корабль» летит пока на Земле, повинуясь воле

пилота. Виток. Еще виток — на сегодня, кажется, хватит.

23 апреля 1967 года с поднятой рукой Комаров «на трапе» прощается с провожающими, а с борта корабля передает:

— Самочувствие отличное, закрепился в кресле, у меня все в порядке, давайте сверку времени...

— Готовность десять минут, пять... три... одна...

На связи с кораблем Юрий Гагарин. Он подтверждает, что все команды отрабатываются четко, все идет очень хорошо.

И вот с нарастающим гулом ракета взмывает в небо.

— Сорок секунд! Полет нормальный...

Гагарин: Все идет хорошо!

Комаров: Слегка покачивает. Перегрузки возрастают.

Гагарин: Все параметры в норме.

Комаров. Небо заметно темнеет, у меня порядок!

— Двести секунд, полет нормальный.

Но вот уже не секунды, а сутки позади. Комаров полностью выполнил намеченную программу испытаний, провел ряд экспериментов.

Утром 24 апреля после выполнения программы Земля предложила космонавту прекратить полет и совершить посадку.

— Двигатель отработал 146 секунд, корабль был сориентирован правильно... Все идет нормально. Нахожусь в среднем кресле, привязался ремнями... Не волнуйтесь, датчики подключены.

— Как самочувствие, «Рубин»?

— Самочувствие отличное, все нормально... Произошло разделение.

Земля подтвердила: «Приняли разделение». Затем связь прекратилась. После осуществления всех операций, связанных с переходом на режим спуска, «Союз» благополучно прошел наиболее трудный и ответственный участок торможения в плотных слоях атмосферы и полностью погасил первую космическую скорость.

И тут случилось непредвиденное: при открытии основного купола парашюта на семикилометровой высоте из-за скручивания строп космический корабль снижался с большой скоростью...

Рассказывают, что до гибели Комарова Юрия никогда не видели плачущим открыто, при всех.

«Полеты в космос остановить нельзя, — писал Гагарин. — Это не занятие одного какого-то человека или да-

же группы людей. Это исторический процесс, к которому закономерно подошло человечество в своем развитии. И космонавты полетят. И новые космонавты, и те, которые уже летали. И я и мои товарищи отдаем себе отчет, что гибель Володи — трагическая случайность. Что же касается разговоров о задержках, то здесь не надо быть пророком, чтобы понять: полет нового корабля типа «Союз» будет возможен лишь при полном выяснении причин гибели первого корабля, их устранении и последующих испытаниях. Разумеется, для этого нужно время...»

Можно только догадываться, о чем он думал в те дни, осененные траурными флагами.

«Ничего не дается людям даром. Ни одна победа над природой не была бескровной. А разве земные наши открытия не оплачены жизнью замечательных людей, героев разных стран, отважных сынов человечества. Люди погибали, но новые корабли уходили со стапелей, новые самолеты выруливали на взлетную полосу, новые отряды уходили в леса и пустыни. Умер Сергей Павлович, погиб Володя... Ковровые дорожки все больше перерастают в тернии.

Да, конечно... Чересчур бурные рукоплескания способствовали тому, что космические полеты воспринимались некоторыми как заведомо счастливый и легкий путь к славе. А разве сам я думал о славе, когда шел на первый прорыв? Умом понимал, но сердцем не верил. Но вот беда так близка, словно случилось с тобой. Володя показал нам своею же смертью для наших жизней, какой крутой бывает дорога в космос, в ту самую гору, откуда он любил смотреть на планету...

Мы научим летать «Союз»... Мы сядем в кабины новых кораблей и выйдем на новые орбиты. Весь жар сердец, весь холод ума отдадим мы делу. Мы будем жить и работать, мы сделаем все, что прикажет нам Родина, партия, наш народ. Нет ничего, что бы мы не отдали для чести его и славы...»

Глава третья

Наступали горячие денечки подготовки дипломной работы. Сергей Михайлович Белоцерковский вспоминает, что ему было очень приятно, когда Юрий Гагарин вместе с Андрияном Николаевым попросили взять над ними руководство. «А может быть, и дальше», — добавили они.

Во время обсуждений темы у кого-то из космонавтов, говорят, у Павла Поповича, возникла когда-то, в начале учебы, еще при жизни Королева, мысль обсудить наметки с Главным конструктором. Сергей Павлович принял тепло и сердечно. Замысел, тема ему в целом понравились, он их одобрил, сделав целый ряд интересных замечаний. И высказал одно суждение, которое не раз вспоминали потом:

— Покажите им, Сергей Михайлович, как тяжело быть в нашей «шкуре». Это очень важно. «Шкуру» космонавта они почувствовали, а «шкуру» конструктора — нет. А им надо хорошо понимать, чувствовать и трудности космонавта, и трудности конструкторов.

И как напутствие прозвучали его слова:

— Смелый, искусный летчик и космонавт. Грамотный, думающий инженер. Это то, что нужно. И не останавливаться на этом — вы же на переднем крае новой научной проблемы!

После этой встречи окончательно были распределены темы между дипломниками. И хотя еще шли обычные учебные занятия, космонавты уже начали расчеты.

Сергей Михайлович Белоцерковский наблюдал, анализировал:

«Дипломная работа — не реальный проект, но и она позволяет дать общую оценку идеи, выявить ее плюсы и минусы. А комплексный диплом хорош тем, что в нем летательный аппарат рассматривается не односторонне, а многопланово. Но этим он и труден. Нелегко было состыковать отдельные дипломные работы в единое исследование, а части летательного аппарата — в целую конструкцию. В этом почти всегда участвовал дипломник № 1 — Юрий Гагарин. Своим умением глубоко видеть проблемы, деловитостью и четкостью он поражал всех нас. А его доброжелательность, общительность и юмор помогали в самые трудные моменты.

Гагарин «конструировал» и «облетывал» свой летательный аппарат, широко используя имевшуюся тогда вычислительную технику — цифровую и аналоговую. ЭВМ не только интенсифицируют исследования, но и позволяют глубже подойти к проблеме, найти узкие места ее. Эту задачу он решал вместе с Андрияном Николаевым.

Гагарину дали возможность побывать и в «шкуре» конструктора, и в «шкуре» космонавта. На специальном стенде-тренажере моделировались предпосадочный маневр

и посадка самолета. «Полет» воспроизводился с помощью аналоговой электронной машины.

И вот почти две недели по нескольку раз в день разыгрываются с вариациями похожие сцены. Идет упорный поиск — как улучшить компоновку. Результаты анализируются, и «конструктор» Гагарин, принимая решение, восклицает:

— Ладно, хватит, пусть летают на таком аппарате. Что, космонавты зря учатся, тренируются? За что им деньги платят?

Потом отправляется на испытательный стенд, вводит с помощью лаборантов новые данные в вычислительную машину и начинает «проигрывать» посадку.

— Кто создал этот «утюг»? О чем думают конструкторы, что они умеют? За что им деньги платят?

Нередко после таких столкновений Гагарина-«конструктора» и Гагарина-космонавта Юрий Алексеевич валился в кресло своего рабочего кабинета.

— Ну и ситуация, тут не соскучишься! Дай хоть немного отдохнуть от этой бесконечной круговерти!

Потом снова напряженная работа. И так день за днем, пока наконец общими усилиями «конструктора» Гагарина и летчика-космонавта Гагарина в спорах с консультантами не были найдены и обоснованы приемлемые решения. По сути дела, в своей дипломной работе Гагарин испробовал методы, которые затем применялись в системе автоматизированного проектирования самолетов (САПР).

Наконец все материалы — пояснительная записка, чертежи, схемы, таблицы — полностью готовы. Остается одна важная процедура — предварительная защита, которую проходят все перед внутренней комиссией. Юра «взял планку» со второго раза. Не то чтобы в первый раз было обнаружено что-то криминальное, нет. Но, как часто бывает с диссертантами, он еще не успел отойти от частностей работы, был в плену деталей. Сам чутко уловил это и предложил:

— Вижу, не то. Надо еще разок.

И дня через два, 15 февраля 1968 года, пришел собранный, созревший, внутренне готовый. Говорил четко, взвешенно, отменно держался и при ответах на вопросы. Критический разбор был, но больше по традиции для «шлифовки».

— К защите допущен.

И в ответ по-детски выраженная радость:

— Вот здорово!

Теперь, когда прошло столько времени, преподаватели академии признаются, что иногда «пережимали». Но кто не знает пословицу: «Тяжело в учении — легко в походе». Защиты должны были развеять миф о «легкости» обучения космонавтов в академии, и они его развеяли перед самыми закоренелыми скептиками.

Гагарин и Титов защищали свои работы 17 февраля 1968 года в Звездном городке. Первым выступил Юрий Алексеевич.

И вот результаты:

«Оценка дипломного проекта.

Выполнение работы — отлично.

Защита работы — отлично.

Общая оценка — отлично.

Постановление:

На основании итогов учебной успеваемости и защиты дипломной работы полковнику Гагарину Юрию Алексеевичу присвоить квалификацию летчика-инженера и выдать ему диплом об окончании инженерного факультета с отличием.

Комиссия при обсуждении вынесла отдельное решение. Комиссия отмечает высокий уровень дипломной работы, способность дипломанта к научной работе и в связи с этим рекомендует ему обучение в заочной адъюнктуре Военно-воздушной инженерной ордена Ленина Краснознаменной академии имени профессора Н. Е. Жуковского».

Пророческими оказались слова Королева: «В Юре счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие. Я думаю, что если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен наших ученых».

Сергей Михайлович Белоцерковский считает, что именно в эти годы, годы учебы в академии, начался подлинный жизненный взлет Гагарина, полностью раскрылись его ум, талант, характер, если учесть, что для космической орбиты Юрий был все же «избранником» судьбы. Юрий показал пример не только увлеченности наукой, не только глубины и силы мышления, но и человеческого обаяния. И здесь он проявил себя таким, как везде и всегда: прежде всего коллективистом. В академии сконцентрировалось все, что так помогало ему в предыдущей жизни. Наука сейчас настолько усложнилась,

что молодому человеку, даже самому волевому и талантливому, трудно наметить себе достаточно далекую и правильную научную перспективу. Ему нужны умный, тактичный научный руководитель-наставник, ведущий активную творческую жизнь, хороший коллектив, где помогли бы в процессе исканий и проб найти себя. Новаторский подход к решению актуальных и важных задач, чувство причастности к большому делу, товарищеские помощь и поддержка — вот что увлекает молодых, воспитывает в них лучшие качества. В этом, наверное, можно согласиться с Сергеем Михайловичем. Достаточно вспомнить, что с первых жизненных шагов, начиная с ремесленного училища и кончая академией имени Жуковского, Юрий был прежде всего коллективистом. Наставники сначала рабочей, после летной, потом космонавтской, затем инженерной профессий, все, кто окружал Юрия — а ему везло на хороших людей, — развили в нем лучшие качества, которые сделали из него не просто исполнителя, но и творца.

Все, кто видел Юру в академии, уверяют, что он в полной мере обладал качествами, которые позволили бы ему стать современным руководителем крупного научного коллектива. Он был создан для этого. Оставалось лишь овладеть нужными методами, прочувствовать методологию исследований, рождаемую научно-технической революцией. У Юрия была неутолимая жажда к новым знаниям. Сейчас революционная роль ЭВМ в науке, авиации, космонавтике понятна, видима всем. А в те годы, когда многое еще было проблематично, Юрий Алексеевич быстро и безоговорочно проникся верой в ЭВМ и увлекся тем, что ныне зовется «численным экспериментом». Многие долго не верили, что он смог столько сделать в своей дипломной работе, причем используя разнообразные научные средства: ЭВМ, аэродинамические трубы, тренажер.

Однокашники Гагарина по академии, дважды Герои Советского Союза, кандидаты технических наук Б. Волынов, А. Николаев, А. Леонов, П. Попович так отзываются об академической поре:

«С особым чувством теплоты и благодарности вспоминаются нам годы учебы в академии. Она дала нам прочные фундаментальные знания, научила нас решать специальные вопросы с позиции инженеров-исследователей. Но ее профессорско-преподавательский состав нес нам, воспитывал в нас и гораздо большее — безгранич-

ную преданность Родине, партии, своему делу, увлеченность наукой, дух коллективизма.

Особенно благоприятное влияние это оказывало на Юрия Алексеевича. В короткое время космонавт № 1 стал и слушателем № 1, нашим лидером в учебе, на которого мы равнялись, за которым тянулись. Здесь с особой силой развернулась еще одна сторона его богатой талантами натуры. Он проложил всем нам не только дорогу в космос, но и указал своим примером путь в Науку, по которому мы затем и пошли».

27 марта 1968 года на листке календаря в кабинете Ю. А. Гагарина остались записи, наметки на этот день:

1) 10.00 — тренировочные полеты.

2) 17.00 — редакция журнала «Огонек», «Круглый стол», надо выступить.

3) 19.00 — встреча с иностранными делегациями в ЦК ВЛКСМ.

Так он распределил ближайшее время. А что «записывали» ум и сердце? Самое последнее, что помнит, например, Нина Ивановна Королева при одной из встреч с Гагариным: потемневшее, осунувшееся лицо и короткие, жесткие, как о давно решенном и необратимом, слова: «И все-таки я полечу, я добьюсь, чтобы меня пустили в полет, чего бы это ни стоило». Г. Т. Береговой вспоминает, что «когда после гибели Комарова Гагарина исключили из всех программ подготовки к полету в космос, он стал настойчиво добиваться разрешения вернуться к авиационным полетам». Ведь, достигнув всего, Юрий снова оказался как бы на распутье. И думается, напрасно восхищаются тем, как легко переносил этот человек славу всемирной известности.

Вообще — что же такое слава?

«Похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг, — толкуют словари, — самыя почести, хвала по ним». В народе говорят еще так: «Про него слава на весь свет стоит. Слава за очи хвалит. Слава за очми живет». Не тщеславные ли люди дивились тому, как свободно и непринужденно нес Юрий Гагарин бремя славы? Труднее было другое — оправдать то признание, ту любовь, которую он заслужил, сразу усыновленный своим народом, да и всем человечеством. Постараться оставаться самим собой, стремиться к большему, к еще

недостигнутому — вот что стало главной его проблемой после полета в космос.

Кто же это сказал: «Люби меня таким, каким любишь, и я всю жизнь буду стараться приблизиться к твоему идеалу во мне»?

Николай Петрович Каманин писал:

«За два с половиной года Юра прошел дистанцию от старшего лейтенанта до полковника, обычно на этот путь требуется 15—20 лет. Два с половиной года всемирной славы не испортили Гагарина. Он сильно вырос за это время, приобрел большой опыт в выступлениях, он хорошо может проводить самые сложные пресс-конференции и беседы. Объехав более тридцати стран, проведя тысячи встреч и выступлений, он не имел времени много читать, думать и учиться. Но сами поездки и встречи с народами различных стран были такой большой школой, с которой не может сравниться ни одно высшее заведение».

И вот теперь он не просто космонавт, а инженер, с желанным значком Жуковки на тужурке. Жизнь накатана на много лет вперед. Но не такой Юрий, чтобы довольствоваться достигнутым. Снова мучительные раздумья выбора. Что делать? Пойти по научной стезе? Но нужны годы и годы. Да и по плечу ли мне это? В отряд приходит новое поколение образованных космонавтов, космонавтов-ученых, и он не имеет морального права ставить себя выше, командовать ими.

Лететь! Лететь в космос! Единственная из всех дорог, которую он окончательно выбрал. А лавры самого первого, единственного пусть засыхают в семейных альбомах — для детей, внуков и правнуков.

И он вдруг понял, что все тридцать четыре прожитых им года были лишь увертюрой будущей жизни. Теперь, если лететь, — не просто лететь, а лететь инженером.

Петр Ильич Климук с затаенной болью в глазах тихо рассказывал генералу Каманину:

«С Юрием Алексеевичем я встречался много раз, все последние три дня. 25 марта в 14.45 он пришел в спортзал. Мы вместе раздевались. Шутил. Спрашивал, как живу, чем занимаюсь в свободное от работы время. Переодевшись, вошел в спортзал. Там еще никого не было. Он пробежал несколько кругов, начал выполнять разминочные упражнения. В 15.10 Юрий Алексеевич поинте-

ресовался: почему никого нет на занятиях? Обратил внимание на то, что по расписанию в это время должна заниматься группа слушателей.

Пришли преподаватели. Юрий Алексеевич поговорил с ними. Попросил разрешения у них и начал заниматься на батуте. В этот день с занятия он ушел немного раньше.

26 марта я видел Юрия Алексеевича на предварительной подготовке к полетам. Он вошел в класс бодрым. Поздоровался. И сразу принялся за подготовку к полетам. Спросил, кто должен летать, записал в планшетку время их вылетов.

Перед тем как уходить на тренаж, Волков попросил у Юрия Алексеевича разрешения уехать в конструкторское бюро. На это Юрий Алексеевич ответил, что, кто на предварительной подготовке не бывает, тот отстраняется от полетов. Уходя на тренаж, он еще раз предупредил Волкова, чтобы он обязательно присутствовал на тренаже, иначе будет отстранен от полетов. Далее вместе со всеми Юрий Алексеевич пошел к самолетам, сел в МиГ-17 и проиграл весь полет, работая в кабине с арматурой.

Беседовал с летчиками об инструкции по эксплуатации и технике пилотирования самолета МиГ-17. Сказал, что вечером просмотрит ее повнимательнее. Задал несколько вопросов и своему инструктору.

27 марта Юрий Алексеевич пришел в столовую в 7 часов 50 минут. Как всегда, поздоровался, пожелал приятного аппетита. Из столовой в 8 часов 10 минут пошел к автобусу. В автобусе он разговаривал с летчиками-космонавтами. Принял доклад дежурного. Пошел в раздевалку и начал переодеваться. Проходя медицинский осмотр, шутил, разговаривал с врачом... Затем перешел в класс на предполетную подготовку. Здесь Юрий Алексеевич еще раз просмотрел плановую таблицу, уточнил задание. Проверил позывные аэродромов у начальника связи. Записал данные в планшетку, пометил в ней указания руководителя полетов. Больше Юрия Алексеевича я не видел».

Степан Сухинин со сдержанным волнением вырисовывал картину дня перед вылетом:

«Юрий Алексеевич внимательно записывал все, что говорилось на предполетной подготовке. Выслушал сообщения дежурного штурмана и синоптика, информацию руководителя полетами. Был добр и весел. Когда Гага-

рин и Серегин сели в самолет, я направился на СКП, находился там и слышал их передачу и команды руководителя полетов. Последние радиопереговоры были примерно следующие:

Юрий Алексеевич: «Я — 625-й, задание выполнил. Высота 5200, разрешите вход».

Руководитель полетов: «Уточните высоту».

Далее ответа не последовало. На всех каналах руководитель полетов запрашивал 625-го. Ответов не последовало».

Георгий Тимофеевич Береговой:

«...Мы собрались в служебном помещении, в бескрайней скорби замерли у дверей кабинета Гагарина.

Торопливо, не поднимая головы, прошел начальник Центра подготовки космонавтов Н. Ф. Кузнецов, у дверей остановился, вернулся, сказал:

— Не надо толпиться, идите по своим местам, вы можете скоро потребоваться...

Николай Федорович ушел, не добившись исполнения собственного приказания. Может быть, это и не было приказанием.

Ждали Николая Петровича Каманина.

Мы уже знали, что самолет Гагарина—Серегина не найден, что самолеты и вертолеты, посланные в район пилотирования, следов катастрофы не обнаружили.

Это известие мгновенно разнеслось по кабинетам и лабораториям, тренажным помещениям и учебным классам. Затеплилась надежда: они живы...

Приехал Каманин. Он угрюмо прошел в кабинет Кузнецова, не подняв тяжелой головы, не оторвав глаз от пола. Погасла пробудившаяся в нас надежда. Сомнений не оставалось: самолет потерпел катастрофу.

— Что сообщают группы поиска? — спросил Николай Петрович, ни к кому не обращаясь.

— Поиск ведут экипажи вертолетов на высоте пятьдесят-сто метров, самолеты Ил-14 ходят на высоте триста метров. Никаких следов катастрофы не обнаружено, — сообщил Степан Сухинин.

Каманин временами отключался от окружавшей его обстановки: не реагировал на свет, не обращал внимания на столпотворение. Иногда вдруг заговаривал вслух: «Да нет, не может быть» — так велико было его потрясение. Огромным напряжением воли заставлял он себя возвращаться к действительности.

— Попросите космонавтов вспомнить последние два

дня из жизни Гагарина. О чем и с кем говорил, какие он давал указания. Пожалуйста, не забудьте об этом, — сказал он и глухо обронил: — Все свободны.

Вышли не все.

— Может быть, сообщить Валентине Ивановне? — робко спросил кто-то.

— Нет!

Это был приказ.

Каманин выехал на аэродром.

Со стартового командного пункта сообщили: «Экипаж вертолета с бортовым номером 27 в трех километрах от деревни Новоселово обнаружил обломки самолета».

Николай Петрович тотчас встал и, обводя глазами присутствующих, сказал:

— Срочно вертолет.

Всякое приходило в голову. Возможно, что в воздухе что-то произошло, допустим, отказал двигатель, наступило внезапное обледенение, самолет столкнулся с... С чем может столкнуться самолет зимой на высоте четыре тысячи метров? Они катапультировались, сели на вынужденную, приземлились на запасной аэродром?

Внизу на огромном пространстве, засыпанном снегом, Каманин искал парашюты, живительное пламя костра...

Со стороны деревни, выбрасывая сизое облако дыма, куда-то торопливо бежал трактор.

Из окна иллюминатора Николай Петрович видел, как трактор изменил направление, и мужчина выскочил из кабины, замер на широких траках.

Посадка! Впервые Каманин проявил нетерпение.

Вертолет, завершая круг, приземлился метрах в восьмистах от воронки.

Что это такое — никто на борту вертолета не знал. Мало ли что можно встретить в лесу, в мартовскую пору. Родник, выкорчеванный пень, медвежья нора, охотничья засада...

Утопая в снегу, Каманин быстро зашагал в сторону воронки.

В 16 часов он добрался до места предполагаемого падения самолета. Проваливаясь по пояс в снег, осмотрелся: густой лес, как обычно, смешанный, характерный для средней полосы России, вероятно, с мягким, тонким грунтом, ибо воронка медленно заполнялась грунтовыми и талыми водами. Макушки деревьев срублены, объект падал под углом 60—70 градусов. Непосредственно у воронки,

у места столкновения самолета с землей, никаких особых доказательств катастрофы именно с самолетом Гагарина—Серегина не было. При ударе о землю самолет разлетелся на мельчайшие обломки, отнесенные взрывной волной на большое расстояние.

Каманин внимательно осмотрел местность... приказал измерить глубину воронки, зажечь осветительные костры. Глубина воронки оказалась весьма внушительной — семь метров. Значит, там, на дне, двигатель и, возможно, кабина упавшего самолета. Но где доказательства, что это самолет Гагарина—Серегина? В этом районе летают и другие самолеты, рядом проходят воздушные трассы. Нет доказательств и гибели людей. Они, предвидя падение неуправляемого самолета, могли его вовремя покинуть!

Снова команда: «Искать!»

Во все стороны от воронки, вооруженные факелами и фонарями, пошли авиационные специалисты, тщательно осматривая территорию...

И снова возвращалась надежда, что летчики покинули самолет, экипаж жив.

И вдруг по цепочке первое тревожное сообщение: найден летный планшет. Каманин извлекает из него карты, карандаши, фломастеры... Планшет сильно потрепан... Но неясно, принадлежит ли он Гагарину или Серегину.

Стали извлекать из-под снега покореженные куски самолета, откачивали воду из воронки, расширили ее в диаметре, стремясь добраться до двигателя, оказавшегося глубоко в земле.

В 7 часов 52 минуты Каманин, как и все прилетевшие члены аварийной комиссии, осматривавшие место падения самолета, обратил внимание на клок материи, развевающейся на ветке березы. Сняли его, тщательно осмотрели и установили, что это нагрудная часть летной куртки. В кармане оказались талоны на питание, выписанные на имя Юрия Алексеевича Гагарина. А немного позже нашли бумажник Юрия и в нем — удостоверение личности, водительские права и фотографию С. П. Королева...

Все надежды рухнули, сомнения рассеялись, Гагарин погиб.

«Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 27 марта 1968 года в результате катастрофы при выполнении тренировочного полета

на самолете трагически погиб первый в мире покоритель космоса, прославленный летчик-космонавт СССР, член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза полковник Гагарин Юрий Алексеевич. В этой авиационной катастрофе погиб командир авиационной части, член КПСС, Герой Советского Союза инженер-полковник Серегин Владимир Сергеевич.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям и родным погибших товарищей».

«От правительственной комиссии по выяснению обстоятельств гибели летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза полковника Ю. А. Гагарина и Героя Советского Союза инженер-полковника В. С. Серегина.

Летчик-космонавт СССР полковник Ю. А. Гагарин днем 27 марта вылетел в очередной полет с подмосковного аэродрома с инструктором летчиком-испытателем 1-го класса В. С. Серегиным на двухместном реактивном учебно-тренировочном самолете для отработки техники пилотирования.

Закончив выполнение учебного задания в зоне полетов, при возвращении на свой аэродром самолет потерпел катастрофу вблизи деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области. В результате катастрофы погибли летчик-космонавт СССР полковник Ю. А. Гагарин и инженер-полковник В. С. Серегин...»

Мемориал

Академик С. П. Королев: «Юрия Гагарина я люблю как сына. Я вижу в нем продолжателя своих идей и своей мечты. Порой мне казалось, что это не он, а я прорывался на орбиту в «Востоке». Юрий утверждал обратное. Мы были одной душой в те тревожные и радостные минуты — одним дерзанием, одним устремлением, одним желанием победить».

Герман Титов: «Как бы ни были высоки и далеки космические маршруты, мы всегда будем возвращаться мысленно к их истоку — к 12 апреля 1961 года, ибо в клубке орбит, намотанных на земной шар и протянувшихся во Вселенную, никогда не потеряется первый виток — гагаринский. В облике самого фантастического межпланетного корабля, который когда-либо создадут люди, мы отыщем черты «Востока». А к тому байконур-

скому дню, до самых мельчайших подробностей запечатленному в газетных строках, фотографиях и на кинопленке, еще не раз обратится история».

Академик М. В. Келдыш: «Для осуществления первого полета надо было выбрать человека, обладающего не только необходимыми знаниями и способностями, но и наделенного исключительным мужеством, выдержкой, самоотверженностью, уравновешенностью. Таким человеком и был Юрий Гагарин.

Сын колхозника, рабочий, ставший летчиком, а затем и космонавтом, Гагарин прошел славный путь советского человека нашей эпохи. Весь его жизненный опыт, знания, накопленные годами упорного труда, целеустремленность и стойкость воспитанника Коммунистической партии сконцентрировались в ста восьми минутах космического полета».

Академик Б. Н. Петров: «Я глубоко убежден: пройдет не одно десятилетие, пройдут века, в памяти человечества многое сотрется или утратит свою первозданную ценность, но имя Юрия Гагарина в анналах истории земной цивилизации останется навсегда».

Павел Попович: «Есть такое понятие — «гражданская зрелость». Когда человек вступит в пору своей гражданской зрелости, зависит не от того, сколько лет он уже прожил на свете, а от того, в каком возрасте он осознал себя гражданином. Созревает раньше тот, кто раньше начинает самостоятельную жизнь. Иначе говоря, надо как можно раньше, как можно смелее вступать в жизнь.

Мы знаем, что Щорс в двадцать лет командовал полком, а Тухачевский в двадцать с небольшим — целой армией. Мы знаем молодых профессоров, докторов наук. Знаем и молодых конструкторов космических кораблей. Знаем мы и Юрия Гагарина. Скажите, мог бы он сформироваться как личность, обрести гражданскую зрелость к двадцати пяти годам, если бы он свои молодые годы провел не на ветру жизни, а под крылышком у папаши с мамашей? Вы знаете его биографию. С пятнадцати лет он начал сам распоряжаться своей судьбой».

Владимир Шаталов: «Вспоминая о Юрии Алексеевиче Гагарине, я не могу обойти молчанием то огромное, чисто человеческое влияние, которое он имел на каждого из нас.

Природа щедро одарила его, и у Гагарина было чему

поучиться. Возьмите хотя бы — теперь уже всему миру известно — гагаринское самообладание. Он спокойно спал перед своим полетом в неизвестное. А это не так-то просто: ожидание полета — даже самого обычного — труднее других ожиданий. Каждый космонавт знает: самое тягостное время — последние минуты на Земле, вне корабля. Но Юра показал, что и тут можно сохранять бодрость духа, оставаться веселым, спокойным, уравновешенным.

Таким он был и на самом, пожалуй, ответственном участке полета — при вхождении корабля в плотные слои атмосферы, когда горит обшивка, когда космонавтом овладевает напряженное состояние ожидания: ведь до приземления остаются считанные минуты. После того как в космосе побывал Гагарин, эти томительные мгновения стали для нас, его продолжателей, психологически более легкими.

Но, наверное, главное, чему научил нас Гагарин, так это — отношение к людям».

Алексей Леонов: «Юрию Гагарину выпала честь открыть навигацию на маршруте Байконур — космос. Время показало, что выбор был сделан правильно.

Тогда, перед первым полетом, от Гагарина прежде всего требовались мужество, знания, умение управлять космическим кораблем, идеальное здоровье. А потом он стал полпредом нашей страны. Вот здесь-то и проявились в полной мере его природный ум, такт в общении с людьми, широкий масштаб мышления.

Он обладал удивительной способностью в каждом своем товарище подмечать лучшее, обращать внимание других на это лучшее. Причем делал он это очень тонко, деликатно, так, что человек от его похвалы чувствовал себя окрыленным».

Георгий Береговой: «Я познакомился с Юрием Алексеевичем, когда он уже находился в зените славы. Людям, не встречавшимся с ним лично, Гагарин казался тогда каким-то необыкновенным человеком. А он тем временем оставался таким же, каким был до полета, — простым, скромным, отзывчивым. Мы, его товарищи по профессии, видели в нем благожелательного, умного советчика, образцового офицера. И хотя он был моложе некоторых из нас, поучиться у него можно было многому. Выдержка, дисциплинированность, необычайное трудолюбие, оптимизм, эрудиция, убежденная целеустремленность коммуниста, общительность и доброта — всеми этими

благородными качествами Юрий Алексеевич Гагарин был наделен очень щедро и ими, собственно, руководствовался во всей своей жизни».

Из окна было видно все то же. С шестого этажа, казалось, будто поблескивающие молодой бронзой сосенки привстают на цыпочки и тянутся, тянутся кверху, делаясь от этого еще стройней.

— Это еще папа сажал, — говорила Валентина двум девочкам, когда они все вместе выходили на балкон.

Чуть левее, через поляну, вдоль узкой тропинки толпились березы.

— По утрам папа выбегал на эту тропинку. Быстрым, как на курсантской физзарядке, шагом проходил дальше, почти до самого вот того шоссе. А возвращаясь, непременно останавливался под березами и дышал. Быть может, он ловил запахи далекого деревенского детства... Он очень любил эти деревья...

Валентина отворачивалась, отходила от окна: смотреть на то, чего каждый день касался его взгляд, вернее, на то, что как бы осталось его взглядом — это свечение сосенок, трепет листвы на березках, золотисто-белая россыпь ромашек на лужайке, — смотреть на зто было невыносимо. Она захлопывала окно, задергивала штору, и голоса дочерей возвращали ее к действительности.

Девочки занимались уроками и, вглядываясь в их отражающие совсем другие заботы лица, она ловила себя на том, что время проявляет сходство: у Гали глаза и брови его, а вот его наклон головы и улыбка — у Лены... И его профиль...

Та, что постарше, задавала непростые вопросы:

— Мам, это Экзюпери сказал, что летчики не умирают, а возвращаются в небо?

Но Валентина слышала сейчас только голос Юрия:

— Любовь с первого взгляда, Валя, зто прекрасно, но еще прекраснее — любовь до последнего вздоха... Ты не обижайся, но лучше семь раз отмерить, а один раз отрезать...

И видела его молоденьким курсантом.

— Слушай, Валя, а может, махнуть на все? Может, вернуться к родителям? Они концы с концами едва-едва сводят, а я... У меня же после техникума специальность... Как ты думаешь, а? Буду зарабатывать, помогать...

— И ты можешь расстаться с мечтой?..

Да, это позже, значительно позже, он частенько станет повторять с притворным укором: «А кто виноват во всем? Ты!» И доставал фотографию, которую Валя подарила ему в день его рождения.

— Откуда тогда взялись у тебя такие слова? «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство до самой счастливой минуты. 9 марта 1957 г. Валя». — И обнимал благодарно, нежно.

— Перед судьбой не склоняй головы, — шептала себе Валентина. — Ну а чего теперь ждать? — И она снова раздвигала шторы, распахивала окно, вглядывалась туда, где терялась в деревьях тропинка. Справа стояли сосны, слева — березы.

— Мам, а какие еще деревья посадил папка? — спрашивает старшая, возвращаясь на балкон.

— Пойдем, дочка, спать...

Задремала Валентина перед рассветом и во сне, перемешанном с явью, не то в яви, перемешанной со сном, увидела себя на балконе. Солнце окропило золотом верхушки сосен, побрызгало по траве, подрумянило бересту на березах. Было утро как утро, каких и не счесть, но что-то очень светлое поднималось в душе, и этот свет отзывался в каждом окне. Она подняла голову, огляделась: да, теперь все окна Звездного глядели туда же, куда и она, — по тропе мимо любимых своих берез шел бронзовый Юрий. Это был он — такой, каким она обычно видела его со своего балкона на шестом этаже. Юрий держал, словно прятал за спиной цветы, он всегда приходил с цветами.

— Мам! — звонко крикнула одна из девочек. — Смотри, папа идет! Он же совершенно живой, мам?!

Нет, это действительно была явь. Они втроем стояли на балконе и смотрели на тропу, по которой мимо сосен и берез шел Гагарин.

ЭПИЛОГ

Трое космонавтов — двое мужчин и женщина — прощались с Гагариным и вправду словно с живым. Немного грустные, они переглянулись и пошли по широкой аллее Звездного от памятника прямо на Байконур.

Крыло самолета зависло над степью, и все услышали голос одного из космонавтов.

— Лететь на Байконур — это всегда лететь в голубой, пронизанный солнечным светом апрель, — осень, зима, лето ли плывет под крылом самолета. Лететь на Байконур — это лететь в утро новой эпохи, наполненное вселенской музыкой воспламененных дюз, громовыми раскатами старта, сквозь которую на всю планету еще слышится, еще отдается перекликающийся со звездами восхищенный гагаринский голос. Лететь на Байконур — это всегда лететь в будущее.

«Он жил впереди своего века», — говорил Королев о Циолковском. То же можно сказать о Королеве с Гагариным. Значит, лететь на Байконур — это лететь к ним, всегда живым. А стартовать — это стартовать с ними вместе...

Да-да, вы прилетаете на Байконур, и первая мысль — о сопричастности: «Вот этого солоноватого горячего ветерка глотнул и он, Гагарин. И вот по такому же трапу он спускался и шел навстречу Королеву».

И теперь уже все, все, что двинулось вам навстречу, вы рассматриваете гагаринскими глазами.

. Вот здесь его обнял Королев. Нет, они увиделись позже. Но то, что Королев встречал самолет, это точно. И вот по этому прямому, как будто выстланному по линейке, шоссе вереница автомобилей ринулась в Звездоград.

Что видел Гагарин в окошко автомобиля? Что больше всего поразило? Покачивание за стеклом равнины, пологой, как застывшее бурое море? Или колючий шар перекати-поля, перебежавший шоссе так испуганно, словно был он живым? Нет-нет, тогда в степи цвели маки, как будто заря разлилась по земле до самого горизонта... «Какое жизнерадостное солнце!» — воскликнул он. Интересно, а каким были тогда вот эти, в две шеренги расступившиеся по сторонам тополя? Рассказывают, что первое деревце Королев привез на Байконур из Москвы на самолете и посадил здесь наперекор всем стужам и суховеям. Сейчас весь город — видите — словно оазис!

И на нем, таком еще молодом, на его улицах, удивительно похожих на взлетные полосы, потому что и начинаются и кончаются они небом, тоже лежит розоватый отблеск той байконурской зари, неземные краски которой не смоет никакое время. Вон ребятишки и те со своими рюкзаками и портфелями держатся как-то особенно, словно стараются подражать родителям — знаменитым, увенчанным самыми высшими наградами, но известным только немногим. Не это ли — космическая масштабность будничного дела и в то же время скромность, желание оставаться как бы в тени — отличает вроде бы замкнутых и не очень словоохотливых жителей Звездограда?

Но скорее туда, в начало начал, мимо чего, как бы ни была высока и далека орбита, пройти невозможно.

Два побеленных известью домика с наличниками на окнах дремлют под сенью тополей.

— Вот в этом, возле окна, выходящего на закат — наверное, для того, чтобы раньше времени не потревожило солнце, — спали перед полетом два звездных брата — Гагарин и Титов. В другом, соседнем, провел не одну бессонную ночь Королев.

Вместе с космонавтами, мы переступаем порог в молчании, останавливаемся, обнажив головы, и с чувством внезапного узнавания смотрим на розоватые обои, на невысокий потолок, на две заправленные серыми казенными одеялами кровати, на столик между ними, на телефон.

А вот в этом домике не сомкнул глаз Королев. Книжный шкаф: интересно, что он читал? Книг было много: И вдруг из одной — только кто-то раскрыл обложку — выпорхнули два голубых листка, два уже побледневших телеграфных бланка. На обратной стороне — стихи! Его рукой...

...Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
— Ай, Черное море,
Хорошее море!

— Красота-то какая! — изумленно вымолвил космонавт.

И в этом возгласе узнался гагаринский голос.

— Я слышу тебя! — эхом отозвался от звезды к звезде голос Королева.

А космический корабль уплывал все дальше, к орбитальной станции. И вот уже пятеро космонавтов плыли в «Салюте» над планетой. Приникнув к иллюминаторам, они смотрели на Землю, вслушиваясь в восходящие от нее то гагаринский, то королевский голоса.

— Глаза видят то, что не может постичь разум. В черной необъятной глубине космоса голубым школьным глобусом висит земной шар. Да и не шар это вовсе, а нежное, голубовато трепещущее сердце Вселенной, да-да, человеческое сердце Вселенной, животворно пульсирующее на тысячи звездных миров вокруг...

— Не окулярами телескопа, а памятью, проникающей в глубь веков, вглядываюсь я в знакомые мне земные очертания и думаю: да здравствует жизнь на Земле!

*

Он родился на третьей по счету от Солнца планете, планете Земля, в кайнозойскую эру, длящуюся уже шестьдесят семь миллионов лет, в четвертичный период, в послеледниковую эпоху, называемую голоценом, в двадцатом веке нашей эры — 9 марта 1934 года.

Второй день его рождения — 12 апреля 1961 года. Тот день, когда он воспарил над планетой на такой, недосягаемой никогда высоте, где тьмы оказалось больше, чем света, где в бесстрастном молчании звезд запульсировало переливами жизни голубое окружье Земли. При взгляде на нее, присыпанную облаками, тоской отдаления сжало сердце: а вдруг туда уже нет возврата? Нужно было побороть себя и в готовности ко всему как можно бодрее крикнуть человечеству: «Красота-то какая!»

Он был первым, единственным из рода людей, из всего сущего, кто оглянул моря и сушу совсем иными глазами, кто там, на орбите, явился на свет вторично — новорожденным всей планеты Земля.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ю. А. ГАГАРИНА

1934, 9 марта — Родился в деревне Клушино Гжатского района Смоленской области.

1941 — Пошел в первый класс Клушинской неполной средней школы.

1945 — Семья Гагариных переехала из Клушино в город Гжатск.

1949 — Окончил шесть классов Гжатской неполной средней школы.

1949 — Поступил в люберецкое ремесленное училище № 10.

1951 — Окончил с отличием люберецкое ремесленное училище № 10 по специальности формовщик-литейщик и одновременно школу рабочей молодежи.

1951 — Поступил в Саратовский индустриальный техникум.

1954 — Поступил в Саратовский аэроклуб.

1955 — Окончил с отличием Саратовский индустриальный техникум и одновременно аэроклуб.

1955 — Поступил в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище летчиков.

1957 — Окончил по первому разряду 1-е Чкаловское военно-авиационное училище летчиков.

1957 — Начал службу в истребительном авиационном полку Северного флота.

1959 — Подал рапорт с просьбой зачислить в группу кандидатов в космонавты.

1960 — Направлен в Москву, где начал занятия в отряде космонавтов.

1961, 12 апреля — Совершил первый в истории человечества космический полет на космическом корабле «Восток», за 108 минут облетел земной шар и благополучно приземлился в окрестности деревни Смеловки Терновского района Саратовской области.

1961, 14 апреля — Торжественная встреча первого советского космонавта в Москве на Красной площади. Ю. А. Гагарину вручены орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

1961, май — Назначен командиром отряда советских космонавтов.

1961, сентябрь — Приступил к занятиям в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского.

1962 — Избран депутатом в Верховный Совет СССР, членом Центрального Комитета ВЛКСМ, президентом Общества советско-кубинской дружбы.

1962 — Указом Президиума Верховного Совета СССР в ознаменование первого в мире полета советского человека в космос 12 апреля установлен как День космонавтики.

1964 — Назначен заместителем начальника Центра подготовки космонавтов.

1966, июнь — Приступил к тренировкам по программе нового космического корабля «Союз».

1966 — Умер Сергей Павлович Королев.

1966 — Ю. А. Гагарин избран почетным членом Международной академии астронавтики.

1968, февраль — С отличием окончил Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского. Госу-

дарственная экзаменационная комиссия присвоила Гагарину Ю. А. квалификацию инженера, рекомендовала его в адъюнктуру.

1968, 27 марта — Трагически погиб в авиационной катастрофе вблизи деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области при выполнении тренировочного полета на самолете.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М., Воениздат, 1983.

Гагарин Ю., Лебедев В. Психология и космос. М., «Молодая гвардия», 1971.

Гагарин Ю. Есть пламя! М., «Молодая гвардия», 1968.

Гагарина А. Т. Слово о сыне. М., «Молодая гвардия», 1983.

Гагарин В. А. Мой брат Юрий. М., «Московский рабочий», 1972.

Гагарина В. И. 108 минут и вся жизнь. М., «Молодая гвардия», 1981.

Апенченко О. Труден путь до тебя, небо! М., Политиздат, 1961.

Вершинин К. А. Четвертая воздушная армия. М., Воениздат, 1975.

Герд М. А., Гуровский Н. Н. Первые космонавты и первые разведчики космоса. М., 1962.

Денисов В. Г. Космонавт летает на земле. М., «Машиностроение», 1964.

Дихтярь А. Б. Жизнь — прекрасное мгновение. М., «Молодая гвардия», 1974.

Зверев Ю., Оксюта Г. Юрий Гагарин на земле Саратовской. Приволжское книжн. изд-во, 1972.

Иванов А. Первые ступени. М., «Молодая гвардия», 1970.

Каманин Н. П. Летчики и космонавты. М., Воениздат, 1972.

Карпущенко В. Юрий Гагарин — внук путиловца. Лениздат, 1981.

Кеплер И. О шестиугольных снежинках. М., «Наука», 1982.

Митрошенков В. Земля под небом. М., «Советская Россия», 1981.

Обухова Л. Вначале была Земля... М., «Современник», 1973.

Орлов В. С., Чернобаев А. В. Гжатск. Смоленское книжн. изд-во, 1957.

Петров Е. Космонавты. М., «Советская Россия», 1962.

Попович П. Р., Лесников В. С. Не могло быть иначе. М., «Молодая гвардия», 1980.

Циолковский К. Э. Путь к звездам. М., АН СССР, 1960.

Шонин Г. С. Самые первые. М., «Молодая гвардия», 1979.

Вопросы космической медицины. М., Госиздат медицинской лит-ры, 1962.

Впереди своего века. М., 1970.

Солнечная система. М., 1978.

Утро космической эры. М., 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Степанов В. А.

С 79 Юрий Гагарин. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 335 с., ил. — (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 1(676)).

В пер.: 1 р. 70 к. 300 000 экз.

В немеркнущем созвездии героев нашего народа ослепительно ярко сверкает короткая жизнь первого космонавта планеты — Юрия Алексеевича Гагарина. Книга построена на обширном документальном материале, важное место в котором занимают свидетельства близких друзей и соратников Юрия Гагарина, а также собственные воспоминания автора, лично знавшего первопроходца космоса.

С $\frac{4702010200-002}{078(02)-87}$ 176—86 ББК 39.6г(2)

В книге использованы фотографии:
П. БАРАШЕВА, А. МОКЛЕЦОВА, И. СНЕГИРЕВА, А. СОФИЙСКОГО, М. ХАРЛАМПИЕВА, В. ШМАКОВА, А. ЩЕКОЧИХИНА.

ИБ № 4331

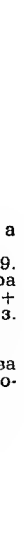
Виктор Александрович Степанов

ЮРИЙ ГАГАРИН

Редактор М. Фырнин
Художественный редактор А. Степанова
Серийная обложка Ю. Арндта
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры А. Долидзе, И. Тарасова, В. Назарова

Сдано в набор 03.06.86. Подписано в печать 24.10.86. А08289. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64+ +2,52 вкл. Усл. кр.-отт. 22,15. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 300 000 экз. (100 001—200 000 экз.). Цена 1 р. 70 к. Заказ 1460.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 70 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ
ЮРИЙ ГАГАРИН
Виктор Степанов